

БИБЛИОТЕКА
НАРОДОВ
СИБИРИ

БИБЛИОТЕКА
НАРОДОВ
СИБИРИ

ОДНА СЕМЬЯ. БИБЛИОТЕКА НАРОДОВ СИБИРИ

ТОМ
XIII

Салчак
ТОКА

ИЗБРАННОЕ

Николай
КУУЛАР

ИЗБРАННОЕ

Томск – 2022

ББК 84(2=634.41)
Т51

Салчак Калбак-Хореквич Тока, Николай Куулар. Избранное. «Одна семья. Библиотека народов Сибири». Литературнохудожественное издание – Томск, 2022. – 404 с.

Литературно-художественное издание
«Одна семья. Библиотека народов Сибири»
издаётся при поддержке
Администрации Томской области

ISBN 978-5-6046986-3-1

9 785604 698631

Салчак Калбак-Хорéкович Тóка (1901–1973) – тувинский писатель и советский государственный деятель. После присоединения Тувы к СССР глава Тувы (с 1944 года по 1973-й). Председатель Союза советских писателей Тувы. За трилогию «Слово арата» награждён Сталинской премией.

СЛОВО АРАТА

Роман

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть первая В БЕРЕСТЯНОМ ЧУМЕ

Глава 1 Мерген

Здравствуй, читатель! В каком бы краю нашей великой страны ты ни был и какой бы ни была твоя трудовая жизнь, я уверен – ты не откажешься познакомиться с моей родной Мерген.

Вот она кинулась полоской пены с крутого уступа и, упав на камни, бежит дальше – быстрая, звонкая. На её пути от истоков в высокогорной тайге на Тодже до впадения в Каа-Хем – много порогов и водопадов. Когда мать первый раз вынесла меня из чума, я увидел родную Мерген. И сейчас её трудный, сверкающий путь у меня перед глазами.

После дождей речка становится бурной, перекидывает с переката на перекат стволы таёжного кедра и лиственницы, выворачивает на порогах каменные глыбы, а в жаркие летние дни делается такой узенькой, что кажется – не доберётся до устья. Но и тогда даже в самых мелких местах она не перестаёт резвиться под пеной, только голос её становится другим – тоньше и чище.

Зимой Мерген прячется глубоко в снег. Вдоль её берегов вырастают пушистые стога. Это лиственницы доверху в снегу. Но Мерген не спит и зимой: вырываясь из-под снега чёрными ключами, она выплёскивается на лёд.

Истоки Мерген стережёт тайга. Сюда не доходят метели и бури. Охраняет берега цепь остроглавых гор, на их вершинах даже в самые знойные месяцы сверкает снег. Растительность в долине Мерген богатая. Когда окрестные степи побуреют от жары и запахнут жжёным ковылём и полынью, с обледенелых, покрытых подтаявшим снегом скал, где рождается Мерген, вместе с её водопадами спадает в долину прохлада. И по-прежнему берега Мерген одеты в мягкие травы, и – не охватишь глазом – повсюду колышутся пионы и горные маки. Недаром народ назвал нашу речку Мерген – мастерица. Это она расшила степь и долины голубым узором.

Вырвавшись из последнего ущелья в душистую степь Сарыг-Сеп, Мерген течёт свободно. Лишь кое-где она по-прежнему

вскипит, прошумит по обрыву, зашипит пеной на пороге и опять спокойно идёт навстречу Каа-Хему, вся в зелени и цветах.

Перед впадением в Каа-Хем Мерген совсем успокаивается. Усталая и счастливая, она неслышно подходит к устью.

Суровый Каа-Хем встречает её, как любимую дочь после разлуки, приветливо всплёскивает, обнимая её, целуя и покачивая в голубой зыбке, рассказывает о бурях и грозах на высоких горах, откуда он примчался для встречи с ней, чтобы унести с собой через пороги и перекаты на широкий простор.

Глава 2 Тас-Баштыг

У матери нас было пятеро: сёстры Албанчи и Кангый, братья Шомуктай, Пежендей и я – самый младший. Отца я не помню.

Настоящего ифмени у нашей матери не было. Соседи по арбану¹ называли её Тас-Баштыг – Лысоголовая, потому что на голове у неё не было ни одного волоса. Может быть, её так наказали в молодости за непослушание какому-либо чиновнику, а может быть, она перенесла какую-нибудь страшную болезнь. Об этом мать ни разу не говорила нам. Мы тоже не спрашивали. С этой кличкой она прошла через всю жизнь.

О себе мать рассказывала скупо:

– Дед ваш, бедный арат, жил на Дора-Хеме. У него ничего не было, кроме нескольких оленей. Когда ваш дед и бабушка умерли, лама, который заочно лечил их, увёл от нас оленей. Уводя их, он сердился и приговаривал: «Много лечил – мало получил, много лечил – мало получил». Шомуктаю пришлось уйти в батраки. Все вы тогда были маленькими. Я тоже пошла искать работу по людям. Но кому нужна батрачка с таким выводком?

Мать была некрасива: ростом маленькая, спина сгорбленная. Одежду на ней нельзя было назвать одеждой. Шуба, которую она носила зимой и летом, может быть, когда-то, очень давно, была действительно шубой или поддёвкой из овчины. Но шерсть из неё давно вылезла, а кожа изорвалась и висела большими клочьями. Этими лохмотьями мать едва прикрывала своё тело.

Но она была женщина умная, сноровистая в каждой работе, из всех трудностей находила выход, и вынесла нас на своих руках из многих испытаний.

Однажды мать, созвав нас, сказала, что мы будем жить на новом месте.

Вшестером, с небольшой поклажей за плечами, добрались мы

¹ Арбан – десятидворка.

до нашей новой стоянки на Мерген. Мать выпросила у одного дровосека топор и в самом красивом месте, на берегу Мерген, где кончается предгорье, соорудила из бересты маленький чум. Вместо постели для всей семьи она настелила еловых веток и сухой травы. Потом она принесла сухого навоза и насыпала поверху, чтобы было мягче и теплее спать.

Жерди, служившие остовом чума, были связаны у вершины, а сверху покрыты берестой. В дождь сквозь настил просачивалась вода, зимой свободно проходили ветер и стужа. Жили мы здесь, как лесные зверушки.

У нас было три козы и приبلудная собака. Собаку мы прозвали Черликпен – Дикарь. Среди собак она была великаном.

По соседству с нами было много жителей, но они были такие же бедняки и жили в таких же чумах. Богачи, у которых было много скота, сторонились бедняков. Если в наш чум и заходил кто-либо из окрестных богатеев или чиновников, то лишь со словами: «На, выделай мне эту кожу», «Сшей мне эту шубу», «Подбей мне эти идики»². Придя потом за изделием, часто били: «Не так сделано, не вовремя, платить не будем».

К концу зимы мы избегали смотреть друг на друга, – такой жуткий вид был у нас. Взглянешь на старшего брата Пежендея: скулы выпирают, на боках видны рёбра... Если бы у нас была тёплая кошмовая юрта и еда хотя бы один раз в день, мы бы с радостью думали о зиме. Вокруг чума много круглых холмов. Как хорошо с них скользить на деревянных коньках! А ещё дальше – с подножья горы, откуда текла Мерген, – скатываться на самодельных санях! Когда спадает мороз – лепить из снега крепости, людей, коров, овец; в кустах на той стороне Мерген ставить петли на зайцев и куропаток! Так и проводили зиму дети Таш-Чалана – сытые, в меховых шубках. Мы же встречали её, как горе.

Наша старшая сестра Албанчи всегда была с нами. Вместе с матерью она воспитывала нас, кормила. Албанчи во всём стала нам второй матерью, но как они не похожи друг на друга: Албанчи – высокая, плотная, с тяжёлыми косами; глаза большие, глубокие, с густыми чёрными ресницами, быстрые и светлые, как вспышка зарницы. Парни давно заглядывались на неё и приходили свататься, но Албанчи не хотела разлучаться с нами.

Когда мы перекочевали к устью Терзига, первым гостем к нам пришёл Данила Потылицын – пожилой сутулый бобыль из русских крестьян Каа-Хема. Сначала мы его боялись. Когда не было матери и Албанчи, а он подходил к чуму, мы убегали в лес. Данила стал приходить всё чаще. Каждый раз он что-нибудь приносил, иногда – сахар, иногда – хлеб. За год мы привыкли к нему, возились с

² Идики – сапоги с загнутыми вверх носками.

ним, вместе ставили петли на куропаток. Данила и Албанчи стали мужем и женой, но ненадолго: Данила умер на земляных работах, уйдя осенью в тайгу с партией старателей.

У Албанчи родилась дочь. Ей дали имя Сюрюнома. Албанчи искусно смастерила люльку. Она срезала две берёзки с загнутыми макушками, связала их, как два натянутых обруча, внизу приделала решётку. На дно зыбки она положила клочья старой кошмы, осенью мы подобрали их на чьём-то покинутом стойбище. Когда сестра принесла сухого навоза и стала им устилать зыбку, я сказал:

– Ведь Сюрюнома не ягнёнок. Зачем ты кладёшь ей навоз?

Сестра с сердцем ответила:

– Даже ягнёнку нужно, чтоб тепло было и сухо. Тряпок у нас нет. А навоз всегда сухой. Когда он отсыреет в зыбке, его легко выбросить и положить нового.

Как-то ночью я проснулся и слышу: Сюрюнома плачет, а мать и Албанчи, волнуясь, торопятся разжечь огонь в очаге. Я быстро натянул на себя лохмотья, служившие мне одеждой, и подошёл к ним.

– Чего вскочил среди ночи? Иди ложись, – проворчала мать.

Я не мог понять, что произошло. Забравшись под тряпье, служившее одеялом, я стал сквозь его дыры наблюдать за матерью и сестрой. Они вылили из чугунной чаши в деревянное ведёрце остатки чая, уже подёрнутые коркой льда, и сунули в чай обе ручки Сюрюномы.

Утром мать долго ворчала:

– Я её сама крепко замотала в люльке. Как она могла вытащить руки? Этой ночью Сюрюнома чуть без рук не осталась, – продолжала она, обращаясь ко мне. – Высвободила их и так пролежала до утра. Если бы мы не встали до света, у неё бы руки отмёрзли, осталась бы без пальцев. Горе с маленькими детьми! Ты, когда чуть побольше Сюрюномы был, едва руку себе не сжёг. Как-то я собралась пойти по людям, достать еды. Старшие дети тоже ушли. Как оставить тебя одного? Обвязала тебя арканом и прикрепила к большой жерди чума, чтобы ты не мог дотянуться до горячих углей. Оставила тебя, как козлёнка, на привязи. Прихожу домой, слышу – ты кричишь. Вбежала в чум. Оказывается, ты так сильно дёргался, что оборвал наш старенький аркан, подполз к очагу и сунул руки в горячие угли. Таким, как мы, и жар в очаге – горе.

Глава 3 **Мы одни**

– Пойду-ка я ещё в один аал, посмотрю, какие там люди, – сказала мать старшей сестре Албанчи.

– Что ж, сходим вместе, но просить у людей, в холодные глаза им заглядывать – хуже всего. Лучше с восхода до поздней ночи делать самую тяжёлую работу.

Мать ответила:

– Верно. Но куда нам пойти? Где найти работу? Кто же возьмёт нас? – Взяв в руки мешок и сказав Албанчи: – На этот раз мы найдём, что ищем, – мать проворно, как всегда, вышла из чума.

Торопясь за ней, Албанчи обернулась к нам:

– Ничего не бойтесь, мы скоро вернёмся.

Я выбежал за ними, чтобы узнать, куда они пошли, и увидел, что они идут не так, как выходили. Мать совсем сгорбилась, засунула глубоко обе руки в короткие рукава и передвигалась как-то странно, почти не сгибая ног в коленях. Покачиваясь, мать и сестра побрели вниз по Мерген и вскоре скрылись за кустами.

Вернувшись в чум, я спросил сестру Кангый:

– Почему мать и Албанчи еле передвигают ноги, качаются из стороны в сторону, как будто они выпили чёрной араки?³

Кангый рассердилась:

– Ты заболел головой! Откуда у нас арака? Для неё нужен хойтпак⁴ – много, целый бочонок. Потому-то они и качаются, что долго ничего не пили, ни молока, ни хойтпака, ни чая. Хотела бы я посмотреть, как ты будешь шагать по степи, если, как они, походишь без еды от одной луны до другой.

Мать и Албанчи, уходя, сказали, что вернуться совсем скоро, но прошло два дня, а их всё не было. В тот год осень наступила очень рано, степь покрылась густым инеем, начались заморозки. Мы, Кангый, Пежендей и я, сидели вокруг очага, шевелили в пепле красные угольки и раздували огонь. Ждали день и ночь, второй день и вторую ночь.

Время от времени Кангый и Пежендей, строго посмотрев на меня, спрашивали:

– Где же твои дрова? Ты всё сидишь?

Я выбежал и втаскивал заготовленные днём прутья. Положив их в очаг, я снова подсаживался греться. Всё сильнее хотелось есть. Мы ставили на угли нашу старую-престарую чугунную чашу, без ручки, надтреснутую, с закопчённым дном. Согрев воду, мы клали в рот крошки уже спитого кирпичного чая и много пили. Пежендей втягивал воду со свистом, громко чмокал. Вода журчала у него во рту, как на порогах Мерген. Он пошучивал:

– Никогда я не ел такого вкусного супа.

После «супа» ещё больше хотелось есть. Мы выходили в степь, ломали дикую акацию, драли кору, очищали верхнюю кожуру и

³ Арака – водка; готовится из квашеного молока.

⁴ Хойтпак – кислое молоко.

ели, воображая, что эти горькие светло-зелёные полоски древесины – ломтики жирной баранины.

Когда становилось невмоготу, мы выскакивали из чума и бежали заглянуть в соседние юрты. Сначала бежим посмотреть на юрту охотника Томбаштая. Как хорошо, если он вернулся с охоты! Всякий раз, когда Томбаштай подстрелит коосулю в верховьях Мерген, наловит хариусов и тайменей или, уйдя на Терзиг, уложит в тайге марала своим верным самострелом, он всегда позовёт нас к себе. Мы ещё больше радуемся, когда сами увидим его издалека.

Вот Кангый, выйдя на разведку, кричит с бугра:

– Торопитесь! Дядя Томбаш что-то везёт!

Мы вихрем летим навстречу охотнику. В тороках у него прикручен горный козёл. Осанисто покачиваясь в седле, Томбаштай молчит и широко улыбается. На тропу уже высыпала гурьба детей из соседних юрт. Они шумят, проталкиваясь к седлу Томбаштая, как рябчики, налетевшие на куст спелой голубики. Подходят взрослые. Все приветствуют охотника, поздравляют с добычей. Посасывая чубук длинной, в локоть, трубки, дядя Томбаш смотрит, как соседи, отгорочив зверя, снимают с него шкуру. Мы садимся на землю и тоже смотрим, как работают над козлиной тушей шесть проворных рук. Потом поднимаем глаза на дядю Томбаша. Какие у него длинные ноги! Наверно, потому такие, что он гоняется за быстрыми коосулями! Бритая голова дяди Томбаша блестит высоко над нами под самым небом. Нос у него тонкий, с горбинкой. Лицо обросло короткой бородой, рыжеватой, курчавой. Если бы не живые карие глаза и спокойная улыбка, казалось бы, что он вылит из бронзы – такой он загорелый и крепкий.

Взрослые начинают делить добычу. Смотрю – сестру Кангый тоже пригласили участвовать в дележе. Как загорелись её глаза! Она хватает обеими руками протянутую ей ногу коосули и несколько рёбер, крепко прижимает к себе, как будто боится, что кто-либо заберёт назад доставшуюся ей ценность.

Под конец старшина дележа – старейший житель аала – подносит дяде Томбашу на простёртых руках оставшуюся часть коосули:

– Сегодня ты убил – мы поделили, завтра я убью – поделишь ты.

Томбаштай принимает подношение и низко кланяется старику:

– Я сыт твоими словами. Буду сыт и твоей добычей. Желаю твоим сыновьям хорошей удачи в тайге. Желаю твоим внукам ещё большей добычи.

Люди расходятся. Дядя Томбаш зовёт нас к себе, готовит охотничий ужин, рассказывает о своих приключениях и укладывает спать.

Утром он отпускает нас, дав мне с Пежендеем ещё один кусок мяса.

Когда дяди Томбаша нет, мы навещаем других соседей. Но эти люди такие же бедняки, как и мы. Во все времена года много пищи только у обитателей белых юрт.

Иногда мы решались проникнуть за белую кошму. Выйдя на прогулку и увидев где-либо дымок над белой юртой, мы вприпрыжку бежали туда, взявшись за руки. Сторожить чум оставался Черликпен.

У юрты богача Таш-Чалана мы старались угадать, что варят на его очаге. Юрта у него была большая, просторная. Как белый гриб среди зеленовато-серых сыроежек, возвышалась она в кругу продымленных шалашей. Чтобы не показаться дерзкими Таш-Чалану, мы осторожно вползали в юрту.

Таш-Чалан, сидя на ковре и поджав ноги, пил чай с густой пенкой и громко сопел. Из широкого ворота его халата шёл пар, по красному лицу струился пот. А по вечерам он не пил чаю – он держал обеими руками бараний зад, обгладывал его, непрерывно причмокивая и утирая о подол руки, залитые жиром. Ни разу Таш-Чалан не подумал, что и мы тоже хотим есть. Чаще всего он, кряхтя, подымался и вышвыривал нас одного за другим за полог.

Но иногда он и другие богачи делали вид, что терпят нас благосклонно. Мы усаживались полукругом с левой, свободной стороны очага и жадно следили за руками, тянувшимися к еде. Мы заранее радовались, что вот-вот сейчас получим вкусную кость или кусочек жира. Но люди продолжали облизываться и жевать, не обращая на нас внимания. Когда еда подходила к концу, мы приподнимались на одно колено, каждый старался выдвинуться вперёд: кого первым заметят, тому первому и дадут. Но ничто не помогало. Хозяева юрты никого не замечали.

– Тогда Кангый набиралась смелости – она была у нас старшей – начинала пискливо просить:

– Когда кончите есть, дайте моим младшим братьям и Сюрюн-ме что-нибудь. Они очень голодны.

Таш-Чалан взглядывал на Кангый исподлобья, ничего не отвечал и только растопыривал пальцы, с которых стекал жир. Он тяжело отдувался, словно задыхался от жадности.

Иногда он говорил:

– Нате, голыши, не даёте людям спокойно глотнуть!

С этими словами он бросал нам маленький кусочек лёгкого или печени. Мы с Пежендеем первыми срывались с места, чтобы схватить брошенный кусок. Мы вцеплялись друг другу в волосы, и пока мы так возились, подкрадывалась хозяйская собака и, схватив мясо, оставляла нас ни с чем. Тогда Таш-Чалан заливался весёлым смехом.

– Ха-ха-ха! – гремел его голос, хриплый, как труба ламы.

Весь он ещё больше наливался кровью и хохотал, сотрясаясь,

словно в приступе очень тяжёлого кашля. Придя в себя, он тихо, по угрожающе говорил:

– Проклятые щенки! Залезли к людям в юрту, так сидели бы тихо, а то кричат и дерутся – хуже бездомных псов. Убирайтесь!

И он кулаком выталкивал нас за полог.

Иногда сестре Кангый удавалось поймать на лету брошенный Таш-Чаланом кусочек мяса. Тогда мы мирно выходили на волю. Кангый разрывала добычу на равные части, и мы долго смаковали каждый свой кусочек. Но так бывало редко. В большинстве случаев мы только смотрели, как едят другие.

Глава 4 Наши охотники

Наш Черликпен был высокий, сильный пёс, чёрный, как уголь. Шерсть на хвосте сбивалась у него комьями, как будто к нему пришили куски войлока. Лаял он басом. Мы полюбили Черликпена с того первого дня, когда он появился у нас. Черликпен тоже привязался к нам.

Раньше, без Черликпена, нам становилось не по себе, когда мать уходила надолго в горы или спускалась вниз по Мерген. Теперь мы никого не боялись.

Сколько было радости и веселья, когда в один ясный морозный вечер он вернулся в чум с первой добычей! Огонь в очаге уже догорал, под пеплом чуть тлели красные угольки. В чуме стало так холодно, что щипало носы и пальцы, как только высунешь их из-под покрывала. От холода мы не могли заснуть. Вдруг слышим весёлый визг Черликпена. Через минуту он вошёл в чум, важно переступая, остановился перед нами и опустил свою ношу. Это был большой белый заяц. Видимо, Черликпен подкараулил его на тропе, спрятавшись за сугроб. Наш охотник был голоден, как и мы, но не показывал виду и так же важно, как вошёл, улёгся перед очагом.

Тут же мы ободрали зайца, сварили и до утра лакомились нежным мясом. Голову мы отдали нашему охотнику Черликпену.

С тех пор Черликпен стал вместе с нашей матерью выходить на добычу. Но удача приходила редко, чаще они возвращались ни с чем.

Однажды мы долго сидели одни в чуме, переделали всё, чем можно было развлечь себя: оттаивали прутья караганника⁵, жевали его кору, кипятили воду, ходили за сучьями, а мать всё не приходила.

Мы вышли на мороз. Перебегая с холма на холм, мы взгляды-

⁵ Караганник – колючий кустарник.

вались во всё, что чернело вдали на снегу. Солнце осыпало землю острыми лучами, но колючки мороза были куда острее. Пежендей заплакал:

– Когда же придёт наша мать?

Кангый его одёрнула:

– Сейчас придёт, не плачь.

Пежендей ей не верил и продолжал всхлипывать. Но вдруг он вскочил и радостно закричал.

Мы стали смотреть туда, куда указал Пежендей. Где по тропе, где по снежной целине, медленно приближались к нам мать и Албанчи.

Мы уже видели, что у них за плечами не пустые мешки. Что может в них быть! Мы бежали по глубокому снегу, как по мягкой траве, не чуя под собою ног, а оказавшись рядом с матерью, ухватили её за подол.

– Куда вы ходили? Что принесли? Покажи, что в мешке.

Мы ликовали, плакали от радости, крепко держась за подол матери. Она вся посветлела, прижала нас к себе и целовала каждого.

– Ах вы, мои барашки! Сильно проголодались? Промёрзли?

Мы наперебой стали рассказывать о том, что случилось в отсутствие матери и Албанчи. Пежендей успел сказать первым:

– Черликпен раскопал в снегу белую куропатку.

– Два крыла оставили вам... – подхватил я, выбегая вперёд и приплясывая.

– А потом съели! – перебил Пежендей.

А я добавил:

– На другой день.

Последней заговорила Кангый:

– Таш-Чалан опять нас прогнал...

Войдя в чум, мы набросились на мешки, принесённые матерью и сестрой. Албанчи развязала их, мы заглянули в первый мешок. В нём была обглоданная до хрящей баранья шея, объедки талгана⁶, похожий на мёрзлую землю комок замороженной чайной гущи и крошки сухого чая, завязанные в тряпицу. Всё это было пересыпано отрубями и зёрнами пшеницы.

– Это всё, – сказала мать. – Зайдёшь к богатому – выгонит из юрты. А бедняки могут поделиться только тем, что у них есть.

Мы обступили мешки и старались наперебой запустить в них руки.

Мать остановила нас:

– Не хватайте. Я сама поделю.

Мы отошли от мешков, но не могли отвести глаз в сторону, от нетерпения открывали рты и глотали слюну.

⁶ Талган – лепёшки из просяной муки.

Мать поделила принесённое. Старшая сестра достала щепотку свежего чая, подмешала в него истолчённой коры лиственницы, вскипятила и подбелила козьим молоком.

Когда лесная птица выведет птенцов, она холит и растит их. Пока они не вылетят из гнезда, хлопотливая мать не знает покоя. Сама она не съест ни зёрнышка, ни червячка, пока большеглазые птенцы не перестанут вытягивать шеи и жалобно пищать. Точно так же и наша мать. То, что она с таким трудом собирала в юртах, раскинутых по степи и в предгорьях, тотчас исчезало. Она никогда не дожидалась, пока мы доедим все зёрна и допьём весь чай, – а снова и снова пускалась в путь.

Глава 5 Что теперь будет?

Мать стала снова втихомолку собираться. Я подумал: уйдёт и опять меня не возьмёт. Кангый и Пежендей всё ходят в лесу. С ними Черликпен. Меня не берут – мал, и я останусь один.

Мне так захотелось идти вместе с матерью и Албанчи, что я сказал:

– Если ты куда-нибудь пойдёшь, я не останусь. Ты всегда говоришь «ненадолго», а потом долго не возвращаешься.

– Не говори пустого. В такой сильный мороз, голый – куда пойдёшь?

– Нет, возьми, – настаивал я.

– Не повторяй пустых слов, не спорь, всё равно здесь сидеть будешь.

– Не могу здесь...

Мать обхватила меня, зажала между коленями и отшлёпала чем-то широким, но совсем не больно. Я растянулся на земле и нарочно заплакал как мог громче.

– Вот так и лежи.

Уткнувшись лицом в землю, я притворился, что засыпаю. Мать и сестра Албанчи тихо вышли из чума. Обмотав ноги, я выбежал за ними.

Как быть? Догнать – пошлют назад. Пока я думал, мать и сестра стали скрываться из виду, но я их скоро догнал. Мать повернулась ко мне. Я снова заплакал, как в чуме, и повис на её руке.

– Баа! – закричала мать. – Теперь я с тобой такое сделаю...

Албанчи потянула меня к себе:

– Ну зачем? Пусть идёт с нами!

Ничего не ответив, мать вытерла рукавом глаза и пошла, не оглядываясь, вперёд по берегу Каа-Хема. Так шли мы втроём по

скрипящему снегу друг за другом, пока наконец не увидели несколько аалов.

Из юрт выделялась одна – высокая и нарядная. Когда мы стали к ней приближаться, навстречу с лаем выбежали собаки. Впереди мчался большой чёрный пёс, похожий на Черликпена. Красный язык у него высывался изо рта и снова прятался за зубами, глаза горели.

Я прижался к матери. Албанчи взяла у неё палку, вышла вперёд и закричала:

– Уймите собак, беда, разорвут людей!

Из нарядной юрты выглянул человек. Не унимая собак, он, улыбаясь, ждал, что будет. Размахивая палкой над головами собак, сестра подвела нас к юрте. Выглядывавший оттуда человек как ни в чём не бывало опустил полог и скрылся. По очереди склоняясь к земле и заноса ногу за порог, мы вошли под своды белой юрты. Став на одно колено у очага и низко склонившись, мать пожелала здоровья хозяевам.

Человек средних лет с обритой головой, с носом, конец которого свешивался, как горб у чахлого верблюда, в шубе на ягнячем меху, крытой жёлтым шёлком, в узорных идиках, ничего не ответил на приветствие. Человек сидел за очагом и недоброжелательно поглядывал на нас. На боку у него, как перемётная сума, болталась в чехле табакерка.

Вынув её и постукав большим пальцем по дну, он запихнул щепотку табаку в обе ноздри и, чихнув, спросил:

– Куда идёте?

– Ищем работы, – сказала мать и, показав на меня, добавила: – Чтобы эти остались живы.

Увидав в глубине юрты, на сундуке с золотыми узорами, пёстрых бронзовых божков – то ли потому, что она верила в них, то ли потому, что думала угодить ламе, – мать поклонилась божкам.

– Охаай! А что вы умеете делать? – и не дожидаясь ответа, сказал пожилой женщине, сидевшей у его ног: – Не поговоришь ли ты с ними? Дать им мы ничего не можем, ну а работа найдётся.

«Вот сейчас эта женщина нам всё расскажет», – подумал я и во все глаза стал смотреть на неё.

– Что прикажете, будем делать, – оживилась мать, – только назначьте цену, – и, подойдя к женщине, низко поклонилась.

– Не торопись спрашивать. Пойдёшь в соседнюю юрту, там тебе скажут, что делать. За это потом попьёшь сыворотки. А насчёт цены – какой разговор? Даром, что ли, хлебать будешь? Даром, что ли, сидеть в тёплой юрте?

Я снова посмотрел на хозяйку. Одетая в ягнячью шубу, шёлк синий. Волосы на голове заплетены чёрной пекинской лентой, в ушах серебряные серьги, щёки густо нарумянены, во рту пёстрый

чубук китайской трубки, конец которого при разговоре постукивает по зубам.

– Позвольте спросить: сделав работу, каждый человек должен получить её цену? – осмелилась сестра.

Женщина вынула изо рта трубку:

– Если хотите работать – идите, куда я сказала, если нет – идите, куда знаете.

Так же, как вошли в юрту, мы по очереди вынырнули из неё и направились к соседней – чёрной, приземистой, стоявшей поодаль.

Там сидело несколько мужчин и женщин. Среди них был наш знакомый, всегда работающий на других, Тостай-оол.

По внешнему виду сидевшие ничем не отличались от нас и одеты были в такие же лохмотья. Кругом ничего не было, кроме сбруи. Я недоумевал: люди бая, а совсем как мы.

Мать и сестра пожелали мира и здоровья сидевшим.

– И вам здоровья, – ответили они, приподнимаясь на руках и раздвигаясь в стороны.

На почётном месте позади очага сидел моложавый мужчина в светло-серой шубе, с косичкой на темени. Это означало, что он недавно вышел из хураков – ламских послушников.

Сидел он с гордой осанкой.

– Мы пришли поговорить о работе и, если можно, о цене. Хелин прислал нас, – тихо сказала мать.

– О работе? – Человек зевнул и, взглянув искоса на мать, нехотя бросил в её сторону:

– Ты, лысая голова, будешь кожи дубить. Цена будет, сама знаешь: одну шкуру сдала – отколю кусок чая, идики подбила – дам высевок чашку. Ну, а шубу сошьёшь – так и дунзы⁷ горсть бери – не пожалею.

Бросив эти слова, он часто задышал, словно после тяжёлой работы, и, набив табаком трубку, стал пускать дым. Затянувшись несколько раз, он ласково глянул на Албанчи:

– А с тобой, толстуха, мы завтра же с утра за дровишки примемся. Вдвоём работать будем, в лесу. – И, чуть толкнув локтем соседа, прибавил, сверкнув краешком глаза: – С этакой с молодой да гладкой у нас дело пойдёт!

Он сидел развалясь и говорил нараспев, как воркуют голуби. И вдруг нацелился на меня:

– Ну, а ты что будешь делать? Всё, наверное, смотришь, что украсть?

Я нежно прильнул к матери и зарыл голову в её лохмотья.

⁷ Дунза – дешёвый табак.

Глава 6

Вместе с табунщиками

Тостай не дал меня в обиду.

– Нашёл кого пугать! – сказал он, обернувшись к приказчику бая.

– Ишь какой лев нашёлся! Вот я тебя, собака, проучу! – зашумел расходившийся приказчик.

Схватив лежавшие у очага конские путы, он уже собирался вытянуть ими по спине моего заступника. Но тут и другие повскакали с мест.

– Если ты Тостая тронешь, мы тебя проучим! – закричали они.

Приказчик притих, захлопал глазами – то на нас, то на них – и выкатился из юрты.

Настала ночь. Веселее потрескивал костёр, окружённый людьми. Кто сушил мокрые портянки, кто латал расхлябанные идики; иные выщёлкивали ползущую по складкам нечисть.

– Ну, детки, – сказала мать. – Охота поутру верней, чем среди ночи; давайте уснём. – И, облокотившись на вьючную суму, она положила мою голову к себе на колени.

– Мы сегодня, – обратилась она, помолчав, к батракам, – истоптали много снега. У вас, сыночки, не найдётся ли, чем посветить в животе?

Тостай отложил в сторону свою работу:

– Угощения не припасли, свои люди – не побрезгуйте.

Он подошёл к полочке у входа в юрту. Что он подаст нам отсюда? Бежит-бежит время, а Тостай всё скребётся у полки. Вот он ставит перед нами деревянное ведёрко и с чашку высевок на дне маленького корытца; а сам идёт на своё место. Мать посмотрела, что получится, если мы втроём съедим поданный нам ужин, и, сказав: «Съешь ты, мой сын», – насыпала в чашку высевок, налила до половины хойтпака, очистила с краёв ведёрка подсохшую сметану в чашку, помешала кушанье пальцем и протянула мне.

Отхлебнув из чашки кисловатой гущи, я посмотрел вверх и сквозь дымовое отверстие увидел густую россыпь звёзд. Они переливались на небе и подмигивали мне.

В юрте стало морозно. Все уже спали. Лишь двое всё ещё, переменяя дрёму, сидели. За кошмой заскрипели грузные шаги: «Хорт, хорт!» – и в юрту ввалился тот же самодовольный, налитый кровью толстяк.

– Проклятые кулугуры!⁸ Чего развалились, разоспались? В поле ночь, темень, – за табунном нужен глаз. Ну, чего ждёте?..

Смотрю – поднимаются люди; ни слова не говоря, натягивают

⁸ Кулугуры – бранное слово

наспех идики, забирают сёдла с чепраками, хватают кнуты, уздечки и выбегают из юрты.

Задремав опять, слышу краешком уха: табунщики перекликаются, волки воют протяжно вдаль, им откликаются, подвывая, собаки. Я ещё плотнее прижался к матери и заснул, словно провалился в страшное, тёмное ущелье.

Когда я проснулся, в юрте было уже светло. Никого не было, я лежал один. «Где же моя мама, где сестра, где хоть бы тот же Тостай-оол – куда он девался?»

И тут сама хозяйка, жена Тожу-Хелина, вошла в юрту. Будто растерявшись, постояв минутку неподвижно, она вкрадчиво заговорила:

– Вот оно что! Ты всё ещё спишь, мальчик?

Кошкой к мышонку она подкатилась ко мне.

Всё ещё не вставая, я заторопился, забормотал:

– Вот-вот сейчас встану... уже встаю.

Но она ещё проворнее согнулась надо мной, и в тот же миг, как её рука вцепилась в моё ухо, я вскочил, как собака, на которую пролили кипяток.

– Люди, гляди, ещё до зари на работу вышли, – зазвенел в полную силу голос хозяйки. – Мать за юртой кожи мочит, сестра с Дондуком лес рубит, а ты разлѣгся, щенок! Ну, живо! Дров сюда. Мигом разведи огонь!

За юртой, на том месте, где кололи дрова, я нащепал лучин и нарубил сучьев для костра. Когда в юрте разгорелся огонь и хозяйка ушла, я подсел к очагу, растопырив подол, чтобы побольше захватить идущего снизу тепла.

Понемногу стали собираться работники. Первыми вернулись табунщики – невесело, понуриив головы. Так дерево опускает ветви в воду в пору большого разлива. Хотя мать сказала, что охота поутру верней, но утро не принесло удачи ни нам, ни остальным обитателям юрты. Как волки ночью, так днём рыщут среди людей хозяева аала. Я вспоминал прошедшую ночь: хорошо было в юрте, спокойно, хотя в степи завывали волки; так уютно было среди честных табунщиков, на коленях матери, когда угли в костре ещё не остыли и в дымоход светили звёзды.

Тостай утешал младшего табунщика, у которого волки задрали жеребѣнка.

– Без времени чего скулить? Не выдав воды, к чему снимать идики! Хелин, может, простит.

Но разве Хелин простит? Приказчик уже пожаловался ему на табунщика. Хелин вошёл тихо и молча стал греть ноги у огня, подымая к очагу то одну, то другую.

Потом заорал:

– Черепахи! Падаль! Моё добро этак стеречь – разживляйся, мол, зверь и птица!

Под конец он сказал:

– Мой жеребёнок не просто бегун, он – иноходец, лучший был в табуне. Сейчас же выкладывайте за него полную цену, не то ещё зиму в табунщиках проходите – за выкуп!

Хелин ушёл, никого не побив: видно, боялся мужчин. Все молчали. Старый табунщик сокрушённо заговорил:

– Из какой чащобы выскочит волк? С какого края степи он пробежит? Где задерёт жеребёнка – кто это может знать? Беда с ними! Через этих синеглазых⁹ я задолжал хозяину вперёд за пять зим – даром хожу за табуном.

Тот день был грустнее всего для матери и Албанчи. Ведь они были новичками среди работниц Тожу-Хелина. На моих глазах их наказали по одному разу. А что было без меня? Матери попало от жены Хелина за то, что она пошла меня проведать, не закончив нашивку узорчатой тесьмы на голенища, и вынесла на воздух байские идики. Сестре досталось от самого Хелина за то, что хитрый приказчик заставил её погрузить на сани сырой лес, а сам на своём быке возил сухостой.

Сестра вернулась из тайги. Раскрасневшаяся и счастливая тем, что мы снова свиделись, она протянула к себе мою голову и крепко поцеловала. Тожу-Хелина мы не заметили. Он вобрал руку в рукав и пустым его концом хлестнул Албанчи по голове. Вслед за тем он прихватил поднявшиеся над её грудью складки халата и закричал, дыша ей в лицо:

– Думаешь, я слепой: не вижу, где дерево, где водяная коряга? Быка заморила, пучеглазая! Ты мне заплатишь!

Я старался изо всех сил напугать Хелина моим плачем и в то же время призвать на помощь нашу мать и Тостая. Понятно, я не очень следил, как хлещет рукав Хелина, но зато я хорошо испробовал вместе с сестрой, как кусаются и обжигают лицо галуны на его обшлагае.

Когда все опять собрались к юрте, Тостай сказал матери:

– Ты, бабка, отсюда пошла бы, лучше будет. У тебя есть свои колья и свои дети. Наше дело другое: нет у нас своего аала, вот и приходится так – ходить по чужим... А там поглядим, что будет.

Мать молча докурила трубку и, выбив из неё пепел о носок идики, вышла из юрты.

Старый табунщик погладил меня по голове и спросил, обращаясь ко всем:

– Почему судьба от хороших людей бежит, а плохим несёт подарки?

– Кому какая судьба, – возразила пожилая женщина, у которой халат был надет лишь на левую руку и левое плечо, чтобы удобнее

⁹ Синеглазыми в Туве зовут волков.

было работать над очагом.¹⁰ – Тожу-Хелин тоже свою судьбу в судуре¹¹ ищет.

– Неправда это, – сказал Тостай, очертив трубкой большую дугу в направлении юрты Хелина. – Неправда это, – повторил он, – неправда, ему всегда хорошая судьба будет: она не дура – таскаться по чёрным юртам. А плохую судьбу – ту непременно пошлют нам.

Мы пошли назад нехоженными снегами, высматривая наши вчерашние следы. Я бежал впереди, бороздя палкой снег. Я завидовал Кангый и Пежендею, которые без меня, наверное, что-нибудь придумали и, может быть, сейчас на самодельных санях катают Сюрююму с холма или, уложив её спать, сами сидят в санях, а Черликпен катает их по льду так же важно, как подвозит из лесу вязанки сучьев и щепок. Когда же ему скажут бежать быстрее и назовут по имени, он завизжит и рванёт так, что постромки у саней не выдержат. Тогда Черликпен, оставив своих седоков на реке, будет носиться по снежным волнам, утопая в них и снова взлетая на гребни, и не уgomонится, пока его не перехитрят, спрятавшись за сугроб, и не уцепятся в четыре руки за упряжь.

Глава 7 Опять зима

Вспоминаю одну осень. Едва ли когда было ещё такое лютое время в наших краях. На кочевья вдоль Каа-Хема и его притоков налетела рябая оспа. Как звонкая коса рядами укладывает стебли травы, так она выкашивала детей и взрослых. Беднота вымирала целыми арбанами и сумонами.¹²

Самый страшный мор напал на тоджинских оленеводов, что жили, как и мы, в берестяных и лиственничных чумах. Теперь от чумов остались только полусгнившие колья, все оленеводы вымерли. Олени их одичали и ушли в тайгу. Мор прошёл с косой и по долине Мерген. Баи оставляли умирать заболевших работников и вместе со здоровыми откочёвывали в другие места. Стойбища на Мерген опустели. Только наш рваный чум остался стоять у воды. Рядом паслись три козы.

Эхо далеко перекаtywалось по хребтам и горным рощам, когда лалял Черликпен. Мать ходила в раздумье. Потом она собрала нас и, обращаясь ко мне, сказала:

¹⁰ Тувинские женщины во время работы обнажали правую руку и плечо.

¹¹ Судур – священная книга.

¹² Сумон – волость.

– Возьми этот мешок из-под саранки¹³, а вы двое понесёте берестяное корыто.

Эти слова мать произнесла очень строго, почти с укором, и сразу вышла. Но мы ведь знали, что она нас очень любит. Не зная, куда и зачем, мы семенили вслед за матерью. Она всё ускоряла шаг и, оглядываясь, ворчала:

– Опять отстали! Бегите живей.

Мы так отощали и отвыкли ходить, сидя целыми днями у входа в чум, пока мать, странствовала, что спотыкались и отставали от матери, хотя мешок и корыто были пустыми. А ей что! Она исходила столько земли! Никто, пожалуй, не шагал быстрее, чем она.

Мы пришли на жнивье. Снопы с него, видимо, увезены были недавно. Мать обернулась к нам:

– Видите на земле колосья? Собирайте, как я.

С этими словами она склонилась над сжатой полосой. Её руки проворно опускались к земле и подымались. Звук, который издавали тяжёлые зёрна, стуча по дну берестяного корыта, напоминали мне шум града во время грозы, когда сидишь в чуме. Мы тоже потянулись к колосьям, собирали их в подолы и ссыпали в мешок и корыто. Немало колосьев растёрли мы на ладонях и тут же полакомились зерном. По жнивью прохаживались дрофы, налетевшие с предгорья. Они видели, что в руках у нас нет ничего опасного, и спокойно подчищали на стерне колоски. Солнце зашло, и дрофы улетели, а мы всё ещё ходили по полю.

Когда дома мы колосья обмолотили и зерно провеяли, его оказалось не так много. Пока мать веяла, мы набрали хворосту и поставили на огонь чугунную чашу. Сестра Албанчи насыпала зерно в чашу и сказала Кангый:

– Поджарь, только, смотри, не пережги.

Через минуту Кангый сняла с очага чашу ухватом и высыпала зёрна в берестяное корытце. Из него густо шёл пар, а мы уже загребали руками румяные зёрна и, перекидывая с ладони на ладонь, дули на них и насыпали в рот. Мать задумалась. Грустно, грустно посмотрела она на меня.

– Подойди, сын.

Она обхватила мою голову, прижала к груди, гладила, целовала. Потом она опять задумалась и посмотрела на дырявые стены чума.

– Холодно в тайге, и глаза у богатых людей холодные. Опять пойду к ним пасти скот и мять кожи. Сама прокормлюсь, а что будет с вами? Смогу ли я в эту зиму спасти вас?

Мать вся затряслась. Глядя на неё, мы захлебнулись в плаче.

¹³ Саранка – трава со съедобным корнем.

Проезжающие тужуметы¹⁴, наверное, шутили: «С голодухи завыли на реке волчата вместе с волчицей».

Было уже совсем темно, когда мы, свернувшись в комочки, натянули на себя всё, что могло согреть нас, и сразу заснули.

Но скоро я проснулся. Снег набился в чум через щели и дымовое отверстие. Вьюга так трепала бересту, что настил еле держался. Много кусков бересты уже унесла и далеко разбросала метель. Несколько жердей вырвало и свалило набок. Мороз стал злее. Я ещё больше сжался в постели.

Я видел во сне много лакомых кушаний: мясо, сыр, просо. Чего я только не ел в ту ночь! Когда проснулся, уже светила заря. Вскочил, рассказываю сон. Пежендей поднял на меня большие глаза.

– Эх, было бы здорово, если бы твой сон разделить на всех, мой младший брат!

Я огляделся: худа девались мать и сестра Албанчи? Выбежал из чума – на берегу Мерген их тоже нет. Не знаю, сколько раз за это время можно было вскипятить и напиться горячей воды, но оно казалось длиннее всей жизни: так долго не было матери.

Вернувшись, мать сказала:

– Мы с Албанчи обошли все юрты в долине Мерген, где, думали, можно что-нибудь заработать. Никто не пустил к себе – прогоняют, как только приподнимем полог у входа в юрту и поздороваемся.

В конце дня мать позвала из чума Албанчи:

– Надо идти к Сарыг-Сепу.

Я выпрыгнул за ними, ухватился за подол матери.

– Куда опять? Мы тебя не пустим.

Мать приподняла меня и поцеловала в голову:

– Пусти, сын! Мы спустимся к Сарыг-Сепу – там живут русские, попилим дров, почистим дворы, а то и так попросим, принесём много-много еды.

Солнце уже закатывалось. Раньше мать никогда так поздно не ходила. В ту ночь долго горел наш костёр.

Утром выпал глубокий снег. Солнце только что вышло из-за тайги, разбросало по свежему снегу весёлые блестки. Оттого, что не было ветра и вся земля светилась, сразу сделалось тепло. Я пробежал на дорогу, по которой ушла мать. Скоро я убедился, что ошибся, – совсем не тепло, ноги мёрзли, как в сильный мороз.

В наследство от старших братьев и сестёр ко мне перешли дырявые башмаки со сбитыми задниками. Когда приходилось идти в степь или тайгу, я подвязывал к подмёткам плоские деревяшки так, чтобы закрыть дыры. Деревяшки с загнутыми концами – это были мои коньки. Может ли дать тепло дерево? Ногу сразу прихва-

¹⁴ Тужумет – чиновник.

тывал мороз. Каждую зиму я ходил с обмороженными пятками, два-три раза сменялась кожа на них.

Я вернулся в чум, стал греть ноги, и тут услышал лай Черликпена. Он рывкал в отдалении, не то приветливо, не то с опаской.

Пежендей и Кангый просунули головы в чум и закричали мне:
– Мать пришла! Живо, Тока!

Я быстро вскочил в свои маймаки¹⁵. Ведь Пежендей и Кангый могли раньше добежать до матери и раньше меня увидеть, что она принесла. Но маймаки с деревяшками были мне велики. Когда я побежал, они захлопали, как кожаные крылья у седла.

Я взобрался на холм. По тропинке у рощи бежал Черликпен. Из-за деревьев, опушённых снегом, вышли мать с сестрой Албанчи. Они что-то несли. Рядом с ними вертелись Пежендей и Кангый. Я закричал:

– Что несёшь? Где достала?

Мать махнула рукой:

– Не ори! Несу хлеб. Будешь есть.

Пежендей, спотыкаясь и падая от восторга, кружился перед матерью и кричал ещё громче:

– Где взяла так много?

– Не всё ли тебе равно? Поджарю – будете есть.

Мать направилась к чуму. Мы шагали за нею. Немного не дойдя, она остановилась и села спиной к чуму. Она вытянула из-за голенища маймака длинную самодельную трубку и, наполнив её смесью табачного нагара с наскобленной древесиной горного карагача, стала жадно сосать, выдыхая большие клубы дыма.

Албанчи принесла из чума корыто и, развязав мешок, отсыпала в него блестящую красным загаром пшеницу.

Легко было в тот день. Весело было. В чаше шипело. У всех на зубах хрустела жареная пшеница.

Глава 8 **Шаагай**

Вечером Черликпен громким лаем оборвал наше веселье.

Мать сказала мне:

– Сходи посмотри.

Я выбежал. Подъехали три всадника. Первый, грузно покачиваясь в седле, широко разводя поводья и опуская их на шею коня, по привычке понукал его: «Чу-чу!». На нём была длинная, покрытая узорчатым шёлком синяя шуба. У второго шуба была бурого цвета. На первом всаднике я увидел островерхую шапку, отороченную

15 Маймаки – сапоги.

собольим мехом, с коричневой шишкой наверху. На втором шапка была из чёрного бархата, с голубой шишкой. Третьего всадника я не успел разглядеть: он уже соскочил и стоял позади лошади.

– Кто там? – спросила мать.

Я глухо ответил:

– Какие-то верховые.

– Горе нам! Беда! – прошептала мать.

Тем временем всадники привязали коней, подошли к чуму. Один из них крикнул:

– Проклятые! Кто там, в конуре? Уймите собаку!

Черликпена мы, по приказу старшей сестры, отвели к Мерген и привязали к лиственнице.

Мать выбежала из чума, опустилась перед приехавшими на колени и начала кланяться:

– Мир вам, мир вам!

Всадники не ответили. Будто никого не видя, они молча шагали к чуму. Шубы у них в густых складках, рукава, длиннее рук, болтались на ходу.

Мы, как ужи, заползли между жердей чума. Намазанные салом маймаки подошли к порогу. Ещё миг – и они остановились подле нас. Приехавшие молчали, копили злобу, потом замахали руками:

– Мы вам дадим «мир», мы вам покажем «мир», подлые! Слушай нас, человечья падаль!

Один из вошедших показал на чашу с зерном:

– Чей хлеб жрёте?

Мать пыталась ответить, но второй из приехавших её перебил:

– Разве может быть у этих тварей хлеб? Ясно, ограбили Узун-Чо-одура.

Первый подхватил:

– Признавайтесь, змеи, что вы украли хлеб!

Мы повернули к нему головы. Он кричал, оскалив зубы и разбрызгивая слюну.

Мать упала на колени.

– О нет, мои господа. Мы жарим пшеницу, которую нам дали в Сарыг-Сепе. Мы были у русских. Пилили дрова. Обещали им: «Опять скоро придём». Другой пшеницы мы не видели, – и мать поклонилась.

Я узнал старшего чиновника – это был Таш-Чалан. У него, как всегда, было опухшее лицо, красное, с бугорками вместо носа. Он первым уселся за очагом против входа в чум, скрестив ноги наподобие Будды.

Когда мать объяснила, откуда хлеб, Таш-Чалан подскочил к ней на корточках. Он был похож на жабу.

– А? Что? Гадкая черепаха! Если не ты украла, так кто же? Говори, змея! – заревел Таш-Чалан и хлестнул мать концом рукава по носу.

Мать упала. Я боялся смотреть, но мои глаза сами тянулись к ней. По её лицу текла кровь. Таш-Чалан схватил меня за ухо:

– Говори: где мать достала хлеб?

Я надул щёки и ничего не сказал.

Чиновники стали бегать по чуму, разбрасывая всё, что ни попало под ноги.

Таш-Чалан отдал приказ:

– Хорошенько ищите. Никуда они не могли спрятать. Если не найдёте, ударьте несколько раз мать кнутом, она скажет.

К тому времени приехал на санях длиннородый богач, которого чиновники звали Узун-Чоодур. Вместе с ним они обыскали всё вокруг чума, но тоже ничего не нашли. Тогда они связали матери руки и поставили на колени лицом к чуму. Таш-Чалан сказал:

– Бейте!

Чиновник в бурой шубе наступил маймаком на связанные руки матери и придавил их к земле. Голову он прижал к своему колену и начал бить по щеке шаагаем¹⁶.

Пока одни били мать, другие продолжали рыскать вокруг чума. Один из чиновников, бродивший у маленького навеса, похожего на сугроб, неистово прокричал что-то и замахал рукой. Все побежали туда. На козьей стайке – так назывался навес, под которым стояла наша коза, – лежала в мешке пшеница, укрытая снегом. Остроносый маленький чиновник, похожий на дятла, забрался на стойку и, сверкая глазами от удовольствия, тыкал прутом в снег вокруг мешка, видимо стараясь узнать, не зарыты ли здесь и другие богатства. Не найдя больше ничего, он передал находку Таш-Чалану, а тот сдал её Узун-Чоодуру. Чиновники обращались к нему почтительно и подобострастно называли хозяином.

– Вот твой хлеб. Бери его. Если бы его здесь не оказалось, мы бы его нашли в другом месте, у других людей. Пусть лопнут кости на наших руках, обязательно нашли бы, – говорили чиновники, часто нагибая головы и прижимая руки к груди.

Узун-Чоодур разгладил бороду.

– А! Сильно хорошо, будем знакомы: ты у меня приедешь, чай будем пить, мясо, арака тоже есть, – сказал он на ломаном тувинском языке.

Положив мешок в сани, Узун-Чоодур щёлкнул кнутом и умчался в облаке снежной пыли вниз, к Сарыг-Сепу.

Подойдя к матери, которая всё ещё стояла на коленях, чиновники снова стали её бить шаагаем по щекам. Потом чиновник, похожий на дятла, схватил сестру Албанчи и связал ей руки накрест. Вскочив на коней, чиновники приготовились угнать мать и сестру.

¹⁶ Шаагай — простроченная толстая кожа, которой чиновники били по щекам провинившихся.

Мать утёрла подолом кровь с лица, но не встала с колен, а села на землю.

– Убить – так убивайте здесь, у моего дома, на глазах у детей! Никуда не пойду!

Чиновник в бурой шубе защёлкал длинным кнутом, плетёный ремень впивался в тело матери. Третий верховой достал из притороченного к седлу мешка аркан и накинул его на её плечи. Она не могла больше сопротивляться. Сестру они погнали вперёд. Албанчи обернулась к Таш-Чалану и простонала:

– Что станет с детьми?

Таш-Чалан заколыхался от смеха:

– Ну, паршивая коза! Опомнилась? Хо-хо-хо! Пускай все передохнут! А вырастут – что с них возьмёшь? Воровская берлога! Пока сама жива, шагай и молчи.

Он наехал на сестру и ударил её кулаком. Чиновники хлестнули коней и погнали по степи мать и сестру Албанчи.

Прошла ночь и следующий день. Вечером мать и сестра вернулись окровавленные, с опухшими лицами.

– Не разбирая, что белое и что чёрное, они бьют и бьют. Заработанный хлеб отобрали. Что нам делать, дочка? – спросила мать.

Албанчи подняла голову. Какое было у неё печальное лицо, и как блестели слёзы в её глазах!

– Давай, мама, уйдём туда, откуда к нам пришёл Данила, отец нашей Сюрюнмы. Там не страшно работать. Знаешь, мама, детям будет хорошо.

Глава 9 Черликпен

Мать и Албанчи ушли в ближайшие аалы получить расчёт по прежней работе у разных хозяев.

Уже полночь. Они всё ещё не вернулись. Мы сидели у очага, ожидая их возвращения. Черликпен, вытянув передние лапы, изредка поднимал голову и прислушивался. Иногда он облизывал рану на боку. Кангый подошла к Черликпену и, поглаживая его, сказала:

– Эх ты, бедный, старый наш пёсик! Скажи, кто тебя так потрепал? Неужели собаки Тожу-Хелина? Но ведь ты гораздо сильнее их. Да, Черликпен?

– Если ещё раз попадутся, ты не выпускай их, чертей, живыми, – сказал я.

Черликпен был простой, но очень сильной степной собакой. Я садился на него верхом, и он спокойно возил меня. Он был уверен в своей силе, и когда какая-либо собака осмеливалась напасть на Черликпена, ей приходилось плохо.

Кангый сидела молча, потом сказала, не обращаясь ни к кому:

– Слабого всякий может обидеть.

Черликпен, услышав ласковый голос Кангый, стал всячески выражать свою радость: клал на подол её халата то голову, то лапы, бил тяжёлым хвостом по полу. Но вдруг он подскочил к двери и громко залаял. Я в испуге сорвался с места и, как мышь, шмыгнул в кучу тряпья.

– Это, наверное, волки пришли. Что ж нам делать? – спросил Пежендей у сестры.

– Ничего. Наш Черликпен никогда не оставит нас в беде, – сказала сестра и, решительно подойдя к двери, открыла её.

Черликпен стремглав выбежал. Сестра закрыла дверь.

Черликпен беспрестанно лаял, то удаляясь, то приближаясь. Наконец его хриплый голос послышался совсем близко, около чума. Потом стало слышно, как он скребётся у дверей. Тогда Пежендей и Кангый взяли по два горящих полена и вышли из чума. Присутствие людей ободрило и дало силу Черликпену. Он снова бросился на волков. Долго длилась эта неравная схватка. Наконец стало тихо. Черликпен не возвращался, и не слышно было его лая. Через некоторое время с плачем вошла в чум Кангый.

– Проклятые волки, наверное, что-нибудь сделали с нашим Черликпеном, – сквозь слёзы сказала она.

– Кто же теперь будет караулить и беречь нас? – плача, говорил Пежендей.

Стал плакать и я. В это время мы услышали, что кто-то скребётся в дверь нашего чума. Мы сразу перестали плакать.

– Наверное, это волки, – сказал я.

– Да, наверное, это волки. Они съели нашего Черликпена, теперь хотят съесть нас, – подтвердила сестра.

Пежендей смотрел через дырку в стенке чума.

– Что там? Кто? – с нетерпением спросили мы его.

– Что-то шевелится. Большое, чёрное, быстро повернувшись, прошептал он.

– Наверное, это медведь, – сказал я.

И мы, как ошпаренные, отскочили к другому краю чума.

– Если медведь... Говорят, что он боится огня, – сказала Кангый и, взяв горящий сук, вышла из чума.

При свете огня она узнала Черликпена. Настолько была велика её радость, что она уронила горящий сук, и тут же закричала тревожно:

– Идите скорее сюда! Волки совсем задрали его.

Мы подбежали к чуть живому Черликпену и втащили его в чум. Когда мы поднесли его к огню, то увидели, что задние лапы у Черликпена совершенно не двигаются, из горла капает кровь. Он приполз домой на передних лапах.

Усевшись вокруг истерзанной собаки, мы долго смотрели на неё. Мы молчали и не знали, что сказать друг другу, что делать. Придавленные горем и бессильные помочь Черликпену, мы молча легли спать.

Утром, когда мы проснулись, нам захотелось посмотреть, что сделал Черликпен с волками. Когда мы вышли из чума, то сразу увидели след Черликпена: комья взрытой чёрной земли на снегу, кое-где застыли капли крови. Вдруг испуганным голосом закричал Пежендей:

– Волк! Волк лежит!

– Где? Где? – так же испуганно отозвались мы.

Действительно, там, куда Пежендей указывал рукой, вытянувшись, лежал волк. Некоторое время мы стояли в нерешительности.

– Может быть, он уже мёртвый, – сказала сестра.

– Нет, волки ведь хитрые. Он, может быть, ждёт нас, – ответил Пежендей.

– Живой не будет так долго лежать не двигаясь, – сказала сестра и сделала несколько шагов вперёд.

Мы, затаив дыхание, ждали, что будет. Волк не шевелился. Тогда мы немного осмелели и подошли поближе. Волк стал виден очень хорошо. Кровь, вытекшая из разорванного горла, застыла на снегу.

Радость, что Черликпен из этой неравной схватки вышел победителем, рассеяла весь страх, пережитый нами в эту ночь. Мы начали обсуждать, что делать с волком.

– Надо содрать шкуру с него, – говорила сестра.

– И продать её, – добавил Пежендей.

– За мешок проса, – сказал я.

А наш верный Черликпен всё не мог оправиться. Он не вставал. В его глазах была тоска, он жалобно скулил.

Вскоре вернулась наша мать. Она принесла маленький комочек чая и горсть соли. Но нам было не до этого. Мы наперебой стали ей рассказывать, что произошло. Но все наши восторженные рассказы как будто не касались матери. Казалось, она думала о чём-то другом. Мы тоже замолчали. Мать направилась к чуму. Мы последовали за нею.

Когда мы вошли в чум, Черликпен был уже мёртв. Не стало нашего верного сторожа.

Всей семьёй мы провожали Черликпена. Положили его в берестяное корыто и поволокли в лес. Похоронили его в густом лесу, под корневищем свалившегося громадного дерева.

– Когда Черликпен был живой, – сказала мать, – я ему поручала вас, детки мои, а сама ходила по людям, зарабатывала кусок хлеба. Теперь нет нашего верного Черликпена. – Голос её дрожал от горя. Немного постояв, мы молча направились домой.

Чум показался нам совсем опустевшим. Не было Черликпена, не стало слышно его лая.

Несколько дней мы прожили в этой страшной, пугающей тишине.

И пришёл день, когда мать сказала:

– Пойду на Терзиг, устрою на работу тебя и Пежендея.

Мать отправилась на речку Терзиг. Мы вышли, чтобы проводить её. Стоял солнечный день, ни облачка на небе. Земля, покрытая снегом, сверкала. На белой глади чётко выделялась чёрная фигура нашей матери. Мы провожали её глазами, пока она не скрылась за лесом.

В тот день мир мне казался удивительно чистым, прекрасным. Я был тогда ещё слишком мал, чтобы задумываться над тем, почему под этим чистым счастливым небом так горька и беспросветна наша жизнь, так беден и убог наш берестяной чум.

Часть вторая ГДЕ СЧАСТЬЕ?

Глава 1

Я попадаю в бревенчатый чум

Мне исполнилось десять лет. Наша семья стала убывать. Один за другим уходили братья и сёстры в батраки.

Однажды мать сказала:

– Кангый, ты уже выросла. Что тебе делать в таком чуме? Когда я ходила в Сарыг-Сеп, Пора-Хопуй¹⁷ намекал, что пора отпустить тебя к нему на работу.

Кангый тогда было шестнадцать лет. Она была рослая и стройная, как и старшая сестра. Глаза у неё не как у нас – узенькие, а большие, раскрытые, как будто она смотрит на что-то очень красивое и немножко удивляется.

Бывает, что одежда человеку к лицу, и это ещё больше его украшает. Но не знаю, что можно было об одеянии Кангый сказать в те дни, когда мы посмотрели на неё по-новому, как будто увидели её в первый раз, – ведь она должна была от нас уйти. Я уверен лишь в том, что её одежда, оставленная нам бабушкой, не могла больше пережить ни одного поколения: она состояла из кусочков протёртой яманьей шкуры и шита была шерстью внутрь, но эту шерсть, редкую, сбитую временем, можно было видеть и снаружи сквозь дыры.

И даже в таком безобразном одеянии наша Кангый была красивой.

¹⁷ Прокопий.

– Никуда не пойду! – сказала Кангый, с укором глядя на мать. – Я буду всегда жить с вами в нашем чуме.

Лишь через несколько дней мать уговорила Кангый и увела её в Сарыг-Сеп к Пора-Хопуй. Стояли тихие дни. От этого на водопаде ещё громче пела Мерген. А в нашем чуме стало тихо: мы с Пежендеем думали о Кангый. Когда мать с Албанчи уходили странствовать, мы оставались теперь вдвоём.

Пежендей был на два года старше меня. Он был намного выше меня, худощавый, костистый; казался спокойным и суровым, но был очень вспыльчив. Мы часто с ним боролись. Иногда мне удавалось его повалить. Как он тогда негодовал: вскочит с земли, сразу зарыдает и запрыгает, размахивая руками и взвизгивая:

– Уйди! Уйди! Меньше крота! Кривола-а-а-пый! Свалил человека! Уйди-и-и!

Я торжествовал. Теперь приходил мой черёд наставлять Пежендея.

– К чему же людям бороться, если нельзя повалить? Для этого и борются... Ты сам виноват. – Я начинал кружиться вокруг Пежендея, распластав руки и горделиво покачивая головой, как настоящий борец, одержавший победу на празднике.

Всё же наступил день, когда я остался, не считая Сюрюнмы, единственным сторожем нашего чума. Пежендей тоже ушёл в работники, на одну из зимовок в устье Хопто.

Чтобы можно было хоть изредка навещать Кангый и Пежендея, мы решили перекочевать поближе к ним. Думаю, у матери была и другая причина для перехода туда: она хотела ближе присмотреться к жизни и работе русских крестьян. Путь на новые места был далёк. Подойдя к устью Мерген, мы остановились на несколько дней отдохнуть и запастись едой. Чум поставили на вершине холма, у подножья которого стояло жилище богача Мекея.

Когда выбежишь утром из чума, сразу увидишь внизу белую крышу и трубу Мекеева дома. У Мекея всё белое, как кошма на юрте большого бая. На голове – белые длинные волосы. Борода ещё белее. Штаны и рубаха тоже из белого холста. Таков ли Пора-Хопуй, у которого работает Кангый? Я закрываю глаза и вижу перед собой то старого Мекея, белого, как мельничный мешок, то злого Караты-хана, о котором мать нам рассказывала так много сказок.

Размышляя о пленнице Караты-хана Золотой Девушке и о нашей Кангый, я неожиданно сам попал в плен: меня похитили днём, при ярком свете солнца, сыновья Мекея. Не знаю, для чего это они сделали. Может быть, они хотели меня наказать за то, что я, бросая камешки с вершины холма в Мерген, нечаянно попал в их крышу. А может быть, они просто хотели поиграть со мной, как с маленьким горностаем. До этого случая сыновья Мекея – один ростом с Пежендея, с раскосыми глазами и кудрявой головой, другой коре-

настый, вроде меня, оба в длинных штанах – не раз подбегали к нашему чуму, о чём-то быстро говоря жестами и словами, из которых очень немногие, но, видимо, самые главные, мне удавалось понять:

– Ты к нам ходил, работал, мы тебя хлеб давал, не работал – мыкылаш¹⁸ давал.

Я убегал от них. Но в этот раз они успели меня подхватить. Я протяжно кричал, звал мать, но тщетно. Парни сначала закрывали мне рот, потом перестали обращать внимания на мои крики. Они внесли меня в свой бревенчатый чум, закрыли дверь на крючок. Я в самом деле чувствовал себя не лучше, чем горностаи или колонок, попавший в сеть. Я безумно бросался к окну, к двери, но парни каждый раз хватали меня и ставили на место. Тогда я сделал вид, что успокоился. Они стали предлагать мне еду и много о чём-то говорили. Я старался не слушать их разговора и не смотреть на пищу.

Для меня не было ничего дороже, чем моя мать и мой бедный берестяной чум. Они напрасно хотели прикормить меня к своему дому.

Старик Мекей пытался меня приласкать, усадив на колени и щекоча мшистой бородой, которая вблизи оказалась не такой белой, как мне раньше казалось, а с прозеленью и желтизной, как лишайник на валуне. Мне ничего не оставалось, как вцепиться в эту страшную бороду и начать неравную борьбу. Из объятий старика меня вырвала высокая женщина в оборчатой юбке и пёстром платке. Она потом долго ворчала и ругала Мекея.

Настал вечер, затем и ночь. Люди стали укладываться спать. Старший сын Мекея постелил на полу постель для меня и сам тоже устроился неподалёку. Старик со старухой ушли в другую комнату. Я притворился, что сплю. Скоро все захрапели. Как охотник, поджидающий зверя на солончаке, затаив дыхание я ждал, когда все уснут крепким сном. Я так вслушивался в тишину, что различал, как в углу шелестели тараканы.

Чтобы не разбудить спящих, я старался встать как можно тише: незаметно поднимался, опираясь на ладони обеих рук и подтягивая под себя ноги. Вдруг скрипнул пол. Я замер, изогнувшись над постелью. Закашлял сын Мекея, лежавший со мной рядом. Я перевернулся и снова приник к постели.

Наконец мой сосед перестал кашлять. Убедившись, что он спит, я осторожно перекатился на половицу, которая не скрипела, и быстро встал.

Подойдя на цыпочках к окну, я влез на подоконник и прыгнул в темноту.

¹⁸ Мыкылаш — тумак.

Глава 2
На берегу

Я упал на землю. В глазах у меня забегали маленькие, как зёрна акации, продолговатые огоньки. Правое колено болело. Но я ликовал. Что они могли теперь мне сделать? Я лежал на мягкой, холодной траве. Что думала обо мне мать? Где меня искали? Нужно было сейчас же бежать домой. Но оказалось, что я не могу подняться с земли. Может быть, я вывихнул ногу, неудобно оттолкнувшись от подоконника? Ощупал колено. Оно было липкое, тёплое. Значит, это кровь, а не роса... Я нащупал на ноге полоски сорванной кожи и две раны. Руками и здоровой ногой стал водить вокруг себя и понял, что случилось: я упал на опрокинутую борону, которая лежала недалеко от окна. К счастью, я прыгнул вперёд так сильно, что зацепился только за крайние зубья.

Я оглянулся на окно. По-прежнему было тихо. Никто не выходил. Я собрал силы и побежал. Часто падал, полз на руках.

Подползая к чуму, я слышал, как мать громко плачет и причитает:

– Куда ты девался? Утонул в реке или злые волки тебя унесли? Господин неба, найди моего младшего сына! Отдай мне!

Я тихо сказал:

– Мама, мама! Я здесь.

Рванулась и хлопнула, как подхваченная ветром, дверца чума, и я оказался на руках у матери. Она целовала меня в щёки, в голову и что-то тихо бормотала.

В чуме было совсем темно. Тихо покачивая меня на руках, мать приговаривала:

– Где ты был? Албанчи ушла искать. И Сюрюнма с ней. Мы везде искали... Когда уходишь, надо говорить...

Я рассказал, что произошло на реке. Никогда раньше я не видел матери в таком волнении. Она говорила гневно, как будто кулак Мекей стоял совсем близко – перед глазами:

– Бешеный старик! Борода белой козы, душа чёрной собаки!

Мать всё крепче меня прижимала и целовала:

– Теперь ты остался у меня один защитник. Нашего Черликпена съели волки. Шомуктай – у баев на Дора-Хеме. Пежендей – у чиновников в Хопто. Мы с тобой никогда не разлучимся.

Потом мать засуетилась, раздула огонь, нащипала шерсти из куска старой козьей шкуры, сожгла на очаге, присыпала ранку золой и перевязала полоской далембы¹⁹.

В то время люди лечились, как велось от прадедов. Поранился или обжёгся – присыпай больное место волосяным пеплом или об-

¹⁹ Далемба – плотная хлопчатобумажная материя.

вязывая целебными листьями. К ламе бедняку не пойти, а шаман тоже обходился недёшево. Как-то после дождя мы набегались среди холмов. На одном из них я заснул. На следующий день я лежал в горячке. Албанчи побежала за шаманом Сюзюк-Хамом. Мать подмела чум и вскипятила чай, Сюзюк-Хама встретила низким поклоном. Шаман осмотрел чум, помолчал и, зевнув, сказал:

– Шаманить пришёл я, а ты что приготовила? Неужели я даром к тебе спешил?

Он собрался уходить, но мать что-то собрала и завязала в узел. Сюзюк-Хам остался меня лечить, но видно было, что он не в духе: у него не звякали его подвески. Сюзюк-Хам даже не поднял бубна. Он ограничился самым дешёвым лечением: сжав растянутые губы, побрызгал слюной воздух и три раза боднул меня в грудь. Три дня мать просидела у моих ног, лечила сама, как знала.

В тот раз моя нога быстро зажила. Как только вернулась Албанчи, мать стала собираться в дорогу. Мы решили перекочевать к устью реки Терзиг. Незатейлива была наша кочёвка: перед нами не шёл скот, нагруженный остовом юрты, кошмой, кожаными выюками и красными сундуками в золотых узорах, не мычали коровы и яки, не блеяли овцы и козы, не лаяли собаки, как в таборе Таш-Чалана или Тожу-Хелина. Мать стряхнула с чума берестяной покров, свернула его в длинную трубку и навьючила на меня, а сама с Албанчи увешала себя узлами и связками всего, что ещё могло быть полезно для жизни из нашей утвари и одежды.

Мать шла впереди, за ней – Албанчи с Сюрюнмой на руках, позади всех – я. Мы поднимались по берегу Каа-Хема. Тихо-тихо. С тропы было слышно, как шуршала по гравию вода. Не только лиственница и тополь, но и осина не шёлестела листьями. Лишь изредка нарушали эту тишину птицы и рыбы в Каа-Хеме: вспорхнёт с берега селезень; увидев стрекозу, подскочит высоко над водой и звонко плеснёт хвостом хариус; зашумит пена на пороге.

Мать, обливаясь потом, шла бодрая, весёлая. Встряхивая и подкидывая всем телом выюк, чтобы он удобнее лёг на спину, она то и дело приговаривала:

– Вот как, дети! Идём-то мы в новые места искать счастья, идём к русским.

Внезапно показались два всадника. Они быстро ехали навстречу.

Воскликнув: «Это тужуметы!» – мать быстро подбежала к бугру, опустила на него ношу, ослабила перекидной аркан и скинула выюк. Так же поспешно она побежала навстречу всадникам, встала на колени у края дороги и наклонилась до земли. Мы спрятались за кустами шиповника. К матери приблизилось облако пыли. Сквозь пыль я увидел двух богатырских коней. На солнце блестели шёлковые халаты всадников. Сверкали серебром стремяна, блёстки на уздечке. Скакали быстро, как на бегах.

Один из чиновников подскочил к матери так близко, что конь мог наступить на неё. Туго натянув повод и вздёрнув коню голову, он закричал:

– Куда ползёшь, подлая? Опять идёшь народ беспокоить?

Мать совсем прижалась к земле.

– Я иду к устью Терзига. Там я поставлю свой худой чум. Я хочу найти у поселенцев работу и кормить своих детей...

– Хитрая гадина! Кому не известно, зачем ты идёшь?

Чиновник взмахнул кнутом на длинном кнутовище с медной оправой. Ремённый кнут прожужжал, как оса, обвиваясь вокруг тела матери. Всадники подняли коней с места на дыбы, повернули их на задних ногах к дороге и скрылись за деревьями.

Мать поднялась.

Мы выбежали к ней из своей засады. На потном лице её налипла пыль. Я посмотрел ей в глаза – они были холодные, злые.

Я спросил:

– Мама, за что они тебя били?

Желая меня успокоить, мать объяснила:

– Мы, сынок, помешали ехать господам, нарушили их порядок. Когда тужумет едет по своим делам, нельзя стоять близко к дороге, надо отойти в сторону. Если скажут: «Подойди», – надо приближаться на коленях и класть поклоны. А я растянулась у самой дороги. Прогневила... Кони могли напугаться. Теперь пойдём, а то они услышат – могут убить.

Мать вдела руки в лямки и, качнувшись, пошла. Мы тоже навьючились и молча зашагали.

Глава 3 **Новые встречи**

Разбили мы чум на берегу Каа-Хема в устье Терзига среди больших лиственниц с наплывшей на стволах смолой. В то время в устье Терзига поселились русские крестьяне – там стояло пять или шесть домов.

Я с опаской поглядывал на избы, поставленные жителями Усть-Терзига, и не решался подойти к ним. Но мне страстно хотелось побывать в этих бревенчатых чумах, узнать, как живут в них неведомые мне люди. Издали я следил за играми русских детей, старался понять и запомнить их движения. Незаметно для себя с каждым разом я подходил к ним ближе и начинал понимать всё больше слов из их языка. Игравшие дети тоже стали ко мне приглядываться. Первый мой знакомый, к которому я осмелился подойти, когда он сам с собой играл в городки, был мальчик Ванька Родин. Летом он при всякой погоде ходил без рубахи, в коротень-

ких штанах из некрашеного холста, залатанных на коленях. Когда он замахивался палкой, длинные ноги словно вращались в землю, тело круто изгибалось, и на голове, как размётанная ветром осока на кочке, рассыпался в стороны целый куст золотистых волос. Он замахивался не спеша, но метал палку так стремительно, что она, мгновенно прогудев над землёй, выщёлкивала городки, нередко с одного раза, далеко за черту. Померившись с ним в меткости, я ещё больше удивился: у него не было одного глаза. Сверстники прозвали его Ванькой Кривым, а так как лицо его было изъедено оспой, то называли его и Рябой. Никто из мальчиков не посмел бы напасть на Ваньку и вступить с ним в драку, но многие смеялись над его убогой одеждой и увечьем. В моём наряде, из которого я к тому времени не в меру вытянулся, я уж и вовсе не мог рассчитывать на снисхождение у насмешников. Это сблизило меня с Ванькой. На нашей стороне было ещё несколько мальчиков. Мы стали дружить и вместе обороняться.

Мои новые друзья жили в маленьких избушках, крытых соломой, но эти лачужки казались мне сказочными шатрами. У себя в чуме я знал древнюю чашу из чугуна с присосшей к ней копотью и расщелиной на одном боку, знал деревянную чашку, пепельного цвета, со стёршимися краями, из которой сотни таёжных путников пили воду, принимая её из рук бабушки и матери; знал, что самое главное блюдо за столом – жареное пшено, запаренное чаем и посыпанное драгоценной солью, которую привезли за тридевять земель, выдолбив её киркой из соляной горы или соскоблив вместе с илом с берега соляного озера. А здесь были большие глиняные печи, в которых приготавливали из толчёного зерна большую круглую еду с коричневой коркой – сразу на несколько дней. Я научился называть её хлебом и без неё уже не мог обходиться. Раньше я умывался только водой из Мерген, когда переходил её вброд. С Ванькой я попал в дом, называемый баней, где люди моются горячей водой.

Мытьё началось для меня очень плохо. Мы играли с Ванькой. Вдруг он подбежал ко мне сзади, схватил мою косичку и вздёрнул её вверх.

– Ха-а, парень! Ты же совсем пропал! У тебя под косой муравейник! Если сейчас не выпарить – всем беда. Идём!

Он схватил меня за руку и потащил к избе. Не дойдя до дверей, он уже выкрикивал:

– Мам, а мам! Смотри, что у парня завелось под косой. Он их выгребает рукой и кидает на землю. А одежда-то! Скинет её на булыжник и проглаживает камнем. Они и лопаются, как в ступе спелая черёмуха. Что делать, мамка?

Мать Ваньки на минуту показалась в дверях. Я увидел, как по её белому строгому лицу пробежала улыбка. Вскоре она подала

Ване чистую одежду и коричневый кусок, похожий на подгорелый сыр пыштак. Ваня весело хлопнул меня по плечу.

– Айда в баню! – и побежал прямо к проточной канаве.

Я понял, что Ванька хочет немного согреться, чтобы легче было в вечерней прохладе раздеваться и поливать себя ключевой водой. Всё же я решил сначала посмотреть, как это сделает мой друг, и поэтому бежал за ним не спеша.

Ванька ввёл меня в домик. На подоконнике сквозь горячий туман мерцал огонёк. В правом углу, как ова²⁰ на перевале, высилась груда чёрных камней, подпиравших огромную чашу. Рядом стояла бочка с водой. У задней стены был высокий настил. Ванька раскладывал принесённые вещи на лавке. Вдруг у меня за спиной чиркнули ножницы. Обернулся – и вижу в руках у Ваньки чёрную косичку. Он поболтал ею в полосе красного света, струившегося из топки под камнями, держа за хвостик, как убитого ужа, и, сверкнув задорно здоровым глазом, швырнул в огонь. Привычным движением я вздёрнул руки к затылку – моей косы нет!

Я вскочил и закричал не своим голосом.

– Вот тебе! – Я набросился на Ваньку.

Я должен был отомстить за поруганную дружбу. Но Ванька не отвечал на мои тумачи. Я слышал только его растерянный голос:

– Брось! Брось!

Опомнившись, я хотел убежать. Ванька настиг меня у дверей и крепко сжал руку.

– Чего расшипелся? Ты пойми – мальчишки не носят кос. Это девчонка ходит с косой. Посмотри на меня, на Родьку, на Епишку. Разве можно большому мальчишке ходить с косой? Раздевайся. Скидывай в это корыто. Я залью кипятком.

Началось моё первое мытьё. Сколько было при этом смеха и слёз! Ванька всё время смеялся. Мы смеялись оба, как бывает после ссоры у хороших друзей.

Ванька прибавил огня в светильнике. Похлопывая себя по рёбрам, он закачался от смеха, когда я, обмыв руки и лицо горячей водой из корыта, где парилась моя одежда, и решив, что наше мытьё чересчур затянулось, попросил моего друга выдать мне чистую одежду. Потом очередь смеяться перешла ко мне, когда Ванька, смешав в шайке воду из чаши и бочки, начал натирать голову коричневым куском, и она вдруг оделась в высокую шапку из белой пены. Я сделал себе то же самое. Вот оно, мыло: коричневое, выпускает белую пену, маленькое, а уже покрыло две головы и само осталось в руках. Как смешно! Моё веселье сразу оборвалось, когда я почувствовал, что мои глаза отравлены ядом и мне их больше никогда не открыть. Какими злыми словами я отчитывал Ваньку

²⁰ Ова – жертвенная насыпь из камней на горных перевалах.

за второй обман! И как я негодовал на себя за то, что второй раз доверился Кривому Ваньке, который и меня захотел сделать кривым! Слепнув, я не мог вырваться из его рук. Я топал ногами и визжал, захлёбываясь водой, которая хлынула на меня сверху.

– Открой глаза! – крикнул Ванька, окатив меня ещё раз.

Я раскрыл глаза и удивился, как всё стало хорошо: глаза не болели, голове и всему телу было легко и тепло. Какие чудеса ещё придумает Ванька в этом сказочном доме? Он взял большую связку лыка, такого же лохматого и золотистого, как волосы на его голове, и стал изо всей силы стирать его в кипятке, пока шайка не наполнилась доверху пеной. Потом он стал вышлёпывать мне на спину горячую пену и растирать лыком затылок, шею и спину. Я убедился, что Ванька делает всё как надо и владеет искусством мыться в бане не хуже, чем игрой в городки.

В тот день я порядочно волновался, подходя к чуму. Как посмотрит мать на исчезновение моей косички и необычный наряд? Мать одобрила всё.

Быстро летели дни. Я проводил их на ногах под открытым небом, среди детей. Летом играли в бабки, в лапту, в городки, вместе купались в реке, собирали цветы в долинах Терзига и Каа-Хема, забирались в заросли красной и чёрной смородины, на лужайки, усыпанные земляникой. Зимой катались на санках и лыжах с обледенелых гор, бегали вверх и вниз по Каа-Хему на деревянных коньках.

Я так сдружился с русскими мальчишками, что не только не боялся их, как недавно боялся сыновей богача Мекея, но даже начинал скучать, когда их долго не видел.

Пролетело второе лето. Мы перенесли наш чум в деревню и поставили на лугу против бани. Перед зимой мать ушла навестить Кангый и Пежендея. Оставшись один, я стал ещё больше привыкать к жизни среди изб. День я проводил среди деревенских детей. Ночью незаметно пробирался к кому-нибудь из крестьян, ложился у печи под стол и нежился в тепле. Чаще всего я ходил к Санниковым.

Максим Санников был самый высокий крестьянин из всех встреченных мной на Каа-Хеме, сухой и длинный, как лиственница. Головой он доставал потолок своей избы. Он был почти совсем лысый, а губы живые, тонкие и голос звонкий, молодой. Сыновей у него было двое: один глухой Васька, другой Сергей, оба старше меня. Мать у них умерла несколько лет назад. Из разговоров соседей я узнал, что Санников приехал из Центральной России в Сибирь искать свободной земли и вольной жизни. Помещик отобрал у него пахоту. В то время были крестьянские бунты. Санникова преследовали. Во время скитаний он потерял половину семьи: жена умерла от болезни, старший сын был на каторге, оттуда бе-

жал и пропал без вести, дочь утонула на переправе в горной реке. А Васька простудился, пытаюсь спасти сестру, и оглох.

Я никогда не забывал своего первого друга Ваньку Родина. Но за короткое время я ещё ближе сошёлся с глухим Васькой, сыном Санникова, и подружился с его братом и отцом. Вечером я приходил к ним, забирался под стол и ложился спать, как в своём чуме.

Утром чувствую, бывало, кто-то теревит меня за волосы. Просыпаюсь. Это Максим Санников.

– Ты опять забрался под стол? Вставай, вставай!

Услышав его голос, выползаю и вскакиваю.

Бывало и так. Санников возьмёт меня за ноги и вытащит из-под стола. Посмеивается, качает головой:

– Крепко спишь, крепко спишь!

Показав на миску с картошкой, а то и с оладьями, он приговаривает:

– Проспишь – пеняй на себя. Есть их нужно в пору, когда от них пар идёт, когда они сами в рот просятся, – и усаживает меня к столу, за которым уже сидят Васька и Серёга. Один подмигивает мне, другой весело щурит глаза, пододвигая миску ближе к моему краю. Я думал: «Как хорошо человеку с таким отцом, как Санников, и с такими братьями, как Вася и Сергей!». И в самом деле Санников стал мне словно родной отец, а его сыновья – словно старшие братья.

Но счастье моё длилось недолго. Однажды я услышал такой разговор:

– Как жить, – говорил Санников, – если в устье Терзига всю землю захватил Михайлов. Какая радость – уйти от помещика и снова попасть в кабалу? Придётся перекочевать под Таннуольский хребет.

Сергей, сидевший возле отца, весь подался вперёд и оперся локтем о колено:

– Вчера пошёл в степь накосить сена коню. Михайлов сам прибежал, вбил кол в землю, сказал: «Моя земля, поставлю здесь изгородь – не смей косить». Выходит, всё устье Терзига стало его пахотой, и на Кыс-Кежиге сенокос – его, и дальше тоже везде натыкал кольев – хочет маралов разводить. Куда деваться?

Что значит помещик и кто такой Михайлов – я не понял, ясно было одно: уедет Санников к хребту и братьев моих названных заберёт.

С плачем провожал я Санниковых, а когда вернулся к их пустой избушке, ещё горше заплакал и побрёл в свой чум.

Много лет спустя Санниковы вернулись; но к тому времени в моей жизни произошли большие перемены.

Глава 4 Куда идти?

Как-то вышли с матерью из чума. Она оглянулась на новые избы и сказала:

– Отдам тебя на работу к этим русским. Ведь ты уже большой. Я молча согласился.

Несколько дней мать присматривалась, выбирала, к кому лучше пойти. Однажды она взяла меня за руку и подвела к одной избе:

– Здесь живёт человек, у которого ты можешь наняться. Он ищет работников.

Мне было приятно думать, что я войду в семью, живущую в большой, тёплой избе. Вспоминался ласковый приём в семье Максима Санникова. Я с радостью согласился. Не знал я тогда, что такое батрак и какая у него жизнь. Взявшись за руки, мы вошли в дом богача по имени Чолдак-Степан. Его звали Чолдак-короткий – за низкий рост. У него была густая широкая борода, а живот отвислый, раздутый, как будто он носил под рубахой кошму для целой юрты.

Мать показала на меня. Поклонилась. Заговорила на ломаном тувинском языке, думая, что так будет понятнее Чолдак-Степану:

– Таныш (знакомый), это моя маленький балан-мальчик. Ты нужно его брать работа? Ты мне тара – хлеб давать, я тебе сын давать – так ли?

Чолдак-Степан раскричался:

– У меня у самого балан, здоровые батраки есть. Тара нет. Понимаешь, твой собачий сын балан не умеет работать. Ух, гадина! Что ты, дурная старуха, здесь приходить? Ну, ну, уходить вон!

Мать продолжала просить:

– Пожалуйста, возьмите!

Чолдак-Степан вытолкнул мать, подбежал ко мне:

– Ты теперь маленький балан, потом я тебя брать, – теперь ну, уходить вон!

Он сжал мне ухо и вывел за дверь.

Не говоря ничего друг другу, мы дошли до чума. Присевши на корточки у входа, стали советоваться.

– К тувинцу идти, к русскому идти – всё равно, если он бай или чиновник. Так и выходит. Что нам теперь делать, как лучше? Сходим ещё в один дом? – сказала мать.

У меня задрожал голос:

– Сама ты знаешь, мама, сама подумай, куда идти, с кем говорить.

Мы пошли ещё в один дом. Он стоял на самом верху посёлка, в устье Терзига. Люди здесь только что поселились. Вошли в него. За столом сидел старик с белой бородой – как у Мекея. Его жена,

высокая, дородная, смотрела приветливо. Мать степенно нагнула голову, потом поклонилась в пояс. Подняв руку, вежливо спросила:

– Таныш, как ваше здоровье?

Сидевшие в доме ласково ответили:

– Здравствуй, таныш, садись.

Мы сели на длинное сиденье, которое, как я уже знал, называлось лавкой. Мать ещё не пришла в себя от всего, что видела у Чолдак-Степана. Она села, но долго не начинала говорить.

Звякнула и без скрипа растворилась дверь. В избу вошли мужчина и женщина. Им было лет по двадцать пять. Я огляделся кругом. Избушка была совсем новая, только что сложенная, но маленькая. Такие домики – немного больше чума – называли у нас казанак. Внутри избы было хорошо прибрано, не было так жарко, как в других домах. На стене полки были застланы бумагой. На средней полке, с одинаковыми промежутками, лежали три тёмно-коричневых каравая. Пахло свежим хлебом. Я подумал о нашем чуме. При входе у нас тоже стоит полка на берестяных колышках. Но на ней помещалась только одна деревянная чашка, миска и берестяной туесок, да лежала мочалка, которой моют чугунную чашу.

Хозяева приветливо улыбались. Отсвечивала румяная корка на караваях. Я всё осматривался. В избе, кроме меня, детей не было.

Мать сидела в раздумье. Потом она подняла голову и, кивая на меня, сказала:

– У меня балан есть, у тебя балан нет. Ты его взять, мне хлеба дать. Понял ли, таныш?

Старик развёл руками и приподнялся, полусогнув в локтях руки:

– Что тебе нужно, женщина? Не пойму.

Мать заговорила громче. Ещё раз всё объяснила. Показав на меня, сказала по-тувински:

– Это тебе! – потом подбежала к караваям: – Это мне!

Старик оживился:

– О, шибко хорошо! У меня маленький балан нет, у тебя балан есть. А-а! У меня хлеб есть, я тебе давать, сильно хорошо, ажирбас²¹.

Мать с радостным смехом зашептала мне на ухо:

– Видишь? Ты будешь здесь жить, будешь работать. Видишь? Они согласны.

Она снова обратилась к старику:

– Очень хорошо, мой балан будет у тебя работать, таныш.

– Ладно, ладно, сильно хорошо, твой балан будет здесь, я буду смотреть.

Мать вывела меня из избы.

– Видел, мой сын? Ты теперь будешь работать у них. Хорошо,

²¹ Ажирбас – ладно.

внимательно работай. А то они тебя прогонят, и нам будет плохо.

Мать прижала к груди мою голову, поцеловала. Повторила несколько раз:

– Хорошо работай, – и быстро ушла.

Я смотрел ей вслед. Когда мать скрылась, я осторожно подошёл к дому и остановился у входа.

Молодой хозяин избы, увидев меня, поднялся с лавки, подбежал и похлопал по плечу:

– Ты сильно якши²². Ну, ладно, будем хлеб есть. Он подвёл меня к столу. Все тоже уселись, начали меня угощать. Я долго не мог понять, почему в этой избе меня приняли так хорошо – совсем не так, как у Чолдак-Степана. Ведь я оставался таким же и ничего полезного им ещё не сделал.

Впоследствии я узнал, что моих хозяев зовут Лубошниковы. Они, как и Санниковы, много страдали от белого царя. Спасались от преследования саратовских кулаков и помещиков и перекочевали в этот край. Они были очень бедны. Хотя старик Лубошников был совсем седой и в морщинах, но делал всё сам. У него не было внуков, а у его сына Агея – детей-помощников. Я был рад, что буду им помогать запрягать коня, молотить хлеб, перевозить копны и снопы, править конём на пахоте.

Мать Агея называла меня «сынок», кормила, как члена своей семьи, обула в новые бродни²³. Через год я стал работать, как все крестьянские дети.

Правда, я был ещё не очень силён, но старался всюду поспеть за Агеем, подражал каждому его движению. Сам Агей и его отец всегда рады были мне что-нибудь объяснить, охотно показывали вещи крестьянского обихода. Запрягая коня, Агей, бывало, подзовет меня и всё расскажет:

– Это – хомут, надевать его надо, смотри, вот так. Только раньше надо осмотреть: если грязь налипла – очисти, сбей, не то коню шею натрёт, и она загноится... Вот это – шлея, без неё хомут неловко сидеть будет...

Покажет мне дугу, седёлку, супонь, расскажет о телеге, о санях, объяснит, как впрягать в них коня. Так учил он меня на всякой работе, как отец учит сына.

Начинал я учиться сельской работе по весне, когда плугом поднимали пласты чёрной земли. Тут я, как у нас говорят, «правил головой лошади», сидя верхом; потом, на сенокосе, возил сено; как хлеб начали убирать – возил на ребристой телеге снопы. Хозяин меня очень любил, и я не сердился, когда он, под горячую руку, не спускал мне моих грехов. В июле пахать пары выходили перед

²² Якши – хорошо.

²³ Бродни – сапоги из сыромятной кожи.

зарёй. В это самое время, как «правишь головой коня», ужасно клонит ко сну, бывает – задремлешь. Лошадь выйдет из борозды, а зоркий пахарь тут как тут, подстегнёт коня с того бока, куда завалили, да и меня в придачу.

Труднее всего мне давался уход за конём. Раньше я никогда не ездил верхом и завидовал другим детям, которые умели кататься без седла и уздечки, барабаня своих лошадок босыми ногами по надутым бокам.

Как-то я с трудом взобрался на рыжего коня и поехал загонять коров. Рыжка был старый и очень злой конь. Я этого ещё не знал. Я думал не о Рыжке, а о коровах. Куда они ушли? Озираясь кругом, я ослабил поводья. Вдруг мой Рыжка рванул в сторону, скинул меня на землю и ускакал. Я долго горевал. Вечером плакал, уткнувшись в подушку.

Старик Лубошников утешал меня:

– Всё хорошо. Не горюй: и коровы твои пришли, и Рыжка твой давно вернулся...

В другой раз я опять собрался ехать на Рыжке за коровами. Медленно подходил к нему и готовился спокойно взять за гриву. Не сводил глаз с его головы. Когда я к нему совсем подошёл, он рывком вытянул ко мне шею, укусил за плечо, несколько раз потрянул и опрокинул на траву.

Я ощупал рукой плечо и вскрикнул от боли, лоскут кожи был вырван, образовалась большая рана. Я зажал её другой рукой, хотел остановить кровь, но она продолжала струиться. Куда идти? К матери или к хозяину? Я лёг в высокую траву: тут меня никто не мог видеть. Я старался не подавать голоса, и не знаю, как мать меня нашла. Увидела ли она, как вздрагивают на лугу стебли ковыля, услышала ли их шелест, или просто случай навёл её на мой след? Из-за травы надо мной склонилась её лоснящаяся голова, на меня глянули её испуганные глаза:

– Как ты, милый, упал?

– Рыжка меня укусил.

Мать увидела разорванную рубаху и рану на плече:

– О-о! Несчастный мой! Пусть простит меня небо!

Больше она ничего не сказала, подняла меня с земли, нарвала каких-то листьев, приложила к ране, повязала поясом и повела к дому Агея.

– Больше тебя не оставлю. Уведу в наш чум. Постой здесь.

Я остался за дверью. Мать запальчиво говорила Агею:

– В родном чуме так не будет. Беру к себе его. Мои глаза и уши, кровь и сердце будут спокойны.

Ловя каждое слово, я прислушивался к их разговору.

– Как! – изумился Агей. – Ты хочешь забрать сына в такую страду! Я не обижал его. Что сделаешь с проклятой скотиной?

– Всё равно не оставлю, – твердила мать.

Я подступил к порогу:

– Агей меня совсем не обижал, я хочу у него остаться, мама.

Мои слова лишь ускорили развязку: мать забрала меня от Лубошниковых. По дороге она с горечью выговаривала мне:

– Ты совсем покинул меня. Я сама привела тебя к людям, я сама сказала: «Хорошо, ходи в баню; хорошо, носи круглую шапку с козырьком спереди, а не сзади». И сказала: «Учись ремеслу, учись хозяйству, старайся работать». А ты научился своевольничать, махать руками – на кого? – на свою мать!

В те годы арат-бедняк не смел держаться прямо, а должен был ходить с полусогнутой спиной, с повисшими, как плети, руками, готовый к земному поклону. Неужели моя мать хотела видеть меня всегда таким? Нет, она втайне радовалась тем изменениям, которые находила во мне при каждой встрече, и с гордой улыбкой провожала меня в путь по новым тропам жизни. Но в этот раз испуг за меня затемнил её светлые глаза.

Ласково прижав к себе, мать привела меня к чуму.

Настала новая зима.

Наш чум стоял по ту сторону Каа-Хема на опушке леса, в местности Тонгеликтиг. Здесь, в прибрежных ущельях, было больше зимнего корма для коз. Местность была новая, но старый чум по-прежнему, как островерхая кочка, торчал у подножья холма. Река замёрзла только ещё под берегом. Я часто выходил из чума и, глядя на встревоженную пучину Каа-Хема, вслушиваясь в прощальный шорох плавающих ледяных островков, провожал их вниз – туда, где поднимались к небу белые дымки деревни. Там остались мои сверстники, мои новые знакомые и друзья, мой труд и мои заботы.

Через несколько месяцев мать сама заговорила о Лубошниковых и снова отпустила меня в деревню. Семья Агея обрадовалась. Они хвалили меня за работу, пошили из пестряди штаны и рубаху.

Однажды Агей взял меня в баню, затащил на полок шайку, берёзовый веник и позвал к себе. Под потолком меня так и обдало жаром. Я вскрикнул и хотел спуститься вниз, но Агей меня пристыдил:

– Погоди. Выдержишь – мужчиной будешь, не выдержишь – бабы засмеют.

Что говорить – я рад был выдержать, но как быть с головой, особенно с ушами, которые начинают вариться в этом пару, как в чугунной чаше на гудящем очаге? Я пригнул голову к коленям и прикрыл уши ладонями от жары. Агей не хотел облегчить мою участь. Он сунул веник в горячую воду и придвинулся ко мне. Не успел я скатиться на землю и убежать, как Агей схватил меня за руку и замахнулся. Я истошно закричал. Мой крик озадачил Агея.

– Ступай вниз. Смотри, как люди парятся.

С приступок лестницы к потолку вытянулось мускулистое тело Агея. Веник пошёл хлестать по нему ошпаренными листьями на тонких прутиках. Его кожа запылала, как старинный кувшин из красной меди, начищенный золой.

Мне стало завидно.

– Начисти и меня так, – попросил я Агея.

У Лубошниковых я прожил бы много лет. Думаю, навсегда остался бы у них, как родной. Но Агею пришлось уйти из деревни в Кок-Хаак. Я не спрашивал, что заставляет его уходить с Терзига, где он совсем недавно построил новую избу. Всё же теперь догадываюсь, что это произошло по вине Чолдак-Степана, который прибирал к рукам всё больше земель на Терзиге и за это возил подарки салчакскому нойону²⁴.

Перед расставанием я раздумывал: поеду вместе с Агеем – мать будет от меня слишком далеко, не поеду – придётся возвращаться к матери и снова жить в чуме, а уже пришла настоящая зима.

Теперь, встречая меня, Чолдак-Степан стал со мной заговаривать. Пришла мать. Он и с ней повидался. Стал говорить по-другому:

– Приведи ко мне сына. Еда хорошая, работа лёгкая. Я тебе буду помогать.

Мать задумалась, но ответа не дала.

Наступил день отъезда Лубошниковых. Они погрузили своё добро на двое саней. Все было готово в дальний путь.

– Ну, прощай, друг, поехали в Кок-Хаак. Если захочешь повидаться, приезжай. Люди довезут, – сказал Агей и крепко пожал мне руку.

– Счастливой дороги, до свиданья! – воскликнул я, широко улыбаясь, хотя мне было очень грустно.

Проводив Лубошниковых, я посоветовался с матерью и решил пойти работать к Чолдак-Степану.

Глава 5 В землянке

Спускался вечер. Небо было далёкое, совсем голубое. Только там, где оно сходится с землёй, стлался морозный туман.

Как подумаю сейчас, Чолдак-Степан был очень богат. Его заимка занимала куда больше места, чем весь посёлок в устье Терзига, в котором жило десять хозяев. Заимка была обнесена крепким забором. Во дворе стояли два амбара. В доме, кроме сеней и кухни, были две большие комнаты. Внутри высокой изгороди – несколько скотных дворов, тесовый навес и даже кузница.

24 Нойон – князь.

Я стоял у дома Чолдак-Степана, но не мог сразу решиться в него войти. Нелегко мне было забыть, как он в первый раз вытащил меня за ухо из сеней. Потом я вспомнил мать: она перенесла так много горя – гораздо больше меня, но всегда надеялась на лучшее. Наказывала мне: «Работай хорошо, не бойся». Я сказал себе: «Не буду бояться», – и открыл дверь.

Навстречу мне по-медвежьи поднялся хозяин.

«Опять беда! Он со мной теперь разделается не так, как в тот раз», – мелькнуло у меня в голове. Не переступив порога, я выбежал во двор и стал в отдалении.

Чолдак-Степан вышел на крыльцо:

– Ну, ну, чего убежал? Пришёл работать или воровать?

Вскоре я уже сидел в кухне его дома. Чолдак-Степан поучал меня:

– Если будешь работать – сильно хорошо работать надо. Если плохо работать – хлеб есть не нужно. Сильно много хлеба даю. Если плохо работать, много мыкылаш даю.

Он погрозил кулаком. Я решил, что уже пришло время хватать меня за уши. Невольно присел, потом отбежал к стене.

Чолдак-Степан усмехнулся.

– Дай-ка чего-нибудь парню, Прокопьевна, – обратился он к жене. – Пусть скорее поест да идёт спать к работникам. Рано утром пошёл с Чолдак-оолом за сеном.

Наталья Прокопьевна – вторая жена Чолдак-Степана. Ему больше пятидесяти лет, а Наталье едва минуло двадцать, как и младшему сыну хозяина. Она дочь лесоруба Тиунова. Землянка Тиуновых стояла за канавой, позади дома. У Тиунова борода росла клином, а волосы над лбом торчали немного вперёд, как иглы у ёжика. Если бы они не были белыми, как иней, никто не дал бы этому старику семидесяти лет. Ходил он в лаптях, в длинной, до колен, рубахе, перепоясанной широким ремнём, за который всегда был заткнут топор.

Жена Тиунова, Евдокия Ивановна, выглядела старше: лицо в глубоких морщинах, зубы все выпали.

Я часто перескакивал через канаву и забегал к ним. Старики радушно меня принимали, кормили мягким хлебом, поили овсяным кумысом. Хотя они прожили на земле столько зим, они сохранили бодрость и сами управлялись со своими посевами и огородом.

Чолдак-Степан, приходя к Тиуновым, говорил:

– Зачем вы хлопочете? Хлебушком нас господь не обидел, хватит вас прокормить.

Старик Тиунов на это отвечал:

– Хорош чужой хлеб, а свой – лучше. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте жить...

В один из вечеров я сказал Тиунову:

– Объясните, пожалуйста. У тувинца всегда за поясом нож и огниво, а вы ходите с топором. У вас так положено?

– С малолетства я ходил в лесорубах, под Вяткой. Пилы там завелись недавно. Всю жизнь я работал на таких хозяев, как твой Степан. Мой топорик со мною состарился.

Сказав так, Тиунов достал из чехла топор и показал мне. Топор и вправду состарился: углы его сточились и округлились. Я хорошо понял, что этот сухопарый, бойкий старик одного корня с нами и потому не любит он своего зятя, а дочь Наталью осуждает за то, что она оторвалась от своей семьи и прилепилась к Степанову гнезду.

В мой первый приход хозяйка молча выслушала Степана. Не глядя на меня, она взяла лежавшую под рукомойником деревянную миску, поставила на табуретку около порога, налила суп, разломила пополам кусок хлеба и положила рядом с миской.

– Садись, быстро ешь, рано на заре надо вставать. Чего расселся, нехристь?

Я стал перед табуреткой на колени. Картофельный суп и лакомая горбушка хлеба показались мне очень горькими. Я не мог понять, за что Наталья Прокопьевна меня ругает, когда я ещё ничего не успел сделать.

Я быстро поел всё, что мне дали. Смотрю, входит Чолдак-Степан, в руках у него ворох разного тряпья, он говорит:

– Утром с Чолдак-оолом поедешь за сеном. Наденешь вот это.

Он опустил передо мной поношенный халат и бросил на пол старые бродни. В куче тряпья я нашёл шапку-ушанку. Правда, у неё одного уха не доставало. Я спросил Чолдак-Степана:

– Где буду ночевать?

Он показал на сарай в углу двора.

– Там развешивается сбруя, хомуты, работники спят возле сбруи. Пойдём!

Я взял в охапку свою одежду и пошёл за ним в сарай. Это была полуземлянка. По стене в один ряд были забиты колышки, а на полу была настлана солома, поверх которой валялись старенькие потники, рваные холщовые халаты и даже дохи с облезшей шерстью, служившие одеялами.

– Вот это твоё место. Здесь будешь спать, и есть будешь здесь. Зря не сиди. Раздевайся, ложись.

Дав мне такой наказ, Чолдак-Степан удалялся. В землянке людей не оказалось. Было уже поздно. Я улёгся один и скоро заснул. Проснулся от стука и возни. Захлопывалась и раскрывалась дверь. Вместе с холодным воздухом в землянку ворвался запах дёгтя и конского пота. Это вошли со сбруей, с хомутами, седёлками батраки Чолдак-Степана. Их было около десяти человек. Среди них были и мои знакомые: стройный и, видимо, очень сильный, в та-

ком же, как я, полушубке и в броднях, Тарбаган, маленький коренастый Чолдак-оол, высокий горбоносый Веденей Сидоров, Родион Елисеев, Данилка Рошин и ещё несколько человек.

Вошла Наталья Прокопьевна. Она поспешно поставила на землю перед соломой еду в общей миске и в лукошке – сухарей. По-прежнему, не глядя на нас, она сердито сказала:

– Нечего сидеть, скорее ешьте, – и, зажав двумя пальцами нос, как будто она боялась вдохнуть спёртый воздух, выбежала из землянки.

Батраки уселись в кружок перед миской. Тарбаган взял первым ложку, с видом умелой хозяйки зачерпнул немного тёмной жижи и плеснул назад в миску.

– Плохо ли, хорошо ли, – надо есть. Если начнём разбираться, и такого могут не дать, – заметил Веденей Сидоров и первый начал хлебать.

Скоро все поужинали и стали укладываться. Веденей, не раздеваясь, лёг рядом со мной.

– Прибавляется нашего брата. Так-то, ребята. На что хозяину столько батраков? Ещё вот этого малыша нанял. Пусть будет так, когда-нибудь до него доберёмся.

Сидоров помолчал, повернулся на постели и продолжал:

– Я на Усу и в Минусинске встречался со многими хорошими людьми. Слышал от них, что придёт время – народ прогонит теперешних господ, скажем – Степана Михайлова да вашего князя Идам-Сюрюна, которые мучают таких людей, как мы.

Вскоре всё стихло, а я долго не мог уснуть. Я озирался на стены землянки, на хомуты и с тревогой думал: «Вынесу ли новую тяжесть?».

Разбудил меня голос Чолдак-Степана:

– О-е! Лентяи! Думаете только о своём брюхе, о своём сне, а кони уже давно стоят на привязи, небось обсохли, выстоялись. Что же до сих пор не накормили? Если вам не дать поесть хоть один вечер, что скажете, а? Вставайте, подлецы!

С этими словами Чолдак-Степан толкнул сапогом Тарбагана, потом схватил Данилку Рошина двумя руками за волосы и потащил с постели. Данилка заревел: думаю, не от боли, больше со зла.

Веденей скинул одеяло, поднялся во весь рост перед Чолдак-Степаном и сдалвил жилистой рукой его плечо.

– Что вздумал? Таскаешь малого парня... Кто дал такое право? Ты хозяин на дворе, здесь я старший. Не дам обижать!

Веденей поднял над головой Чолдак-Степана сухой, как кость, кулак.

Чолдак-Степан растерялся, попятился к двери.

Веденей вернулся к своей постели. Крикнул:

– Ещё будешь так – убьём.

Чолдак-Степана уже не было в землянке. Он стоял снаружи, приоткрыв дверь, и протяжно, с опаской выкрикивал в щель:

– Живо вставайте кормить коней, а то смотрите, больше не спущу! А ты, Ведька, сильно не расходишь! Я вам покажу!

– Хорошо напугал старика, пузырь в животе чуть не лопнул!

Батраки дружно рассмеялись, наспех натянули обувь, накинули куртки и выбежали из землянки кормить коней.

Глава 6 *Я становлюсь возчиком*

Не успел я вторично заснуть, как уже пришлось подыматься. Надо мной стоял Чолдак-Степан. Его борода тряслась; заметно выделялись на лбу набухшие жилы. Он ухватил меня за ухо совсем так, как жена Хелина в моё первое путешествие с матерью, и вздёрнул, словно большую куклу.

– Что ты, такой проклятый, много спать? Стоять, работать надо. Ты что – работать пришёл или спать, а?

Проворно, как мышь в норку, юркнул я в мою непомерно большую одежду. «Беда, – мелькнуло у меня в голове, – поступил в работники и сразу проспал». Я в ужасе огляделся. Землянка была пуста. На стенах почти не было хомутов и дуг. Остался только по-прежнему густой запах конской сбруи да разбросанные постели. Видно, люди пожалели меня рано будить, а потом забыли.

Я бросился вон за Чолдак-Степаном. Во дворе было ещё темно. Хозяин стоял у коновязи и сердито тыкал в лошадиные бока:

– Вот гнедой конь, вот рыжий конь, вот каурый конь. Это твои кони – запрягай в сани. Понимаешь?

Он потащил меня назад в землянку. Так же ткнув пальцем в хомуты и седёлки, молча уставился на меня. Я понял, что надо более подробно разобраться в конской сбруе. Я наклонился и начал разбирать хомуты, седёлки, уздечки, вожжи, повторяя в уме их названия.

– Чего копошишься, как червяк? – закричал Чолдак-Степан.

Запутавшись в ремнях уздечек и поводьях, которые я в смятые сгрёб в охапку, я упал на край порога и сорвал кожу с ладони. Проворно вскочив, я пошёл к лошадям, волоча сбрую и обтирая кровь о подол рубахи.

На конном дворе я запряг выделенных мне лошадей в сани и привязал их к изгороди. Во дворе остался из батраков один Чолдак-оол.

В избе на лавке передо мной опять давешняя миска с чаем и горбушка хлеба.

– Быстрее шевелись, один остался, – сказала хозяйка и отвела от меня холодные глаза.

Пока я завтракал, Чолдак-оол выстроил свой обоз вдоль плетня и в хвост поставил мои упряжки.

Я уселся в последние сани и собрался уже сказать Чолдак-оолу: «Готово, покатили», – как из-за плетня выбежал Чолдак-Степан:

– Серого жеребца кто позволил? Глаза слепые, проклятый, а?

Что-то хрюнуло по затылку, в ушах загудело, и земля покосилась. Я потерял сознание.

Очнувшись, увидел себя в санях – навзничь, весь окоченел, ноги, свесившиеся к земле, постукивают о бугорки снега. Кони трусят вверх от заимки. Подняться нет сил. Сначала перевернулся ничком, потом подтянул ноги и сел, болтая отяжелевшей головой, как жеребёнок в туче мошкары.

Каурка, который бежал вслед за лошадьёю Чолдак-оола, и мой конь отстали от обоза. Чолдак-оол, повернув назад голову, только выкрикивал:

– Погоняй! Погоняй!

Я схватил кнут; оставив позади свою лошадь, потихоньку пересел на сани Каурки и, сильно размахнувшись, ожёг витым ремнём его круп. Осев под внезапным ударом на задние ноги, он рванулся вперёд и поскакал. Теперь его не остановишь. Он вихрем полетел мимо Чолдак-оола обочиной и, снова свернув на дорогу, помчал в открытую степь, как на скачках. Вот уже поворот вправо, на луга в Кыс-Кежиге, где стоят стога Чолдак-Степана. Но какое до этого дело обезумевшему коню? Он проскочил поворот и понёс меня другой дорогой. Чолдак-оол погнался за мной. Это ещё больше распалило моего степняка. Слыша за собой погоню, он ещё старательнее вытягивал шею и ещё дальше выбрасывал копыта. А я сидел и не знал, что предпринять. Будь у меня вожжи, я мог бы как-нибудь управлять Кауркой. Но он запряжён без вожжей и лишь по моей оплошности вырвался в головные.

Как теперь быть? Я услышал крик Чолдак-оола:

– Слезай! Ко мне!

Я спрыгнул в снег.

– Вперёд! Беги!

Я побежал опрометью. Чолдак-оол на своей лошади догнал меня, и я, ухватившись за повод, ввалился в его сани.

Чолдак-оол передал мне вожжи и взял в руки аркан. Пустые сани, которые мы тщетно старались догнать, оказались впереди направо от нас. Их было еле видно в предраассветной мгле. Чолдак-оол верно рассчитал – сказала кочевая сноровка. Пущенная им петля зацепилась за передний конец левого полоза мчавшихся впереди саней. Чолдак-оол приказал мне повернуть ещё влево и подхлестнуть коня. Тогда наши сани, соединённые длинной ве-

рѣвкой, пошли под углом, как крылья невода, загребая отводами целинный снег. Кони убавили ход и вскоре остановились.

Мы вернулись к обозу, оставшемуся на перекрёстке. Заря ещё не занялась, но небо, с вечера затянутое облаками, очистилось. Ярко вспыхнули звёзды, как будто спешили наиграться в тёмной синеве, пока не настал рассвет. Кругом было тихо-тихо.

У меня стучало в ушах, ныла голова, жгла ссадина на руке.

– С чего давеча Степан так разозлился? – спросил я Чолдак-оола.

– С чего? Ты заложил в сани его верхового жеребца.

– А ты видел, как я закладывал, почему молчал?

– Я думал, что он позволил. Даже позавидовал – новичку-любимчику всё можно. Теперь вижу – не так.

Мы выстроили обоз и покатали своей дорогой. Вскоре на берегу Каа-Хема зачернели стога в снеговых шапках.

Подъехав к воротам изгороди, за которыми стоял самый большой стог, Чолдак-оол весело крикнул:

– Вот мы и на месте!

Я побежал отворять заворки²⁵.

– Теперь что делать?

– Тащи верёвку.

Я подал аркан Чолдак-оолу. Он так же ловко, как в дороге, метнул его ввысь и перекинул через стог по самой середине.

– На, крепко держи этот конец, а я полезу с того края.

Чолдак-оол скрылся за стогом и оттуда крикнул:

– Ну?

– Ну! Ну!

Верёвка натянулась. Я, упираясь, пыхтел, Чолдак-оол потяжелее меня.

Вдруг верёвка ослабла, – значит, он уже наверху.

Я отпустил свой конец и посмотрел на снежную шапку стога, распоротую верёвкой. Где же Чолдак-оол? Он выбежал из-за стога, яростно замахнулся ручищей, и я полетел наземь. Никогда я не чувствовал себя таким обиженным. Ведь я же не знал... я не нарочно... он мой друг. Я поднялся, но слёзы, от которых я давно отвык, текут и текут.

Посмотрел на Чолдак-оола, и сразу прошла обида: он весь в снегу, на лице кровь – плюхнулся с такой высоты, а наст на снегу острее стекла. Я понял, что очень виноват перед ним.

Чолдак-оол снова перекинул верёвку и, не надеясь на меня, воткнул вилы в подошву стога, накинул петлю на вилы, сказал:

– Прижимай книзу верхний конец, – и убежал за стог.

Как шишка на отороченной горностаем шапке чиновника, торчала над стогом его голова.

25 Заворки – створки ворот.

– На санках – лопата, подкинь!

Я бросил на стог лопату.

Чолдак-оол схватил её и заработал с таким удовольствием, как будто не снег сбрасывал, а снимал ложкой сливочную пенку с отстоявшегося молока.

Вот он опять внизу. Мы чистенько сгребли скинутый снег и выровняли перед стогом площадку, чтобы не затоптать сена во время погрузки. Уложив поперёк саней четыре жерди, Чолдак-оол снова перехлестнул верёвку через стог и приказал:

– Ну, полезай!

Я был горд его поручением. Мне казалось, что я потерял всю тяжесть и ползу так быстро, как белка взбирается на вершину кедра. Когда я добрался до середины стога, верёвка вдруг рванулась назад; опрокинувшись, я полетел вниз.

Вытряхивая набившийся за ворот снег, я подбежал к Чолдак-оолу и с возмущением закричал:

– Что ты за человек? Когда лезут по верёвке, почему не держишь? Он добродушно засмеялся.

– А кто виноват? Забыл, как меня спустил под стог? То-то! Живо полезай. Теперь буду держать крепко.

Наконец я благополучно взобрался на стог, вздохнул полной грудью, огляделся. Светало. Далеко уходило снежное ложе Каа-Хема. За ним видны были горы с иссиня-чёрной тайгой. Из-за них на краю светлеющего неба подымалось солнце.

Я смотрел до тех пор, пока Чолдак-оол не закричал на меня. Тогда я схватил вилы и стал работать, забыв о ссадине на руке. Широкие пласты сена казались мне совсем лёгкими. Я с увлечением всаживал в них вилы и сбрасывал вниз, где Чолдак-оол уминал воз, подпрыгивая на сене и распевая во весь голос.

Глава 7

Сказка о Кодур-ооле и Биче-Кыс

Я привыкал к батрацкой жизни. Не скажу, чтобы она давалась мне легко. Никто из нас не знал покоя ни днём, ни ночью. Мы постоянно ждали злых окриков хозяина и его жены. Однако вместе с новыми лишениями я узнал, живя в землянке Чолдак-Степана, новое, не испытанное мною раньше чувство близости к окружающим меня людям.

Больше всех я полюбил Веденя. Он всегда старался спасти нас от хозяйского гнева, выручить из беды.

Другой батрак, Тарбаган, самый пожилой из тувинцев, часто по вечерам рассказывал интересные истории, которые знал во множестве.

Вспоминаю один такой вечер. С работы вернулись поздно. В землянке застали незнакомую девушку. Она проворно растапливала печь. Сказала, что Наталья Прокопьевна принимает гостей и прислала её принести нам ужин. Назвала своё имя – Вера. Подал нам ужин, она пошла к выходу, но в дверях остановилась и подняла вверх руку с опущенной кистью, как будто хотела с нами проститься. Какая у Веры красивая рука, – так держит голову лебедь, когда выплывает ясным утром из камышей на середину озера. Неожиданно Вера заметила меня:

– Этот малыш тоже работник? Что же он наработает?

«Сама-то ненамного старше», – хотел сказать я, но меня опередил Веденей Сидоров.

– Вроде и мал, а на работе бойчее всех – резвый мужчина! Дай ему подрасти – он и к тебе присвадается, а ты – «малыш»! Не видишь, какого тебе жениха припасли?

Вера смутилась и, махнув рукой, исчезла.

Тарбаган похвалил Веру и вспомнил наш прежний разговор:

– Если сбудется то, о чём говорил Веденей, как будет хорошо! Когда я был маленьким, дед рассказывал мне одну сказку. Таких сказок я больше ни от кого не слышал. Там говорится, как охотник-старик и сын его не хотели покориться баю и добились хорошей жизни своим трудом.

Заслышав голос Тарбагана, одни приподнялись, другие подсели поближе, свёртывая самокрутки.

Тарбаган говорил нараспев:

«Давным-давно это было, в незапамятное время. На берегу реки Тустуг-Хем жил богач по имени Бура-Баштыг. У него была белая богатая юрта, тысячи голов скота и много работников. Среди них был старый охотник, его сын Кодур-оол и девушка Биче-Кыс, возлюбленная Кодур-оола. Однажды старый охотник, не выдержав побоев Бура-Баштыга, взял сына и ушёл в лес. Перед уходом Кодур-оол пошёл проститься с любимой.

– Я ухожу с отцом в лес. Проклятому Бура-Баштыгу мы не хотим покориться, – сказал Кодур-оол.

– Ты меня покидаешь? – Биче-Кыс заплакала.

Кодур-оол крепко прижал её к себе и поцеловал.

– Я никогда не покину тебя, моя Кыс. Пойду в лес, убью много зверя. Освобожу и тебя от Бура-Баштыга.

Биче-Кыс отёрла кончиком рукава слезы и улыбнулась:

– Ладно, милый! Желаю тебе большой удачи.

Кодур-оол пошёл догонять отца. В дорогу он взял свой бызанчи²⁶, на котором любил играть. Кодур-оол шёл, часто оглядываясь

²⁶ Бызанчи – музыкальный инструмент.

на чёрную юрту, где осталась любимая. Он хотел, чтобы она ещё долго слышала его голос, и громко пел:

*Если у подножия Кускуннуга я вырою колодец,
То найду в нём чистую воду,
Если девушку в бедной юрте я посватаю,
То найду в ней добрую жену.*

Он шёл, думая о Биче-Кыс. Вдруг перед ним старшая дочь Бура-Баштыга – Чилбакай. Она сидела верхом на красивом белом коне с серебряной сбруей. На ней был шёлковый халат и шапка из богатого меха, в ушах блестели золотые серьги.

– Ты самый красивый среди людей моего отца. И ты оставляешь наш аал и меня! Если я захочу понежиться, кто будет ласкать меня?

Кодур-оол некоторое время стоял молча. Что скажешь хищной рыси, когда она готовится растерзать свою жертву?

Наконец он сказал Чилбакай спокойно, гордо:

– Ты богата и нарядна. Но в тебе нет сердца. Я тебя ненавижу, не хочу видеть никогда.

С этими словами Кодур-оол пошёл дальше. Чилбакай просила его остановиться, ещё хоть немного поговорить. Он только прибавил шагу. Поднявшись на горку, оглянулся. Чилбакай изо всей силы хлестнула коня и помчалась по степи.

А Кодур-оол, довольный, отправился дальше по следу отца. Он пересёк широкую и ровную степь и пришёл к опушке леса. Здесь текла бурная горная река, за рекой шли бескрайние леса, а за ними – цепи гор, вершины которых смотрели в небо. К тому времени солнце уже подошло к одной из высоких скал и должно было скоро упасть за неё.

Кодур-оол пошёл вверх по тёмному берегу реки.

Наконец он увидел отца у большого утёса, подступившего к берегу.

– Где ты так долго пропадал? Из-за тебя я пропустил вечерний выход зверя, – сказал отец.

– Нигде не пропадал, но я пошёл не той тропой и потратил время на обход, – ответил Кодур-оол и смутился.

Охотники развели большой костёр и легли спать под утёсом.

Глядя на искры, улетающие в чёрное небо, Кодур-оол размышлял: «И деревья вокруг нас, и звёзды на небе, и мы с отцом – все хотят жить. Трудно жить, а всё-таки хорошо! Только нужно быть таким, как отец. Он молчалив, а добычи у него больше, чем у других охотников».

С этими мыслями он заснул.

Когда Кодур-оол проснулся, костёр уже давно погас. Отца не

было. Кодур-оол встал, быстро вычистил ружьё. Тут он вспомнил о своём неразлучном друге:

– Пожелай мне удачи в охоте, – сказал он, крепко сжимая в руках бызанчи, и запел:

*Как голосом кукушки
Полны леса,
Так словами любимой
Полны сердце моё и кровь.*

Потом он поставил бызанчи перед большим камнем в укрытом месте и, взяв ружьё, пошёл на охоту. Он шагал, как гусь, высоко поднимая ноги, чтобы не хрустнула ни одна ветка.

Но он проходил до вечера и возвратился к утёсу, не убив ни одного зверя.

Вскоре вернулся отец. Он нёс на одном плече ружьё, на другом – убитого дикого козла. Но Кодур-оол, занятый мыслями о Биче-Кыс, не заметил прихода отца.

– О чём ты так горюешь, сын? – спросил отец.

Кодур-оол вздрогнул, но скрыл своё смущение.

– Как не горевать? Видишь, с какой добычей ты вернулся, а я пришёл с пустыми руками.

– Не горюй, – сказал отец, – козёл – наш. Я его убил, а ты возьми бызанчи, сыграй и спой.

Кодур-оол послушался и пел и играл, пока не уснул с бызанчи в руках. Когда он проснулся, отца опять не было. Кодур-оол взял ружьё и твёрдо решил вернуться с добычей. В это время грянула гроза.

«Что это? Всё пошло мне наперекор. Осенью – гроза! Но я не сдамся, пока у меня есть мой бызанчи и мой голос», – подумал Кодур-оол. Он поставил ружьё к скале, взял бызанчи и стал играть и петь. Голос у него был сильный, как буря, и в то же время нежный и мягкий, как обмытая дождём земля. Лил дождь, гремел гром. Но Кодур-оол не слышал воя бури.

Вдруг раздался страшный треск. Это молния разбила в щепки большой старый кедр, прижавшийся ветвями к скале. Кодур-оол очнулся. Вот раздался ещё более сильный треск, и из скалы, у которой сидел Кодур-оол, выскочила нарядная девушка, в халате из красного шёлка, подпоясанная зелёным поясом, в рысьей шапке с парчовым верхом, в расшитых маймаках... её узкие чёрные глаза сверкали, концы длинных кос извивались по земле. Она села у погашего костра, словно не замечая бури.

Кодур-оол не знал, что ему делать. Он вспоминал то своего отца, то свою Биче-Кыс и сурово молчал. Наконец он спросил:

– Кто ты? Откуда пришла?

– Я царевна этих гор и лесов, – ответила девушка. – Звуки твоего бызанчи привели меня сюда. Я три дня слушала их. Они проникли в моё сердце. За это я полюбила тебя.

Когда Кодур-оол услышал эти слова, его сердцу стало тепло. Но что-то отталкивало его от незнакомки. И Кодур-оол сурово спросил:

– Что тебе нужно от меня?

– Пойдём со мной. У меня тысячи голов скота. Юрта моя из чистого золота и серебра. Если ты станешь моим другом – будешь хозяином этого богатства. Согласен ли ты?

– Ладно, подумаю, посоветуюсь с отцом. Он ушёл на охоту и скоро должен вернуться, потом отвечу, – сказал Кодур-оол и отправился на охоту.

Но в это время снова поднялась буря, загредел гром, полил дождь. Какая-то неведомая сила подняла Кодур-оола и понесла по воздуху. Упав на землю, он увидел возле себя богатую юрту.

Кодур-оол вошёл. Весь пол юрты был покрыт узорными ковриками, вдоль стен стояли расписанные разными красками сундуки. На очаге большая чаша была полна молока с жёлтой пенкой. Справа стоял шкаф для посуды с узором из драконов и львов, а слева – деревянная кровать, покрытая шёлковым одеялом. В юрте никого не было.

Через некоторое время вошла царевна.

– Вот моя юрта, – сказала она. – Если ты будешь жить со мной – всё это богатство будет твоим.

Кодур-оол ничего не ответил.

– Разве можно мужчине быть таким застенчивым? Почему ты боишься меня? Давай будем жить вместе, – настаивала она.

Видя, что Кодур-оол молчит, она продолжала:

– Если ты думаешь о своих, то не беспокойся. Когда будем жить вместе, ты приведёшь их сюда.

– Мне не надо твоего богатства и твоей красоты, – сказал Кодур-оол. – У меня есть бедная, но любимая девушка.

– К ней ты не уйдёшь. Я тебе дороги не покажу и коней не дам! – крикнула разгневанная красавица и убежала.

Вокруг юрты она поставила стражу.

Кодур-оол мог уходить из юрты до того места, куда долетает стрела, пущенная тугой тетивой.

Он каждый день взбирался на горку и там играл на бызанчи свою любимую песню. Все жители аала собирались у подножья горки, чтобы слушать его.

Кодур-оол долгие дни и ночи думал о том, как бежать от красавицы. Случай ему помог. Лесная царевна решила испытать терпение Кодур-оола.

Перед заходом солнца она пришла к нему:

– Послушай, Кодур-оол. Если ты хочешь получить то, что тебе дороже всего на свете, девяносто дней ничего не говори. Когда ты выполнишь это условие, то получишь всё, что захочешь. Если нет – будешь изгнан отсюда и вернёшься ни с чем к своему костру. Но не думай меня обмануть: если ты нарочно что-нибудь скажешь, то всю жизнь будешь сидеть в этой юрте под стражей.

– Я готов выполнить твоё требование, – согласился Кодур-оол.

Много дней Кодур-оол ничего не говорил, выполняя условие. Время от времени он поднимался на горку и играл на бызанчи. Он думал о родине и о Биче-Кыс. Он больше не хотел оставаться здесь, но не знал, как сказать что-нибудь вслух, чтобы слова сказались сами собой, а не нарочно.

Как-то Кодур-оол вошёл в юрту и стал подбрасывать дрова в очаг, всё думая о том, как бы что-нибудь нечаянно сказать.

Он не заметил, как огонь разгорелся, молоко в чаше вскипело и стало с шумом заливать пламя. Он невольно воскликнул:

– Молоко кипит! Молоко кипит!

Раздался страшный грохот, кто-то поднял Кодур-оола и понёс. Он долго летел. Потом сильно ударился, и когда опомнился, то увидел, что сидит возле знакомой скалы, в старой одежде, с бызанчи в руках.

– Где ты был, сын? Я много ночей не спал. Много таёжных троп исходил, ища тебя. Порой я слышал твою песню. Но она неслась эхом со всех сторон. Я доходил до ущелий и возвращался назад. Почему ты не сказал, куда ушёл? – спрашивал отец, прижимая голову сына к своей груди.

Кодур-оол рассказал всё, что было. Выслушав его, отец сказал:

– Богачи все одинаковы. Хорошо, что ты вернулся.

– А ты опять с добычей? – спросил Кодур-оол.

– Как же. Сорок лет охочусь, а такой богатой добычи, как сегодня, у меня не было.

Отец подошёл к большой куче, укрытой ветками. Когда сняли ветки, там оказались сложенные рядами драгоценные звери. Кодур-оол подбежал к куче пушнины.

– Теперь у Бура-Баштыга желчный пузырь лопнет! – воскликнул он. – Я завидую тебе, отец: все добыл ты, а я остался с чем был.

– Не горюй, сын. Я тебе не сказал, кто мне помог в охоте. Знай, это ты помог своими песнями. Когда ты пел и играл, все звери тайги останавливались и поднимали уши.

Отец почистил ружьё, связал пушнину, и, взвалив на себя шкуры, они отправились домой.

Бура-Баштыг, увидев, что Кодур-оол с отцом вернулись с богатой добычей, приветливо встретил их. Но они не поклонились Бура-Баштыгу, как прежде, а прямо прошли в свою юрту.

Бура-Баштыг не стерпел обиды. Он вошёл в юрту Кодур-оола и

с укором проговорил:

– Что вы за люди? Забыли древний обычай делиться с друзьями и близкими после удачной охоты?

– Почему ты нашего горя не замечал, а наше богатство сразу увидел? – сказал отец.

Бура-Баштыг быстро ушёл, размахивая длинными рукавами халата. Кодур-оол с отцом разложили по земле в юрте и развесили по стенам богатую добычу. Вскоре снова явился Бура-Баштыг. Он привёл свою дочь в праздничном наряде.

– Слушай, ашак²⁷, – сказал Бура-Баштыг отцу Кодур-оола, – мне нужно поговорить с тобой наедине.

Они вышли из юрты. Кодур-оол услышал сквозь кошму громкий шёпот Бура-Баштыга: «Послушай, у тебя, сын, у меня дочь. Надо подумать об их счастье».

Кодур-оол обернулся и посмотрел на дочь Бура-Баштыга.

– Теперь мы ровня, милый Кодур, – сказала она, – я знатна, и ты богат. Я буду твоей женой. Я люблю тебя.

– Ты любишь не меня, а шкуры зверей, убитых моим отцом. Но я их не продаю. Можешь уходить.

В это время Биче-Кыс сидела в юрте Бура-Баштыга и горько плакала.

– Я так и знала, – говорила она себе, – теперь он богат. Теперь я ему не нужна.

Тут вошли Бура-Баштыг и его дочь с красными от злобы глазами.

– Ты чего здесь торчишь? Вон из моей юрты! – крикнул он Биче-Кыс.

Биче-Кыс, не понимая причины такой злобы, быстро откинула полог и выскользнула из юрты. Может быть, Кодур-оол не принял их предложения и ещё думает о ней, о Биче-Кыс? С этой надеждой она побежала к юрте Кодур-оола, но встретила его на полпути.

Кодур-оол схватил её за руки и сказал:

– Я не хочу больше никогда расставаться с тобой!

– Я тоже, – ответила она.

И Биче-Кыс стала женой Кодур-оола, хозяйкой их новой юрты».

Когда Тарбаган кончил сказку, все сразу заговорили. Каждый старался первым сказать, что он думает о Кодур-ооле и Биче-Кыс.

– Сказка и впрямь хороша, – заметил Веденей, – но ты не досказал, что стало дальше с молодыми. Прискакали же когда-нибудь чиновники с цветными шишками на шапках и увезли их пушнину и разлучили Кодур-оола с его Биче-Кыс – угнали её в рабыни к нойону, а его оставили на поругание Бура-Баштыгу и его дочке. Ведь так всегда бывало?

²⁷ Ашак – пожилой мужчина, старик.

После сказки Тарбагана и рассуждений Веденя я часто стал задумываться над тем, как выбраться из кабалы Чолдак-Степана. Я надеялся, что и мы найдём счастье. Но я, как и все жители нашей землянки, не знал, куда за ним идти и как его сохранять, если добудешь.

Часть третья БОРЬБА НАЧАЛАСЬ

Глава 1 Вера

С Верой мы встречались редко, больше издали, но своим присутствием она скрашивала жизнь батраков. С её приходом в нашей землянке становилось как будто светлее. Мы старались сделать для неё что-нибудь хорошее и сказать приятное. Но встречи с ней были коротки. Хозяйка своим противным окриком «Ве-ер-ка!» лишала нас этой радости. Вера убежала, махнувши нам на прощанье рукой.

Наш хозяин задолго до Пасхи стал готовиться к празднику. Усердно постился, даже рыбы не ел. Под предлогом поста он стал нас кормить одной варёной капустой и солёными грибами. Но Вера иногда приносила нам сибирских шанег или даже варёного мяса. Парни стали заигрывать с ней, и, как водилось, в шутку забирали что-нибудь из её вещей – платочек, гребёнку, рукавицы – а потом долго не отдавали. Однажды и я невзначай выхватил у неё платочек.

– Завтра вернёшь? А то хозяину скажу, – пригрозила Вера и, рассмеявшись, убежала.

Платочек был красивый. Куда бы его спрятать, карманов у меня не было, а сунешь за пазуху или за пояс – сомнётся. Выискав место в коровьем хлеву, я спрятал Верин платочек в расщелине бревна. Угрозу свою Вера забыла и не требовала вернуть платочек, а я, улучив время, наведывался к нему полюбоваться и подумать о Вере. Славная девушка! Как мы резвились и хохотали, держа друг друга за руку, когда вместе попадали в круговую игру или в хоровод деревенских парней и девушек!

Наталья Прокопьевна тоже усиленно готовилась к Пасхе: перебирала наряды, варила пиво, торопилась с побелкой и всё чаще ругала работниц. И вот пришёл канун Пасхи. Нам-то стало свободней, а Вера попала в самое пекло. Между делом я заглядывал в окна, заходил в сени и видел, как Вера таскала воду, топила печи. Когда началась стряпня, она мелькала по кухне с котлами, мисками. В суете задела ухватом хозяйкин рукав.

– Что ты озоружешь? – крикнула Наталья Прокопьевна и, нехорошо обругав её, пихнула в грудь скалкой, которой она раскатывала тесто для лапши.

Полетел ухват. За ним упала Вера. Потом она, всхлипывая, тяжело поднялась и снова принялась за работу.

Мне хотелось подойти к Вере и чем-нибудь утешить её. Другие девушки перестали работать и зло смотрели на хозяйку.

– Ну, чего вы, паскуды, стоите разинув рот? – закричала Наталья Прокопьевна и, схватив ту же скалку, стала тыкать ею батрачек.

Не знаю, сколько вёдер воды и дров я принёс в тот день. Проходя между женщинами с водой или дровами, я несколько раз замечал, как на меня грустно и задумчиво смотрела Вера. Её пристальный взгляд смущал меня. Мне захотелось с ней поговорить, утешить её. С этими мыслями я сел на крыльцо и размечтался.

Вера не выходила.

Тогда я взял охапку дров и вошёл в избу. Переступив порог, я громко кашлянул, чтобы Вера услышала меня. Вдруг вижу, летит ко мне Наталья Прокопьевна с палкой в руке, как коршун, подхвативший сурка. Не понимая, в чём дело, я стоял, широко раскрыв глаза.

– Ах, чёрт окаянный! Я же тебе говорила, что больше не надо дров. Чего тебе нужно здесь? – закричала она и выгнала меня из избы.

Было обидно не то, что меня выругали, а то, что это случилось на глазах у Веры.

Я пошёл в землянку.

– Ну, ребята, бабы пекут сдобы, пельмени готовят. Наверно, за весь год хоть раз-то накормят досыта, – шутя сказал Тарбаган.

– Конечно, накормить должны, – откликнулся кто-то из батраков.

– Зря болтаешь, друг. Их дело работать заставлять, а кормить – это дело не их. Хозяин на Пасху гостей пригласил. Для них приготовлено, – сказал Веденей Сидоров.

Наступил день Пасхи. Снег почти везде сошёл. Земля просыхала. Было видно, как от неё идёт пар.

Веденей, Тарбаган, Чолдак-оол и я пошли вчетвером на берег Каа-Хема. Сели у обрыва на ствол подмытой лиственницы. Задевая краями солнце, плыли волнистые, как стада овец, облака. Весело щебетали зяблики.

Веденей набил трубку табаком, достал огниво, высек огонь и закурил.

– Хозяин ждёт гостей, – сказал он.

– Знаем, – сокрушённо вздохнул Тарбаган.

– Ничего ты не знаешь.

Опять сидели молча.

Позади нас громко залаяла собака. Мы обернулись. По улице, с кадиллом в руках, быстро шёл сельский поп Иван Щенов. Риза на нём блестела. Конец бороды на ветру отогнулся к плечу, как прутья у старой метлы, на груди покачивался блестящий крест. За ним торопилась вереница стариков и старух. Одни несли образа, другие тащили ивовые корзинки. За людьми двигалась большая повозка.

Батрак Щенова вёл под уздцы разукрашенного бумажными цветами гнедого жеребца. Щенов, славословя, торопливо забегал в каждую избу, а за ним, постукивая сапогом о сапог, чтобы сбить налипшую слякоть, входила его свита.

– Смотрите, ребята, – сказал Веденей, – сколько нахватал отец Иван, пока мы здесь сидим, – в телеге-то пироги, яйца, куры битые. А мы работаем день и ночь, годами мучаемся и ничего не насобирали.

– Лопни моя локтевая кость, хорошо бы родиться ламой, да борода не растёт, – с шуточной досадой сказал Тарбаган.

К нам подошла Вера:

– Хозяин зовёт вас.

Веденей, Тарбаган и Чолдак-оол ушли. Мне хотелось остаться с Верой.

– О чём вы тут разговаривали? Почему ты так смотришь на меня? Когда принесёшь мой платок? – улыбнувшись, спросила Вера.

Я смущённо молчал.

Вера сунула мне в руки узелок и развязала его. В узелке были горячие пирожки. «Вот она всегда приносит что-нибудь, а я ни разу не подарил ей ничего. Какой из меня человек?..» Я стал отказываться и протянул узелок Вере. Она взяла его и быстро переложила мне пирожки в обе руки.

– На, на, чего стыдишься? Думаешь, я не знаю, что ты их любишь?

Держа в руках пирожки, я смотрел по сторонам и думал: «Чем бы мне отблагодарить Веру?».

Я вспомнил, что в углу сада уже зацвели одуванчики.

– Пойдём в сад, – сказал я Вере. – Там цветы. Я нарву тебе в подарок.

– Пойдём, пойдём!

Вера шлёпнула меня по плечу и, крикнув: «Догоняй!» – побежала. Забыв обо всём, я метнулся за ней, твёрдо решив догнать. Вера бежала, громко смеясь. Чем больше я приближался к ней, тем веселее становился её смех.

– Не догнать, не догнать! – кричала она.

– Догоню, догоню! – задыхаясь, вторил я.

Вера ловко обегала кусты и деревья, а я то и дело налетал на

них. Ветки больно ударили по лицу, но я на них не смотрел.

– Вот и догнал.

Она остановилась.

– Ну, догнал...

Я отбежал в сторону, быстро нарвал одуванчиков и заячьих лапок – так у нас называли вербу с пушистыми серыми почками.

Я подал Вере большой букет.

– Ай, какие хорошие! – обрадовалась Вера. – Приду домой, налью в стакан воды и поставлю цветы на окно. Их мало ещё. Выросли только одуванчики. А потом, когда все вырастут, пойдём собирать? Да?

Вера закрыла лицо цветами и одним смеющимся глазом взглянула на меня.

Потом отошла в сторону и запела:

*Бор горит, густой горит,
Горит в бору сосёночка...
Не полюбит ли меня
Молоденький мальчоночка?*

В этом время до нас долетел крик Чолдак-Степана. Вера остановилась. Лицо её стало совсем другим.

– Тока-а! Верка-а! Куда вас черти унесли? – гнусавил хозяин.

– Пойдём скорее, а то беда будет, – сказала Вера и торопливо пошла домой.

Я шёл следом, глубоко дыша, опустив голову, как будто меня постигло несчастье. Я думал о Вере: поёт, словно зяблик, вытянув шейку, а потом, услышав клёкот ястреба, нахохлится и умолкнет.

Глава 2

Гости

В доме были расставлены длинные столы с угощением.

Хозяин с хозяйкой встречали гостей.

Первым явился Иван Щенов. Он уже успел напиться и, шатаясь, хриплым голосом пел:

*Кольцо души-и девицы
Я в море утопил.
И с тем кольцом я счастье
Навеки погубил.*

За ним, гремя колокольцами, подъехали самый большой богач Кок-Хаака Медведев, сарыгсепский богач Мелегин, урядник и ещё

человек десять. Был и салчакский нойон Идам-Сюрюн со своей свитой.

О приезде нойона я ещё раньше узнал от старших работников. Мы советовались с Тарбаганом, что сказать «солнечному князю»²⁸, когда он приедет. Решили, что к нойону первым подойду я.

Пробравшись в дом, я ходил среди суетившихся людей и высматривал: «Где мой нойон? Он ещё не знает, как Чолдак-Степан с нами обращается. Всё скажу ему. Идам-Сюрюн рассудит нас, уймёт своего подданного».

– А ты, подлец, зачем пришёл? – закричал хозяин, взяв меня за уши и собираясь вывести, как в первую встречу.

– Пфа! Степан, откуда ты этого оборвыша взял? – спросил Идам-Сюрюн.

– Тут у одной старухи тувинки – Тас-Баштыг. Ха-ха! Она совсем лысая. Но вы не смотрите, что он такой маленький. На работе большого загоняет, – ответил Чолдак-Степан, самодовольно кряхтя. Потом повернулся ко мне и заскрипел: – Ну! выходи, выходи.

«Сейчас нельзя», – подумал я и повернулся, собираясь уйти, но услышал за собой голос Идам-Сюрюна:

– Ну-ка, подойди ко мне.

Решив про себя, что он, тувинец, не обидит меня и рассудит по правде, я доверчиво подошёл.

– Где ты находишься, болван! Посмотри на себя. Как ты, наглец, мог показаться в таком виде! – заревел на меня нойон и ударил по лицу рукавом халата.

Нет! Идам-Сюрюн не добрей Чолдак-Степана.

Гости сидели за столом, ели и пили. В прихожей собрались ба-траки. Топтались, тихо переговариваясь. Казалось, они с нетерпением ждут, когда хоть крошка с хозяйского стола попадёт им в миску.

Я вспомнил детство. Я, сестра Кангый, брат Пежендей – в ша-тре Таш-Чалана.

Таш-Чалан – как бочка, а голова совсем маленькая. Отщипыва-ет с бараньего зада кусочки кожи и подбрасывает над нами.

Кожа поджаренная, тёмная, как спелый кедровый орех. У Таш-Чалана лицо багровое, в прыщах и угрях. А бороды нет. Зато у Чолдак-Степана борода большая, мокрая от браги, а лица не вид-но: только блестят глаза и торчит шишковатый нос.

Прогнав от себя страшный образ Таш-Чалана, я подошёл к Тар-багану и рассказал, как меня ударил сначала Чолдак-Степан, потом салчакский нойон.

Тарбаган притянул меня к себе и, глядя мои густые жёсткие во-лосы, прошептал:

– Ладно, что сказал.

²⁸ Титул Хун-нойон – буквально значит солнце-князь.

Через некоторое время гости сильно захмелели, начали громко петь, плакать, некоторых тошнило и рвало.

Главный богач Сарыг-Сева Мелегин, Иван Щенов и нойон Идам-Сюрюн громко спорили.

– Я богат, учён, и тебе не поклонюсь, – кричал Мелегину поп. – Вы, голодные собаки, вы слышите меня? – продолжал он, обращаясь к нам и расплёскивая на подрясник брагу из кружки.

– Э-э, расходился, бес! Тебе ли со мной равняться? – ревел Мелегин. Наступая на Щенова, он ухватил его за бороду.

Щенов так же яростно вцепился Мелегину в волосы. В густом табачном дыму они были со стороны похожи на петухов, дерущихся на пыльной дороге. Остальные гости, казалось, ничего не замечали.

Заметил дерущихся только сарыгсепский урядник. Хмель давно свалил его, но сейчас он протрезвел и, задрвав голову, хрипел:

– Господа, господа...

Мелегин отпустил бороду Щенова. У попа тоже разжались руки. Мелегин оттолкнул Щенова и пошёл к столу, приговаривая:

– Я тебе дам равняться со мной.

Идам-Сюрюн неподвижно сидел на корточках перед столом, сваливая голову то на левое, то на правое плечо, как игрушечный болван, которого дёргали за верёвочку.

Он толкнул сидевшего рядом тужумета и, заикаясь, пробормотал:

– Спо-ой п-п-пе-сню, п-п-па-арень...

Тужумет оперся на руки, привстал на колени и заголосил на одной высокой ноте:

Ой ынай-о-о, ой, ынай-о-о...

Идам-Сюрюн закинул голову назад и, прикрыв глаза, сказал восхищённо:

– Вот, п-п-парень! Как п-п-поёшь!

Глава 3 **Что происходит на свете**

Наступила осень 1914 года. Кругом стали говорить о войне.

За годы жизни в батраках я много испытал, вырос, возмужал. Но я ещё очень мало знал о том, что происходит на свете.

Дарья, мать Данилки Рощина, однажды спросила Тиунова:

– Откуда война пошла?

Тиунов, поглаживая чехол своего топорика, неторопливо заговорил:

– По-всякому толкуют. А я рассуждаю: пришло время – и она пошла. Ихний царь – германский – пригрозил, а наш не спустил. Один, выходит, не в уме, а другой – себе на уме, с того и пошло.

Заговорили о мужчинах. Дарья сказала:

– Раз война – мужиков не оставят, всех заберут. Девушки, сидевшие у Тиуновых, переглянулись.

– И меня небось заберут, – отчеканил я громкой скороговоркой, подражая Тиунову.

Девушки улыбнулись, а Дарья разразилась весёлым смехом:

– Сперва портки подтяни да нос оботри, солдатик!

Я заспорил с Дарьей, доказывая, что мальчишки умеют сидеть в седле не хуже больших казаков – была бы острая сабля и конь.

Прислушиваясь к разговорам о войне, я многого не понимал. Когда говорили о железной дороге, я её представлял так: чтобы земля на дороге не растапывалась, её устилают листами железа; по железной дороге бегут лошади.

Когда началась отправка призываемых в армию, крестьяне Усть-Тергиза бросили всякую работу. Сыновья Чолдак-Степана сажались на лучших коней, галопом скакали по улице – того и гляди, задавят. Сыновья безлошадных крестьян ходили вдоль улицы. Если до войны любимой песней была «Сколько счастья в море утопил», то теперь напевали: «Последний нынешний денёчек»... Впережку с песнями всюду слышались плач и причитания женщин. Почти в каждом доме пили пиво.

Но среди этого пьяного шума и плача часто раздавались голоса:

– Немец идёт на русскую землю!

– Нашего брата вздумал разорить!

– Не дадимся!

– Милые сыночки мои! Что же мне делать? Ведь убьют их там! – сквозь рыдания говорила Дарья Рощина.

– Если себя отстоим до конца, у тебя сыновья ещё будут, – успокаивал её старик Тиунов.

По улице, шатаясь из стороны в сторону и крепко ругаясь, шёл пьяный Чолдак-Степан. Его новая шёлковая рубаха была забрызгана брагой.

– У меня два сына в армию идут, – кричал он хриплым голосом. – Пускай идут защищать царя-батюшку-у! Эй вы, уйдите с дороги! А то я вам покажу-у, су-укины де-ти!

Настал день проводов. Все жители Даниловки высыпали на улицу и, сбившись кучками по пять-шесть человек, окружили отъезжающих, давали последние советы.

Вдруг залаяли деревенские собаки. По улице ехали два казака. Все повернулись в их сторону.

Илья Дутликов, деревенский староста, побежал им навстречу.

– Новобранцы готовы к отправке, – с трудом, глотая слова от волнения, доложил он казакам и поклонился.

Казаки, не оглянувшись на него, подъехали к толпе. Они не поздоровались с народом, стали кричать:

– Куда прёте? Осади!

Один казак, низенький, очень толстый и рыжий, выехал вперёд.

– Слу-шай! – закричал он истошным голосом. Он погладил усы и продолжал: – Слушай! Читаю список, кого забрали.

Народ сразу притих. Пьяные отрезвели. Люди стояли неподвижно, как каменные бабы в степи.

– Рощин Михей.

– Я! – вырвался из толпы бодрый звучный голос.

– Рощин Данилка!

– Я!

Рыжий казак назвал около двадцати имён. Как только кончилась проверка, снова поднялся шум.

– Где подводы? – обратился другой казак к Дутликову.

– Есть, ваше благородие, четыре пары, с колокольцами.

– Всем, кого выкликал, идти за вещами и собраться здесь, в этом дворе, – прокричал рыжий казак.

Веденей Сидоров, Данилка Рощин и другие работники Чолдак-Степана тоже приготовились к отъезду.

Подвели лошадей, впряжённых в телеги. Лошади мотали головами, позвякивали колокольчиками.

Когда отъезжающие расселись, люди, до сих пор стоявшие поодаль, хлынули к телегам и, обступив их, стали прощаться. Некоторые из тех, кто был на телегах, слезали снова, целовали детей, жён, родных.

– Чего стали? Трогай! – завопил казак.

Лошади тронулись.

Звон бубенцов и колокольчиков смешался с рыданиями женщин и лаем собак.

Над Терзигом стоял невообразимый гомон. Как вечерним туманом, деревню затянуло густой красноватой пылью.

Я не знал, зачем затеяна война. Но из разговоров окружающих я понял, что германцы лютуют, как звери. Они убивают жителей захваченных мест, живыми закапывают людей в землю, жгут на кострах.

Я слышал, как многие рассказывали о героях русской армии. В избах часто видел портрет Кузьмы Крючкова. Говорили, что он один заколол тридцать вражьих солдат. Я смотрел с восторгом и завистью, как он лихо сидит на коне.

– На тот год мы тоже пойдём воевать, как Кузьма. Заседлаем коней Чолдак-Степана и поскачем за Саянские горы, – хвастались

мы в кругу сверстников.

По вечерам, вместо того чтобы пасти табун, мы переправлялись на ту сторону Терзига и до самой зари гоняли лошадей, устраивая сражения.

Лето сменялось зимой, а люди с войны не приходили.

Наконец вернулся Данилка Рощин. Его не узнать: фуражка сдвинута на ухо, усы закручены вверх, как маральи рога; серая рубашка в блестящих пуговицах, голенища не сморщены гармошкой, как у охотников, а гладко вытянуты до колена, кушак широкий с нарезной пряжкой, руки в карманах. Мальчишки восторгались: «Вот это солдат!». Девушки перешёптывались. Все подходили к нему и просили рассказать о войне. Данилка охотно рассказывал, и чудилось мне, что в широкой степи сверкают мечи, ломаются копья и наши земляки теснят полчища Караты-хана.

– А ты сам видел германцев? – спросил кто-то.

– А ты думал? И в плен брали. Из окопа прицелишься в другой раз, как в твою косулю. А не видя, как будешь стрелять? – посмеивался Данилка.

– Ну какие они, германы? – наседали ребята. – Как мы или другие?

Не похожи. Фуражка у нас простая, а у них как монастырская крыша: на макушке – шишка, а по бокам – рога.

– А сильны они? Ты их повалишь, если без всего, без ружья?

– Без всего они не идут. К пике и штыку не приучены. На одного нашего нужно десять германских солдат.

– Ишь ты! Так, так...

– Зато смерть хитрые они, германцы-то. Оденутся в нашу форму, пролезут на склады и воруют припасы, оружие. Нам, бывает, и стрелять нечем... И так бывало: смотришь – ровное место, травой поросло. Вдруг из-под земли, как в твоей сказке, выходят ихние артиллеристы и выкатывают с собой пушку. Загодя приготовились воевать.

Через несколько месяцев пришёл домой и наш Веденей. Много вечеров и ночей мы просидели с ним в нашей землянке, слушая его спокойную, увесистую речь о том, как рабочие и солдаты скинули царя, и о том, как власть перешла в руки Советов.

Глава 4 Партизаны

В наши места приходило много вооружённых людей. Про одних говорили, что это белые, про других – красные, про третьих – монголы.

Был осенний вечер. Солнце ушло куда-то за Саянские хребты, и

только его алые отблески кое-где лежали на самых высоких шапках горы Кускунгуг. Такой алый закат напоминает мне приметку охотника Томбаштая, говорившего: «Завтра будет хороший день, и он принесёт нам удачу».

«Да, – подумал я, – хорошо было бы, если бы эти непонятные для меня люди, именующие себя красными партизанами, дали нам завтра хорошую жизнь, хорошую удачу. Веденей Сидоров зря не скажет».

Однажды я на сивом коне хозяина поехал на Терзиг за скотом.

Тамошные ребяташки видели стадо, уходившее вверх по ущелью Мерген.

«Кто напугал моих коров? Теперь до ночи с ними не управлюсь, – невесело думал я. – Ой, как проучит меня хозяин!»

На перевале навстречу мне выехало около тридцати вооружённых людей.

– Откуда едешь? Знаешь, где белые? – спросил один из них по-русски.

Я, мотая головой, сказал по-тувински, что ничего не знаю.

В это время к нам подкакал на красивом коне человек в кожаной тужурке, с револьвером и гранатами за поясом.

Он стал ругать товарищей:

– Зачем вы привязались к мальчику? Бросьте, ребята!

Я обрадовался, услышав эти слова.

– Товарищ командир, разрешите сменить у него лошадь, – обратился один из всадников к тому, который подъехал.

– Это другое дело. Безусловно, можно сменить, – сказал командир.

Тот, что спрашивал, подошёл ко мне.

– Ты возьмёшь моего коня, конь хороший, но сейчас устал, мы обменяемся, – сказал он по-русски.

Когда я слез, он оседлал своего коня моим седлом.

– Ну вот, у тебя замечательный конь! – добродушно смеясь, сказал партизан. Он стал седлать Сивку.

Я увидел, что получил в обмен действительно хорошую лошадь. Ей надо было только отдохнуть немного.

Отряд тронулся. Командир ещё медлил. Я спросил его по-русски:

– Кто вы такие, откуда приехали?

На его лице я увидел удивление.

– Ты только что говорил, что не умеешь говорить по-русски. Когда же ты научился?

– Я работник Чолдак-Степана, – объяснил я ему. – Я испугался вас и потому обманул.

– Нас не надо бояться. Мы красные бойцы Щетинкина – партизаны. Слышал? Мы пришли защищать бедняков.

Он вынул из перемётной сумы краюху хлеба и протянул мне со словами:

– Возьми на дорогу. До свиданья, товарищ.

– До свиданья!

Проводив своего нового знакомого, я задумался: «Что мне теперь делать? У меня чудесный большой конь, но он совсем измучен. На нём не поднимешься в горы, не угонишься за коровами. А если я и найду коров, то понравится ли Гнедко Чолдак-Степану? Ведь хозяин мой тоже с норовом, как старый Рыжка. Нет, уж лучше не возвращаться домой». И я поехал к матери.

Глава 5 Как хорошо!

Бедный Гнедко еле-еле переставлял ноги. Мне стоило большого труда заставить его пойти хотя бы трусцой. Конь – животное умное; недаром он сразу понял, что ему вверена жизнь нового седока, и теперь в меру оставшихся сил перебирал ногами.

Я погладил конскую шею.

«Откуда ты, из каких краёв света и почему молчишь? Должно быть, тебе действительно досталось! Чу, чу! Повеселей, осталось немножко, скоро покажется наш берестяной чум. Приедем – подкормлю тебя, ты поправишься и станешь не хуже Сивки».

Когда мы добрались до Мерген, день уже кончался. В золотой мгле вечера ещё ярче пылали облетевшие листья. Они так густо усыпали землю, что мой конь, только что прихрамывавший на степной дороге, пошёл спокойно и уверенно.

Вот и наш чум. Стоит он вдали от других чумов, затерявшись в чаще мергенской тайги у подножья горы Кускуннуг. От чума узенькой струйкой вытянулся к небу голубой дым. Так тихо, что слышно, как в костре трещат сучья.

Соскочив с Гнедка, я расседлал его и пустил пастись. Куда девалась его усталость? Отойдя в сторону и опустившись на бок, Гнедко принялся кататься, потом вскочил, встряхнулся и так фыркнул и заржал, что эхо разлетелось по всем хребтам, словно фыркало и ржало сто лошадей.

Мать сидела около костра и подсовывала к середине наполовину сгоревшие сучки. Она крепко обняла меня, прислонившись к чуму. Сестра Албанчи вместе с Сюрюнмой ушла на заработки в соседние аалы.

– Ох, мама, как у тебя хорошо! – воскликнул я, прижимаясь к матери. – Сколько здесь новых цветов! Ведь я их раньше не замечал. Мама, дорогой мне встретились русские всадники, говорят: «Мы партизаны». Сначала я испугался, а потом вижу – они за нас: Чол-

дак-Степанова Сивку забрали, зато дали мне тоже неплохого коня. Да ещё подарили вот этот хлеб.

– Наверное, ты встретил их, когда они ехали от меня. Утром я услышала в ущелье топот. Они спустились берегом и остановились у чума. Попросили позволения сварить обед в нашей чаше. На прощанье подарили жёлтого табаку и чаю. Это, верно, и есть красные партизаны, сынок.

Мы вышли из чума. Гнедко усердно щипал траву, поглядывая на нас одним глазом.

– Мама, – сказал я, – надо скорей выходить Гнедка, у него остались одни рёбра.

– Ничего, мой сын. Гнедко быстро поправится, смотри, какая трава. Вот и мы такие же, как Гнедко, – измученные, измождённые, но и мы теперь поправимся, потому что, как все говорят, там далеко-далеко богачи пали; под небом возвысился новый, красный батыр, он, слышать, собрал людских сынов с четырёх краёв света и пошёл защищать бедный народ.

– Знаешь, мама, когда Гнедко оправится, я отведу его в Сарыг-Сеп к красным батырам. Они мне всё расскажут, – сказал я.

Глава 6 Костры горят

Много дней пассив Гнедко в долине Мерген, в густой траве. Он стал снова гладким. Теперь можно было оседлать его и скакать в Сарыг-Сеп.

Гнедко щипал траву. Я подошёл к нему с уздечкой. Он поднял голову и, нехотя посмотрев на меня, стал ещё проворнее щипать сочную зелень.

– Жалко тебе уходить от нас – нестись по неведомым тропам? Или ты хочешь набрать больше сил перед дорогой? Тебе не скучно у нас, Гнедко?

Я оседлал коня.

– Авам²⁹, авам! Я готов!

Мать выбежала из чума:

– Отдай партизанам коня и скорее возвращайся домой. Хорошей дороги, с богом, сынок!

Попрощавшись с матерью, я выехал на дорогу в Сарыг-Сеп.

– Куда спешишь, Тока? – раздавались знакомые голоса.

– К партизанам! К партизанам! – откликнулся я, протягивая руку к сарыгсепским хребтам, по гребню которых уже скользило вечернее солнце.

²⁹ Авам – мать.

Одни одобряли, другие провожали насмешками:

– Только тебя, сопляка, там не хватало.

– Как ягнёнок, попадёшь на зуб синеглазому волку.

Тропа круто изгибалась между замшелыми курганами и песчаными холмами. Я ехал напрямик; Гнедко с разгону взлетал на пригорки и легко перепрыгивал низкорослый караганник. Выскочив на сарыгсепскую возвышенность, я увидел под собой костры лагеря.

Это самое красивое место Каа-Хема. Высокие отроги Тоджикской Кызыл-тайги и Танноуольского хребта близко подошли к Каа-Хему. Кажется, они гранитной стеной остановят его. Но Каа-Хему не страшны никакие скалистые преграды. Каменные обломки стали на его пути порогами, а он мчится навстречу родному брату – Бий-Хему. Берега Каа-Хема роскошно одеты, толпами сбежались к ним с таёжных уступов стройные лиственницы, берёзы, ели и кедры. В прибрежной чаще водятся во множестве косули, кабаны, маралы, соболи, выдры, за которыми так искусно охотится Томбаштай.

На берегу Каа-Хема среди густых зарослей разбили партизаны свой стан, разложили костры. Ярким заревом осветилась земля. Казалось, что горит один огромный костёр, искры от него взлетают роем золотых пчёл и гаснут в облаках. Мне вспомнилась сказка Тарбагана и костёр под скалой, где Кодур-оол с отцом собирались на охоту. Но то, что я увидел, уже не было сказкой о далёком счастье. Это был лагерь красных партизан. Они шли в бой за наше счастье.

Когда я спустился в долину, была уже ночь. Гнедко заржал, почуяв лошадей. Приарканив его, я робко стал подходить к стану. Партизаны чистили оружие, готовили снаряжение. Закончившие работу вели оживлённый разговор. Мне хотелось всё узнать, особенно – поговорить с главным, спросить, что происходит на белом свете. Я потихоньку ходил, приглядывался.

Партизаны остановились здесь на ночлег, готовились к какому-то сражению, очевидно против белых, засевших в верховьях Каа-Хема.

Сначала я встречал только незнакомых, и глазам своим не поверил, когда среди партизан увидел Веденя Сидорова, Тарбагана и Санжа. Они были одеты как всегда, и всё-таки вид у них был совсем другой. Они чистили ружья и о чём-то спорили. Не помню, как я очутился у костра. Я ещё ни одного слова не вымолвил, а моя рука уже невольно потянулась к ружьям.

– Я думал, вы по Степанову наказу где-то далеко работаете, а вы оказались у партизан с ружьями, – сказал я своим товарищам-батракам.

– Да, мы ушли позже тебя, откуда же ты сыскался? – спросил за

всех Веденей.

Я рассказал о коровах, о Сивке и Гнедке, о разговорах с матерью и заключил:

– Теперь к хозяину пойти – плохо будет, не пойти – тоже плохо. Счастье моё, что вас повстречал.

– У Чолдак-Степана чего теперь искать? – смеясь, ответил Веденей. – А бояться его нет нужды. Пойди лучше к нашему командиру партизанскому и с ним посоветуйся, – вот будет хорошо.

Правильно говорит Веденей, – сказали другие партизаны.

Я ещё больше осмелел. Смотрю, кругом много людей с ружьями. Сидят по пять-шесть человек у костров, некоторые в котелке варят еду, другие сушат одежду, подшивают обувь, чистят ружья.

Тарбаган взял меня за руку и молча повёл к соседнему костру. Не дойдя до него несколько шагов, шепнул:

– Смотри. Это кто?

Я увидел Веру. Она сидела около костра, одетая в полушубок, и чистила картошку. Мои ноги словно приросли к земле. Я только хотел шагнуть вперёд, как звонкий голос Веры меня опередил. Я услышал знакомый напев, знакомые слова:

*Бор горит, густой горит,
Горит в бору сосёночка...*

– Пойдём к ней, подойдём, – подбадривал меня Тарбаган, – ведь вы вместе жили в работниках...

Я упёрся, хотел убежать. Вера была старше меня, но мне всё-таки было стыдно, что я отстал от неё. Сильные руки Тарбагана подтолкнули меня к Вере. Мы поздоровались.

В дублёном полушубке и заправленном в его воротник мохнатом платке Вера была неуклюжая, но такая милая! Она улыбалась.

– Откуда пришёл, куда идёшь? – спросила Вера.

– Пришёл узнать, что за люди партизаны красные и кто такие белые. К Чолдак-Степану я не пойду. И коня его партизанам отдал. Как ушёл в тот раз, так и не приходил.

– С той поры?.. А мы боялись – попался к белым. Хорошо, что ты не вернулся к Степану.

У меня в мыслях было одно: больше никуда не уходить, остаться здесь с моими друзьями, с Верой.

Она тоже направила меня к тарге³⁰ в кожаной тужурке:

– Подойди к нему, всё скажи.

Вглядевшись, я узнал того самого человека, что дал мне когда-то Гнедка и буханку хлеба.

Я осторожно подошёл и сказал:

³⁰ Тарга – начальник.

– Эки-и!³¹

Тарга повернулся ко мне и весело рассмеялся:

– Здорово, здорово! Откуда ты, какими судьбами? Садись, садись!..

– Я пришёл к вам, меня мать прислала.

– Рассказывай, рассказывай.

– Как обменялся тот раз с вами лошадьми, назад не пошёл к хозяину: за коня Чолдак-Степан может убить. Думаю, что делать – сидеть в нашем чуме, или пойти к хозяину, или... Вы меня возьмёте с собой?

– Хо-хо! Степана ты не бойся. Были хозяева, им помогал белый царь, а теперь нет царя и хозяев давно скинули. Кто теперь хозяин? Небось, этот народ, – партизанский тарга провёл рукой от ближних к дальним кострам, – и весь народ в нашей стране, и мы с тобой.

К тарге подходили партизаны, он деловито выслушивал их и отдавал распоряжения, а потом снова разговаривал со мной. Из слов тарги я хорошо понял, что ослабла власть баев и теперь бедняки сами стали хозяевами своей судьбы. Всё же мне было неясно, как я должен поступить с Чолдак-Степаном. Я снова спросил:

– Возьмите меня с собой, я боюсь хозяина.

– А ты не бойся! – он что-то написал и протянул мне маленькую бумажку. – Если понадобится, скажи: из войска Щетинкина... взяли, мол, твоего коня, и покажи эту записку.

Я подержал бумажку, сжав её по краям пальцами обеих рук, сложил пополам и сунул за пазуху.

– С нами идти не торопись. Сейчас мы идём далеко, в опасные места, а с тобой встретимся в Хем-Белдире, – сказал тарга.

После разговора с командиром я вернулся к своим. Веденей накормил меня ужином и положил с собой у костра.

Разбудила меня труба. Вокруг седлали лошадей, собирали обозы. Тарга сидел на своём вороном коне, который храпел и рвался с места. По его команде партизаны по очереди произносили: «Первый, второй, третий... сто первый... двести седьмой...».

Как мне было приятно, когда я различил голоса моих друзей. Теперь при помощи красных партизан они и сами стали свободны и нам помогают!..

– По коням! – раздалась новая команда, и сотни людей вскочили в сёдла.

Оставался один Гнедко. Я подбежал к нему и, собрав аркан, подвёл к тарге. Увидев меня, тарга повернул на месте своего вороного:

– Куда, парень, собрался? Я же тебе говорил – встретимся в Хем-Белдире.

³¹ Здравствуйте!

– Я... Я хочу... примите Гнедка.

– Это другое дело. Петров, возьми коня... Ну, спасибо, до скорого свидания!

Простившись со мной, тарга снова повернулся к строю.

– Справа по три ма-арш! – скомандовал он нараспев, и партизанский отряд двинулся вверх по Каа-Хему.

– Ну-ка, запевай!

Кто-то высоким голосом затянул:

За лесом солнце воссияло...

Сердце моё сжалось. Как мне расстаться с братьями-батраками Веденеем Сидоровым, Тарбаганом, как мне расстаться с Верой, которая тоже собралась и уже сидела на обозной телеге. Она тронула повозку и машет платочком.

Я сорвал шапку и крикнул:

– Прощай, Вера!

– До свидания, увидимся!

Кони рванули. Обоз утонул в облаке пыли. Я побежал вперёд – к переправе. Не успел: они были уже на середине Каа-Хема.

Долго я смотрел вслед уходящим в поход партизанам. Почему я мал, почему я не осмелился побежать сразу и должен один оставаться на берегу Каа-Хема?

Вернувшись к матери, я всё ей рассказал.

– Я уже стара, трудно мне угнаться за тобой, ты теперь большой стал, вырос. Вот что я посоветую тебе, мой сын: поезжай в Хем-Белдир, как сказал твой тарга. Я соберу тебя в дорогу. Там тебе добрые люди помогут, научат, что делать.

Глава 7

Партизаны ушли

Шла осень 1919 года.

Партизанская армия Щетинкина, разгромив банды Бологова и других колчаковцев, двинулась в обратный путь: Минусинск – Красноярск, на соединение с регулярными войсками Красной Армии, шедшей тогда из Центральной России в Сибирь для борьбы с Колчаком.

С бойцами Щетинкина ушли и местные партизаны Кочетова и Хлебникова. Нойоны, ламы и кулаки, обрадовавшись уходу красных партизан, начали расправляться с аратами-бедняками и русскими батраками.

В Каа-Хемском районе, в Сарыг-Сепе и его окрестностях орудовала банда купца Сафронова и кулака Мелегина, которые до ухода

партизанской армии Щетинкина скрывались в районе Терехоля. Особенно лютовали сыновья Чолдак-Степана.

Бандиты напали на аалы под Терзигом. В одной из юрт они схватили нашего Кол Санжа.

Уйдя из Сарыг-Сева вместе с Тарбаганом, Веденеем и другими батраками, он стал связным в отряде Сергея Хлебникова. Белобандиты закопали его живым.

Теперь я боялся оставлять мать одну и только по необходимости отлучался в Сарыг-Сеп. Порою приходили вести, что новые партизанские группы из восточных и центральных посёлков Тувы стягиваются к Хем-Белдиру под начало вернувшегося от Щетинкина Сергея Кочетова; но из наших мест партизаны исчезли. Этим воспользовался мой хозяин Чолдак-Степан. Однажды, отдуваясь и отгребая назад сбившиеся на глаза мокрые волосы, он подскакал к нашему чуму. Чолдак-Степан был взбешён, не мог отдышаться и только гудел:

– У-у-у!..

Потом, соскочив с коня, захрипел:

– Ядараан кулугур³², а-а-а! Видела?! Партизаны ушли твои, теперь их нет! Го-го-го! Хватит вам! Повидали свободу!

Мы молчали. Мать старательно набивала трубку. Опустившись к костру, она приложила уголёк к чашечке с табачной пылью и стала прикуривать, всасывая воздух быстрыми рывками, как будто боялась, что огонь в трубке погаснет, не успев разгореться. Овладев собой, она тихо спросила:

– По какому делу ты пришёл, хозяин?

Чолдак-Степан ехидно захохотал, уткнув руки в бока и вскидывая голову, как турпан, заглывающий мальков.

– Го-го-го! По какому делу! А по какому делу твой щенок убежал? По какому случаю моего Сивку красным отдал? Хватит! Пошли!

Ещё минута – и Чолдак-Степан по старой привычке вцепится в мои волосы. Я вышел из чума. За мной грузно вывалился Чолдак-Степан. Достал из-за голенища кнут и кивнул на дорогу. Я не двигался с места.

Чолдак-Степан замахнулся. Он хотел меня проучить. Но мать уже была здесь. Она схватила хозяина за руку, восклицая по-русски:

– Не делай греха! Не делай греха!

Хозяин взревел, обливая её потоком брани.

Мать не сдержалась и плюнула ему в лицо. Я оглянулся – нет ли вблизи людей – и шагнул к матери. Что с ней? Она стоит на коленях? Нет, сидит на земле, покачиваясь из стороны в сторону, как

³² Ядараан кулугур – бранное слово (буквально: нищая, подлая).

будто рассказывает старинную сказку. По её голове растеклась кровь. Отвернувшись, Чолдак-Степан вытирает рукоять кнута.

Видя, что я поднял камень и подхожу к хозяину, мать остановила меня:

– Оставь! Он больше не тронет...

На другой день за мной приехали гонцы от Идам-Сюрюна. Они угрожали матери законом «девяти пыток», если я не повинюсь перед хозяином и снова послушаюсь его.

– Прощай, авам! Я пойду посмотрю...

Провожая меня, мать сказала:

– Пойди посмотри. Поищи людей, у которых есть новый закон, защищающий бедных.

Глава 8 **В ставке нойона**

Всадники погнали меня не к Чолдак-Степану, а в ставку нойона. Они трусили рысцей, покрикивая, как на ленивую лошадь, «чу, чу!» и пощёлкивая кнутом.

Этот путь показался мне бесконечно долгим. Чего я не передумал в короткие сумерки, пока гонцы Идам-Сюрюна травили меня, как зайчонка, подгоняя к шатру «солнечного князя».

Когда-то этими тропами, поросшими полынью, волочили на допрос мою мать и сестру Албанчи. Может быть, срывавшиеся с их ресниц горькие капли, высохнув, ещё белеют солью на пучках придорожной травы, а стебли её побурели оттого, что впитали в себя кровь, которую роняли мать и Албанчи, когда они из ставки нойона, истерзанные, торопились вернуться к нам. Нет, этого не может быть, – с тех пор прошло много снегов, и весенние воды чисто обмыли землю. Но и сейчас на пытки ведут людей – таких же, как Тас-Баштыг и Албанчи. Кто может за них отомстить?..

Аал нойона состоял из двух десятков чёрных юрт. Посередине возвышался шатёр князя и юрта-канцелярия. Они сверкали белизной и роскошью, как в сказке Тарбагана. Не знаю, в какой разряд нойонских слуг входили мои погонщики. Судя по осанке, с которой они держались в седле, каждому из гонцов Идам-Сюрюна был присвоен чин ха – адъютанта, а то и чалана – судьи-следователя. Но от их важности ничего не осталось, как только мы приблизились к белому шатру. Спесь и жестокость на их лицах сменились покорностью и страхом.

Всё же один из гонцов, спустившись с коня, обратился ко мне с такой речью:

– Знаешь ли ты, черепаха, куда тебя принесла судьба? Она принесла тебя в аал солнечного нойона – правителя Салчакского хошуна. Теперь увидишь, как надо блюсти закон, повинуйся хозяину,

которому тебя отдал великий правитель. Ты будешь вечно благодарить, если судьи не пошлют твою душу за солью³³ и позволят смотреть на голубое небо, посадив твоё тело на цепь рядом с этими молодцами, – и он вытянул руку к белой юрте, возле которой лежали истерзанные люди в кандалах.

В ставке нойона я три раза встречал солнце и дважды провожал его на другом краю неба, стоя на коленях, прикованный к колоде. Так вот встречала его на востоке и провожала на закате, ведя счёт ударам своего сердца, сжимавшегося тревогой за нас, наша мать Тас-Баштыг и наша сестра Албанчи, когда тужуметы пытали их девятью пытками.

Пришло время допрашивать меня. Я сидел у входа в юрту перед дежурным тужуметом со связанными назад руками.

Тужумет восседал в коричневом шёлковом халате с парчовой обшивкой, в плисовой остроконечной шапке с белой стеклянной шишкой на макушке и павлиньим пером. Вертя в руках табакерку, он часто открывал её, высыпал щепотку на ладонь, подносил к носу и втягивал табак. Потом он пронзительно чихал и сморкался на край очага.

– Говори, нищий беглец, почему убежал от хозяина, которого светлый нойон назвал своим братом? Почему отдал его коня красным русским?

Я смотрел на тужумета, шевеля за спиной кистями скрученных рук, и молчал.

Тужумет снова втянул понюшку табака. Начихавшись, он закатил глаза и зловеще заговорил нараспев:

– Выучив девять наук, ты научишься говорить. Знаю, почему ты молчишь: твоих щёк ещё не гладил шаагай, твоей кожи ещё не целовали розги. Сейчас они тебя приласкают.

Проклятый тужумет! Он противнее Таш-Чалана. Тот дразнил нас кусочком бараньей кожи, а этот хочет снять кожу с живого человека. Я не хотел отвечать тужумету, но моя гортань и мой язык сами заговорили незнакомым мне голосом:

– Не смеете бить! Я ничего не сделал – вернулся к матери, хочу в Хем-Белдире учиться, а конь понадобился партизанам.

– Да-да-да! Ничего не сделал! Только прогневил нойона и наступил на закон! Ты вернёшься к своему хозяину. Будешь до смерти откупаться за его коня! Хочешь учиться? Поучим.

Палачи вцепились в мои волосы и прижали голову к своим коленям. В руках у них – кожаные мешочки с песком. Вот они, шааги, – тяжёлые, как байский кулак, жадные, как язык дракона. Сейчас они меня лизнут в щёку... Я зажмурил глаза.

– Раз! Два! Три! Четыре!..

³³ Поехать за солью – на тувинском языке значит умереть, отправиться на тот свет.

Правая щека горит и ноет, как будто из челюсти сразу вырвали все зубы.

Тужумет приказал повернуть голову. Ещё десять шагаев.

– Раз!.. Два!..

Слуги подняли мою голову, но продолжали держать её за волосы, ожидая приказа.

– Куда теперь пойдёшь? – спросил тужумет.

Теперь у меня горели одинаково обе щеки, но ещё сильнее горело сердце. На этот раз язык не послушался. Я сам решил ответить тужумету и крикнул:

– Пойду к партизанам!

По знаку тужумета меня раздели и придавили к земле вниз лицом. Пропустили вторую науку и стали учить третьей: это – манза, доска длиной в руку, шириной в ладонь и толщиной в палец. Бьют ею с маху, поочерёдно – справа и слева, как выбивают шерсть или молотят снопы.

Я потерял сознание. Очнулся: кто-то льёт на меня воду, кто-то кричит:

– Теперь понял, куда надо идти?

Я не хочу и не могу говорить, но в ушах продолжает шипеть ненавистный голос:

– Ещё раз слушаешься – будем сжимать пальцы клещами – это очень приятно, забьём под ногти тростниковые перья – это ещё приятнее, поставим коленями на щебень – будет удобно и весело, накрошим в глаза мелкого, как порох, волоса – лучше увидишь своих партизан, подвесим за ноги и выкоптим над костром – будет вкуснее собакам глодать твои кости.

Напомнив о девяти пытках, унаследованных тувинскими нойонами от маньчжурского хана, тужумет приказал:

– Развяжите ему руки, бросьте в чёрную юрту. Как обсохнет, отведите его к хозяину. Извинитесь перед ним и скажите, что мы исправили своего подданного. Если опять что-нибудь случится, пусть сообщит нам.

Лёжа в чёрной юрте, я снова думал о людях. Раньше я размышлял: «У людей неодинаковые обычаи, вот и не могут они понять друг друга. Так и Чолдак-Степан; он ненавидит меня, презирает, а тувинский бай смотрел бы иначе, считал бы человеком». Жизнь уже давно разубедила меня в этом. Сдружился я со всеми работниками Чолдак-Степана, а ведь они тоже разные: одни – тувинцы, другие – русские. Тарбаган!.. Вера!.. Им хорошо среди смелых партизан. Какой хороший тарга – обещал скоро встретиться в Хем-Белдире! А Идам-Сюрюн, светлый нойон? И его тужуметы? Они сдружились с Чолдак-Степаном. Все они ненавидят и казнят бедняков – таких, как Данилка Рошин, Сергей Санников, Веденей Сидоров, Тарбаган, Томбаштай.

Через несколько дней меня погнали назад – так же, как пригнали в ставку нойона.

Глава 9 Прощай, мама!

Я снова очутился в плену у кулака. В нашу землянку не забежит Вера. Не расскажет сказку Тарбаган. У Чолдак-Степана новые батраки.

Наступила зима. В один из дней пришла горькая весть: умерла наша мать Тас-Баштыг.

Я побежал к хозяину.

Расчёсывая бороду, он вскинул на меня колючие глаза.

Отпущу, когда помрёшь сам. А сено возить, хлеб молотить, лошадей поить, за коровами убирать – кому прикажешь?!

– Я недолго!

– Долго ли, коротко ли – убытки от вас терпи. Хватит, повольничал! – наотрез отказал хозяин.

Посоветовавшись с работниками, я ушёл в ночь тайком.

Мороз высушил воздух, выдавил из него последнюю влагу. Теперь всё на земле острое, колкое.

На небе нет луны, но кругом мерцают снежные равнины, холмы и горные пики. За холмами перекликаются волки. Им идти дозором по снежному царству, рыскать из края в край степи, щёлкать зубами, окружив свою жертву. Но мне не до них.

– Прощай, мама! Какой страшный путь ты прошла!

Тогда я не мог ещё понять великого благородства нашей матери. Никто из нас не понимал, что Тас-Баштыг – поистине героиня, одна из многих араток-беднячек, которых чтит освобождённый народ. Они мужественно отстаивали существование и будущее своих детей. Они учили нас ненавидеть врагов и любить друзей, пришедших помочь беднякам-аратам освободиться от вековой кабалы.

Вот и чум, в котором я родился. Отсюда мать выносила меня любоваться нашей Мерген. Но стенки чума ещё больше обветшали. Сквозь щели видно пламя костра.

У входя стоит Кангый. Увидев меня, она закрыла рукавом лицо:

– Мать разлучилась с нами.

Угол чума, где лежит мать, отгорожен козлиной шкурой. Братья и сёстры готовят прощальную пищу.

В округе много лам. Они тоже, как волки, рыщут по юртам за добычей. Но в чум такой беднячки, как наша мать, не зайдёт ни один лама.

На почётном месте за очагом сидит шаман Сюзюк-хам.

Он встаёт, закрывает глаза, потрясает медными бляшками на халате, бьёт в бубен. Его голос перекликается с побрякушками:

*Я плыву в облаках.
Дух мне говорит на лету:
«Мало дашь – попадёшь в ад,
Много дашь – попадёшь в рай».*

*Я сведу вас к духам, если хотите.
У вас нет больше козы,
Вы отдали её в жертву духам.*

*Козлят пожертвуйте добрым людям,
Я приму их, если хотите.
В вашей суме есть ножи...
Они принесут несчастье.
Я приму их, если хотите.*

*Облака остались на небе.
Я спускаюсь на землю.
Дайте трубку, налейте чашку.
Духам нужна арака покрепче.
Я приму от вас, если хотите.*

Шаманская панихида окончена. Съедена коза, выпита арака, купленная за три цены у соседних баев.

Ни у одного нет шёлкового кадака³⁴. Мы разорвали свои рубахи, запеленали мать и перевязали арканами. Понесли её по хрупкому снегу на холм. На вершине, не зарывая в землю, укрыли камнями. Отсюда рано виден восход солнца. Его лучи золотят бязевые лоскутки, привязанные к высоким древкам. Пусть они развеваются по ветру, охраняя мать на её последнем кочевье.

Глава 10

Я иду к цели

Простившись с могилой матери, мы разошлись. Шаману не отдали наших ножей. Ему пришлось удовольствоваться козлятами.

На обратном пути я узнал от встречных, что белые пришли на Терзиг с верховья Каа-Хема для вербовки новых людей. В их отряде уже были – не рядовыми, а главарями – Евстигней Михайлов, Пичугин и другие головорезы из кулаков Терзига. Всего человек

³⁴ Кадак – широкий шарф из дешёвого китайского шёлка.

сорок. Бандиты избивали нагайками местных бедняков, заставляли вступать в банду, угрожая расстрелом. Большинство батраков и бедняков попрятались в леса, многие ушли в Сарыг-Сеп, куда подтянулись партизанские отряды Сергея Кочетова и Хлебникова.

Поздним вечером я подошёл к хутору Чолдак-Степана. Кто на хуторе – они или наши? Что сделает со мной хозяин за мою самовольную отлучку? Ясно, что отомстит, может быть, убьёт. А кто будет мстить за нас, за нашего Санжа, которого белые закопали живым в Бозураа, за мою мать, с которой мы навсегда простились на берегу Мерген?

Я быстро зашагал вдоль плетня к землянке – в ней темно и пусто. Во дворе на привязи потные лошади.

В избе горел огонь. За морозными стёклами мелькали силуэты людей, но, как я ни вглядывался, различить их лица не удавалось. Кто это: они или наши?

На цыпочках я вошёл в сени и сразу услышал голос Чолдак-Степана:

– Мы им покажем! Мы им покажем!

Ему возражала хозяйка, визгливо выкрикивая:

– Не горячись! погоди! Надо подумать, кого взять перво-наперво.

– Прокопьевна права, горячиться не надо, делать всё надо умеючи, – уговаривал хозяина купец Сафронов.

Ещё осторожнее я выбрался во двор и столкнулся с Данилкой Роциным.

– Тока? Иди за мной.

Мы зашли под навес. Оглянувшись на двор, Данилка заговорил:

– На хуторе и в деревне третью ночь стоят беляки. Днём громили избы. С вечера пьют. Видишь, даже забыли выставить часовых.

– Что делать?

Немного подумав, Данилка ответил:

– Пойдём в Сарыг-Сеп, скажем командиру, где беляки и сколько их. А пока снимем уздечки с их коней, пускай гуляют!

Мы прошли задами в огород. Там лошадей ещё больше, чем во дворе, но их сразу не разглядишь: всё окутал пар, похожий на туман от родника, обволакивающий землю в сильный мороз.

Сняв уздечки с заиндевевших коней и припрятав их до времени, мы поспешили в землянку. Данилка кивнул мне на развешанную на стенах упряжь, а сам стал подрезать подпруги у сёдел, сваленных в кучу около печи.

Кончив дело, мы покинули землянку и стали пробираться дворами. Кругом рыскали белые. Где же ты, Сарыг-Сеп? Где вы, смельчаки-партизаны?.. Пока избы Усть-Тергиза виднелись среди задымлённых морозным туманом холмов, мы молчали. Под ногами громко хрустел снег.

Первым заговорил Данилка:

– Вот и Сарыг-Сеп. Теперь говорить можно о чём хочешь, с Усть-Тергиза не услышат. Язык у тебя не отмерз?

– Я смотрел на тебя, на взрослого; думал – ты молчишь, чтобы не услышали белые. Нагонят – и всё пропадёт, что мы задумали. Ведь так?

– Так-то так... С вечера не ушли бы – и тебе, и мне не быть в живых. Мать сказала сегодня: «Иду Степановым двором, а он сам навстречу; пытал, где ты, где другие работники, грозился: «убью!».

– Это он от водки. Напьётся – всегда грозит.

– Нет, сейчас другое: конец почуяли – и зверствуют. А водка – она ещё больше распяляет зверя. Ему одного-другого заколоть мало – надо, чтоб кругом кровь текла! Стали всех убивать, кого сыщут. Не попадайся им, скачи с партизанами в Хем-Белдир.

Стали входить в Сарыг-Сеп. Я с трудом поспевал за Данилкой. Он шагал всё быстрее и быстрее. Из темноты раздался голос:

– Кто идёт?

– Я! Данилка!

– Пароль? – Из тьмы выросла огромная доха.

Данилка что-то ответил – важно, вполголоса.

– Проходи! А паренёк в ушанке без одного уха кто будет – ординарец твой? – усмехнулся часовой, опустив к земле карабин.

– Ага, он мой, мой! Пропусти, товарищ!

– Твой так твой... Проходи, ординарец...

По дороге Данилка спросил у другого человека с ружьём:

– Товарищ, мы к Сергею Хлебникову. Где его найти?

Оказалось, недалеко – в бывшем доме купца Сафронова. У калитки – опять часовой. Разглядев нас, он радостно воскликнул:

– О-о! Данилка пришёл! Командиру тебя и нужно. Заходите, заходите.

Когда Данилка показался на пороге, человек среднего роста, с круглой бомбой, похожей на кедровую шишку, и револьвером за ремнём, поднялся ему навстречу.

– Ну, сколько их, какое оружие, много ли берданок, винтовок?

– У Сафронова и Мелегина людей немного. В Усть-Терзиге – до сорока, почти у всех берданки, с десятков винтовок. Часть ихней банды осталась в Бельбее и Кок-Хааке.

– Верно говоришь?

– Верно, верно, – подтвердил я донесение Данилки, – их столько и будет, мы запрятали их уздечки и подрезали ремни у сёдел.

– Молодцы!

Командир подошёл к столу и развернул большой лист бумаги.

– Так, так... Сарыг-Сеп... Терзиг... переправа... Постой, я забыл спросить: среди белых есть чиновники нойона? – Он оторвался от бумаги.

– В Усть-Терзиг наезжали гонцы от Таш-Чалана и управители Сосар-Барынма.

– Понятно... Петров! – крикнул командир.

На его зов, легко изогнувшись под низкой притолокой, влетел молодой партизан.

– Слушаю, товарищ командир! – Он так притопнул валенками по половице, что в домике вздрогнули стёкла.

– Товарищ Петров! Разбуди всех партизан, выстрой во дворе и доложи. Сколько минут просишь?

– Двадцать, товарищ командир.

– Исполняй!

Когда Петров, сделав «кругом», исчез, командир достал из кармана расшитый узором кисет и протянул нам:

– Пожалуйста, товарищи.

Пока они завёртывали табак и закуривали, мимо окон уже замелькали вереницы людей.

– И нам пора...

Мы вышли во двор. Петров ходил перед строем, то появляясь в свете окна, то снова теряясь в темноте. В полосе света перед командиром возник длиннородый старик в стёганой куртке, с платком на шее, перевязанным сзади, как у детей.

– Все в сборе, – доложил он.

– Товарищи! – командир вышел вперёд. – В Усть-Терзиге всё ядро сафроновско-мелегинской банды. Сейчас выступаем.

Глава 11 **На заре**

Слева выстроились конные, справа – пешие. Командир подошёл нас и сказал Данилке:

– Пойдёшь с Макаром Малышевым в обход. – Потом мне: – А ты – со вторым взводом, покажешь прямую дорогу на Усть-Терзиг.

Я обнял на прощанье Данилку и пошёл к моему взводу.

Командир отдал приказ выступать, предупредив, что атака начнётся по его выстрелу. Мы пошли долиной Каа-Хема. На этой дороге я знал каждое дерево, каждый валун. Близился рассвет. Тропа подвела нас к самому берегу. Над польнями, вровень с отвесными краями на том берегу колыхались облака морозного пара, как будто Каа-Хем задумал согреть дыханием оковеневшую землю. Прижавшиеся к нему скалы и деревья обросли мохнатой бахромой инея. Пушистые и нарядные, они готовы были радужным блеском встретить зарю. А рассвет уже шёл с поголубевшего неба, оттуда, где, взлетев над горной вершиной, разгорелась до-

зорная звезда.

Незаметно мы поднялись на последнее возвышение, поросшее березняком. Под нами, в нескольких шагах, виднелась околица Усть-Терзига.

С первыми лучами пробудилась жизнь в берёзовой роще. Прозвучала стая тетеревов. Они расселись на ветвях берёзы и стали клевать почки, а верхний тетерев озирался вокруг, побряхывая и вытягивая шею. Потом налетели рябчики, застучали на лиственных листьях дятлы, а Усть-Терзиг всё ещё спал. «Где Данилка? Успели они заехать в тыл и спрятаться в ложбине? Почему командир не стреляет?» – думал я.

Наконец стала просыпаться деревня. Было слышно, как поют петухи, скрипят журавли колодцев. Неожиданно грянул выстрел. Конные партизаны оцепили деревню, а наш взвод открыл огонь с пригорка и по заимке Чолдак-Степана. Мне хотелось быть поближе, и я, скатившись по снегу вниз и пробежав боковую улицу, взобрался на сарай. На нём уже лежали трое партизан. Среди них был старик в стёганой куртке и с платком на шее, которого я заметил ещё в Сарыг-Сепе. В этот миг я увидел, как мимо нас, размахивая наганом, проскакал Степанов сын Евлашка.

– Э-эх... уйдёт! Ну, скорей! – прошептал я, подползая к старику.

– Не таких волков брали на прицел... не уйдёт... – забормотал старик, водя карабином, пока всадник не стал удаляться по прямой. Карабин грохнул. Евлашка вскинул руки и упал с коня.

Партизаны всё теснее сжимали кольцо вокруг заимки Чолдак-Степана. Во дворе белые метались, как осенний косяк хариусов, попавший в запруду. Одновременно бой шёл на льду Каа-Хема. Часть белых прорвалась на переправу вместе с Сафроновым. Их настигли конные партизаны. Среди торосов и полыней прыгали и взвизывались на дыбы лошади, сверкали шашки, схватывались в рукопашную люди.

Солнце поднялось уже высоко, когда бой затих. Главная улица Усть-Терзига заполнилась пёстрой толпой. Как и минувшей ночью в Сарыг-Сепе, командир выстроил партизан. Потом выехал на середину строя и поднял руку:

– Товарищи! Объявляю благодарность от Сибирского Реввоенсовета!

– Служим Советской власти! – дружно ответил отряд.

В ослепительном блеске снежной равнины заколыхалось над рядами всадников боевое знамя. Отряд тронулся в путь, и мы ещё долго видели, как жители Усть-Терзига махали руками, шапками и платками.

КНИГА ВТОРАЯ

Часть первая ХЕМ-БЕЛДИР

Глава 1 За партизанами

Когда ушли партизаны, в Сарыг-Сепе объявился человек по имени Мыкылай³⁵. Из себя высокий, плотный, лет тридцати. Ходил без бороды, всю сбрасывал начисто, только над верхней губой оставлял маленькие усики. Пояс у него был ремённый, рубаха солдатская, брюки – на тебе, полюбуйся: кожаный чепрак, и только. Пошло по деревне и окрестным юртам: человек, мол, новый, интересный собой, – и повалил народ сам, без вызова и наказа, посмотреть на него, поговорить о новой жизни.

Я тоже крутился в толпе – смотрел, слушал. Люди спорили, перебивали друг друга, но стоило подняться Мыкылаю – все сразу смолкали.

– Слышите, дорогие товарищи, знайте все, – говорил он. – Пришло бедным аратам полное право, а баям со всеми ихними самодурствами – слышите, люди? – конец, давно вышел конец. Доброе это время бедному человеку, нам с вами, дорогие товарищи, предоставила в Советской России партия большевиков во главе с товарищем Лениным.

– Что правда, то правда! Правильно, Мыкылай! Вот человек! – отозвались в толпе.

– Так-то оно... – протянул нараспев Попов – беднейший из бедняков Сарыг-Сепа. Он протянул к Мыкылаю обе руки, точно хотел от него принять что-то большое, и продолжал: – А Масловы, Мелегины, Чолдак-Степаны? Интересно будет спросить – ведь посева да покосы и вся-то земля, как есть, за ними осталась... Как тут понять? Растолкуйте, пожалуйста.

Мыкылай резко повернулся и развёл руками, как будто в самом деле хотел передать Попову через головы сгрудившихся людей что-то очень широкое.

– Верно, товарищ. Забота ваша правильная – о самом главном. А я вроде и сказать забыл. Пахоту всю и покосы зараз переделаем. Все, кто заслужил своими трудовыми руками, получают землю. Понятно, товарищ? Так наша партия решила!

– В таком разе у меня больше нет вопросов.

Вдруг я услышал поблизости ненавистный голос Чолдак-Степана, которого я уже мысленно похоронил.

³⁵ Мыкылай – тувинское народное произношение имени Николай.

Он расставил ноги, как у себя на току, когда покрикивал на работников, и заговорил с напускной развязностью, но совсем другим тоном.

– А мы теперь никому не нужны? Так, что ли? А то, что я сына потерял на фронте? А что моего старшего убили, что самых лучших моих коней партизаны угнали?! Чёрт! – не угнали, а сам я по своей воле отдал их! А теперь что? Последнее, что у меня есть, забирать? Последней капли лишать – маленькой моей землицы? А-а?

Тряся головой и взвизгивая, заголосила Наталья Прокопьевна, его жена:

– Вот, вот! Нам-то что делать? Жить как прикажете? Своими рученьками гладили, питали землицу нашу... Куда нам деться, пропащим сиро-о-та-ам?

– Где и когда твои руки землю гладили, ну, скажи, скажи! Кто гладил и питал, у того руки в мозолях, – видала? – Чья-то жилистая рука вынырнула из-за голов. Толпа одобрительно загудела...

Теперь сходки часто собирались в селениях вдоль Каа-Хема. Слушая справедливые слова коммунистов, таких, как наш Мыкылай, люди всё больше убеждались, что есть на свете сила, которая поможет им получить землю.

По примеру русских стали собираться и тувинцы. На первых порах не очень смело, но всё настойчивее вскипала на сердце решимость: «Русские уже скинули своих баев, забрали землю и живут на ней свободно, а мы что?..».

Добравшись с партизанами до Сарыг-Сепа, я решил сначала заскочить к Албанчи, а там уже спуститься к Хем-Белдиру.

Подойдя к холму Овалыг-Тай, я увидел собравшийся народ. Среди толпы я издали узнал Мунзумчука, охотника Томбаштая, его сына Саглынмая и других старых знакомых.

Одни сидели привалившись друг к другу и посасывая длинные чубуки. Другие слушали стоя. Я поздоровался и присел поодаль.

– Теперь-то уже всё как есть понятно. Посмотришь на всё – вроде полегчало, будто камень отворотили. Наши соседи покатали с высокого яра баев – Маслова, Мелегина, Чолдак-Степана, стали сами хозяева на земле. И нам бы не сидеть на холмике, не дымить из трубочки в тучу, покуда не выглянет солнышко³⁶, – говорил старый Томбаш, посасывая трубку. Потом обтёр о рукав кончик чубука и передал её соседу.

После Томбаша вскочил его сын Саглынмай:

– Чистая правда, что отец сказал. Работать и жить, как теперь, мы научились у кого? У русских людей. Значит, и дальше они помогут...

– Верно, верно, – улыбнулся Томбаш.

³⁶ Соответствует русской поговорке: «Ждать у моря погоды».

– А мы небось по охотничьей части опять же им поможем... обязательно! Так? Вчера повстречались с партизанами. Ой, молодецкий старшина у партизан!

Сидевшие араты одобрительно закивали. Потом они долго говорили о том, как помочь партизанам, о том, что происходит в России, о Ленине, а я внимательно слушал.

Это была одна из первых сходов моих земляков. Никто не хотел расходиться. Слова старых соседей ещё больше укрепили мою решимость поскорее выполнить наказ партизанского командира. Я снова заторопился в дорогу.

Вскоре я был уже далеко.

Глава 2 Наша встреча

Сестра Албанчи с маленькой Сюрюнмой были одни. Ещё не войдя в юрту и не сказав «здравствуйте», я уже затараторил:

– Иду в Хем-Белдир. Мама говорила: «Правильно». А ты как думаешь, сестра?

На такое приветствие после долгой разлуки Албанчи ответила звонким смехом:

– Да-да. Ты прав. Ступай. Так будет лучше всего, сынок.

Она усадила меня рядом, обняла, поцеловала, наклонилась так близко, что её ресницы коснулись моего лица, и погладила мне щёки обеими ладонями. Я уже говорил, что Албанчи стала мне матерью.

Потом она угостила меня айраном, сдобренным просяными отрубями.

Поев на дорогу, я сказал:

– Ну вот, теперь зашагаю, сестра. До свидания, Сюрюнма!

– Зачем «до свидания»? Пришёл – и сразу уходишь! Сиди здесь, брат, – приказала она.

– Нет, я скоро приду. Тут ведь недалеко, сестра.

– А-а, тогда принесёшь мне конфеточек-сахарков, брат, и моей куколке на платье.

Она поднялась на цыпочки, прощаясь со мной.

– Принесу, сестра.

Я поцеловал её белокурую косичку.

Мои дорожные припасы Албанчи уложила в старенький мешок. Подала мне:

– На. Ступай. Счастливой тебе дороги!

Попрощавшись с Албанчи и Сюрюнмой, я перекинул за левое плечо кулёк с дорожными припасами и быстро вышел. Пройдя несколько шагов, я обернулся. Албанчи стояла возле чума, придерживая вцепившуюся в её подол Сюрюнму.

Начинался май. Пробивались побеги прибрежной зелени и кустики подснежника. Почки на деревьях набухали – вот-вот они выпустят нежно-зелёные крылышки будущих листков, но лёд на реке ещё не тронулся. Только у берегов виднелись желтоватые, как сыворotka, разводья, да ещё кое-где на середине реки, в самых быстрых местах, весна уже успела пробуравить ледяную крышку.

Шагая высоким берегом, я раздумывал: «Когда же он тронется, этот лёд? Хем-Белдир небось на той стороне. Как тут перебраться через Каа-Хем?».

Я шёл около часа, прежде чем показались знакомые места – устье родной Мерген. Вот домик белобородого Мекея. Из этого окна я выпрыгивал, когда меня украли. Старый Мекей умер – его дом нисколько не изменился. А здесь, у этого камня, стоял наш чум.

Дорога стала подниматься вверх к плоскогорью. Неожиданно я увидел скачущего в мою сторону всадника. «Кто это может быть?» На всякий случай я скользнул в сторону и спрятался в буреломе.

Всадник приближался. Уже видно: с ружьём... Женщина... В лад размеренной рыси она громко пела.

Теперь нас разделяло не больше десяти шагов. Сердце у меня застучало. Торопясь, я закричал: «Вера! Вера!» – и выскочил из чащи. Сильным рывком она осадила коня и вытянулась на стременах. Я подбежал к ней. Вера спрыгнула с лошади. Мы молча обнялись и долго не могли вымолвить ни слова. Потом она отстранилась.

– Как ты здесь, Тока? Куда бежишь? На свидание? – Вера лукаво улыбалась.

Я тоже хитро сощурился и выпалил:

– Тебя встречаю, Вера!

– Ой ли?

– Да, да. А ты откуда летишь? Всё партизанишь? С той осени?

– Да. Теперь взяла разрешение, еду домой на побывку... О моих стариках что-нибудь знаешь?

– Не хотел я встречаться с Чолдак-Степаном, всегда обходил Усть-Терзиг, но от людей слышал, что здоровы. Ну, да теперь сама скоро увидишь. Это вот мне далеко, а тебе на таком коне быстро.

Лицо Веры потемнело.

– Далекое? А говоришь, что меня встречаешь... Куда же ты направился?

– Иду вниз, в Хем-Белдир. Попробую учиться. Возьмём тебя: с таким конём и ружьём едешь домой, была на войне. А я? Какой с меня толк, когда я ничего не знаю и ничего не умею?

– Значит, не скоро мы с тобой теперь увидимся, – грустно сказала Вера. – Ну, что ж, давай хоть посидим здесь на дорожку. У меня в тороках узелок, отвяжи-ка и давай сюда. Закусим, а потом и ты себе пойдёшь, и я домой поскачу.

Мы поели сушёного мяса с хлебом, напились воды и немного посидели на берегу Мерген.

– Ну, Тока, времечко наше пролетело, как ласточка над ручьём. Пора. Иди себе в Усть-Хопто, и я поскачу.

Я отвязал коня и подвёл к Вере.

– Ну что ж, всё, Тока... Хорошо, до свидания.

Признаюсь, мне стало не очень хорошо на сердце, когда при этих словах она вдруг поспешно и низко опустила своё лицо. Мне хотелось ей тоже что-то сказать, но в горле так запершило, что я вовсе ничего не сказал, а только крепко пожал ей руки.

Глава 3 Каа-Хем

Вскоре я добрался до Усть-Хопто и не удержался от того, чтобы не завернуть к Пежендею, который батрачил неподалёку.

Старший брат узнал меня сразу и с радостью кинулся мне навстречу:

– Куда ты, братик? Дома у нас что нового? У сестры Албанчи? А Чолдак-Степана как бросил, каким способом от него ушёл?

Я торопливо рассказал ему новости.

Пежендей оглянулся.

– Тожу-Хелин тоже всех прикручивает, как твой хозяин Чолдак-Степан. Сколько уже лет ему скот пасу, хлеб сею, кошу, молочу, и ведь чисто работаю. А получить от него ничего не получишь, тебя же самого всё должником считает.

Подумав, добавил:

– Тоже здесь долго не проживу, уйду.

Пежендей поднялся. Прошёлся взад и вперед, посасывая свою трубку. Потом, нахмурившись, сказал:

– Бросить, выходит, бросишь, уйти-то, выходит, уйдёшь, да от них, от чиновников, куда потом денешься? Ведь загубят?

– А ты – как я... Знаешь? Убеги совсем. Что тебе делать у этой... трухлятины?

– Я же, братик, ты знаешь, не чей-нибудь, – работник Тожу-Хелина. Твоего хозяина партизаны разбили, а мой, как прежде, при всех правах. Сначала ты пойди, посмотри, узнай про всё. Я за тобой пойду. А сейчас ночуй в той вон юрте. Каша на полке. Поешь и спать ложись.

Потом Пежендей показал туда, где на проталине с голубым налётом талого снега и островками подснежников паслись кони.

– Мне пора поглядеть за моим табуном.

Брат ушёл, а я отправился к указанной им юрте. Впрочем, юртой её можно было назвать с трудом. Это был тот самый нищий-разни-

щий шалаш, куда мы забрели в один из давнишних и памятных дней наших скитаний вдвоём с матерью. Ничего в нём не изменилось: ни изъеденные временем стены, ни пища его жителей.

Наскоро осмотревшись и поев, я устроился у стены и незаметно уснул.

Разбудил меня Пежендей. Пора было собираться. Брат вывел меня на дорогу, мы попрощались, и я хотел было идти, как впереди увидел самого Тожу-Хелина. Подойдя к нам, хозяин по-домашнему распахнул жёлтый ламский халат и указал на меня пальцем.

– Что ещё за штука? Что вы обсуждаете?

– Позвольте объяснить: мой братик. Парень, значит, в Хем-Белдир учиться идёт.

– В Хем-Белдир? Учиться, говоришь? Ишь удалец объявился! Думаешь, сорвиголова, дурь твоя так и сбудется?! Выкинь это из головы... Да знает ли олух, что такое законная управа и милостивый суд? Пойми же ты, олух: твой брат Пежендей потерял мою скотину. Ему откупиться надо. За брата старшего походишь в табунщиках. Уж я подумаю, позабочусь, как тебе остаться тут и больше никуда не ходить.

Не дожидаясь ответа, Тожу-Хелин впопыхах зарядил себе нос таким количеством табаку, что ему, наверное, пришлось изрядно почихать и пофыркать, возвращаясь к себе в юрту.

Три дня и три ночи провёл я в заточении у Тожу-Хелина.

Бежать мне помогли друзья брата.

Уже под утро я выбрался из шалаша. Дорогу ночью прихватили заморозки, и она некстати похрустывала. В стороне залаяла собака. Замерев, я вглядывался в тьму. Собака ещё твякнула разок-другой и притихла.

Десятка два бескрыших изб деревни Бояровка в Усть-Хопто, сруб для будущей школы и русская церковь остались позади. Вскоре показалось поселение Кундустуг³⁷. Оно вытянулось редкими строениями по берегу Каа-Хема и, как я узнал, делилось по имени первых поселенцев на две самостоятельных деревеньки: верхняя – Фёдоровка, и нижняя – Гагаровка. А в них-то, вместе взятых, всего-навсего десять домов.

Предвидя погоню, я, не задерживаясь, миновал Кундустуг и продолжал путь вниз по реке.

В дороге шли дни. Тем временем снег совсем подтаял и побежал ручейками. Что ни овражек или просто низинка, – сверкающее весеннее озерцо. Посмотришь вдаль – взгляд скользнёт по ослепительной глади водоёмов и всего степного половодья, голова закружится и всё померкнет от их блеска.

По весенней воде налетело в степь непроглядное множество

³⁷ Кундустуг – буквально: местность, где водятся выдры.

птиц. Они-то хорошо устроились. Нырять себе... Одна за другой подкидывают вверх перепончатые лапки, а сами что-то выклёвывают под водой. Людям бы так научиться жить на раздольях земли, постигнуть тайну всего, что нужно для жизни твоей и для жизни тех, кого ты любишь, и для жизни всех, кто живёт.

Так я размышлял, шагая по берегу Каа-Хема и не зная, что делать дальше. Лёд на реке покрылся полыньями, идти по нему опасно, а мне необходимо было перебраться на ту сторону.

Я прилёг у бугра и вытянул ноги... Проснулся я как раз в тот момент, когда собирался перешагнуть порог дома и войти в комнату коммуниста Мыкылая, который, оказывается, раньше меня пришёл в Хем-Белдир. Что случилось? В ушах ревёт. В лицо дышит ледяным холодом. Открыв глаза, я посмотрел в небо. Оно по-прежнему чистое. При такой безмятежной лазури ещё страшнее слышать, как ревёт и стонет земля.

Но что же это такое? В растерянности я перевёл взгляд на Каа-Хем и увидел, что ещё недавно мирно спавшая река пришла в движение. Огромные скопища льда – ледяные холмы и горы – спешат вырваться на водный простор, нагоняя друг друга и награждая пинками, от которых содрогаются берега. Раньше мне уже несколько раз приходилось видеть, как весной, в погожие дни, трогается в далёкий путь красавец Каа-Хем. Но никогда он не был так грозен и его сборы в поход не были так потрясающи, как сегодня. Видно, эта зима – лютая из лютых – наковала так много льда, а озорная весна наперекор ей повсюду натопила так много буйной воды, что даже выдавший виды Каа-Хем не может удержаться в гранитных берегах.

Потрясённый и зачарованный, я не мог оторвать глаз от могучего исполина. Где же та земля, куда спешит Каа-Хем? Мне идти до Хем-Белдира. Дальше будет Большой порог. Льдинам плыть как раз к Большому порогу, а потом? Какой там край, какая сторона?

Каа-Хем бился два дня, пока не освободился от зимнего наряда. Когда льдины наконец уплыли, я сел в долбушку...³⁸ Причалил к другому берегу. На душе легко. Она поёт: «Сбудься, моя мечта. Обернись радостью-счастьем». Сердцу весело. Оно выстукивает: «Скорей, скорей».

Глава 4

Мой первый знакомец Тостай

Хем-Белдир. Как много я слышал о нём всякой всячины! Одни толковали, что это на диво большой город, другие – что это про-

³⁸ Долбушка – чёлн из выдолбленного дерева.

сто-напросто местность, где две реки сливаются в одну, а третьи – ещё что-нибудь новое.

На протяжении нескольких лет Хем-Белдир не выходил из моей головы, поехать туда всегда было моей мечтой. И вот сейчас, приблизившись к его окраине, я, признаться, струхнул и уныло вымеривал оставшуюся часть дороги: куда здесь пойти, с кем встретиться?

В это время меня нагнал человек на гнедом рысаке. На всаднике была ягнячья шуба, покрытая синей далембой, поверх шубы надета чёрная жилетка, на голове шапка, которую у нас называют товурзак – такая тубетейка с приколотым на макушке беличьим хвостиком. Всадник проскакал мимо, но потом, оглянувшись назад, остановил коня.

Я оторопел. Кто он, этот важный мужчина, этот сайт?³⁹

– Куда, парень, бредёшь? Тебя как зовут? – спросил всадник, горделиво наклонившись в мою сторону. Но голос у него был мягкий.

– По имени я Тывыкы. Пришёл учиться в Хем-Белдир. А вы кто по имени, акым?⁴⁰ – еле выдавил я.

– Зовут меня Тостай. А сам я – посыльный стрелок правительства, – ответил он.

Набравшись смелости, я спросил:

– Вы человек знающий. Скажите, пожалуйста, к кому мне нужно обратиться.

– Что же, беги за мной. Я тебя сведу куда следует. – Всадник натянул поводья и, не глядя на меня, заспешил в город.

«Куда следует». Этими словами называли чёрную юрту, то есть тюрьму. Но весь вопрос в том, можно ли так поступать с человеком, который ничего не сделал. Ноги мои приросли к земле. Я хотел подождать, пока совсем скроется из виду человек с беличьим хвостиком.

– Ну, что с тобой? – крикнул он.

«Пусть будет, что будет», – решил я и побежал за моим проводником.

Не оглядываясь больше назад, всадник пустил коня лёгкой иноходью, и моим ногам пришлось на славу поработать после короткой передышки: я взмок, как жеребёнок, спорящий с ветром, чтобы скорей вернуться к матери.

Тостай вскоре обернулся и придержал коня.

– Знаешь, парень, поначалу ступай к нам, в правительство, учиться на посыльного стрелка. В деле толк поймёшь – будет яснее, где и что. – Он опять заторопил коня.

³⁹ Сайт – министр.

⁴⁰ Акым – старший брат; здесь – вежливое обращение к старшим мужчинам.

– Ладно-ладно, пойду, куда хочешь. Человек ты знающий. Пожалуйста, сведи меня к себе в правительство. Мне очень хочется быть посыльным стрелком, – попросил я Тостая, неожиданно перейдя с «вы» на «ты».

– Тогда не отставай.

Мы вступили на окраину города. Как раз против того места, где сливались две реки, на высоком яру стояли военным строем шесть юрт. Тостай соскочил перед ними. Привязав коня, кивнул мне и зашагал к юрте посредине. У меня забилося сердце, но я уже знал по опыту, что задерживаться нельзя, и торопливо пошёл вслед за моим первым знакомым в Хем-Белдире.

Войдя в юрту, я увидел там человек десять молодых парней с ружьями и саблями. Они сидели и оживлённо переговаривались. Заметив меня, замолчали.

Я смекнул, что это не простые люди. Как они могут быть простыми, когда у них оружие и за плечами и на боку? Я закивал каждому из них и стал здороваться, стараясь говорить побойчее. Парни отвечали сухо. Смутившись, я замолчал и, присев в сторонке, огляделся.

Позади очага, на почётном месте, сидел толстячок с рябым лицом и носом, похожим на красный помпон. На нём был надет коричневый халат китайского шёлка с драконами и сапоги с узорчатой вышивкой на голенищах. На макушке одиноко торчала косичка.

Покосившись в мою сторону, толстяк проскрипел:

– Куда прёшь, парень? Да где это видано – залез к людям и расселся, будто в юрте у себя. Тебе что нужно? Говори, а то проваливай!

Вот так дело... Я оробел.

Толстяку это понравилось. Он подбоченился. «Вот какой я грозный!» – казалось, говорил его вид.

Чтобы помочь мне прийти в себя, Тостай сказал, усмехаясь:

– Ну-ка, птенчик, расскажи, откуда ты прилетел.

Осмелев, я заговорил:

– С Каа-Хема я. Дальний, каа-хемский. Кругом говорят: пришла революция, бедняков освободила. Был у начальника партизан Мыкылая. Велел мне в Хем-Белдир пойти учиться. Я, значит, пришёл.

Толстяк засмеялся. Смеялся он так, как шипят и стреляют в костре смолистые лучины. Потом вынул табакерку из шёлкового кисета и набрал щепоть табаку.

– Придумал ты здорово! Учиться хочешь? Как раз не хватает у нас одного посыльного, тебе бы и заступить в самую пору! А не то куда же пойти учиться такому увальню, как ты. Ха-ха-ха! Ученик ты у нас будешь самый первый!..

Я еле сдержал свою злость и обиду. К таким ли учителям по-

сылал меня партизанский тарга?.. Однако сидевшие вокруг люди, перешёптываясь, поглядывали на меня с сочувствием, и я немного успокоился.

«Побуду здесь и пойму толк в жизни. А то как быть человеку, который ни в чём не знает толка», – подумал я.

Глава 5

Цирики

Так, придя в Хем-Белдир, я познакомился прежде всего с цириками – «посыльным войском» правительства. Двор цириков состоял из десятка отобранных в хошунах юрт с пожелтевшей кошмой. Внутри юрт было не ахти как. На полу – истрёпанные циновки, неказистые полки для посуды, и только у Тактан-Мадыра – подобие кровати.

Снаряжение цириков очень мало походило на военное. Получали они от казны винтовку с пятью патронами, да коричневую жилетку, да тубетейку с беличьим хвостиком на макушке или соломенную шляпу. Прочее обмундирование было разное и пёстрое, у кого что. У Тостая маймаки косульи, у Кока – из оленьих ножек, у меня – бродни, – одним словом, обувались каждый во что хотел. А каких только обязанностей не выполняли цирики: они были и милицией, и войском, и сборщиками налогов, и кухонными работниками, и посыльными, и возчиками, и табунщиками.

Собирай налоги деньгами и продовольствием, пополняй казну; служи гонцом, приводи на допрос людей; развози бумаги повсюду, куда только они писаны; станут наезжать купцы – встречай гостей, пломбируй товары, возмай пошлину; стой где-нибудь на часах в карауле; а соберётся какой-нибудь сайт в разъезды – сопровождай, прислуживай, припасай араку, – чего только не делали цирики!

Уж такое было время: шёл 1922 год. Тувинское государство проросло, можно сказать, на каменистом грунте. Не было у него ни своей казны, ни своего хозяйства, ни своей письменности – ничего такого, что требуется новорождённому государству. В руках тувинского правительства было два-три одноэтажных домика да несколько голов скота – первое поступление натурального налога. Свои деньги, конечно, ещё не завелись; брали бумажные царские рубли и нахлопывали на них клеймо. Такие клеймёные бумажки назывались бонами и ходили за деньги.

Покуда не было своей письменности, пользовались монгольской. Зайдёшь, бывало, в какое-либо учреждение Хем-Белдира – сидят чиновники, держат бумаги с монгольскими буквами и написанное по-монгольски читают сразу по-тувински. Удивляло это

меня чрезвычайно: пишешь бумагу на одном языке и эти же самые завитушки тут же читаешь на другом. Только одиночки владели этим волшебным письмом. Зато дорого они брали за свою учёность: всякое дело могли повернуть, куда хотели.

Служащие, саиты и мы, цирики, получали жалованье натурой: цирики – по десять кусков чаю, а саиты – по сто кусков. Такую же разницу соблюдали и при выдаче всего остального. Всё это взималось у населения теми же цириками не столько в виде налогов, сколько в порядке «доброхотных» подношений и конфискаций.

Начальником нашим был тот самый толстяк, который допрашивал меня в первый раз. Звали его Тактан-Мадыр. Больше всего на свете он любил командовать и покоя нам не давал никогда. Постепенно Тактан-Мадыр так обленился, что даже по большой нужде перестал выходить во двор и справлял её прямо на полу юрты, заставляя нас убирать за собой.

– Как только мог такой сидень стать генералом? – спросил как-то один из молодых цириков, когда Тактан был в отлучке.

Другой, уже пожилой, объяснил:

– Лет десять назад ходил в Кобдо на войну, вот и назначили его – знает, мол, военное дело. Если бы не это, никому бы и в голову не пришло.

– Что за война в Кобдо? Расскажи, пожалуйста, – спросил я пожилого цирика.

– Давай, давай, – подхватили все.

Рассказчик откашлялся, приосанился, оглядывая нас, и заговорил, усмехаясь:

– Ходил он, значит, в Кобдо на войну. Даже палец большой отстрелил, а вернулся живой. Вот и стал он, Тактан-Мадыр, богатырём.

– Ну и ну! За палец героем стать – весёлое дело! – выкрикнул один из моих новых товарищей по имени Кок.

– Молчи, парень! Человек интересное дело рассказывает, не мешай! – загудели цирики.

– Начинать мне – так, что ли?

– Так, так, начинай.

– В то время тувинская земля и Северная Монголия были заняты маньчжурскими войсками. Их главный лагерь находился в городе Кобдо – в центре Северной Монголии. Тувинцы и монголы несколько раз поднимались на восстание, чтобы вырваться из-под владычества маньчжурского хана. Стоявшие в Уланкоме и Кобдо ханские отряды много раз проливали народную кровь. Тогда, в девятом и десятом месяце тысяча девятьсот одиннадцатого года тувинцы разбили маньчжурские отряды, прилипшие к урянхайской земле, взяли у них трофеи, отобрали товары в их торговых заведениях, а самих непрошенных гостей, тех, кто остался в живых,

отправили восвояси через Россию. Так бедняки араты ответили на кровавые дела маньчжурского хана. Это, дорогие товарищи цирики, понимать надо!

– Изгнать маньчжурских наездников наверняка помог хувискал в России. Так я понимаю, – поддержал Тостай.

– Такая же история была и в монгольской земле, – продолжал рассказчик. – В Кобдо стояло две с лишком тысячи цириков маньчжурского хана. Когда они готовились подавить восстание тувинцев, монгольское войско осадило Кобдо с юго-востока, а тувинское – с северо-запада. Там и разнесли ханских цириков. Отсюда прозвали ту войну Кобдинской.

– Ага. Вот оно как! Тактан, говоришь, тоже ходил на ту войну и, дав себе отстрелить большой палец, прослыл героем? – проговорил один из цириков.

– Теперь поняли? – спросил рассказчик.

Я внимательно слушал, не вмешиваясь в разговор моих товарищей.

– Из Тувы тогда пошло шестьсот тридцать человек. Кроме Тактана, из моих знакомых в тот раз ходили Шалык Кижир-оол, Оюн Самбу и другие. Тувинское войско только называлось войском, а по правде сказать, это были просто худонские бедняки. Собрали нас, дали в руку по кремнёвому ружью и повели туда. Ни военной формы, ни строя у нас не было. Были мы, проще сказать, араты – и только.

– А далеко то место, дядя? – спросил молоденький цирик.

– Раз десять ночевали в пути, а там и подошли к окраине Кобдо. Уртелей⁴¹ двадцать станет. Вот мы развели костры, разбили палатки. К нам и скачет посол от монгольского войска – молодой бравый цирик. На нём синий чесучовый халат, щеголевато обтянутый безрукавкой, за плечом – пятизарядный карабин.

Спрашивает начальника. Вытягивается на стременах. Кличет протяжно, как трубач: «Наше монгольское войско под командой Кадын-батыра готово атаковать завтра на рассвете маньчжурское войско, напавшее на земли наши. Неприятель сидит за стенами Кобдо. Вышел указ: нам атаковать город с юго-восточной стороны, вам, тувинцы, – идти с северо-запада. Атаку начать по сигналу большой раковины. Медисин-оо?⁴²».

Посол важно подбоченился, опираясь на рукоять своего хлыста. Он ждёт ответа.

Тувинский воевода подъезжает к послу с ответным кличем: «Аа, медисин, медисин!». Он кланяется, пригибаясь к седлу, и низким басом, так же протяжно и громко обращает к послу старинные, об-

⁴¹ Уртель – ямская станция; расстояние между уртелями составляло около двадцати – тридцати вёрст.

⁴² Понятно? (монг.)

щие у монголов и тувинцев, слова: «Мир вам». Потом воевода что-то шепчет послу и широко улыбается, от чего лицо его становится круглым и густо покрывается морщинами. Посол дёргает повод и скачет назад. Удалившись на несколько скачков, он вдруг снова кричит: «Медисин-оо! Медисин-оо!». Наш тарга кивает головой: сайн⁴³, медисин.

– О-ха-ай!⁴⁴ Ишь ты его как здорово! Продолжай, продолжай, брат, – воскликнул Кок.

– Так вот. Ночь была тихая. Чуть занялся рассвет. Под ногами уже видна земля. То тут, то там чирикнет ранняя птичка. С южной стороны города вдруг донеслись гудки большой раковины и защёлкали ружья. Тувинские ополченцы уже давно встали, держали наготове кремнёвки. У войсковых начальников были карабины, как у монгольского посла. Как только раздались звуки раковины, мы по указу воеводы всей толпой кинулись на приступ. Вспоминать тогдашний бой – и смех, и горе. наших ополченцев раньше никто не учил боевым действиям, сами знаете. Умели, как говорится, только скот пасти. На поверку так и вышло: бежит ополчение, как хорошо сбитое, дружное стадо или степной табун – копытами, значит, отбивать волчью стаю. Подбегаем, как положено, к окраине, где начинается улица Кобдо, а маньчжуры уже бьют нас пулями, – так внезапный град прибывает посевы к земле.

Не выдержала этого града часть войсковых начальников и рядовых ополченцев. Небось, пришли из байских юрт. Им бы стрелять и бежать – быстрее и быстрее.

– А они?

– А они встали да стоят. Ружьишки между коленями зажимают. Достают из-за пазухи какие-то амулеты. Читают с бумажек тибетские молитвы. Будто кого хоронят. И похоронили бы всё войско. Да наш-то брат в амулетах не разбирается, бумажек не читает. Зато горазд охотиться на зверя – где пулей, а где рогатиной, где свистом, а где окриком, где кулаком, а где каблуком, где смелостью, а где просто смекалкой. Пошли, значит, на приступ. Так и взяли город. А когда в том бою монгольско-тувинское ополчение разбило неприятеля, мы прибрали наших погибших товарищей. По обычаю нашему облачили в самодельные саваны, уложили в самодельные саркофаги и, не предавая земле, оставили покоиться на склоне холма. Было у нас около двадцати раненых. Положили их на волокуши и повезли. Таким путём воевали, а войну ту прозвали Кобдинской. Вот, парни, мой рассказ.

Мы стали упрашивать рассказчика:

– О себе-то скажи, отец.

⁴³ Хорошо (монг.).

⁴⁴ Охаай – восклицание одобрения: «вот-вот», «так-так».

- А я что?
- Небось охотник?
- Был когда-то.
- Знаем, и теперь охотник. Вора хоть одного из города выбил?
- Считать не считал. Скажу по правде – то ли пять, то ли шесть...

Воришки приказали долго жить, пошли, как люди говорят, соль промышлять... А нам, пареньки, пора выходить на работу...

Незамысловатый рассказ кобдинского героя всем нам запомнился. Мы удивительно ясно поняли: даже в неравном бою тайна победы не в ладанках, не в амулетах, – она в отважном сердце самых скромных и самых простых людей.

Глава 6 *У главного сайта*

На другой день все цирики собрались у палатки начальника. Вскоре объявился и он.

– Идём на поклон и благословение к великому сайту, за мной шагайте, – прохрипел Тактан-Мадыр и, напряжнив спину, будто на ней лежала порядочная кладь, направился к коричневому дому. В те времена дом этот, где ныне редакция газеты «Шын», был самым большим в Хем-Белдире.

Открыв большую дверь, мы вошли в приёмную. На табуретке в синем чесучовом халате сидел молодой чиновник с продолговатым белым лицом, с длинной косой. На коленях у него лежала письменная доска. Увидав нас, он отложил её в сторону и закричал:

– Куда, черти, лезете? Хочешь быть во дворце у великого сайта – проси позволения. Безмозглые черепахи!

Тактан-Мадыр склонился, простирая обе руки к ногам чиновника:

– Среди нас много людей не ходило ещё к сайту поклониться, благословение получить, вот мы и пришли. Свободен ли сайт?

Чиновник недовольно сморщился и указал на дверь в глубине комнаты.

– Ну, ребята! – сказал Тактан-Мадыр и лихо шагнул к двери, за которой восседал главный сайт.

Мы ступали в лад с качающейся походкой нашего поводыря, как будто нас пристегнули к его халату. Одного за другим нас вобрало в себя небольшое помещение с двумя окнами, с продолговатым коричневым столом и парчовыми креслами. На видавшем виды большом ковре кроме кресел было несколько тюфячков. На последнем из них сидел человек лет пятидесяти, с горбоносым прыщавым лицом и большими навывкате глазами.

Тактан-Мадыр склонился ещё ниже, чем перед чиновником.

– Посыльные стрелки, сайт. Пришли благословиться.

Сайт оживился:

– О-ха-ай! Очень хорошо.

Вслед за этим последовал хриплый приказ:

– Подходите!

Тактан-Мадыр приблизился первым, сложив молитвенно руки и коснувшись ими головы. Из-за людей не вижу, как благословляют нашего начальника, только слышу: что-то постукивает и сыплется, будто выколачивают остатки всякой всячины со дна старой барбы⁴⁵.

За Тактаном идут благословляться Кок, Тостай, Силин. Тут я разглядел: на головы товарищей гулко опускается толстенная книга в дощатом переплёте.

Вот ужас! Хорошо бы выскользнуть из этой очереди добряков, ожидающих такого благословения!

Тактан-Мадыр ущипнул меня и подтолкнул:

– Чего стоишь? Проси благословить!

По примеру Тактан-Мадыра я плотно сложил мои ладони, поднёс их ко лбу, низко поклонился и подошёл к ламе.

Получив благословение, мы, пошатываясь, ушли от лампы, который стал главным сайтом, то есть премьер-министром самой молодой республики на Востоке.

Большая часть моих товарищей недоумевала: вот так благословение! Людей хлопают по голове страшной колотушкой и отправляют домой. Так бывало и в старые времена.

Тактан-Мадыр восторженно объяснил:

– Не болтайте! Нет больше счастья, чем благословение судуром из рук сайта! Как только ты, к примеру, коснёшься судура головой, так в неё – пойми – войдёт всё писание, вся благодать. Не шумите, охальники, а то у вас всё обратно из головы выскочит.

Тостай с усмешкой поддакнул, обращаясь ко мне: – Значит, и ты, парень, напрасно горланишь: «Буду учиться!». Благословили судуром – чего же тебе ещё не хватает?

Глава 7 В чёрном доме

В один из вечеров, поздней осенью, прибежал дежурный циррик.

– С утра будешь стоять на часах в чёрном доме.

– Где он? Кто в нем живёт?

– Выходи, покажу, – ответил циррик и вышел.

⁴⁵ Барба – вьючный кожаный мешок.

Я выбежал за ним.

– Вон тот каменный дом серого цвета видишь?

– Вижу, вижу – серенький, каменный.

– Это и есть чёрный дом.

Вернувшись назад, я узнал у Тостая, что «чёрным домом» называют тюрьму.

На другой день с рассветом я уже был там.

У дверей, где должен стоять часовой, никого не было. Я обежал вокруг дома, но часового не увидел. Как это случилось? Я снова подошёл к двери. Ни души. Или его пристукнули осуждённые, а сами бежали? При этой мысли кровь прилила к вискам. Я дёрнул ручку входной двери – заперто изнутри. Изо всей силы ударил в дверь. В доме послышались шаги. Что-то звякнуло, и дверь распахнулась; из тьмы чёрного дома, потирая заспанное лицо, появился Кок.

– Малость переспал, – сказал он, зевая. – Давно стучишь-то?

– Разве можно, товарищ, сидеть вместе с преступниками? Да, я очень долго стучал!

– А то нельзя? Посмотрел бы я, как ты простиошь, не получая смены, день и ночь, натошак.

– Со сменой или без смены – всё равно. Я думаю, мешать себя с преступниками нельзя.

– Что можно, чего нельзя – не тебе знать. Судья нашёлся!

Кок, не оглядываясь, ушёл.

Я распахнул дверь. На глиняном полу, разгребая угольки, копошились две тени. Когда я вошёл, они повернулись ко мне:

– Мир вам, тарга.

– Здравствуйте, здравствуйте! Как поживаете, старики? Кто вы будете?

Один из заключённых – невысокого роста, с горбатой спиной и глубоко запавшими щеками – ответил за себя и своего товарища:

– Мы по имени-прозвищу лихие удальцы. Меня зовут Тарачи, а моего товарища – Базыр-оол, сынок.

– Очень хорошо. Коли вам требуется выйти, выходите. – Я вывел их, держа ружьё наготове, как это делали в боевом охранении партизаны Сарыг-Сева.

На вид мои «удальцы» совсем не удалые, проще сказать – калеки.

Оказывается, и калеки бывают похожи друг на друга – вроде близнецов: у обоих спины горбатые, ноги хромые, щёки у челюстей впалые, а подле скул покрыты тёмно-синими волдырями. Ой да лихие, ой да молодцы! Но – как знать? – на всякий случай я покрепче сжал ружьё и посмотрел на своих удальцов построже.

Пригнав их назад и задвинув снаружи засов, я прислонился к двери и задремал. Очнулся я от стука. Открыл дверь.

– Ну, что вам?

Перебивая друг друга, они взволнованно заговорили:

– Ты нас по-своему не держи.

– У нас другой порядок.

– Смотри, как другие-то сторожа: выведут нас на двор, а назад не сразу гонят.

– Сначала выведут в лес по дрова.

– Потом на реку – за водой.

– А приготовим еду – едят с нами вместе.

– Тише! Тише! Вы погодите. Я подумаю, – сказал я.

Задвинув засов, я побежал домой посоветоваться; заключённые, дескать, так, мол, и так, а на самом деле какой порядок в чёрном доме?

Товарищи высмеяли меня:

– Потеха с тобой, Тывыкы! Разве может заключённый сделать что-нибудь? Он себе этого не позволит. Мы тоже раньше думали, как ты. Не бойся, веди на остров. Пусть собирают себе дрова, таскают воду. Потом опять посадишь в чёрный дом. А когда приготовят еду, их прямое дело накормить своего сторожа. А выдумывать тут нечего.

Вернувшись к чёрному дому, я смело отворил дверь и, держа ружьё наготове, предупредил:

– Держитесь вместе. Кто отойдёт в сторону, пусть никого не винит.

Пропустив их вперёд, я пошёл сзади, следя за каждым их движением.

Вскоре мы добрались до роши. Старики быстро набрали сухих сучьев. Тарачи взвалил их на спину, а Базыр-оол из реки наполнил чайники. Первый удалец стал похож на вола с вьюком, второй – на стреноженную лошадь, которая уходит неровными, порывистыми прыжками, позвякивая путами и дёргая головой. Подойдя к чёрному дому, они высморкались в обе стороны, вытерли ноги и вошли.

Я закрыл за ними дверь и, прислонив к стене ружьё, присел на пороге. Довольно долго они не давали о себе знать... Но вот застучали. Открыв дверь, я спросил:

– Что вам?

На пороге стоял Тарачи. Он просительно произнёс:

– Зайти бы вам, чаю бы отпили, мой младший брат. За день-то небось человек наголодается, сынок.

Всяко случается – в сказках и наяву. За мягким голосом, бывает, прячется лютый зверь. Чего доброго, заманят к себе – и готово.

– Уже попил, – ответил я. – Не гремите дверьми.

В тот день выводить заключённых пришлось ещё два раза.

Наконец наступил вечер. «Ну, теперь до утра», – подумал я и

наглухо задвинул засов. Но не успел я устроиться на пороге поудобнее, как в дверь опять застучали!

Я стоял, наведя ружьё туда, где зияла раскрытая дверь, и недовольно закричал:

– Что?!

Откликнулся Тарачи:

– Тарга, отпили бы с нами чаю. Бояться не надо. Думаете: «Сбегут». А куда бежать? Посмотри, сынок, спина у нас не стоячая, ноги у нас не ходячие. Другие-то цирики непременно зайдут – и нам веселее. Ружьё поставят стоять у входа, выпьют с полчашечки, посидят с полноченьки, поговорить с людьми не откажутся.

Меня ещё утром тянуло расспросить, как живут заключённые. Но я опасался. Теперь отказаться было труднее. Я вошёл, не выпуская из рук вверенного мне оружия, и сел у входа. Передо мной тотчас появилась жестяная посуда. Каша была сварена круто и наложена щедро, от всего сердца.

Я поднял обгорелую с одного края щепку и, сделав её ложкой, начал есть кашу, придерживая на коленях винтовку. При этом я заметил, что Тарачи с любопытством осматривает меня. Потом он набил свою трубку и закурил.

– Вижу, ты молодой, – заговорил он трескучим голосом, немного растягивая слова, – нигде не бывал, ничего не видал. Я обошёл халхасцев с дербетами⁴⁶ и другие страны. Меня бояться не нужно. Воды тебе на голову, поди, не налью. А в эту тюрьму попали мы не за лихость и не за удаль. Жили мы в Улуг-Хеме. Детей у меня – как муравьёв. У Базыр-оола тоже пять человек. В ту зиму много соседей – старых и молодых – отлучилось навсегда. Унесло их, скажу, каким-то мором, вернее сказать – джутом⁴⁷. Вот мы, чтобы не умереть с голоду, и забили издыхающую корову Сонам-Баира. Сонам-Баир в чине сайгырыкчи⁴⁸. За это утром, когда от мороза поднялся белый, как снег, туман, мои руки протянули сквозь решётку юрты, а самого на колени поставили. В очаге пылает огонь. Мне горячо, а рук не чую, руки-то на дворе. Когда пальцы с ладонями пристыли, сынок, их отбили простой палкой, как сосульки. Потому у нас теперь не руки, а культяпки. У Базыра тоже. Спину сломали и всё другое. Калеки мы. Подумай, сынок...

Тарачи развёл руки и приблизил ко мне блестящие глаза; хотел сказать что-то доверительное, но не смог: закашлялся и замолчал. Базыр-оол, кивая, добавил:

– Про джут надо сказать: ко всем он приходит, всех с собой уно-

⁴⁶ Халхасцы – северные монголы. Дербеты – одна из ветвей западных монголов.

⁴⁷ Джут – бескормица.

⁴⁸ Сайгырыкчи – название одного из высших чинов в дореволюционной Туве.

сит, только одного нойона с баем обходит, у них милости просит. Мы тоже просили милости, вот и ходим теперь по-утиному, вперевалку...

Заключённые уснули. Я охранял их тут же, у рваных постелей, не выходя из тюрьмы. Ходил потихоньку взад и вперед и думал о том, что будет, если у власти останутся сайгырыкчи Сонам-Баир и нойон Ажикай.

Когда рассвело, я сдал чёрный дом моей смене.

Часть вторая ВЕЛИКИЙ ХУРАЛ

Глава 1 В нижние хошуны

Шла осень 1922 года. Тактан-Мадыр позвал меня в юрту.

– Поедешь в нижние хошуны собирать налоги. Велишь заседать коня на Пёстром уртеле. Утром поскачешь вместе с коноводом. Как и что – написано здесь. Показывай это письмо во всех хошунах.

Я принял в обе руки свёрнутую трубкой бумагу.

– В такие далёкие места я ещё не пробовал ездить. Как читать по буквам, не знаю. Что мне делать, Мадыр? – спросил я.

– Не плети вздора. Я и сам писать не умею, а правлю войском правительства. Ведь правлю? Служу я моему правительству? Служу... Не плети вздора!

– То вы, а то я. Какое тут сравнение? Ведь вы Мадыр.

Тактан просиял:

– Это все знают. Да я и не сравниваю. – Он кашлянул к сплюнул на край очага.

Я спрятал за пазуху мои полномочия и вышел из юрты.

Утром я дал заседать коня на Пёстром уртеле и поехал на запад вместе с коноводом.

Солнце недавно взошло с того края земли, откуда течёт скалистый Каа-Хем.

Перейдя Тонмас-Суг⁴⁹ и выехав на прибрежное плоскогорье, я оглянулся на проснувшийся город. Домиков тут немного, с десятков, и столько же юрт, а дыму какого успели накурить в ранний рассветный час!

Мой коновод тоже засмотрелся на облака дыма, клубившиеся над Хем-Белдиром. Глаза наши встретились. Мы улыбнулись друг другу и погнали коней.

49 Тонмас-Суг – буквально: незамерзающий ручей.

Широкая степная дорога покрыта толстым слоем наносного ила, истёртого в тончайший прах тысячами конских, коровьих, сарлычьих⁵⁰, верблюжьих копыт и разных маленьких копытец, лапок и ножек. Босиком идти по такому одеялу мягче, чем по верблюжьему коврику, а если едут мимо верхом, – не становись с подветренной стороны: насквозь прокопотишься, никто не отпарит и не отскоблит пыли с твоего лица, рук и одежды. По краям-обочинам дорога усыпана гладеньким булыжником и словно обшита где кустиками синеватой полыни, где метёлками пожелтевшего ковыля, где коричневыми головками льна, где золотистым караганником с чернеющими стручками.

Издали дорога, ведущая из Хем-Белдира на запад вниз по Енисею, похожа на серп: рукоятка легла на предплечье прибрежного плоскогорья у Тонмас-Суга, лезвие слегка наклонено вниз, а конец серпа уткнулся в то место, где резвый Элегест⁵¹ вбегает в Улуг-Хем.

Степные птицы старались перекричать друг друга. Почти все они прятались в траве, в кустах и в складках земли. Зато хорошо были видны высоко в небе коршуны. Они неслышно кружили, высматривая добычу.

Невдалеке важно прохаживались и то вытягивали шеи, посматривая по сторонам, то замирали на одной ноге великаны-дрофы. Хорошая добыча для охотника. Но, владея пятком патронов, нельзя выбрасывать ни одного – даже на дрофу! Подумав об этом, я притворился, что ничего не заметил.

Труднее пришлось моему коноводу. Он-то давно пожирал глазами степных великанов. Давно уже беспокойно постукивало его охотничье сердце. Всё чаще глаза Шагдыра перебегали с вожака стаи дроф на мой карабин. Правда, Шагдыр был не моложе, а гораздо старше меня, но я в его глазах не простой смертный, а как-никак солдат в полном вооружении. Поэтому Шагдыр, как ни смешно, зачислил себя в мои младшие братья.

– Смотри, уже близко, уже можно... Пожалуйста, стреляйте, старший брат.

– Где? Кто?

– Здесь... два куста караганника – видите?

– Где? Где?

А дрофа-поводырь выглядывала из-за куста уже совсем рядом с нами. Теперь-то ей не уйти от стрелка. Ой, сколько времени утечёт, пока поводырь начнет что-то кричать своим дрофам, беспомощно подпрыгивать, расправлять крылья, как долго будет он отрывать от земли свои ходули! Наверняка можно управиться не с одной, а с двумя-тремя птицами. Дрофа – овца. Три дрофы – это три овцы.

⁵⁰ Сарлык – як.

⁵¹ Элегест – левый приток Енисея.

Делать нечего. Я продолжал притворяться и, будто не понимая, озирался на дальние кусты: «Где? Где?» – а сам гнал своего скакуна прочь с дороги, на один, заветный куст. Оставалось только метнуть аркан, и богатырь степных просторов оказался бы у седла. Напрасно: дрофа не дала себя заарканить. Судя по выпученным блестящим глазам, она была очень удивлена. А потом спокойно показала, как крылатый житель земли, встретившись с несговорчивым существом, может, отбежав в сторону, распластать дородные крылья и, взлетев над его головой, стать небожителем.

А мне пришлось остаться на земле и выслушать вежливые упрёки моего спутника.

– Эх, тарга!.. Вам бы выстрелить! Такой, как я, бедняк трое суток мясом бы кормился.

Я рассердился:

– А скота у тебя мало? – Да ещё уртель держишь. Бедняк!..

Помолчав, Шагдыр тихо ответил:

– Какой там скот! Я табунщик у князя Ажикая. Мой отец и мой дед служили князю, когда Ажикай ещё в люльке лежал. Теперь князь поставил меня в ямские коноводы, а содержания никакого не положил и прокорма никакого не дал. – Тут Шагдыр опять помянул давешнюю дрофу и продолжал: – И раньше так было: на уртелях баи отслуживались только своими конями, а тяжёлая работа коновода и табунщика доставалась беднякам и дворовым, вроде меня.

– Ползать перед Ажикаем не нужно. Бросай, уходи. – С видом бывалого человека я объяснил, как бросил своего хозяина Чолдак-Степана и поступил в солдаты народного правительства.

– Брошу князя – беда придёт. Мои старики – отец с матерью доят его корову, тем и питаются⁵². Зарежу их, коли брошу князя. Корову он сразу отберёт.

До этой минуты я был так отвлечён дорожными впечатлениями, что, признаваясь, не обращал внимания, какое у Шагдыра бледное и сухое лицо, как зловеще торчат у него на щеках острые скулы; не замечал, что на истёртом козьем полшубке моего товарища видны порядочные прорехи, а сквозь них поблёскивает голое светло-бронзовое тело, что подошвы у него подвязаны верёвкой и пальцы ног высовываются наружу. Всё это мне сейчас бросилось в глаза. Кроме того, я, уже к своему удовольствию, увидел, что Шагдыр, как и я, не заплетает кос и волосы коротко стрижёт, оставляя только маленький чуб.

Мне стало жалко товарища, но показывать жалость нельзя. Глядя на дорогу, я громко выговаривал ему:

– Людей надо держаться; да ты не за тех ухватился. Будешь хвататься за Ажикая – долго не протянешь.

⁵² Сдача коровы «на подой» – одна из форм эксплуатации в старой Туве.

– Боюсь. Князь откажется от подоя, заберёт корову. Да, красные, говорят, в свою страну добрых людей угоняют на каторгу.

– Кто говорит? От кого слышал?

– Слышал, как всей дворне говорил Ажикай.

– Так и есть. А знаешь, для чего он выдумал про каторгу? Чтобы работники не ушли с его двора. Хитрит и выдумывает. Красные молодцы. Они вот за таких бедняков, как ты. По себе небось знаю. Из байских рук меня вывели как раз они – Кочетов, Сидоров, Мыкылай. И уходить от своего князя не бойся. Уходи, говорю, не бойся.

Шагдыр поднял голову и молча посмотрел мне в глаза.

Глава 2

«Самый знающий человек»

Вскоре мы подъехали к уртелю Бай-Булун⁵³. Хозяева ямской юрты встретили нас как редких гостей. Когда закончилось угощение, новая лошадь была уже подана. Поблагодарив хозяев уртеля и Шагдыра, который должен был возвращаться с первыми лошадьми на конный двор Хем-Белдира, я вскочил в новое ямское седло.

Лошадка было засеменила к дороге, но пришлось её придержать: сзади кто-то громко меня позвал. Я оглянулся и увидел бегущего ко мне Шагдыра. Подбежав ближе и отдышавшись, он сказал:

– Я много думал, мой старший брат. Когда вернётесь в Хем-Белдир, встречусь нарочно с вами, хочу поговорить. Можно?

– Конечно. Приходи. Доброго здоровья, мой старший брат!

Я тоже Шагдыра назвал старшим братом. Пускай не путает нашего возраста и называет, как хочет, но не старшим братом.

Он закивал:

– Доброго здоровья, спокойной дороги, сынок!

Конечно Шагдыр переборщил, сказав «сынок» вместо «старший брат», но и это меня радует.

В тот вечер, доехав до уртеля в Оттук-Таше⁵⁴, я спросил коня, но все лошади были уже в табуне, на пастбище. Уртельщики предложили переночевать.

Поев, я выбрал местечко среди вьюков и спящих людей.

Разбудили меня голоса. Разговор шёл обо мне, и я понял, что меня уже успели превратить в начальника. Так и говорили: «Спросим таргу из Хем-Белдира».

⁵³ Бай-Булун – название местности, буквально: Богатый угол.

⁵⁴ Оттук-Таш – буквально: Кремень.

Покашливая, я открыл глаза.

– Вы из Хем-Белдира. Хотим к вам обратиться. Люди не всё поняли. Можно спросить, тарга?

Я приподнялся и сел около вьюка.

– Таргой не был никогда. Посыльный человек на службе в народном войске; проще сказать, никакой не тарга, а цирик. Спросить – спрашивайте, смогу – отвечу.

Мои собеседники замялись. Потом один из них, постарше, решился:

– Правду говорят, что красные отбирают у бедняков скот, людей хватают и морят на тяжелой работе, а жён тоже не оставляют в покое, делают, что хотят?

– Известно, что это неправда. От кого только вы слышали такие лживые слова?

Ночлежники переглянулись.

Я стал рассказывать путникам, собравшимся на уртеле От-тук-Таш, всё, что знал о русском народе, о новой России. Под конец я сказал им:

– Красные защищают бедняков и байских работников, а против баев сами борются. Мне пришлось родиться в самой бедной семье: я сын одной нищенки по прозвищу Тас-Баштыг. С восьми лет работал у бая – сначала по нашей нужде, потом по суду, то есть по указу салчакского нойона, которого звали «Солнечным князем». А красные партизаны меня освободили. Потом я сам пришёл учиться в Хем-Белдир и поступил в народоармейцы.

– Ба-а! Так-так-та-ак! Вот вам благородный чиновник с шариком на голове!⁵⁵ Мы же говорили, что эти его слова – чистая ложь, настоящая клевета, – заметил молодой парень, раздувая покрывшиеся пеплом угли.

Сидевший позади старик добавил:

– Выходит, каждого не слушай; маленько разбирайся да смекай, и всё будет хорошо...

Через три дня, сменив лошадей шесть раз, я приехал в Даа-хошун, в сумон Шанчи. От Хем-Белдира до Шанчи шесть уртелей, в каждом уртеле тридцать километров, всего сто восемьдесят километров. Только в Шагонаре – несколько полуземлянок и крытых дёрном избушек. На всём этом пути в селениях – ни одного дома. Окинешь глазом долину Енисея – знакомая картина: здесь три, там пять юрт. По зажиточности хозяев юрты двух цветов: одна – почти белая, другие вокруг нее чёрные, залатанные.

По дороге я заехал в один из таких аалов, чтобы передать местному чиновнику письмо, и спросил у встречного:

– Где тут будет самый знающий человек Даа-хошуна?

⁵⁵ Шарик разных цветов – знаки ранга у чиновников на головном уборе.

– Вам, поди, нужен хошунный председатель. Сонам-Баир... Откуда едешь, мой сын?

– Из Хем-Белдира, посыльный правительства. А вашего председателя в какой юрте искать?

– Вон там, где у коновязи стоят лошади, – кивнул головой старик. – А тарга когда выехал? Что нового в Хем-Белдире?

– В дороге ночевал три раза. Новостей-то много, да их не расскажешь двумя словами, уж потом...

Войдя в указанную мне юрту и сказав «мир вам», я достал из-за пазухи письмо и поднёс его председателю обеими руками.

Грузный мужчина с длинной седеющей косой сидел у столика, поставив рядом с бронзовыми божками чиновничий колпак, на вершине которого блестел тёмно-синий стеклянный шарик – знак высокого ранга. Не разворачивая свёрнутого в трубку письма, он поднёс его сначала к свету из дымового отверстия, как будто хотел прочитать с обратной стороны. Потом осторожно развернул свиток. Прочитав письмо и посмотрев на меня, председатель уставился куда-то в стенку юрты и задумался. Покуда он читал и думал, я хорошенько осмотрелся.

До чего же просторно в юрте – в ней даже не восемь решётчатых стен, а больше. Где у других могла бы висеть какая-нибудь тряпица, тут через всю юрту тянется занавеска из жёлтой китайской парчи, а там, где должен стоять сундук, выстроился в ряд целый десяток сундуков, мерцающих золотыми драконами и львами в затейливых узорах. Мой председатель тоже был нарядный, как сундук, – в шубе, крытой синим шёлком и перевитой у пояса золотой парчой. На поясе у него висел нож в серебряных ножнах, огниво и малахитовая табакерка.

Наконец он заговорил:

– Сказано: «один вол» – заберёт в Ийи-Тале чёрный тарга. Сказано: «десять кусков чая» – соберёт Ташпыра, перед въездом в Кара-Туруг. Сто белок – Селгиндей в Сарголе... Переночуешь в юртах, во дворе, с утра начинай.

Председатель вернул мне письмо.

– Я же не знаю ни места, ни людей. Не смог бы мой председатель все эти вещи собрать сюда через своих слуг и передать мне? – попросил я.

Но председатель хошуна отчитал меня:

– Подумаешь, какой важный! Хочешь переложить свою обязанность на другого? Думаешь, у председателя хошуна других дел не найдётся? Ох и времена! Красные подстрекают бродяг, а те на стену лезут! Знаешь ли ты, с кем говоришь! Посмотри на себя: нарядился в холстину, а ноги в чём? Эх ты, чучело журавлиное!

Из-за полога показались несколько носов и столько же косичек. Председатель обменялся с ними ужимками и громко захохотал.

Еле сдерживая себя, стараясь не уронить достоинства народоармейца, я тихо сказал:

– Как-никак я посыльный правительства. Приехал по службе. Разве можно насмеяться. Не к лицу вам, председатель!

– Прочь! – закричал он. – Такие, как ты, станут меня учить – вода в Хемчике назад потечёт.

Разозлившись, я тоже закричал на него:

– Уж если налогов не беру, придётся вашей милости доложить. А крикливых гусей не боюсь. Отвечать будем с вами поровну, дорогой председатель!

Глава 3 В юрте светло

Коня, на котором я приехал, коновод уже забрал, а моё седельце кинул на травку у соседней юрты. Я вошёл в неё. У огня сидело несколько человек, так же бедно одетых, как и я. Пожелав здоровья, я присел рядом. Хозяева озабоченно совещались, как занять у председателя овцу, чтобы накормить гостя. «В прошлом-де месяце мы тоже одну овцу приели; теперь, значит, получится две. За двух-то председатель как раз и возьмёт у нас три головки».

Услышав, о чём они толкуют, я сказал:

– Если для меня, так не нужно. Просто напьюсь чаю и лягу.

Улыбаясь, хозяин возразил мне:

– Как можно оставить человека голодным на ночь. Посидим. Поговорим. Послушаем, какие новости привёз тарга – посол из Хем-Белдира. Сбегай, сын, займи, приведи.

Вскоре молодой парень привёл овцу. Хозяин юрты подбежал навстречу, пощупал.

– Ай, как стара, – дров не хватит сварить курдюк. Ай, как худа, – жира не хватит обернуть хан⁵⁶. Ох-хо!

Мне достаточно знаком порядок закалывания овцы, хотя с ним я встречался куда реже, чем с варкой чая и мучных блюд.

Парень засучил рукава, поднял овце голову и надрезал шкуру на груди у основания шеи. Потом он просунул правую руку в надрезанное место, сжал руку в кулак и дёрнул. Внутри что-то хлюпнуло, овца дрогнула и вытянулась. Наш парень повёл ножиком взад и вперёд по седловине точила и мигом освежевал овцу. Сначала надрезал шкуру вдоль передних ног, потом прорезал её от грудной кости до головы, затем продёрнул нож от груди вниз до хвоста и, наконец, сделал продольные надрезы на задних ногах. После этого он ловко и быстро снял шкуру.

⁵⁶ Хан – здесь: кровяная колбаса.

Тем временем другие обитатели юрты принесли чурки и мелко изрубленный хворост, водрузили на таган чугунную чашу, наполнили её снегом вместо воды и развели огонь. У каждого своё дело; все мелькали вокруг очага, словно искры от трескучего смолистого валежника. А парень уже растянул шкуру: «Эй, подайте-ка тазик для хана!».

В блестящий медный тазик бросили горсть соли и поставили его на край шкуры. В то же мгновение у туши вскрыли внутренности, вынули желудок со всеми потрохами и опустили в протянутые кем-то руки. Помощники помчались промывать желудок и кишки. На дне туши сгустилась кровь. Паренёк размесил её руками, зажимая в кулак и процеживая сквозь пальцы запекшиеся комки и сгустки. Сложив ладони, вычерпал и перелил в тазик. Потом стал разделять тушу. Он ловко рассёк пополам зад, проткнул ножом концы икр, подвесил обе половинки к решётке юрты, а все оставшиеся кусочки расчленил по суставам и свалил в кухонную чашу. Как только парень проделал всё это, вошедшие протянули ему очищенные внутренности. Он перелил кровь из тазика в толстую кишку, зашил конец заточенной палочкой и обернул одеяльцем из сала. Печень сварилась. Хозяйка юрты переложила её в деревянное корытце и подсунула парню, приговаривая: «Ну-ка, мой сын, нарежь согажи⁵⁷. С ханом небось хороша согажа». Паренёк тонко нарезал печень продолговатыми ломтиками, насадил на вертел и подставил к багровым, уже подёрнутым пеплом, уголькам на краю очага. Угли дымились и вспыхивали, а пареньёк всё поворачивал к ним то одну, то другую сторону вертела.

– Хорошо есть мясо на свету, подвалите-ка огня, ребята! – сказал хозяин.

И туда, где чернела и дымилась чаша, а теперь зиял пустой обод очага, посыпались, весело стуча и вспыхивая на лету, сухие поленья.

В юрте стало светло, как днём на солнце.

– Прошу пригубить! Прошу отведать!..

Редкое блюдо разделено и подано. Ко мне по рукам пришла грудинка, лопатка и голень. Вместе со светом в юрте прибавилось жары, словно с далёкого севера люди вмиг перекочевали на юг. Сначала съели мясо, потом выпили крепкий горячий бульон. Распарились, разморились! Посидеть бы теперь, послушать, что скажет приезжий человек, гость из Хем-Белдира. Такие дни выпадают не часто – жди их. Но ребятам пора уже расходиться: кто хватает аркан – ловить уртельских лошадей, кто снимает узду и седло – караулить байский табун.

Со мной остались хозяин с хозяйкой.

⁵⁷ Согажа – шашлык из ломтиков печени и сала.

– Утром ехать надо. Коня-то, отец, у кого бы взять?

– Как председатель укажет. Переночуешь, а утром иди к председателю, мой сын.

– Очень он крутой, ваш председатель, – сказал я.

– Молодец ты – быстро понял. Сейчас-то он меньше стал пороть людей, а то в прошлом да в запрошлом годах запарывал по пять-шесть человек, злодей.

– Тише, старик, – закивала хозяйка, трясая рукой в ту сторону, где жил председатель.

Мы разговорились. Я удивился тому, как люди в разных концах быстро узнают про новое. Хозяин был на извозе в Саянах, на реке Ус. И там объявились красные партизаны. Усинской бедноте тоже помогает Ленин. Хозяин придвинулся ко мне, поднял руку.

– Он теперь живёт, говорят, в самой середине русского народа. А давным-давно, говорят, жил около нас, пил с нами одну воду из Улуг-Хема. Он такой сильный, что трудно представить, умом своим обнимет всю землю, увидит всех людей. На Усу так объясняли, с кем я встречался.

Хозяйка повторила имя Ленина, прибавляя вначале звуки «и»: «Иленин». Она прошептала, устремившись к створке входной двери, трудные слова тибетской молитвы.

Я слушал их, вникая в переливчатую, воркующую речь хозяйки и размеренные, неторопливые слова хозяина и радовался тому, что имена Ленин, учитель, партизаны, большевики произносятся как родные, маленькими людьми с большим сердцем, не только в нашем Каа-Хеме, а повсюду.

– Чистую правду отец сказал. В наших местах тоже так народ говорит. А партизан я сам видел. Они меня освободили. А что они защищают бедных аратов – то чистая правда.

– Точно так, – улынулся хозяин, – бью небось без промаха: промажу по утке, а по озеру, сынок, не промахнусь⁵⁸.

Глава 4 Пригодился аркан

Не получив перекладных коней, я просидел в аале Сонам-Баира три дня. Наконец хозяин юрты, где я ночевал, – его звали Ензук – помог мне собрать налоги в Шанчи, в Сарголе и у Кара-Туруга. Тут удалось получить ямского коня и добраться до Ийи-Тала. Чёрный тарга в Ийи-Тале вручил мне вола, и я поехал со всем имуществом в Хем-Белдир.

По дороге я заночевал в небольшом аале. Сдал коноводу моего

⁵⁸ Смысл поговорки: «Могу ошибиться в частностях, а в основном не ошибусь».

коня с волом и пошёл к юрте. Быстро почерневшее небо раздалось далеко в высоту и в ширину. Там и тут из него выглядывали звёзды.

Переступая порог юрты, я громко поздоровался. Сейчас можно будет наконец погреться и выпить чаю. Но что это? Не ко времени тревога: унылый вой неподалёку.

– Что это? – спросил я хозяина.

– Опять проклятые «гости». Прошлую ночь задрали у нас трёх коров, двадцать овец. Отпраздновали новоселье на зимнем стойбище. Снова просят, помилуй хайракан⁵⁹. Тарга-то с ружьём, авось поладим.

Вскоре прибежал раскрасневшийся парень.

– Беда! Много волков... коров погнали. Отец! Что делать?

Я схватил карабин. «С ружьём... поладим... Ружьё-то есть, а патроны? Всего-навсего пять штук... и те служебные... Эх, тарга с ружьём!»

На бегу спросил:

– Где? Где?

– Тут, за этим холмиком.

Взбежав на гряде придорожных холмов, я силился что-нибудь увидеть внизу, в ложбине, но больше слышал, чем видел: метались коровы, на них наседали волки.

Один матёрый вцепился в хвост задней коровы. Прыгнул волк. Прыгнула моя мушка. Сделав упреждение на скорость зверя, я нажал спусковой крючок. Выстрел гроыхнул в ушах, понёсся к далёким, невидимым хребтам. Патронов осталось четыре. Не жалко. Волки вросли в землю, как столбы. Ни с места. Зато коровы, подстёгнутые выстрелом, заревели по-новому: «До-о-о-м-м где м-м-мо-о-ой?» – и помчались к аалу с новой прытью.

Волк, в которого я стрелял, исчез: спрыгнул или упал в невидимую часть ложбины. Остальные пять-шесть по-прежнему стоят на дороге, застыв, как древние истуканы вокруг степной могилы. Патронов только четыре... Но когда ещё встретишь такую близкую неподвижную мишень? Прицелился вперекидку с одного волка на другого – быстро-быстро – и выпалил подряд всю обойму.

Волки рассеялись, кинув одного. Он крутился на передних лапах, волоча простреленный зад.

– Заходи против меня. Я прикладом! Стоит на таких порох тратить! – крикнул я молодому спутнику, будто у меня ещё много патронов.

Парень забежал к волчьему заду. Зверь круто повернулся, барабаня передними лапами, как брошенный в воду щенок. Подкравшись, я ударил синеглазого прикладом в затылок. Зверь дёрнулся,

⁵⁹ Хайракан – устаревшее слово, почтительное название божества, служит также почтительной кличкой медведя.

перевернулся. Опять поднял приклад. Удар пришёлся матёрому по вытянутой морде – в кончик носа. Конец.

Мы возвратились с убитым волком, бросили его у юрты и пошли к скоту. Люди охали, обступив коров. У двух тёлочек были порезаны икры, у коровы изодрано вымя. Один волк всё-таки поплатился. Парень доложил: притащили. Все кинулись посмотреть синеглазого. Там уже ликовали аальские собаки. Когда нужна была помощь и защита, они прятались под вьюками, а теперь плясали, как победители. Тщедушные дворняжки, жалкие трещотки!

Хозяин юрты стукнул каблуком по чёрной морде волка и пробасил:

– По всем правилам... Душегуб!

Я посмотрел на ликующих собачек, у которых, как говорят, отваги хватает лишь вынюхивать погасший пепел или высохшее озеро, и увидел рядом с ними, как живого, моего старого Черликпена.

Ночью говорили о волках, о том, как пережить зимнюю стужу.

Проснулся я рано: в прорехах едва брезжил рассвет. Решил осмотреть то место, где мы давеча стреляли по волчьей стае. Первый синеглазый, вцепившийся в корову, был здесь, когда моя пуля впиалась в него. Он оторвался от коровы и куда-то исчез. На земле, под инеем – кровь. Значит, зверь действительно был ранен. Я пошёл по следу, взбежал на гребешок и увидел: внизу, на равнине, застыл, привалившись к валуну, второй волк. Ну и обрадовался я! Приволок второго. Сдал хозяину:

– С этого тоже возьмите себе шкуру.

Хозяин рад – за коров и за себя: нет больше двух кокаев⁶⁰, а есть шкуры – большие и добротные.

– Вот утешили, – сказал он, прижав руку к сердцу, по-детски старательно кивая головой, – а то где бы я нашёл денег за пропавших коров? Этими шкурами хоть не совсем, да прикрою убыток. Спасибо, сынок. Счастливый будешь.

Перед моим отъездом старик опять замялся:

– Доброй дороги, мой сын. Вот это... – он вынес аркан – увесистую связку блестящих колец, пахнувших только что выделанной кожей, – и подвесил в тороках у меня за спиной. – Мужчине, я думаю, для хозяйства лучше всего аркан. Хотя бы этот. Пусть он будет моим подарочком.

Спустя два дня мы были в Хем-Белдире. Я сдал в казну всё, что привезли из Даа-хошуна, и пошёл докладывать Тактан-Мадыру... В конце доклада поклонился:

– Прошу меня простить. На дороге между Ийи-Талом и Оттук-Ташем, когда ночевали, коровье стадо облепили волки. Я вы-

⁶⁰ Хайракан – устаревшее слово, почтительное название божества, служит также почтительной кличкой медведя.

палил мои патроны. Как мне получить новые патроны, чанчин⁶¹?

Совсем неожиданно к Тактан-Мадыру вернулся дар связной речи. Он по-прежнему выплёвывал слова, но уже не вразброд.

– Как получить? Так и быть, распорядюсь: сначала тебе дадут пятьдесят шаагаев, а потом патрончиков – ровно пять штук. Человеку тут обиды совсем нет: за один патрон – только десять шаагаев – небось недорого. Понял, черепаха?.. Страшновато? А виноват кто? Коли в самом деле страшно шаагая, надо принести чего-нибудь. Понимаешь? Может быть, поладим.

Я подумал: «Ну как его усовестишь? А вытерпеть пятьдесят шаагаев не так-то легко», – и сказал:

– За моих волков я получил аркан в двенадцать кулашей⁶². Можно?

– Аркан? Ишь ты! А волков привезти нельзя? Смотри в другой раз попадётся что-нибудь интересное – привози, такой обычай у всех стрелков. Ну, иди.

Я сбегал за арканом и подал Тактан-Мадыру. Тот развязал, промерил – двенадцать кулашей! – и опять смотал. Потом всунул затейливый ключ в один из ларей, поднял крышку, уложил аркан и выдал мне из того же ларя пять патронов:

– На, черепаха! В другой раз пеняй на себя...

Так закончилась моя первая служебная командировка.

Не скажу чтоб урок Тактан-Мадыра научил меня уму-разуму. По-прежнему было неясно, как сделать, чтобы в другой раз хотя бы не пенять на себя. Конечно, было бы лучше всего арканом в двенадцать кулашей связать по рукам самого Тактан-Мадыра.

Глава 5

Буква с перекладиной

Несколько суток я оставался на месте. Хорошо было прохаживаться по Хем-Белдиру, сознавать, что ты куда-то ездил, что-то сделал, а теперь можешь всю отдышать от волнений, одолевающих всякого юнца в тревожной дороге.

Хем-Белдир того времени состоял из нескольких домиков. Наш давешний коричневый дом, где молодых цириков благословляли судуром, в то время был самым большим. За ним вниз по Енисею был дом посла Советской России, окружённый молодыми тополями, и ещё около десяти домов – побольше и поменьше, как в Сарыг-Сепе, но раскинулись они гораздо шире, в промежутках между ними желтели пустыри с кустиками караганника.

⁶¹ Чанчин – генерал.

⁶² Кулаш – сажень.

В один из таких дней, когда я прохаживался мимо, я увидел, что в нижней части города, у деревянного дома, где сейчас одно из отделений Кызыльской больницы, собрались молодые парни. Я подошёл и встал у входа.

– Эй, таныш, заходи, заходи, – кивнул, заглядывая мне в лицо, русский парень с остриженными волосами и веснушчатый носом.

Я шагнул. Парень опять кивнул, приветливо щурясь:

– Проходи, проходи.

Я вошёл и увидел много молодых парней – человек пятьдесят. Одни чистили ружья, другие оправляли постели, а несколько человек что-то рисовали на листе бумаги.

В дверях появился высокий человек средних лет. Из-за стола сразу вскочил резвый парень с красной повязкой на правой руке и с шашкой на жёлтом ремне:

– Взвод, сми-и-ир-нэ!

Вместе с парнем вскочили и вытянулись все остальные.

– Вольно, – сказал вошедший. – Продолжайте. Тем временем ребята, которые возились с листом бумаги, кончили своё дело и, переглянувшись, приколотили его к стене. Тут же у вывешенного листа собрались все остальные. Раздался дружный смех.

Над кем? Может быть, надо мной? Нет, нет. На меня как раз не глядели. Потихоньку я подошёл тоже и стал смотреть на разрисованную и исписанную бумагу. Посредине была смешная картинка: парень приставил ружьё к стене, а сам заснул! Часовой! Я засмеялся.

Высокий товарищ положил руку на моё плечо.

– Читаешь стенную газету? Грамоту одолел?

– Не умею, – смутился я.

– Научим. Гляди-ка. Вот видишь? – Он провёл по букве указательным пальцем. – Буква-растопырка. С перекладиной посредине. Буква «А».

В самом деле, буква на что-то похожа. Скорей всего – на жерди чума. Перекладина посредине. А поют её: «а-а-а».

Повторяю вслух:

– Буква «А».

Мой учитель подозвал одного парня и велел ему принести книгу. Букварь. Откинул влево два листа. Нацелился на букву и обвёл пальцем:

– Та самая – буква «А». Вот растопырка. Вот перекладина – «А».

Он постоял немного в раздумье, оправил на мне рубаху. Потом спросил:

– Это что?

– Это «А».

– Молодец. Приходи каждый день к нам. В это же время. Научу тебя грамоте. Пока заучи только одну вот эту букву. Как читать и как писать.

Тут учитель выдал мне на руки тоненькую тетрадь, карандаш и книгу – букварь.

Такой подарок человек получает один раз в жизни – если ему посчастливится его получить.

Только в сказках такие люди, как я, умели читать и писать. Паренёк-пастушок, получив три знания, победил хана и не позволил ему рубить людям головы.

Я спрятал за пазуху подарок моего нежданного учителя, крепко прижал к сердцу:

– До свидания...

Когда я вернулся в нашу войсковую юрту, один из посыльных цириков сразу сообщил:

– Тактан-Мадыр хотел тебя куда-то послать, искал-искал – весь выдохся, вместо тебя поехал другой человек.

– Куда я мог деться?.. Совсем тут близко, пониже у берега, есть дом. Захожу. Народу много. Чаю попил, потом по книге начал учиться. А в нижние хошуны я уже ездил. Только что приехал. Не пойму, что творится, товарищ!

По-настоящему расстроиться я не успел. Раздался крик:

– Генерал Тактан зовёт, беги!

Прибежал. Злость у Тактан-Мадыра ещё не выкипела – бурлит и пышет вовсю. Засучил рукава. По сторонам сидят два молодых цирика.

Я поклонился.

– Изволили приказать мне прийти. Я пришёл.

– Весь день... Ты!.. Где шлялся?.. Не спросив... Задурил... чёрный дьявол!..

В ушах у меня зазвенело. Голос мой вдруг тоже зазвенел – ещё громче:

– Ведь вам известно, ездил я или не ездил гонцом в нижние хошуны. Отъездил чуть ли не целый месяц. Теперь, думаю, у меня есть право отдохнуть. Поэтому я и ходил по городу. И не шлялся. И не дурил.

– Отдохнуть!.. Не шлялся!.. Ах ты, щенок!.. Говори... Куда ходил?.. С кем болтал?.. А вы чего расселись?.. Вяжите... Допытать-допросить!..

Цирики вцепились в меня по-кошачьи. Связали руки.

Допрос короткий:

– Ну, говори.

Не собирался я скрывать ровно ничего. Так, мол, и так: вниз по берегу живут молодые парни; встретился с ними, а потом давай учиться, как читать-писать одну букву.

– Что-что?.. Не болтай... Не дури... Какую букву? – Большую с перекладиной.

«Разве показать? Скорей пустит. Поймёт».

– У меня за пазухой. Пожалуйста, вытащите.

– Ну-ка тащите... Давайте... Похоже – к партизанам Кочетова бегал. У них был. У красных... у русских... Скотина!

Тут наш Тактан-Мадыр принялся вытряхивать из себя пахучие слова, которым не уместиться даже в пасти голодной гиены. Один из приближённых цириков выхватил у меня из-под рубахи и сдал Тактану мою книгу с тетрадкой и карандаш.

Ключья бумаги, обрывки переплёта с разорванными картинками посыпались в огонь, на дымящийся треножник. Полетели в пламя скомканные листы тетради, кусочки карандаша.

– Что вы делаете? – завопил я. – Нельзя! Нельзя! Пойду к сайту! Всё скажу!

Я подскочил к Тактану, как дрофа с перебитыми крыльями, у которой убивают птенцов, – подомну грудью, затопчу, заклюю!

Подручные вцепились в меня, оттащили к порогу.

– Двадцать ш-ш-шаагаев!.. Двадцать ш-ш-шаага-ев!.. – шипел Тактан, протяжно, с усилием выдувая звук «ш».

Знакомое дело! Один из подручных придавил мои плечи. Другой прижал мою голову левой рукой к своему бедру, а правой стал умело обрабатывать мои щёки.

Тактан считал.

– Раз!.. Два!.. Три!..

Десять полновесных ударов по правой щеке – с молодецким присвистом. Десять по левой.

Тактан поучал:

– Наука тебе... Учение... Вот... Другой раз не прощу... Заковать велью... В темнице будешь лежать... Железом будешь звенеть...

Глава 6

Буква с навесом

Подручные Тактана развязали мне руки и вытолкали на волю. Куда пойти? Щёки жгло и покалывало, веко дёргалось.

Я спустился к Енисею и сел под кривой тополь.

«Кому жаловаться?.. Повсюду эти чиновники, куда ни пойдёшь... Но как можно?! Ведь нельзя же! Нельзя бояться! Молчать нельзя! Завтра вечером спрошу того человека, что книгу мне выдал, того учителя», – решил я и поднялся.

В юрте нашей все спали, кроме Тостая, Кок-оола и ещё кого-то из молодых цириков. Я опустил перед ними на циновку, сходу заревел и стал выкладывать всё, что было на душе.

Тостай успокоил меня:

– Потерпи, а я всё скажу нашему Кюрседи.

На другой день, когда стало темнеть, я с пустыми руками заспе-

шил на мой урок.

Учитель меня ждал.

– Хорошо. Посмотрим, как мы приготовили наше задание... Что с тобой? Болееешь? Где твоя книга?

И я вдруг ясно увидел, как моя книга, истерзанная Тактаном, летит в огонь. Не удержавшись, я заплакал. Потом, успокоившись, рассказал всё, что произошло. Выслушав, учитель стал утешать меня:

– Жалко тебе букварь. И мне жалко, а плакать не стоит. Найдём ещё книжку. И тетрадку. И карандаш. Знаешь товарища Кюрседю? Сам ему всё расскажи, только не плачь. Дай честное слово...

В тот вечер мы долго сидели за столом. Передо мной лежал новый букварь и тетрадка. Ярко горела лампа.

Учитель, водя пальцем, объяснял:

– Это стена. Это навес, крыша. Под навесом лежит мешок с крупой. Покажи, где стена.

– Вот.

– Где навес?

– Вот.

– Где мешок?

– Вот здесь.

– Хорошо запомни... Буква с навесом: «Б». Её читают губами громко: «Б! Б!».

Я хотел улыбнуться, но щёки какие-то деревянные.

– Где буква с навесом?

– Вот, пожалуйста.

– Молодчина. Теперь прочитаем её.

Я надулся, как пузырь.

– Б! Б! Б! Б!

Глава 7 **Кюрседю**

В середине зимы, в один из морозных дней, пошёл я к товарищу Кюрседю.

Тостай показал дорогу:

– Тут недалеко, вниз по улице. Когда подойдёшь, увидишь: невысокий дом с деревянной крышей – партийный комитет.

Январский мороз. Земля укутана сухим туманом. Остановись на минуту, прислушайся – ничего не слышно. Но потрудись ещё послушать, и ты проникнешь в тайну зимней тишины: мороз прокаливает землю так глубоко, что вокруг тебя всё мёртвое тихо потрескивает, а всё живое тихо шипит и ещё тише, еле слышно, вздыхает.

Я шёл вниз по улице и тёр щеки, пряча нос в домик из негнувшихся пальцев.

Из тумана выпархивали пичужки и, немного пролетев, садись на снег.

Я подошёл к невысокому дому с деревянной крышей и открыл дверь. За длинным столом сидели люди. Некоторые посасывали чубуки в железной оправе. Все они слушали стоявшего у стола невысокого бритого человека в дешёвом синем халате.

Я отдал честь.

– Здравствуй.

Мужчина в синем халате обернулся в мою сторону:

– Если не спешишь, подожди. Кончим собрание – послушаем тебя.

– Я не спешу...

Он обратился к товарищам:

– Думаю, пусть присутствует. На дворе холодно.

Все согласились.

Товарищ в синем халате заговорил опять:

– Продолжаю. Они говорят: «Партия не нужна, партия лишняя, большие расходы содержать партию» – и так далее. Ясно: они хотят вернуть обратно старое время. Никогда не позволим! Оставаться нам без партии – всё равно что ребёнку без отца, без матери. Нам говорят: «Отец и мать не нужны, отец и мать лишние, большие расходы содержать родного отца и родную мать». А мы говорим: «Отец с матерью дают нам жизнь, выносят нас из беды, а сами ходят в халатах из далембы и живут в чёрных юртах». И мы спрашиваем этих крикунов: «А вы нужны? А вы не лишние? А содержать вас легко? Небось никто из вас никогда не ходил в далембе, а всегда ходил в шелку и в парче, в куницах и соболях. Небось никто из вас никогда не жил в маленьких чёрных юртах, а всегда жил в больших белых юртах и шатрах. Небось никто из вас не обходился зимой и летом чистой водой из родника – каждый из вас больше пил чашу с добрым кумысом или с хмельной аракой. Чего же вы от нас хотите? Чтобы мы смотрели молча, как вы достаёте из-за шёлковой пазухи острый камень и начинаете убивать нашего отца и нашу мать? Да? Нет! Этого от нас не ждите». Вот что мы скажем. Я кончил.

Докладчик сел и закурил трубку.

Один за другим подымались сидящие:

– Правильно, Кюрседи!

– Так и надо сказать...

Неожиданно поднялся мужчина лет пятидесяти, с длинной косой, в чесучовой шубе кремового цвета. Откашлявшись, он заговорил, перебирая застёжки на шубе:

– Тарга Кюрседи в основном прав. Партия, в конце концов, нам

будет нужна. Пока что наши недостатки малы, а у партии расходов много. Кто же говорит, что партия совсем не нужна? Таких людей нет. Люди говорят иначе: давайте на время распустим партию, а там, когда укрепимся, опять её поставим... Говорят: кто хочет на время отложить работу партии, тот против бедных аратов. Разве можно так говорить? Просто удивительно! Я спрашиваю: зачем делить всех на баев и бедных? Кому это нужно? – Оратор оглядел сидящих за столом и продолжал, покосившись на меня: – Ведь наш народ называется «Бугуде найырамдаар улус». Не только у нас – монголы тоже говорят: «Бугд найрамдах улс»⁶³. Значит, все должны жить в согласии. – Оратор приложил руку к левой половине груди, перебрал глазами всех сидящих и закончил речь вопросом: – Правильно я говорю, граждане?

Он не успел сесть, как быстро, по-военному встал сидящий против него человек в полушубке. Как сейчас вижу его живые тёмные глаза и доброе смуглое лицо, слышу его убеждённую, молодую скороговорку:

– С мыслями сайгырыкчи невозможно согласиться. Что он сказал? «Сейчас мы бессильные, потом, когда наберёмся сил, тогда и поставим партию». Это значит: «Я лежу в зыбке, поэтому ещё мать мне не нужна и не нужен отец, а вот когда вырасту, тогда отец с матерью мне будут нужны».

Ещё один человек подхватил:

– Сайгырыкчи Имажап нам объяснил по-тувински и по-монгольски, как надо жить в полном согласии. Но разве может быть согласие без равенства? Разве может быть согласие, когда тебе говорят: «Я согласен тебя оседлать, а почему ты не согласен, чтобы я тебя оседлал? Я согласен тебя сечь, а почему ты не согласен, чтобы я тебя сёк?».

Теперь все заговорили наперебой.

– Не ездит ли добрейший Буян-Бадыргы верхом на людях вместо коней?

– И не учит ли светлейший Идам-Сюрюн своих подчинённых работать шаагаем и другими орудиями «девяти пыток»?

– И сколько подданных граждан засёк в эту зиму почтенный сайгырыкчи Имажап, который хочет, чтобы все люди жили в согласии?

Имажап вскочил и начал что-то объяснять. Я плохо его понял. Кто-то хотел поддержать Имажапа, но этого оратора почти никто не слушал.

После перерыва товарищ Кюрседиди объявил:

– Я прочитаю наше постановление.

⁶³ Бугуде найырамдаар улус (по-тувински) и бугд найрамдах улс (по-монгольски) – республика; буквально: государство (народ), где все живут в согласии.

Все опять сидят за столом. Кюрседы читают:

«Партия – руководитель бедных арагов. Поэтому те, кто предлагает закрыть партию, действует против бедных арагов. Нет у нас партии – то же, что нет у ребёнка отца и матери. Говорить «партия лишняя, у нее много расходов» – никак нельзя. Мы никому не дадим тронуть нашу революционную партию. Центральный Комитет постановляет: весной этого года созвать второй Великий хурал⁶⁴ Народно-революционной партии всей Танну-Тувы⁶⁵.

Кюрседы посмотрел на сидевших. Строгие лица. Торжественно тихо.

– Ну как, товарищи? Кто согласен, пусть подымет руки.

Надо ли говорить, что я был согласен тысячу раз и тоже от всей души поднял руку за Народно-революционную партию Танну-Тувы – против тех, кто захотел её закрыть. Я поднял руку и подошёл к столу, где заседал Центральный Комитет, хотя хорошо понимал, что случайный посетитель, оставленный в доме, чтобы не замёрзнуть, вовсе не обязан участвовать в обсуждении.

Постепенно все разошлись. Кюрседы подозвал меня и попросил говорить смело, ничего не боясь. Вероятно, он заметил, что у меня дрожат руки и вздрагивает голос.

Волнуясь, я рассказал ему свою историю.

Кюрседы выслушал всё и спокойно сказал:

– Тактана придётся наказать и снять с теперешней работы. Есть много жалоб. Насчёт шаагая ты, мой младший брат, совершенно прав. Но должен тебе сказать, что наш новый закон ещё не отменил шаагая и других старых наказаний. Баи этим как раз пользуются. Скоро будет Великий хурал партии. Великий хурал восстановит партию. Снимет шарики с чиновников. Запретит старые наказания, в том числе шаагай. А ты пока не давай повода, жди хурала. Тактан-Мадыра не бойся. Как ходил учиться, так и ходи. Учись.

Я коротко ответил:

– Понял.

Направился к выходу. Кюрседы улыбнулся:

– Не уходи.

Какой он смешной и добрый: наморщил лоб, даже худые щёки стали пухлыми. Наклонился – хочет наедине доверить мне свою тайну – и вдруг залился детским застенчивым смехом.

– Я, знаешь, тоже хожу на уроки. Учусь, мой брат, по картинкам. И мой учитель – хе-хе! – тоже боевой солдат, партизанский тарга – Сергей. А ты говоришь... – Кюрседы подмигнул одним глазом и пожал мне руку на прощание.

⁶⁴ Хурал – собрание; Великий хурал – съезд.

⁶⁵ Танну-Тува – прежнее название Тувы, буквально: высокогорная Тува.

В начале весны Тактан-Мадыра от нас перевели на другую службу – гражданскую. Вскоре он испытал на себе действие любимого шаагая: волк попал в берлогу медведя. Старшие цирики поговаривали, что Тактан сразу же слёг в постель, приняв от нового начальника сорок полноценных шаагаев, и долго не мог поправиться. К нам пришёл новый командир – бывший партизан Пюльчун.

Глава 8 Великий хурал партии

Середина шестого месяца 1923 года. Ой, сколько в Хем-Белдире приезжих людей! Не Хем-Белдир, а муравейник. У каждого караганника на прибрежных улицах и пустырях толпились осёдланные кони, волы; вытянув длинные шеи, дремали на песке верховые верблюды.

Никогда ещё не гостило в Хем-Белдире такого множества путников. Почти на всех были старенькие цветные халаты, на головах – полинялые товурзаки, а то и кепочки. Там и тут прохаживались чиновники в остроконечных колпаках с разноцветными стеклянными шариками.

Неожиданно в толпе я встретил своих – они тоже приехали с нашего старого Каа-Хема, из Хопто, Бай-Сюта, Сой-Бюрена, с Бильбей-Терзига, с нашей милой Мерген. Мой брат Пежендей. Мои друзья Чавырык, Кежеге, Саглынмай и другие. Сколько знакомых.

Вокруг нас люди целовались и обнимались. Весело и светло стало на проезжих дорогах Хем-Белдира.

Пежендей прямо сиял.

– Мужчина – хозяин своему слову. Сказал я тогда у Тожу-Хелина «приеду» – и приехал.

– Куда же ты едешь? И дома у нас как?

– Явились гонцы: будет Великий хурал партии, бедняки все приедут... А дома всё в порядке. Пахоты прибавилось. Хлеб теперь в достатке. И баям не даём себя молотить.

Я, в свою очередь, принялся рассказывать о жизни в Хем-Белдире, о своих поездках в дальние хошуны.

Разговаривая, мы незаметно вышли на Тонмас-Суг – место сбора, и поднялись на пригорок.

Внизу, образуя большой круг, расположились люди. Их так много, что степь почти не видна. Идти гурьбой нельзя, но в одиночку ещё можно. Мы стали осторожно пробираться среди спин и локтей.

Внутри большого круга почётное место устлали коврики-циновки. На двух шестах – красные паруса. Сверху вниз на парусах – монгольские буквы, но прочитать их никто из нас не мог.

Признаюсь, раньше я никогда не видел такого богатства и такой роскоши, как на этом Великом хурале беднейших аратов Танну-Туву. Объяснялось это очень просто: вместе с беднейшими людьми сюда пришли богатейшие скотовладельцы, высшие сановники. Не только пришли, но поспешили занять на виду у всех почётное место в большом кругу Великого хурала. Вот почему это неприметное местечко Тонмас-сугской степи так ослепительно сверкало и блестело парчой, лакированной кожей, стеклянными знаками различия всей чиновной Танну-Туву.

Народ, усеявший плоскогорье за Тонмас-Сугом, ждал, когда откроется Великий хурал. Вокруг нас люди переговаривались, обменивались табакерками. Вглядывались в даль.

Наконец всё затихло. Табакерки перестали ходить из рук в руки, трубочки спрятались за меховые и сыромятные голенища. Столик с полосой красной далембы, долго пустовавший, в один миг окружили люди. Опершись, стоял Кюрседи, справа и слева сидели его товарищи.

Кюрседи кашлянул, оглядел степные дали, поклонился и заговорил.

– Дорогие товарищи! Уже шестой год, как победила революция в России. В нашей Танну-Туву – уже третий год. А живем всё по-старому. У наших нойонов остались прежние права. Их люди, как прежде, трясутся над своими шишками и чинами! А с народом, как в старину, расправляются по чёрному закону маньчжурского хана – секут и калечат. Два года назад был Первый Великий хурал нашей партии. На том хурале бедняки-араты выбрали Центральный Комитет. Мы послали в хошуны и сумоны гонцов. Баи хватают на дороге и убивают наших гонцов. Налоги и разные пошлины баи платят не по доходу, а по дымовому отверстию в юрте, как беднейшие араты. Дальше так нельзя. Пришло время разлучиться со старыми порядками. Теперь мы можем освободиться полностью, как уже освободились все народы России...

По степи пронеслись приглушённые далью голоса – возгласы одобрения. Так по вершинам рощи вдруг прошуршит листва, разбуженная порывом горного ветра.

К столу протиснулся старик арат с косичкой. Я узнал знакомого. Это был Энзук, у которого я провёл несколько дней, когда ездил в нижние хошуны.

Энзук стал обстоятельно рассказывать, как аратам живётся в новой вотчине Сонам-Баира, вспомнил, как он, Энзук, с товарищами работал на извозе в Саянах, на реке Ус, и ещё дальше, в далёком Минусинске.

Мои глаза старательно провожали Энзука, а Кюрседи уже предоставил слово кому-то другому. Вместо Энзука в большой круг

вошёл князь Буян-Бадырғы. Самый богатый и властный нойон, гроза Хемчикских степей.

Чиновники вскочили. По старой привычке подобострастно улыбнулись, нагибаясь и простирая руки:

– Помилуй нас...

– Я думаю... – заговорил князь, и в голосе его зазвучало сострадание хувулгана⁶⁶ [2], отвечающего за глупость и грехи людей, – думаю, гражданин Оюн Кюрседиди и другие что-то слышали, хотели понять, но не поняли. Они не виноваты – у них глаза слепые. Они не читают, не пишут, а хотят участвовать в политике. Подумайте, – управлять независимой республикой. Говорят: партия. Сказать правду, она действительно лишняя. Непонятно, что ей делать. Пришлось на время распустить. Ну и что тут страшного? Будет нужна – опять восстановим. Это в наших руках. Ещё говорят: шаагай, наказания. Да разве можно без шаагай? Если воспретим шаагай, то чем тогда учить разных воришек? Головные уборы с различием тоже нужны. А то как? Без них чиновников не отличишь от аратов. Разве меня можно смешивать с моим подданным? Теперь о налогах... Они тяжелы, это верно. А причина где? В партии. Когда партию закроем, расходов будет меньше, налоги сократим. Так я думаю, господа. – Буян-Бадырғы кончил.

А у стола уже раздаются речи чёрных аратов, желающих мирно жить и управлять государством без шаагаев и без нойонов.

Десять человек выходили в большой круг Великого хурала. После них взял слово Оюн Кюрседиди – председатель. Склонил голову набок и сказал застенчиво, как в первую встречу со мной:

– Говорят, мы неграмотные. Ничего не поделаешь. Понемножку знакомимся с монгольскими и русскими буквами. Тут у меня записано, что предлагали товарищи от западных и восточных хошунов. Разрешите прочитать.

Оюн Кюрседиди читал свободно, но куда тише, чем надо читать на хурале, где потолок – синее небо, а стены – далёкие горы.

Люди притихли...

– Второй Великий хурал Народно-революционной партии Танну-Тувы постановляет: считать партию восстановленной; запретить шаагай и другие пытки; отменить знаки различия на головных уборах чиновников!

– Как смотрите, граждане? Верно? Если верно, проголосуем, как по новому порядку положено, поднимем руки.

Кюрседиди поднял руку вместе с бумагой, которую он читал. Мы подняли руки вместе с шапками. Кругом торжественно вскинутые руки делегатов и гостей Великого хурала. И шапки, шапки разных фасонов и цветов – остроконечные и плоские, с козырьками сзади

⁶⁶ Хувулган – святой, «перерожденец» в ламаистской религии.

и с козырьками спереди, старые и новые, летние и зимние. Кюрседи улыбнулся.

– Предложение принято...

Кюрседи поднял и опустил руку.

– Восстановлена революционная партия Танну-Туву. Кто хочет вступить в партию, пусть останется.

И тут же Кюрседи обратился к сановным гостям:

– Чиновники должны сейчас, не уходя, сдать головные уборы. Вернувшись к себе, первым делом немедля собрать и свалить в огонь шаагаи, манзы и прочие орудия пыток-наказаний, которыми вы и ваши отцы, и деды, и прадеды терзали живое тело аратов.

Закипела степь. Народ загудел, как перенёсший лютые морозы улей.

Сановные гости понесли к столу головные уборы с шишками. Мне казалось, что они подают пироги-пампушки с бутончиками – с сахаром-изюмом – и низко кланяются.

Мы с Пежеңдеем танцевали в сторонке, распластав руки:

«Несите, гости! Валите в кучу! Вашим шапочкам больше не шуршать, не звенеть!».

Часть третья В МОСКВУ

Глава 1 Мятеж на Хемчике

По городу разнеслась тревожная весть: глава феодально-байской знати Сумунак поднял мятеж. Его отряды захватили Шеми, Чиргак и Большие Аянгаты. Бандиты хватали людей, верных революции, и их родственников, пытали их, живыми закапывали в землю. А русских поселенцев сжигали вместе с их жилищами. Его молодчики зверствовали куда страшнее маньчжурских солдат.

Сумунак объявил себя ханом хемчикских хошунов и силой заставлял вступать в свою шайку всех, кто только мог держаться в седле. Когда Сумунак подъехал к Чадану, встречать «хана» и его войско вышли ламы в парадном облачении с огромными судурами и оглушительными трубами.

А за несколько дней до выступления мятежников из Хем-Белдира в Чадан выехал на гнедом иноходце Буян-Бадыргы. В его свите было два коновода и один посыльный цирик. Рядом с грузным сайтом вытянулся в своём седле тонкий и длинный Имажап. Позади следовал караван из пяти лошадей.

Долго переглядывались цирики, собиравшие сайта в путь:

– Куда покати́л наш сайт? Ишь как много вьюков забрал!

Немудрено, что, получив известие о мятеже, власти Хем-Белдира встревожились. Что теперь будет саиту Буян-Бадыргы? Разбойники Сумунака могут его схватить. Действовать надо немедленно.

И вдруг на улице я встретил знакомого человека.

– Здравствуйте, тарга! – воскликнул он.

– Какой там тарга? Ведь я же просто посыльный цирик. Здравствуй, Энзук. Куда идёшь, старина?

– Иду я к председателю. К Кюрседи. Маленький разговор у меня. Где найти его?

– Ступай за мной, доведу, – поманил я рукой и пошёл впереди. Мой знакомый шёл за мной понуриив голову.

Мы пошли в комнату, где работал Кюрседи. Он был один. Мы поздоровались и уселись.

– По какому делу пришли? Рассказывайте.

Кюрседи сел за стол.

– Ну! – тронул я за локоть своего товарища.

Энзук вздрогнул, несколько раз кашлянул:

– Вы, должно быть знаете, тарга: в Хемчике начался мятеж.

– Да, но как всё произошло, не знаю. Расскажите по порядку, что вам известно. Кто вы?

– Меня зовут Энзук. Вот я знаком с товарищем Тывыкы. В прошлом году мы познакомились в Шанчи-Сарголе. А в прошлом году здесь, в Хем-Белдире, вместе были на Великом хурале партии. У меня есть удостоверение.

– Нет-нет, не показывайте... Говорите, что вы знаете о бандитах. У нас мало времени, товарищ...

– Я возвращался из Верхнего монастыря на Чадане – с богомоля, – начал Энзук. – Они меня задержали и заставили вступить в свою шайку. Как-то вечером я проходил мимо палатки Сумунака и увидел, как туда вошёл Манлай-оол. Это главный подручный хана. Я прислушался.

«В Бора-Холь приехал тот самый, кого мой хан хотел видеть, – сказал Манлай-оол. – Вот пакет»..

В палатке стало тихо. Казалось, я явственно видел: вот дрожащие пальцы приняли пакет, вот разорвали его и вытащили письмо.

Немного погодя Сумунак буркнул: «На, читай».

Снова послышалось шуршание бумаги. Я подполз к палатке и взглянул в дырку: рядом с «ханом» сидел Манлай-оол, далеко перед собой выставив лист бумаги.

«Дорогой учитель, святейший хувулган Сумунак! Мы верим, что дело твоё, божьей милостью, победит, и молимся о твоей победе. Я приехал, чтобы заверить тебя в этом от имени наших братьев из Хем-Белдира. По-прежнему благоденственно восседай на престоле, который ты по праву занимаешь. Скоро я прибуду к тебе.

Когда и где мы встретимся, решай сам. Совершенно тайно пребываю. Буян-Бадыргы». Здесь чтение оборвалось...

– Не может быть! Неужели это правда, Энзук?

Послышалось тебе, – перебил Кюрседиди, пристально глядя на собеседника.

– Да нет! Я же сам видел и слышал. Как я мог ослышаться, когда говорят такие вещи? Если бы говорили о другом человеке, разве я стал бы так волноваться? Я же знаю, что он большой саит!

– Гм... Ты молодец, что так быстро приехал и сообщил всё это. Да... Тебе придётся вернуться к «хану». Будь начеку. Через тебя мы будем узнавать, что предпринимает враг. Мы приедем вслед за тобой.

Энзук растерянно огляделся:

– Если я приеду, они наверняка убьют меня. Как себя вести и что говорить?

– Давай подумаем. Скажи, что домой заезжал, жену навестить. Объясни как-нибудь.

– Ладно, – Энзук поднялся.

– Ну, желаю тебе удачи. Пойди, Тывыкы, накорми своего товарища. Дай коня с Пёстрого уртеля.

Мы вышли.

Глава 2 **Два хана**

Услышав о восстании Сумунака, партийные работники Хем-Белдира начали действовать: собирали бедных аратов, организовывали посыльных цириков, договаривались с партизанами, стоявшими в Хем-Белдире и Суг-Бажы.

Наспех подготовившись, мы, посыльные цирики, во главе с нашим таргой пошли вниз по реке к Усть-Элегесте, где нас ждали партизаны во главе с товарищем Сергеем. Кюрседиди и ещё несколько человек выехали с нами.

Дело было к весне. Наступил полдень. Воздух был удивительно прозрачный, и всё кругом сверкало. Мы не замечали ни снега, ни холода. В Усть-Элегесте собралось больше трёхсот человек с оружием. Кого только здесь не было. Здесь и партийный тарга Оюн Кюрседиди, и Оюн Билчир-оол, и Мады Мадыр-оол, и командир красных партизан Сергей, и начальник народных цириков Пюльчун.

Кюрседиди встал, осмотрелся кругом и начал низким тихим голосом:

– Дорогие товарищи! Перед нами – трудная задача. Мы отправляемся на Хемчик и Чадан. В этой местности появились мятежни-

ки во главе с ламой по имени Сумунак. Они хотят уничтожить революционный порядок, пытаются бедных аратов, живьём закапывают их в землю, измываются над малолетними. Они хотят вернуть старые законы, уничтоженные революционным народом. Теперь они готовятся захватить Хем-Белдир. Они обнаглели до того, что захватили члена Центрального Комитета нашей партии – Буян-Бадьргы.

Кюрседи на минуту остановился и посмотрел на меня.

– Этого забывать нельзя. Мы должны раздавить мятежников, освободить бедных аратов, которые снова попали под их гнёт, отомстить за кровь, пролитую нашими братьями и сёстрами.

Кюрседи кончил.

Вперёд протолкался толстый мужчина с сизым лицом.

Он спросил:

– Этот ваш Сумунак, или как вы его назвали... Сколько же у него людей?

– Разбойников Сумунака будет с тысячу, но большинство из них силой набранные араты-бедняки. Нас меньше, но зато мы – солдаты революции. Кроме того, нам помогут партизаны.

– Больше тысячи! Это же ужас! Да с нашей силёнкой и подступить к ним нельзя, – начал тот, но его сразу перебили стоявшие рядом:

– Убирайся! Замолчи! Перетрусил, так возвращайся домой.

– Я-то что? Накинулись на человека! – толстяк быстро скрылся в толпе.

После этого выступили ещё несколько человек, а затем все, кто там был, подняли ружья и хором подтвердили свою решимость разгромить мятежников и защитить революцию.

Как мы узнали потом от Энзука, Буян-Бадьргы получил в то время письмо от Сумунака и тайно готовился поехать на свидание с мятежным атаманом. Прежде чем выехать из Бора-Холя, Буян-Бадьргы призвал к себе Энзука, который всеми силами старался завоевать его доверие.

– Энзук, ты надёжный человек. Ты доставишь Сумунаку мой подарок – красный вьюк. Сам я подъеду позднее.

Как только Энзук, по старому обычаю, доставил красный княжеский вьюк, по обе стороны парадной юрты, в которой находилась ставка Сумунака, стали два борца – «два льва», как их называли. Их приказал поставить «хан» для торжественной встречи. Юрта была до блеска начищена, а на входное отверстие навешен огромный ковёр. В княжеском шатре на нескольких столиках, служивших обычно божницей, поставили угощение: араку, кумыс, сыр, печенье и овечий зад, по словам Энзука, такой жирный, что он колыхался, как студень, когда его ставили на место. А сам Сумунак нарядился в праздничную шубу, обшитую парчой, повесил кисет

из жёлтого шёлка, спесиво надел высокую шапку с бурым стеклянным шариком и стал прохаживаться перед юртой, нетерпеливо поглядывая на дорогу.

Встреча намечалась совершенно секретной, поэтому для участия в обряде чествования князя были оставлены только надёжные люди. Ензук находился там же как гонец Буян-Бадырғы, доставивший красный вьюк.

Вдалеке на дороге показались клубы пыли. Сумунак махнул рукой. Пять человек вскочили на коней и поскакали навстречу. Немного не доезжая до Буян-Бадырғы, который также мчался к Сумунаку во всю прыть, передовые гонцы соскочили с коней и простёрли к дороге свои руки. Казалось, они просят благословения. Буян-Бадырғы спешил: он даже не оглянулся на встречавших гонцов, не ответил на их приветы – промчался мимо.

Как только Буян-Бадырғы подъехал к пёстрой юрте, разбитой перед холмом, слуги схватили его коня за поводья, потом подхватили самого князя, подняли его и поднесли к юрте.

Сумунак, который ещё несколько минут назад гордо помахивал руками, теперь даже ростом ниже стал, словно в землю врос – ведь приехал его хозяин! И куда только спесь девалась!

Другие чиновники и охранявшие Сумунака люди с ружьями всё ещё стояли на коленях, простирая к князю руки. А Буян-Бадырғы по-прежнему ни на кого не оглядывался. Свесив почти до самой земли свои непомерно длинные и широкие рукава, он важно шагнул вперёд.

В тот вечер Сумунак и Буян-Бадырғы вели себя как два победителя. Они провели ночь, подымая кундагу⁶⁷, желали друг другу удачи, договаривались о том, как будут ханствовать, захватив Хем-Белдир. Буян-Бадырғы станет нойоном всей Тувы, Сумунак – его помощником.

Между тем Ензук ловко и быстро прислуживал: то входил в шатёр, то выбегал из него. Сумунак вдруг завопил:

– Ой, ты-то кто? Чего здесь болтаешься, негодный?

Ензук указал обеими руками на Буян-Бадырғы, потом простёр руки к Сумунаку и протянул смиренно:

– Я слуга их светлости. Приехал к вам и привёз красный вьюк.

– Да, да, это мой прислужник. Да он ни в чём не разбирается, ничего не понимает – настоящая черепаха. Пусть себе ползает, – пробормотал Буян-Бадырғы, тупо глядя пьяными глазами.

– Э, вот оно! Раз ты такой, налей-ка нам араки, а потом спой чего-нибудь, черепаха! – приказал Сумунак.

– Есть! – поклонился Ензук, поднёс двум ханам араки и, откашлявшись, запел народную песенку о красоте чаданских деву-

⁶⁷ Кундага – кубок, чарка.

шек. В последнюю строку куплета он хитро вплёл князей, нойонов и их свиту.

– И-их, молодчина! – завыли в один голос самозванцы.

Неожиданно Сумунак приказал:

– Беги, человек, приведи сюда Манлай-оола.

Ензук впустил Манлай-оола в шатёр, а сам задержался у полога.

– Вот зачем тебя крикнул, – сказал Сумунак. – Подойди ближе и слушай. Изволил прибыть наш князь. Он осчастливил нас. Живя в Хем-Белдире, их светлость немного притомились. Надо бы поразмяться, погулять.

– Слушаю. Я всегда...

– Если найдутся в округе подходящие девчонки, приведи их на поклон к нойону, – пропищал Сумунак и со смехом добавил: – Их светлости, думаю, будет интересно.

Тут Ензук услышал голос Буян-Бадырғы:

– Смотри, только не притащи каких-нибудь больных. Выбирай осторожнее.

– О, господи, разве можно... Я же не первый раз. Сколько я служил их милости по этому делу – не сочту...

– Ну вот, выполняй.

– Есть! – Манлай-оол повернулся к выходу, но его остановили:

– Погоди, хлебни одну пиалу.

На дно пиалы что-то, булькая, полилось. Потом забулькало в горле Манлай-оола, и он выскочил, весь красный...

Глава 3 **По заданию партии**

Через трое суток наш отряд незаметно приблизился к Чаданскому монастырю, где стояли мятежники. На военном совете было решено дать измученным лошадям отдых, а на другой день к вечеру ударить по бандитам. Кюрседи приказал расседлать коней и выслать разведку.

Вскоре посланные вернулись, и расстроенный командир доложил:

– Мятежники нас не ждут, у них всё тихо, но мы потеряли нашего товарища. Боюсь, не попал бы он в руки бандитов.

Кюрседи задумался.

– А кого вы потеряли?

– Да того самого, что в Усть-Элегесте сомневался, говорил: «Ай, сколько войска у Сумунака! Как же мы с ним справимся?». Чурмит-оол, родом из Чадана.

– Плохо! Может быть, он заблудился, – проговорил Кюрседи, – но всё равно придется поторопиться. Надо действовать, пока бан-

диты не узнали о нашем приходе. – Он повернулся ко мне: – Вон там, гляди, на той горе – едва покажется полоска зари, пальнёшь из карабина. Понял?

– Понял, понял.

Кюрседи пошёл к своему стану. Вскоре на востоке появилось белое сияние. Прогрумел летящий на место своей дневной спячки филин; проснулись степные птицы. «Ну, теперь пора», – решил я и грохнул из карабина. Услышав мой выстрел, товарищи кинулись к коням.

Первый двинулся Сергей со своим отрядом. Мы последовали за ними. Спустя полчаса прискакали гонцы и доложили, что передовой отряд захватил пленного.

– Где он? Приведите, – сказал Кюрседи.

Ребята скрылись. Потом привели бледного мужчину – неказистого, худенького, без шапки, в козьем полушубке, в рваных иди-ках.

– Кто вы такой? Что делаете у Сумунака? Командир или простой цирик? – Кюрседи обратился к пленному без крика и понукания, просто, но строго.

– Мое имя Тыртык-Кара из сумона Баян-Тала. Никто я у Сумунака. Они застращали меня, силой загнали в свою шайку. Я не хотел, они били кнутами. Что на мне греха нет – все знают. У меня в юрте маленькие дети. Помилуйте, начальники, – просил пленный.

– Разберёмся, как с тобой быть. А пока есть к тебе вопрос.

– Слушаю.

– Сколько мятежников у Сумунака? Какое вооружение? Где он сам?

Пленный поклонился:

– Настоящих сообщников у Сумунака больше ста не будет, остальные триста-четыре ста – простые араты. Их заставили, понимаете? Силой. Насчёт оружия, думаю, карабинов с пятьдесят, остальные берданки и кремневики. Они узнали, что войско вашей милости подходит сюда, но ждут нападения только к вечеру.

Кюрседи спросил:

– Не знаешь ли ты, кто им дал знать, что мы идём?

– Это Чурмит-оол из Чадана, младший брат настоятеля монастыря. Он пришёл из Хем-Белдира вместе с вашими цириками и всё знает. Говорят, он-то и сказал всё Сумунаку. Пошёл разговор: «Партизаны к нам идут, они ваших жён и детей уведут к русским». Люди не знают, куда теперь бежать.

– Что за мерзавцы! – Кюрседи приказал увести пленного и поздравил цирика:

– Хорошенько наблюдайте за ним. Как знать, может быть, он шпион Сумунака.

После этого мы тронулись. Ехали довольно долго. Наконец

подъехали к последнему гребню, скрывающему шатёр Сумунака. Соскочили с коней и открыли огонь с нескольких сторон. Затрещала ружейная пальба.

Видно, бандиты крепко понадеялись на слова перебежчика и раньше вечера нас не ждали. Они выскакивали из юрт босые, в распахнутых шубах. Те, что находились подальше от места боя, пустились наутёк к своим аалам, а главари бежали по направлению к Шеми, Чиргаку, Солчуру и Хандагайты.

Ещё не кончилась стрельба, а несколько цириков во главе с Кюрседи окружили ставку Сумунака.

Вбежали в шатёр. Там на широкой деревянной кровати храпел кто-то, закутанный в пять-шесть шёлковых шуб. На полу валялись пустые фляги из-под араки, китайские кувшины, тут и там стояли тарелки с кусками жареной баранины. Сергей молча посмотрел на всё это и покачал головой:

– Ну и вояки же они! Эта самозванцы умеют сражаться только с безоружными аратами...

– Да с аракой и кумысом, товарищ Сергей, – усмехнулся Кюрседи.

Опять покачав головой, Сергей ответил:

– И русские, и тувинские баи умеют сражаться руками рабочих и крестьян, а сами способны только развратничать да пировать.

Кюрседи подошёл к храпевшему человеку и рывком скинул с него ворох разноцветных шуб. Мы обалдели от изумления – это был сам Сумунак.

– Приведите в чувство пьяного, – приказал Кюрседи.

Один из цириков поднёс ведро, стоявшее у входа в шатёр, и обдал водой нашего «хана». «Хан» вскочил, затрясся и заревел, как будто его посадили на раскалённые угли.

На него надели шубу, связали, приставили часового. Остальные ушли из юрты. Пленные сложили своё оружие перед походным барраком, где они недавно получали благословение и давали присягу на верность ханам-самозванцам, и отошли в сторону.

Среди пленных сумунаковцев Кюрседи увидел Энзука.

– С этим поговорим особо, – сурово кинул он.

Кюрседи и Сергей с несколькими командирами пошли совещаться в отдельную юрту.

– Иди, Тывыкы, приведи того дядьку. Мы с ним поговорим... – Кюрседи рассмеялся.

Я побежал к Энзуку, стоявшему за юртой и во всё горло рывкнул:

– Эй, старик, начальники приказали явиться. Живее!

Мой старик нехотя двинулся. Я за ним.

Войдя в командирскую юрту, Энзук весело поздоровался:

– Здравствуйте, здравствуйте, начальники!

– Здравствуй, здравствуй! – Кюрседи крепко пожал Ензуку руки. – За то, что хорошо выполнил задание партии, большое тебе спасибо, от всего сердца спасибо. А кроме того, прими в подарок вот это ружьё.

– Раз поручение дано партией, какое бы оно ни было, я всегда выполняю его, жизни не пожалею, а выполняю, – ответил Ензук.

– Так! Садись сюда, поговорим подробно. Выкладывай всё, что видел, всё, что узнал. А ты, Тывыкы, иди пока.

Я вышел.

Так в 1924 году было разрушено главное логово сумунакских мятежников на Хемчике. Вскоре остатки повстанцев были разбиты под Овюром и Чалаты. Сумунака и его ближайших сообщников на основании революционного закона расстреляли – за то, что они подняли мятеж и хотели воскресить старые порядки, за все мучения, которые пришлось вынести бедным аратам.

Простых людей, подпавших под влияние Сумунака, отпустили домой, поговорив с ними по душам. Что касается Буяна-Бадьргы, то он, узнав, что Сумунак разбит, стал замечать следы своего участия в мятеже. Ему удалось себя обелить с помощью обмана: дескать, я чуть не попал в руки к разбойникам, мне пришлось от них скрываться в лесу, не останавливаясь в аале. Манлай-оол с Чурит-оолом спрятались и, выжидая время, также избегли кары. Помогли им в этом сообщники Буяна-Бадьргы, сидевшие в креслах саитов.

Глава 4 Празднество

– Говорят, сейчас начнётся великий надым. Ты на него пойдёшь, Тывыкы? – спросил Кок, поблёскивая глазами.

– Сначала скажи, что такое надым⁶⁸. Это песня такая, что ли? Словами будут петь или просто свистеть?

– Да это же народный праздник! В честь того, что мятежников победили.

– Конечно, пойду! Пойдём вместе, а? – предложил я товарищу. Мой друг согласился.

День был необычайно душный: от песка, как от кузнечного горна, струился нестерпимый жар.

Начиная от Тонмас-Суга окрестности Хем-Белдира поросли юртами, палатками и открытыми стойбищами. Люди собрались на праздник со всей Тувы – кто на коне, а кто и пешком. Можно себе представить, как много пыли поднялось в воздух: кусты караганника на пустырях и деревья – всё стало землисто-серым.

⁶⁸ Надым – народное празднество.

Люди вокруг угощали друг друга аракой, где-то забили овцу. Борцы лежали на свежих подстилках из лозняка, поверх связок из арканов – отдыхали перед схваткой.

Мы пошли дальше и вскоре добрались до площадки перед кирпичным домом. Там был сделан навес, обшитый сверху узорами из красной материи. Под навесом большой стол. Позади него, на возвышении – разноцветные циновки и коврики. На переднем крае стола в пёстрых китайских кувшинах налиты хмельные напитки – в каждом кувшине ведра этак по два. На мелких блюдах нарезан сыр, обвалянный в масле, творог и другие яства. Зрители сидели на земле большим кругом, перед ними на скатертях лежали кучи жареного мяса.

Выбрав себе место, мы уселись.

Неожиданно наши соседи вскочили. Мы тоже поднялись и стали смотреть в ту сторону, откуда с величественным спокойствием, тихо раскачиваясь, приближались к нам люди в роскошных золотых одеждах.

– Кто это? Ты лучше знаешь, приглядишься к ним, товарищ, – шепнул я моему другу, подталкивая его локтем.

– Вот этот горбоносый, в шёлковом синем халате, с длинной косой – это салчакский князь Идам-Сюрюн, одним словом, наш нойон; за ним идут князья-нойоны: Буян-Бадыргы, Дала-Сюрюн, а там их бывшие управители в чине сайгырыкчи: Барыма-Базыр, Содунам-Балчир.

– Вот теперь познакомился, теперь вижу. Но скажи, пожалуйста, без них что – нельзя было обойтись? – зло сказал я.

Кок совершенно спокойно ответил:

– Пока что без них нельзя. Ведь среди нас мало людей, знающих буквы и умеющих писать, а вот эти, – он протянул руку туда, где блестели золотые наряды, – многому обучены.

С объяснением товарища пришлось согласиться. Пришедшие, по тогдашнему обычаю, разделились на две половины: представители рода Оюнов и Салчаков уселись вверху, а приехавшие с Хемчика расположились внизу. Так же разделились и борцы.

Поднялся Идам-Сюрюн. Помолчал. Степенно огляделся. Прочистив горло трёхкратным кашлем, открыл праздник:

– Объявляю: празднество начинается. Оммаани патнихом! В самом начале выступят борцы. После этого будут бега.

Идам-Сюрюн ещё раз посмотрел по сторонам, махнул направо и налево рукой, как будто окропил народ святой аракой, и опустил ся на сиденье. В то время люди не знали, когда и почему хлопают в ладоши. Все молчали, только некоторые, обрадованные предстоящим зрелищем, прыгали на месте и что-то кричали. Тем временем с левого края вышли четыре человека в блестящих шёлковых шубах и шапках-товурзаках. С правой стороны тоже появились че-

тыре человека в такой же одежде. Это были покупатели или, как сейчас говорят, секунданты.

На площадку вышел, приплясывая, мужчина с косой, уложенной на затылке в виде короны. Увидав своего подопечного, секундант изо всех сил крикнул, чтобы слышали все до одного:

– Прославленный силач хошуна Баян-Хан-ула⁶⁹ Манлай-оол! Введите его противника.

С противоположной стороны другой секундант сообщил ещё более зычно и торжественно:

– Прославленный силач Тоджинского хошуна Чадамба!

Через несколько мгновений глаза всех зрителей устремились на стройного, высокого парня. За ним на арену выбежало ещё семь силачей.

Борцы расставили руки, как расправляют крылья собравшиеся лететь орлы. Подражая парящим орлам, они протанцевали от своих стоянок до навеса с угощениями и снова отступили назад. Потом стали друг против друга четырьмя парами.

– Манлай-оол, силач хошуна Баян-Хан-ула! Смотри не подкачай! – закричал секундант в багровом халате и звонко шлёпнул своего силача по спине.

Тем временем второй секундант, в синем халате, пропел:

– А это прославленный силач Тоджинского хошуна Чадамба, ломающий руками целые кирпичи зелёного чая.

Борцы заняли исходную стойку, наклонились и, не моргая, исподлобья взглянули друг на друга. Вот они уже сцепились, как два петуха.

Манлай-оол мигом схватил Чадамбу за руки и рванул. Но Чадамба вывернулся и попробовал схватить противника за ногу. Манлай-оол чуть не опрокинул его. Борцы долго ходили по арене, сцепившись вытянутыми руками. Каждый изучал силу своего противника и перебирал в голове всевозможные приёмы борьбы. Приблизились также секунданты, подбадривали силачей острыми шутками-прибаутками.

Зрители тоже стали входить во вкус. Доставали из-за пазух деревянные пиалы, зачерпывали из расставленных на земле посуды отборную араку, утирали губы и, повеселев, гудели всё заметнее и бойчее.

– Эх ты, парень, чего крутишься всё на одном и том же месте вокруг бедняги тоджинца, подсекай и вали! – закричал кто-то из нижнего ряда.

– Хо-хо! Что ещё думать с этой толстой барбой, набитой всякой всячиной? Вали его, вали! – понеслись крики из верхних рядов.

Борцы рванулись и заплясали один вокруг другого. После од-

⁶⁹ Баян-Хан-ула – принятое прежде у феодалов название хошуна, буквально: Хребет богатого хана.

ного круга Чадамба схватил Манлай-оола за икры и поднял вверх. Но тяжёл оказался толстый Манлай-оол. Чадамба его внезапно отпустил, и едва толстяк коснулся земли, снова схватил его за икры и так рванул, что Манлай-оол, взлетев в воздух, как мешок с ватой, упал на землю. Над местом, где происходило единоборство, взмыл к небу целый столб прокалённой зноем пыли; на некоторое время площадка затуманилась, как это бывает, когда на пыльную дорогу вдруг упадёт с воза тяжёлая кладь.

Силач-победитель заплясал вокруг поверженного, будто говорил: «Вот я какой здоровый, глядите все!». Изгибая свой стан и разводя руками, он протанцевал к навесу, забрал с одной из тарелок каких-то кушаний, отведал их, причмокивая губами, потом, как сеятель, стал своим угощением посыпать землю перед зрителями и приплясывать с ещё большим воодушевлением.

– Ой, какая жара! Нога у меня поскользнулась, – жаловался Манлай-оол, подымаясь с земли.

Он встал и сокрушённо покачал головой, глядя то на угощения, то на место, где был побеждён, словно думал: «Вот сейчас придут и выручат меня: может быть, ещё раз выпустят бороться».

Но куда ему! Даже стройный и ловкий Чадамба вскоре был побеждён.

Побеждёнными ушли отдыхать и остальные шестьдесят два борца, хотя все они были «прославленные» и легко ломали что-нибудь очень прочное. На арене остались восемь секундантов в разноцветных халатах и только два соперника. Только два сильнейших: табунщик богача Содунам-Балчира по имени Билчир-оол и лама Верхнего монастыря на Чадане по имени Чанман, прозванный Арзыланом. Каждый из них ухватился теперь за полы четырёх секундантов, и все пляшут, как ошалелые.

Секунданты одной стороны возгласили:

– Выпускайте противника Билчир-оола. Силачу невоготу спокойно сидеть!

Я смотрел на силача Билчир-оола: какой высокий, на затылке торчит косичка, вся в белых проталинках, кости на плечах выпирают из мускулистого тела, как будто выросли не по мерке. Трусикки не очень завидные, на них даже нет отличительного знака, но взгляд у силача гордый и уверенный: «Вот я этого Чанмана, этого льва!».

Но если сравнить Билчир-оола с Чанманом Арзыланом, то похож он на двухлетку рядом с отяжелевшим волком. Такого жирного толстяка, как Чанман Арзылан, я никогда не видел. Жир на животе и на боках навис над бёдрами. Так и есть: бурдюк с водой! Ноги – толстые колотушки, шея – точно у быка, даже головы не может поднять, глаза выпучил. Он тоже себе на уме, смотрит исподлобья на Билчир-оола, будто хочет сказать: «А ты что за суслик такой?».

Постояв, два силача пустились в пляс. Секунданты делают вид, что не могут устоять от воздушных вихрей, поднятых двумя сильнейшими борцами, и рассыпаются в разные стороны. Между тем силачи, обойдя в пляске арену, притихли, потоптались на месте и уставились друг на друга, будто высматривали место на теле противника, за которое надо прежде всего ухватиться. Силачи схватились. В общем шуме и гаме не разберёшь, кто встаёт, кто садится. Куда падают борцы, туда, как во время прибоя на море, перекачивается волна зрителей. Секунданты волнуются, мечутся вслед за борцами, поучают и поощряют своих силачей, поругивают и подбадривают их. Силачи сделали один круг. Билчир-оол рванул, чтобы опрокинуть противника, но Чанман ухватился за его ногу, и оба рухнули. Зрители заспорили: «Этот упал, тот упал». Чуть не дошли до драки. Из толпы кричат: «Ничья!». Другие голоса гремят ещё пронзительнее: «Пускай сначала! Сначала!». Секунданты бегут к судьям. После того как судьи вынесли приговор, секунданты откланялись и вразвалку подошли к силачам. Борцы вторично схватились. С разных сторон неслись возгласы:

– Правильно хватай, Билчир! Правильно хватай!

– Правильно хватай, Чанман! Правильно хватай!

По всему видно, что силачи сильно устали. Ещё раз рванули, но ничего не получилось. Но вдруг Билчир-оол ухватил Чанмана Арзылана за вздрагивающие икры, вскинул и повалил. Кто-то из толпы крикнул, словно произошло ужасное несчастье:

– Ай, беда! Ай, беда! Какое несчастье! Пропал Арзылан!

– Так ему, подлецу! Молодец Билчир-оол! – неслись похвалы с другого конца.

Билчир-оол легко-легко отплясал свой победный танец, отряхнул прах с Чанмана⁷⁰ и быстро скрылся в толпе, как будто ещё не верил случившемуся и опасался, что заставят переигрывать схватку. Поклонники победителя высоко подняли его и понесли к палатке бережно, как носят святого.

В палатке тоже заспорили. Каждый хвалил своих силачей. Высокопоставленные гости совсем забыли о том, что они члены правительства. Буян-Бадырғы и Содунам-Балчир по-настоящему сцепились. Другим пришлось их разнимать...

На следующий день были назначены бега на верхнем плато Хем-Белдира – в Оргу-Шольской степи. Уже давно привели сюда лучших из отборных коней всей Тувы. Суток десять их готовили, а теперь заплели хвосты, причесали гривы – можно запускать. Коней, которые побегут на дальние расстояния, поручили босым мальчишкам в коротких штанишках. На вид ребятам лет по восемь – десять. Они ликууют, заняв свои места на сёдлах.

⁷⁰ Спортивный обычай: победитель стряхивает пыль с плеч побеждённого.

– Готовы ли кони? Готовы ли кони? – выкрикивали распорядители, важно разъезжая по кругу.

Будто заржал целый табун – столько голосов отдались эхом в прибрежной роще Тонмас-Суга: «Готовы, готовы!». Взад и вперёд бегали мальчишки, которым доверено первыми испытать быстроту и выносливость лошадиных ног и сердец. Рядом крутились взрослые, чему-то учили ребят, работая больше руками, чем языком.

Вскоре три всадника пустились вниз по реке и замахали руками. Увидев условный знак, мальчишки на скакунах с лихим посвистом вереницей поскакали вслед. Прошло много времени, а между небом и землёй, куда ни помотришь, всё пространство застлал желтовато-серый туман, поднявшийся к небу, – так стелется дым от большого пожара. В непроглядной дали слышались возгласы мальчишек: «Кууг-кууг!». Поняв, что пущенные кони уже возвращаются, с десятков всадников бросились им навстречу.

Впереди всех летел мальчик на тёмно-гнедом коне. Далеко за ним два-три коня, остальных ещё не видно. Один из выехавших навстречу, поравнявшись с первым мальчуганом, повернул назад своего жеребца, подстёгивая тяжёлой плетью. И хотя его конь был совсем свежий, он никак не мог нагнать тёмно-гнедого скакуна.

Только когда ребёнок подъехал к рубежу и осадил своего коня, нагнал его встречавший всадник и сунул подарок.

Это был хозяин скакуна Ужар-Мадыр из Элегеста. К нему со всех сторон съехались баи. «Ой-ой! Задавишь!». Куда там! Подлетали всё новые, толкались, просили уступить бегуна, обещая за него пять отборных коней, а если мало, то ещё в придачу добрую корову с двумя телятами.

– Зачем тебе, такому бедняку, беговой конь? Нет у тебя ни имени, ни звания. Нет у тебя ни добра, ни пожитков, – бормотал, раскачиваясь в седле, подвыпивший сайгырыкчи Тевер-оол.

Ужар-Мадыр посмотрел снизу на Тевер-оола. Потом погладил себя по лысине и не спеша, будто хотел напомнить: «Всё-таки мой конь пришёл первым», – ответил:

– Хоть у меня ни имени, ни звания нет, но я подданный моей народной республики. Не кичитесь, сайгырыкчи. Всё равно не подниметесь выше народа...

– Невежда! – бай скрылся среди всадников.

Ужар-Мадыр крикнул ему вслед:

– Не выходи из рубежей, не выплывай из берегов!

Солнце уже садилось, когда мы, еле волоча ноги, возвращались домой.

– Ну, как прошёл надым? Как ты находишь? – спросил Кок.

– Замечательно! И силачей видел, и на бега смотрел!

– Ну и сказал! Это всякий знает, а вот послушай, что я тебе скажу.

Мне было интересно, что он хочет сказать.

– Победивший силач – табунщик Билчир-оол. Хозяин обогнавшего коня – бедняк Ужар-Мадыр. Что ты об этом думаешь?

– Сильный побеждает, быстрый обгоняет – не так ли, товарищ? – сказал я, не задумываясь.

– Эх ты! Не так-то просто. Это значит – взошло солнышко беднякам, а для богатеев солнце-то заходить начало. Понял? – весело засмеялся Кок.

В самом деле, прошедшие дни стали праздником победы бедняков, закалившихся в революционной борьбе.

Глава 5 В казарме

Указом правительства была образована Народно-революционная армия. Теперь мы были уже не посыльные стрелки, а народоармейцы. Из нескольких старых юрт перекочевали в одну новенькую казарму. Появились у нас железные кровати, чистая одежда. На строевых занятиях стали встречаться с бывшими солдатами-фронтовиками и партизанскими командирами. Кюрседы пригласил их помочь в учении молодым цирикам. Надо сказать, в учении, особенно в соблюдении воинских правил, нам приходилось трудновато.

Накануне первого занятия Кюрседы познакомил молодых цириков с инструктором Веденеем. Меня назначили переводчиком.

Командиры ушли. Мы остались одни. Все были очень оживлены, даже взволнованы. Стали наперебой обмениваться мнениями о происшедшем.

– Этот инструктор нам беды наделает, недаром сказано: военный порядок строгий! – чуть не плакал Шилаа.

Кок тоже был смущён:

– Посмотришь на сторожевых цириков у партизан, так они, бедняги, выбегают ни свет ни заря, вытягивают шеи, топчут ногами и размахивают руками, как птица, которая не в силах подняться в воздух. Их всё время повёртывают: то говорят «направо», то говорят «налево», то говорят «стой», то говорят «ложись» – беда настоящая. Если нас тоже так будут вертеть, не останусь ни одного дня.

– Не понимаю, зачем напрасно скулить, не разобравшись в учении. Ведь мы только завтра увидим, какое оно будет! – сердито крикнул Тостай, и парни затихли.

– Не завидя воды, нельзя снимать ботинок, а то обдерёшь ноги, парни, – заметил я.

Утром к нам снова пришёл Веденей. Поздоровался. Объяснил, как надо подходить для доклада, как отдавать честь.

– Теперь пусть каждый товарищ покажет свою постель. Переведи.

Я повторил приказание, вытянувшись, как положено, и перевёл товарищам. Шилаа проворчал:

– Тю-тю! Вот началось, теперь нашему покою пришёл конец!..

Веденей подошёл к постели самого бойкого из нас – цирика Тостая, заправил её как следует и сказал:

– Заправьте ваши постели.

Я перевёл. Парни бросились все, как один, к своим постелям и принялись их заправлять.

– Теперь так. Вид у ваших постелей всегда должен быть такой. Сами видите. Всё можно сделать хорошо, если захочешь. Посмотрите на пол, он у вас отчаянно грязный. Будете подметать и мыть по очереди, – сказал Веденей, извлёк из кармана записную книжечку и, раскрыв её, продолжал: – Сегодня займутся чистой Шилаа и Кашпык. Вдвоём. Пусть принесут мётлы. Переведи.

Я передал приказание. Шилаа холодно посмотрел на инструктора и незаметно сделал гримасу.

– Ну, идём, – скомандовал он Кашпыку. Тот послушно последовал за товарищем. Через некоторое время наши первые дежурные вскочили в казарму с вениками и принялись усердно подметать пол.

– Как можно так подметать! Ведь вся пыль сядет на постели. Сначала побрызгайте водой, а потом уж подметайте.

Когда всё было убрано, Веденей опять заговорил:

– У ребят слишком длинные волосы, некоторые даже с косой. Военному человеку это не подходит. Если уж кто не хочет расставаться с косой, а хочет подражать девицам, пусть свою косу содержит в чистоте, но лучше всего начисто сбрить. Будет и опрятно, и красиво. Потом пойдёте в баню.

Войдя во вкус, я переводил без запинки, как настоящий толмач. Я-то хорошо помнил, как лишился моей косички и как горевал, сходяв первый раз в баню с кривым Ванькой.

Веденей ушёл. Опять вылез Шилаа:

– Видите, я не ошибся. Этот нам покоя не даст. Не только заставил подтирать полы и застилать кровати, решил банным дымом всё наше тело прокоптить.

Тостай рассвирепел:

– Долго ты будешь ворчать? Этого человека пригласила к нам народно-революционная партия, чтобы он помогал нам. Зачем же ты мешаешь? Не бросишь буяннить – голову тебе оторву, собакам выкину!

Шилаа оглянулся по сторонам, вроде думал – ребята его поддерживают, но, не встретив к себе сочувствия, спрятался за спинами товарищей.

– Верно, верно! Чего с ним разговаривать! Стукни его, Тостай! –

благодушно посоветовал Кок, точа обломок косы, которым он собирался брить своих товарищей.

– Смотрите, ребята! Я уже приготовил мой страшный меч. Чью голову первому побрить? Ну-ка, подходи!

Я первый сел перед ним. Кок смочил мне волосы холодной водой, приставил наточенный обломок косы и пошёл скоблить голову. Боль была невыносимая, но я терпел!

– Ну как? Остра ли моя бритвочка? – спросил Кок, подмигивая мне.

«Пусть он и других так же поскоблит, как меня. Не одному же мне принимать такие муки», – подумал я и, как мог весело, подтвердил:

– Нет-нет, совсем не больно, даже вовсе незаметно, бритвочка острая-острая!

В тот день мы сделались, можно сказать, совсем комолыми – бескосыми и безволосыми. Большинство добровольно согласилось на это, но несколько человек воспротивились. Пришлось их побрить силой. И было ж тут смеху и шуток.

Когда мы утром встали, оказалось, что Веденей давно пришёл.

Ребята кинулись к своим постелям, заправили их по всем правилам, наспех вымылись, оделись. Веденей вышел, сказав:

– Берите ружья, всем выйти во двор.

Парни ухватили ружья кто в руки, кто на плечи. Замелькали стволы и приклады, как рога у стада оленей. Веденей сказал:

– Сегодня мы начинаем строевые занятия. Прежде всего становитесь по росту. Смотрите все на меня. Самый высокий человек станет справа. На левом конце будет самый маленький.

Я перевёл. Мои товарищи образовали вместо прямой линии неровный полукруг.

– Не так, не так! Вот я проведу прямую черту. Через неё не перешагивайте, одну ногу приставьте к другой, обе руки протяните вниз по швам, голов не опускайте.

Построились лучше, однако ровной линии всё равно не получилось. Одни набивали табаком курительные трубки, другие одёргивали на себе рубахи, некоторые сморкались.

Я смотрел на Веденея и видел, что он в большом затруднении. Лицо у него то краснело, то бледнело. Он вывел меня из строя.

– Хорошенько переведи, а то очень трудно. Когда я скажу «направо равняйся!», надо выровнять строй так, чтобы видеть грудь четвёртого человека. Когда я скажу «смирно», надо повернуть голову прямо на меня и стоять не шевелясь.

Я перевёл.

Раздалась команда «направо равняйся». Большая часть ребят выстроилась ровно, но несколько парней – Шилаа, Кашпык и другие – опять растерялись: «Где, куда, что он сказал?».

– Отставить!

Я не понял смысла последней команды. Веденей объяснил.

Несколько раз повторялась команда «направо равняйся» и «смирно». В конце концов наш строй стал похож на туго натянутый аркан.

Дней пять-шесть Веденей бился, пока мы не научились шагать по-строевому. Уже не было у нас прежнего бесформенного вида. И нам уже нравилась строевая выправка. Чуть что – мы сами друг другу командовали. А если двоих ребят куда-либо посылали, один из них тут же кричал: «Раз, два!». Так и бежали парой по-строевому.

Проведя строевые занятия, мы начали изучать винтовку, револьвер и ручной пулемёт, а в перерывах занимались политграмотой. Сначала было трудновато, однако спустя месяц мы уже прилично знали, что происходит во всём мире, в Советской России и в Тувинской Народной Республике.

Глава 6 Партия чудурук

Однажды после строевого учения мы пришли в нашу казарму, почистили винтовки и шашки, привели в порядок обмундирование. Дело шло к вечеру, но глаз у солнца был ещё острый. Настоящие осенние холода не наступили.

В то время торговля находилась почти вся в руках частников, а кооперация и государственная торговля только-только зарождались. Мы не могли в этом разобраться, постоянно спорили, иногда чуть до кулаков не доходили. Так и в этот раз. Продолжая чистить своё оружие, Тостай сказал:

– Чего же тут непонятного, парни? Баи нарочно зажимают кооперацию, всю торговлю отдали купцам.

В разговор вмешался Шилаа:

– Не всё ли равно, в чьих руках торговля? Кооперативный товар чистый, и частный товар тоже не поганый.

Кок принялся объяснять:

– Вот в чём дело, послушай. Богачи – как хищники на дороге, только и ждут, где попадается выгода. Чуть что заметят – и готово, не промахнутся, сразу проглотят.

Кашпык возразил:

– Да что ты, какая может быть выгода от торговли?

– Говоришь, выгоды нет? Глупая черепаха! Вышние чиновники, такие, как Идам-Сюрюн и Буян-Бадьргы, пробрались в правительство. Теперь они взяли в руки и торговлю, и кооперацию, и всю казну. Теперь они, как мангусты, посасывают сладкую влагу. И ты

этого не понимаешь, глупец?! – угрожающе спросил Тостай и боднул Кашпыка стволom ружья.

В это время в окне мелькнул человек с винтовкой.

– Кто это, ребята? – спросил я.

– Как кто? Небось это Синий Данзын. Видишь, как взвалил на спину винтовку, а сабля-то, сабля, как жердь, навьюченная на вола! О, парни! Посмотрите! Ну его совсем! Даже руки и ноги держать не умеет! – покатился со смеху Кок.

Я спросил у Тостая:

– Что это за человек? Часовой?

– Ну и дурак же ты, Тывыкы! Выдумал: часовой! Он мнит себя высшим начальником правительства. Это голова партии чудурук⁷¹. Говори потише.

– Если он такой начальник, то зачем повесил на себя столько оружия, стал как шаман с бубном и побрякушками? Куда это годится?

– Видно, задаётся, что получил такое высокое звание. А чего вы меня допрашиваете попусту?

Опасаясь, что Тостай не ответит, я вкрадчиво сказал:

– У меня только один, самый последний вопрос, больше не буду спрашивать.

– Ладно. Если последний – давай, – кивнул Тостай, усаживаясь поудобнее.

Я снова спросил:

– Что за партия чудурук? Над кем он будет начальником, товарищ Тостай?

– Э, длинная история, – проворчал Тостай. – Это было в прошлом году осенью. В нашу партию протиснулись баи; защищая свои права, они как могли зажимали бедных аратов. Тут кто-то нашептал некоторым людям вроде Данзына: «Идите против баев, начинайте их критиковать, а то припугните даже оружием, покажите, что сила бедных людей крепка».

Рассказчик некоторое время молчал, набивая трубку, потом глубоко затянулся и снова продолжал:

– И вот говорят, что несколько десятков человек объединились и назвали себя партией чудурук, которая должна опрокинуть баев.

– Ну а дальше? – спросил я с нетерпением.

– Не мешай говорить, парень! – остановили меня ребята.

– Дальше? Эти «партийцы» не только не устроили баев, как раз наоборот... Обвесились оружием. Бродяжничают.

Один из цириков перебил:

– А ведь это не шуточный, а политический, очень важный вопрос.

⁷¹ Партия чудурук – анархистская партия, под видом борьбы с баями подрывавшая народно-революционный строй, буквально: партия крепкого кулака.

– Данзын и его партия чудурук – вернее, шайка, а не партия – сошла с революционного пути. Эти люди стали настоящими разбойниками, они забивают народный скот, насилуют девушек – словом, эта партия настоящая помеха на пути простых аратов.

Я спросил:

– Почему же баи пользуются ими? И если они стали негодяями, почему их не разгонят?

– Э, опять скажу: глупый ты, Тывыкы. Не так-то просто их разогнать. У них и оружие есть, да и поддержку они кое-какую себе обеспечили. Теперь они сгруппировались в Улуг-Алаке на Элегесте, на той стороне реки – в Чаргы-Бары и в Тыттыг-Арыге, режут у людей скот и грабят проезжих. Понял? Баи пользуются ими очень ловко.

Один из цириков, покачивая головой, заметил:

– И всё-таки надо бы эту самую партию просто скинуть.

– Вот баи и проповедуют, – продолжал Тостай. – «Видите, эти бедные твари собираются полностью взять власть в свои руки. Большая часть чудуруковцев – бедняки, не правда ли? Сами видите, как они могут хозяйничать, если станут у власти. Ведь они ни к чему не пригодны, разве только стрелять собак, гоняться за девочками, расхищать народную собственность». Вот и получилось, что партия чудурук и думать забыла о защите прав бедных аратов. Как раз наоборот, эти «партийцы» мешают укреплению народной власти.

Ребята не могли удержаться и зашумели:

– Как же можно такой сброд называть партией? Как можно их дальше терпеть?

После этого случая, примерно через месяц, «кулачные партийцы» оказались выше Усть-Элегеста, в долине Улуг-Хема. Пришло известие, что они окопались на островке Тыттыг-Арыг.

В начале декабря рано утром пришёл приказ выступать. Мы спешно оседлали коней, вскинули на плечи ружья, навесили шашки.

Шилаа чуть не плакал:

– Ну что опять приключилось? В такой ужасный мороз опять нас куда-то гонят.

– Не ворчи, угрюмый медведь, – набросились мы на него.

Между тем пришёл наш командир Пюльчун. В утреннем морозном воздухе громко прозвенел его голос:

– Направо равняйся!

Вскоре мы построились, и шум утих. Опять раздалась команда:

– Смирно!

Мы стали как вкопанные.

– По коням!

Через секунду всадники были уже в седле. Замешкался один только Шилаа. Он кое-как взобрался на коня и закричал, причитая:

– Ой, беда! Ой, беда!

Мы поехали вниз по Улуг-Хему. В передних рядах взлетела песня, начатая голосом, похожим на чадаган⁷², и, подхваченная всеми всадниками, полилась через Улуг-Хем, через степные просторы:

*Подножие горы Того покрыто кочками –
Там состязаются сорок коней.
У аратского правительства четыре министерства –
Там служат сорок цириков.*

На привале Пюльчун послал нас вместе с Мадыр-оолом в разведку:

– Сходите и посмотрите, что творится у чудуруковцев.

Пробираясь густыми зарослями, мы незаметно подошли к юртам и увидели людей, забивающих вола. Рядом с ними, увешанный оружием, Данзын поучал нескольких человек из своей шайки.

– Вся власть должна быть наша. К чему нам беречь баев и их прислужников? Головы им нужно снести!

Данзын махнул несколько раз своей шашкой, она со свистом подсекла тонкие берёзки так, что они, не успев качнуться и обвиснуть, рухнули на землю.

Незаметно вернувшись, мы рассказали командиру о том, что видели.

Наши цирики помчались вперёд и внезапно окружили всё стойбище. Молодчики из партии чудурук, не сделав ни одного выстрела, забрались в свои юрты – так суслики прячутся в норы.

Пюльчун подошёл к стоявшей посредине просторной и светлой юрте и крикнул:

– Кто здесь есть? Выходи!

Вышел Синий Данзын и с ним ещё несколько человек.

– Я тут, а кого вам нужно? – спросил он.

Пюльчун спокойно сказал:

– Нам нужен только Данзын, только вы. Отойдите в сторону. Поговорим.

Цирики окружили его.

– Мы пришли от имени партии и правительства Тувы, – сказал Пюльчун. – Нам поручено поговорить с вами. Подумайте сами. Вы заявляете: мы, мол, защищаем права бедных аратов. А на самом деле что вы делаете? Вы грабите тех же самых бедных аратов. Кто вы – партия или разбойничья шайка? Своими мерзкими делами вы только оскверняете имя партии. Ведь вы удобное оружие в руках баев, идущих против народа. Именно так! Вы пытаетесь подорвать веру народа в свою аратскую власть. Почему же вы молчите? Поте-

⁷² Чадаган – струнный музыкальный инструмент.

ряли голос, что ли? Оружие и боеприпасы сейчас же сдать! Такой указ объявило народное правительство. Вот он! – Пюльчун протянул Синему Данзыну маленькую бумажку с печатью.

Говорят, что телёнок становится пловцом, когда уткнётся носом в воду. Данзын, не говоря ни звука, медленно спрятал бумагу за пазуху. Потом он вбежал в юрту, притащил винтовку, шашку, пистолет и положил все это перед Пюльчуном. Другие участники партии чудурук тоже вынесли и сложили своё оружие.

На прощанье Пюльчун сказал:

– Остальным разойтись. Разводите скот. Сейте хлеб.

Мы привезли Данзына в Хем-Белдир, с ним там долго разговаривали. А потом и он вернулся домой.

Так плачевно закончилась история партии чудурук.

Глава 7 Десять учеников

В начале 1925 года прошёл слух, что правительство Советской России согласилось принять в школы учеников из Тувы. Сановники, стоявшие в это время у власти, стали между собой спорить, кого послать в Москву, – ну вроде как ворожили или жребий бросали.

Мы слышали, как сайты Идам-Сюрюн, Буян-Бадыргы и другие ломали голову над этим вопросом:

– Послать бедняцких детей – они наделают нам хлопот, станут красными. А пошлём наших собственных детей – чему они будут учиться там? Только потеряют своих богов. Лучше уж пошлём их в Большой монастырь. Пусть там учатся буддийской вере.

Я сказал Оюну Шагдыру:

– Решили посылать учеников в город Москву, ты как на это смотришь?

– Чего тут смотреть? Скажу одно: хорошо бы и нам с тобой поехать.

– Тогда пойдём к Буян-Бадыргы.

– Хорошо, пойдём, а где его найти? – спросил Шагдыр.

Вопрос был лишний. Мы же прекрасно знали, что он в коричневом доме – в одном из трёх домов, имеющих крышу. Пошли вместе в коричневый дом.

Нас встретили не очень-то гостеприимно:

– Зачем пришли, бродяги?

Думая, что на службе нельзя кланяться слишком низко, я по-военному представился и громко сказал:

– Мы слышали разговор, что учеников в Москву собираются посылать. Пожалуйста, пошлите нас с Шагдыром.

Сидевший перед нами Буян-Бадыргы громко захохотал:

– Отдав в учение таких черепашек, как вы, что хорошего увидит наша революция? Не городите чушь, работать не мешайте! Ишь, зазнались, твари! Убирайтесь! Вот в эту дверь, откуда вошли, – сайт указал рукой на дверь.

Мы ушли с таким видом, какой бывает у человека, выпившего чаю без щепотки соли.

Шагдыр сказал:

– Пойдём теперь к нашему тарге Кюрседиде из Элегеста, попросим у него разрешения, – а у самого слёзы на глазах от обиды выступили.

Я успокоил товарища:

– Ладно уж, ладно. Мы сейчас пойдём к нашему Кюрседиде. Я с ним знаком, уже обращался к нему за помощью.

Опять пошли вместе.

– А, Тывыкы, Шагдыр! Чем я могу вам помочь? Садитесь-ка сюда и говорите, – пригласил нас Кюрседиде.

Я объяснил:

– Мы слышали разговор, что ученики поедут в город Москву. Мы попросили сайта Буян-Бадыргы, чтобы и нас туда послали, а он изругал и выгнал. Вот почему мы пришли к вам, дядя.

– Ох-ха-хай! – крикнул Кюрседиде. – Молодцы вы, ребята! Мы непременно поможем вам поехать. Скажу вам откровенно, у нас большой спор на этот счёт. Некоторые говорят: «Где уж беднякам ехать учиться? Они ведь букв не видели; они только и будут думать о том, как бы поскорее удрать домой!». А вот ваша просьба как раз будет хорошим ответом на эти доводы. Вот что... напишите мне прошение: просим, дескать, включить нас в число учеников.

Тут же, за столом Кюрседиде, мы, как могли, нацарапали маленькое заявление, Кюрседиде бережно подержал бумагу и спрятал.

После долгих споров о том, кому ехать учиться, договорились послать десять человек. Сайты были уверены, что учеников будут учить только святотатству и богохульству. Поэтому богачи-чиновники не послали ни одного из своих сыновей. Мы были этому рады.

Сайты рассуждали так: «Поскольку правительство Советской России обещало принять в свои школы юношей, желающих стать врачами и другими учёными, то никого не послать нельзя, но лучше всего послать первых попавшихся мальчишек, цириков например: «Поезжайте себе, бог с вами!». И вот в первый раз в истории Тувы десять человек поехали учиться за границу.

Было объявлено, что будущие ученики выедут в Москву в конце мая 1925 года. Нельзя передать, как мы радовались.

У одного знакомого я достал мешок, напихал туда бельё, сбитые сапоги, довольно много – уж не скажу сколько килограммов – сухарей и стал ждать отъезда.

Когда наконец этот день приблизился, разнёсся слух, что нас на плоту будут отправлять вниз по Улуг-Хему. Вместе с нами должна была ехать правительственная делегация.

Я вышел на берег Улуг-Хема. Влез на пригнувшийся над водой тополь. Верно говорят: Каа-Хем, соединившись с Бий-Хемом, стал великой рекой – Улуг-Хемом, а все народы, жившие в России, объединившись, стали великим государством Советов... Ещё говорят: Россия – очень-очень обширная страна. Я-то думал, что нет на свете других мест, кроме Каа-Хема и Мерген, а теперь слышу: есть и Советская Россия, и каких только нет ещё народов. А как всё это узнаешь? Есть способ... Учиться! «Москва, только Москва!» – подумал я и побежал к товарищам. Шилаа возился около рваной вьючной сумы. Он был явно расстроен:

– Москва, говорят, слишком далёкая земля. Как до неё доберёшься? Может, мне лучше остаться?

– Чего ты хнычешь! Москва далеко – правильно! Да мы не пешком к ней поплетёмся, не шагом на воле каком-нибудь потянемся. В Москве ученик не пропадёт! Захочется – будешь там жить, а соскучишься по своему аалу – можешь свободно вернуться домой.

Так, не моргнув глазом, я поучал моего товарища, совсем как человек, прилично знающий вещи, о которых говорит, хотя порою и сам колебался.

– Тебе-то что? Ты язык знаешь, книгам тоже научился, а я ни к чему не привык. Что я знаю? Что из меня может выйти, когда я уеду в такую даль? – жаловался Шилаа, всхлипывая.

– Да перестань ты, тебя же не умирать, а учиться посылают. Пойми ты! – говорили парню и другие ребята.

Люди, собравшиеся ехать в Москву, были непохожи друг на друга. У каждого своя особая биография. Например, Шилаа – дворовый Буяна-Бадыргы. С малых лет он был на тяжёлых работах. Вероятно, поэтому спина у него всегда сгорбленная, как будто он идёт, вскинув на неё порядочный мешок. Волосы на голове, как у моей матери Тас-Баштыг, начисто вылезли от какой-то болезни. Посмотрев на него, каждый сразу подумает: «Ай какой тяжёлый выюк натёр тебе спину и шею!».

Соян-Монге – отчаянный удалец. Куда он не ездил, чего не видел! Когда в России произошла революция, он вступил в партизанскую армию. В одном из боёв против Колчака попал в плен около Минусинска. Освободившись, приехал в город Читу и оттуда вернулся домой. Он был одним из тех людей, которые всегда и обо всём что-нибудь знают. Он любил похвалиться: «Я туда ездил, я там всё насквозь знаю. Кто со мной вместе пойдёт, нигде не пропадёт, а будет себе лежать, как табак в кисете». Сам бедняк – нигде не мог учиться, а лихой на всякий разговор, молодецватый.

Шагдыр – опять другой. Лицо у него какое-то синее, бледное.

Ребята так и звали его Бледный Шагдыр. Родом из Элегеста, какой-то родственник нашего Кюрседа. Сам ходил короткое время в хураках⁷³ при монастыре. Неразговорчивый, с наморщенным лбом, он словно вечно думает о чём-то очень трудном и большом. Оттого, наверно, и шуток не понимает. Ребята что-нибудь скажут, так себе, со смехом – сразу набрасывается, как ястреб.

Были мы непохожи друг на друга не только по характеру, по возрасту, но и по знаниям.

Зато нас объединяло одно желание. Ждали только дня и часа, когда сядем на плот.

Глава 8 Цам помешал

В том, 1925 году сайты опять отложили наше путешествие.

Я возвращался с первомайской демонстрации по берегу реки. У обрыва стояли две молодые русские девушки. Проходя мимо них и незаметно покосившись в их сторону, я увидел, как одна из девушек осмотрела меня с ног до головы, рассмеялась и подмигнула подруге.

Я остановился.

– Чего это вы смеётесь? Или я очень страшный? А может, слишком красивый?

– Ещё бы не смеяться. Идёт молодой паренёк и не хочет узнавать старых знакомых! Вы ведь вроде узнали нас, а виду не подавали. Или мы ошибаемся?

– Нет, не ошибаетесь. Я как раз нарочно присматривался к вам: вроде знакомые, а признать не могу. Хоть заново знакомься! Если вам это неприятно, значит, я виноват.

– Ну, я спешу, девочка, пойду уж... До свидания, уважаемый Тока, не знаю по отчеству, – сказала одна из девушек и куда-то зашпшила, весело подпрыгивая.

Некоторое время мы молча стояли, не зная, с чего начать разговор.

Девушка заговорила первая:

– Совсем вы такой, не изменились ни капельки. А мы с Настей бегали ещё без косичек...

– С Настей? А вы кто будете? Как ваше имя?

– Я даниловская. Прикочевали в Хем-Белдир. Моё имя Анна. Можно просто звать Нюрка, или Нюта, как раньше звали. Мне-то ещё лучше.

Я схватил себя за голову:

⁷³ Хурак – послушник.

– Ай-ай-ай-ай!.. Нюточка-Анюточка!

Это была подруга Насти – Вериной сестрёнки.

Беседуя о Даниловке и её жителях, о небе, о погоде, мы шли рядом краем берега к Хем-Белдирскому острову. Когда мы дошли до коричневого дома, где находилось правительство, перед нами появился князь Идам-Сюрюн.

– Тывыкы, а Тывыкы! Подойди, парень.

Наскоро договорившись с Нютой о встрече, я подбежал к сайту и поздоровался. Идам-Сюрюн застыл у дороги и, что-то буркнув на мой привет, сказал:

– Послезавтра в Салчакском хуре⁷⁴ будут праздновать майдыр⁷⁵. Я туда поеду. Твой тарга Пюльчун тебя отпускает. Поедешь со мной. Понял, парень?

– Что я сам могу сказать? Поговорю с моим таргой, – сказал я, собираясь идти.

– Постой, постой! Сходи на Пёстрый уртель, закажи мне сильного коня с хорошим ходом, – приказал князь и, не оглядываясь, зашагал к коричневому дому.

Явившись к Пюльчуну, я доложил:

– Сайт Идам-Сюрюн сказал, что завтра едет и я должен его сопровождать. Вы что-нибудь знаете?

Пюльчун подтвердил:

– Он сайт. Поедешь вместе, будешь при нём. Присматривай за ним да приглядывайся, как люди живут.

Я сходил на Пёстрый уртель, заказал коня и, даже не зайдя к себе, пошёл к дому, где живёт Нюра. Заглянул во двор – её нет. Вот тебе и на! Я побрёл домой. Нюра рассказала обо всех – а о Вере ещё не успела... Но как выросла Нюра! Ведь Вера её на руках качала, всякими ласковыми словами называла: «Нюточка-Анюточка! Люточка-малюточка!». А теперь совсем девушка: высокая, стройная, коса ниже пояса. Подумать страшно, сколько времени прошло!

– Задавишь человека, Тока! – крикнул кто-то.

Я поднял голову и увидел Нюру. В руках она держала вёдра с водой.

– Вот хорошо, что тебя увидел. Ведь наше свидание теперь не состоится, – сказал я.

– Какое свидание? – вспыхнула Нюра.

– Да мы же завтра уговорились встретиться!

– Ах, да... Что же получается? С первого дня обманываешь, а? – Нюра лукаво улыбнулась.

– Да нет же, совсем не так! По службе надо ехать. Сайт, которого

⁷⁴ Хуре – монастырь.

⁷⁵ Майдыр – церковный праздник.

мы давеча встретили, распорядился. Вот почему так получилось, Нюра, – поспешил я объяснить.

– Тогда дело другое. Раз так получилось, я не обижаюсь. До свидания. Уж пойду, работа не ждёт: надо корову доить.

– Давай донесу тебе воду.

Я поднял вёдра. Подошли к калитке. Мне показалось – ничего плохого не будет, если я по-братски расцелую Нюру на прощанье. Ведь она моя землячка. Так я и поступил: внезапно привлёк девушку к себе и громко чмокнул в щёку. Нюра мгновенно вырвалась. «Бесстыжий чёрт!» – закричала она и отхлестала меня по щекам. Я ошалел. Нюра вбежала во дворик, рывком захлопнула калитку. Мне стало невыносимо стыдно.

«Что теперь делать? Как будто всё было правильно, а получилось наоборот. Как теперь посмотреть ей в лицо? Как теперь встретиться, вернувшись из поездки? Такого сумасшедшего, как я, Нюра теперь разве послушает? А что скажет Вере?» – с этими мыслями я пришёл к цирикам. Ни с кем не поговорив, бросился на постель и заснул. Проснулся в ту минуту, когда во сне ко мне подошла Нюра и прошептала: «Как ты со мной поступил, Тока – Тывыкы! В другой раз не целуй человека без его согласия».

Проснувшись, я вышел на берег Улуг-Хема и два-три раза нырнул. Потом надел на себя снаряжение и пошёл к коричневому дому. На коновязи два коня: на высоком кауром жеребце серебряное седло и уздечка; рядом подвязана низенькая пёстрая лошадка. «Видать, это моя», – подумал я, оседлал её и взнуздal, а вчерашнее происшествие всё не выходило из головы.

Меня окликнул старик ямщик:

– Эй, парень, чего задумался? Скорей на коня. Саит уже, видишь, поехал – вон там.

Коновод-ямщик поскакал вслед за Идам-Сюрюном. Я тоже прыгнул на коня. Подумаешь, сейчас догоню! Я побарабанил моего скакуна по бокам – ни с места! Прошёлс я кнутом – словно в землю врос. Ленивый вол, а не конь. Ушло много времени, пока я трусцой подъехал к переправе у Коктея. Там уже была разбита голубая палатка. Я привязал моего пёстрога ленивца и подошёл к огню. Хлопоты за поварской чашей были в полном разгаре. Бараний зад с курдюком лежал в чугунной чаше. Вода в чаше бурлила, переваливаясь большими пузырями через курдюк. В палатке Идам-Сюрюн, распахнув халат, угощался аракой из кугеров⁷⁶. Я пристроился к работавшим у костра и вместе с ними поел, прислушиваясь к голосам, долетавшим из палатки. Кроме Идам-Сюрюна, там были Кунга мейрен из Бай-Сюта, Длинный хелин из Чедыр-Аксы, управитель Чозар Парынмы из Сой-Бурена и ещё три-четыре быв-

⁷⁶ Кугер – кожаная фляга, бурдюк.

ших чиновника. Сейчас они опять стали у власти и собрались у перевоза, чтобы встретить от имени Салчакского хошуна бывшего нойона этого хошуна, а теперь сайта тувинского правительства в Хем-Белдире. Вот почему эти почтенные люди, хотя и не было у них на головах остроконечных шапок с лентами и шишками, приветствовали друг друга по старому обряду, подобострастно глядя в глаза, пригибаясь к земле и простирая руки.

– Что у вас нового, сайгырыкчи?

– Нет ничего, о чём бы стоило доложить, всё спокойно и благополучно, мой господин.

– Так, так. А что поделывают деятели партии в нашем хошуне?

На слове «поделывают» было сделано ударение. В голосе спрашивающего звучала насмешка. Один из чиновников ответил:

– Действуют, мой господин. Каждый день устраивают хуралы, забивают и поедают скот у зажиточных людей, добрым людям, как мы, ни в чём не доверяют.

– Ну что ж, приеду в хошун, – обдумаем положение. Пока торопиться не будем, тужуметы.

Идам-Сюрюн уже прикончил не один кугер араки. Бараний зад тоже ушёл в него без остатка. Князь не то что посоловел, а чуть на ногах держится. Двое чиновников подхватили его под мышки.

Наконец Идам-Сюрюн закричал:

– Коня мне!

Подвели жеребца под серебряным седлом. Кое-как взгромоздившись, князь тронул поводья. За ним поскакали чиновники. На этот раз мне попалась более послушная лошадь, и я уже не отставал.

Вначале я не слышал, о чём переговаривались между собой Идам-Сюрюн и чиновники, но конец их разговора долетел до моих ушей, и общий смысл я понял.

Один из чиновников спросил:

– Время стало суровое. Как себя лучше вести, господин?

Идам-Сюрюн успел проветриться и ответил довольно внятно:

– Слишком резко выступать против нельзя. Пока приходится считаться со временем.

Тот же чиновник раздражённо воскликнул:

– Выходит, мы должны вытянуть шею и так лежать, господин?

Идам-Сюрюн прохрипел:

– Так уж и лежать! Снаружи надо блюсти порядок, а внутри незаметно идти против него, следить за народом, не смыкая глаз.

Вскоре опять послышался голос князя:

– В каком состоянии мои стада и моё зимнее стойбище в Сой-Бурене? Спокойны ли собаки и птицы, сайгырыкчи?⁷⁷

⁷⁷ Если собаки и птицы спокойны, значит, поблизости нет хищников, то есть нет опасности для скота.

Чозар Парынма сдержал своего коня и поклонился:

– Скот вашей светлости пребывает в благополучии. Вот пастухи перестают слушаться... Иногда, объявив хурал, забивают и съедают скотину. Такое теперь время, господин.

– Время-то время! Но кто дал им право забивать скот у частных людей? Вот вы, один из начальников хошуна, почему же их не утихомирите?

Посмотрев на меня, Идам-Сюрюн крикнул:

– Эй, ты, Тывыкы, не путайся тут, вперёд выезжай! Мы поедем за тобой!

Я выехал вперёд, но некоторое время сзади все ещё слышались голоса:

– Зазнались эти твари, бедняцкие души! Ну что же, пускай подурят. Мы уж повеселимся, когда придёт наш праздник! Тогда мы им покажем.

Перед закатом мы подъехали к Онгача на Чедыре⁷⁸. Сделали привал и зашли в юрту. Было похоже, что хозяйева юрты – молодой парень и молодая женщина – только что поженились. Увидев так много людей в нарядной обуви и одежде и к тому же узнав Идам-Сюрюна, они закололи овцу, наготовили всякой еды. Идам-Сюрюн развалился на зелёном шёлковом ковре, оголился до пояса. Представители хошуна уселись ниже его, а мы – все прочие – присели у входа в юрту. Хозяйка поднесла на большом деревянном блюде бараний курдюк с большими кусками мяса. Хозяин наточил нож с узорчатой рукояткой и тоже положил на столик перед Идам-Сюрюном. Все начали есть. У шкафчика с посудой сидел старик, поджав под себя одну ногу и вытянув вперёд другую. Он угощал всех аракой. Немудрено, что чиновники опять захмелели. Они подняли чаши за здоровье нойона, а Кунга мейрен запел:

В верховьях Ажика стоит каменная баба;

Здесь тьма-тьмущая коней и волов.

В степях пасутся стада нашего нойона,

Здесь тьма-тьмущая золота и серебра.

– Миленький мой мейрен! – Идам-Сюрюн пришёл в восторг. Повеселев, он открыто называл сидевших по их старым чинам, словно хотел сказать: «Не так вы ещё меня приласкаете, когда я приеду в собственный хошун».

Пир кончился не скоро. Наконец чиновники разбрелись по окрестным юртам, а Идам-Сюрюн остался с молодыми хозяевами.

– Когда займётся заря, ты приготовишь мне верховых коней,

⁷⁸ Название местности близ Кызыла, где расположен грязевой курорт.

чего-нибудь попить и поесть, а теперь сидеть здесь тебе нечего, живо двигайся. Ну, уходи, – приказал князь молодому хозяину.

Тот поклонился:

– Я... я их светлости постелю постель. Я уж спать не буду. Всё приготовлю, что наказала их светлость.

– Не надо, в отдельной постели не нуждаюсь, вместо тебя лягу. Не прячь от человека молодую жену. Давай-ка её сюда. Пусть она ублажит своего нойона. А сидеть тебе здесь нечего. Живо! – махнул рукой князь.

– Помилуйте, сайт, такие вещи теперь отменены. Пожалуйста, не делайте этого, окажите милость, – кланяясь, просил хозяин, едва сдерживая слёзы.

– Отменены, говоришь? Какой ты умный стал, а? Иди выполнять приказ.

Я не мог себя сдержать и сказал:

– Вот если бы на своей службе вы так старались, сайт! Такой позор, такой тёмный обычай, который уже отменила революция, вы хотите опять вернуть!

Идам-Сюрюн ещё сильнее разъярился:

– Молчать бы тебе! Убирайся, проклятый крикун!

Меня охватило негодование. Я закричал:

– Теперь не старое бесправное время! Революция пришла! Прошли те дни, когда вы на Бурене мучили мою мать, сестру Албанчи и меня, ещё совсем маленького. Старые пытки Второй Великой хурал уничтожил.

Воспользовавшись моим вмешательством, хозяин юрты выбежал. Мне тоже стало противно слушать, как ругается князь, и я вышел.

– А, спасибо тебе, братец, – сказал хозяин. – Желаю тебе всего доброго. Пусть твоя дорога будет чистой и ровной.

На следующее утро мы подъехали к Салчакскому хуре на роднике Эртине-Булак.⁷⁹ День был удивительно ясный. Небо и земля отдыхали. Лёгкий ветер шумел в ветвях сосен и лиственниц, окружавших пагоды и кумирни, шелестел в листве берёз, поникших над стенами древнего хуре. От священной рощи расходились вдаль барханы с узорчатой песчаной чешуёй. На краю рощи из тёмной воронки сочился еле приметный родничок. От него саженой на сто струился ручей Эртине-Булак. Неспроста его назвали сокровищем: волны песчаного моря никогда не затопят зелёного островка на Эртине-Булаке.

Раковины оповестили народ, что сейчас начнётся мистерия «цам»⁸⁰. Людская лава у пагоды забурлила. У ворот пропускали

⁷⁹ Эртине-Булак – буквально: ледник, сокровище.

⁸⁰ Цам – танец-пантомима ряженных монахов-лам.

сначала монахов-лам, а за ними прочих мужчин. Если попадалась женщина, то её в зависимости от наряда и выражения лица либо тихонько отстраняли, либо отгоняли, восклицая:

– Чур-чур! Оммаани патнихом!

С нашим приездом в Эртине-Булак к моему сайту была представлена монашеская свита, и я получил возможность не только впервые посмотреть ряженный цам, но и убедиться в том, как бывшие представители феодальной Тувы – светские князья – вторгались в дела духовные, в жизнь хуре и его служителей.

Из-за северного крыла пагоды вылетела высокая китайская двуколка. Её везли десять послушников в ламских халатах. С двух сторон совершали пляску цам ряженные ламы с гонгами, бубнами и деревянными трубами в рост человека. На пляшущих страшные головы-маски: коровьи, овечьи, козьи, верблюжьи, конские, заячьи. Некоторые маски изображали десятиголовых чудовищ, изо рта у них бил огонь.

А в середине пляшущих колыхался на двуколке прославленный мастер омерзительнейших насилий и непристойностей – «солнечный князь» Идам-Сюрюн. На его светлости был парчовый балахон со знаками свастики⁸¹, длинная толстая коса перевита чёрной лентой; на затылке красовалась вместо княжеского колпака китайская шапочка с помпоном – знак самого богдыхана.

Слева от его светлости на более низком сиденье покачивался настоятель хуре в позолоченной рясе, в куполообразном железном колпаке.левой рукой он удерживал на коленях огромный судур, правой – перебирал чётки.

Ряженный «поезд» объезжал кумирни – их десять на дорожках вокруг пагоды. Незаметно пустели меха с аракой; на каждой остановке кумирни окроплялись крепчайшим напитком, а сановным гостям арака подносилась в серебряных чашах.

Цам в разгаре. Всё громче гудели трубы, гремели гонги и бубны. Высоко подпрыгивали заячьи маски, подобрав передние лапы, а маски домашних животных на четвереньках старательно мычали, блеяли и ржали.

Закончился майдыр традиционной распрей между светским князем и духовным; мой сайт собственноручно отбарабанил по спине своего «небесного» брата, снял с его головы железный купол настоятеля хуре и лишил духовного сана...

Неожиданная поездка сайта Идам-Сюрюна в Эртине-Булак, где я был зрителем и в некотором роде даже участником описанных и некоторых других зрелищ, помешала мне получить весточку о Вере. Я решил непременно и поскорее с ней увидеться. Теперь я даже не понимал, как мог так долго почти не вспоминать о ней.

⁸¹ Свастика – присвоенный фашистами знак, служивший религиозным символом в некоторых странах Востока.

Глава 9 Прощание

Проведать нас приехал товарищ Пюльчун. Выслушав мой рапорт, он разрешил ехать в Хем-Белдир окружной дорогой через Даниловку.

«Вера! Вера! Ждёшь ли ты своего суженого? Мой конь, Вера, ничуть не похож на воздушного скакуна. Больше того, сказать правду, мой конь вообще не похож на коня – так робко ступает он по мокрой земле, так тихо семенит по узкой извилистой тропинке. Я должен прилететь к тебе на моём Таш-Хурене⁸² в один счастливый миг – вместе с первым лучом зари. Но, Вера, вместо Таш-Хурена я нечаянно сел на черепаху».

Так думал я, пробираясь зарослями Терзига к деревушке, где жила Вера. Конечно, я был несправедлив к моей степной лошадке. Зато, подъезжая к Даниловке, я потрепал её по шее и готов был просить заступиться за меня перед Верой.

Уже показался знакомый мне домик. Здесь ли моя Вера? Привязав коня, я заглянул в щёлку. На огороде белела чья-то голова в платочке. Я открыл калитку и прошёл вперёд по огородной меже.

Женщина подняла голову. Мать Веры! Я опешил и закричал во всё горло, как на учебных занятиях:

– Здравствуйте, Наталья Васильевна!

– О-о, здравствуй, сынок! Куда ты пропал? Давно ли вернулся?

– Наведался проездом. Возвращаюсь в Хем-Белдир. На дорогу чего-нибудь хочу припасти – пожалуйста, матушка, одолжите мне овощей, – прикинулся я попрошайкой, чтобы скрыть от старухи мои настоящие намерения и моё смятение.

Старуха пригласила меня к своей грядке:

– Бери, сынок. Надёргай, чего хочешь. Видишь, какой огород? Нынче бог не обидел... Ты-то, милой, надолго теперь поедешь или как? Скоро ли воротиться?

Ласковые слова Натальи Васильевны успокаивали и обнадеживали. Но какой-то чёрт подзадорил меня говорить не то, что надо.

– Вы же знаете, Наталья Васильевна, служу я в армии. Скоро в Москву учиться поеду. Обещать ничего не могу... – А внутренний голос твердил: «Спроси о Вере. Ну, спрашивай же скорей!».

Но я хитрил:

– А что с Данилкой, Ванькой? Не видать их...

– О-о, – сказала Наталья Васильевна. – Данила с Иваном давно ушли. Мы теперь одни с Настенькой. Оба женатые, выделились. Верину свадьбу тоже хорошо справили...

Мне показалось, что я не слышу ни дорогого имени Веры, ни

⁸² Таш-Хурен – сказочный конь богатыря Танза-Хереля в тувинском эпосе.

свадебных колокольчиков под сводом огромной дуги, похожей на радугу. Ошеломлённый, я присел на край грядки. Мне хотелось крепко зажмурить глаза и ничего не видеть.

Наталья Васильевна подняла корзину с картошкой, понесла к дому. На её голос на крыльцо выскочила Вера. На мгновение она задержалась, но тут же бросилась мне навстречу. Её горячая рука сжала мою руку.

– Здравствуй, дорогой товарищ! Потеряла я тебя. Думала, уже не увижусь... Солдатик мой... Когда же ты приехал?

– Только что... А ты что, Вера?

– Как партизанить кончили, вернулась я к матери. Солдатика моего ждала, ждала... Вышла вот замуж... Пойдём же к нам, чаю попьём.

– Зайду обязательно, в другой раз. Благодарю тебя за приглашение. Очень я тороплюсь, Вера. Не могу задержаться.

Незаметно для себя я перебирал в руках выдернутую ботву и общипывал мелкие клубни. Вера удивилась:

– Копаешь картошку? Маме помочь пришёл?

– У Натальи Васильевны попросил – в дорогу.

– Ой, дай-ка я сделаю! – воскликнула Вера и кинулась шарить по грядкам. Надёргала картошки и моркови, нарвала огурцов, нащипала луку, сбегала за мешочком, уложила в него овощи, поверх положила сибирские шаньги в капустных листьях, что-то нашёптывая и бормоча:

– Сама напекла!

Завязала мешочек, встряхнула и подала мне.

Раскраснелась Вера. Так алеют белоснежные горы Усть-Терзига, когда лучи вечернего солнца прикоснутся к ним. Сейчас закатится моё красное солнышко...

– Спасибо, Вера!

– Пожалуйста, пожалуйста, не за что! Когда же ты опять приедешь, мой товарищ?

– Как знать? Если опять задержат в Хем-Белдире – буду навещать к родным. А поеду учиться... далеко – уж тогда скоро не вернусь, Вера.

– Смотри же, приедешь – не обходи нашего дома, про наше знакомство не забывай.

Я схватил горячие руки Веры и прижал их к моей щеке.

– Ой! Замешкалась я, побегу, до свидания! – Вера высвободила свои руки. Потом крепко обняла, поцеловала в голову.

Наталья Васильевна позвала издали:

– Ве-ра! Ве-роч-ка-а-а!..

Я вышел за плетень. Отвязал задремавшего было Таш-Хурена и вскарабкался на него.

Глава 10 «Гнедой конь» Савелия

Каждый день мы приходили на берег Улуг-Хема раза по три, по четыре. Нам не терпелось узнать, скоро ли придёт наш плот. Разлив был в самом разгаре, низкие места у берега захлестнуло водой. Река ревела, покрытая пеной и воронками буйных водоворотов.

Наконец приплыл плот Елисеева. Он стоял на привязи, как дикий тёмно-бурый конь, и непокорно рвал аркан. Савелий Елисеев, наш земляк, родом из Терзига, был такой маленький дяденька с реденькой чёрной бородкой, с плешивой головой. Я с давних пор знал Савелия. Каждое лето он сплавлял в Минусинск лес, и был поэтому главным связным между Тувой и Россией.

Когда мы снова пришли на берег Улуг-Хема, Савелий нас встретил очень весело:

– Мой «Гнедко» уже готов, я его крепко-накрепко связал.

Мы внимательно осмотрели плот, ощупали крепления. Нелегко было сделать такого коня. На него ушло десятка три толстых сухих елей... Им до макушек обрубали сучья, пропилили на толстых концах пазы, закрепили поперечным бревном, да ещё сковали напоследок. На корме стояли козлы с уключинами, куда кладутся вёсла, а посредине плота была построена загородка, метра в два высотой. Называлась она балаганом. На крыше балагана с двух концов были навалены звериные шкуры.

– Ну, как вам, ребята, нравится мой «Гнедко»? Мигом донесёмся до города Минусинска. Вскоре полетим вниз по течению. Хорошенько приготовьтесь, всё притащите. Повезёт вас надёжный конь, да путь далёкий.

Посмотрев на меня, Савелий спросил:

– Слыхать, на плоту нашем делегация тувинского правительства тоже поедет. Про это знаешь, парень?

– Всяко говорят, – сказал я. – А ты что знаешь, Монге?

– Говорят, поедут.

Убедившись, что «Гнедко» Савелия не уступит настоящим коням, мы вернулись домой.

Начались нестерпимо жаркие летние дни. Улуг-Хем разбухал и растекался всё шире. «Гнедко», как прохлаждающийся на привязи скакун, то подымался, вползая на берег, на широкой волне половодья, то быстро падал вниз, отходя от берега.

В один из таких дней мы пожелали здоровья знакомым и товарищам, пришедшим нас проводить. Я попрощался с Нюрой и другими земляками. Она звонко, по-детски поцеловала меня в обе щеки – так даниловские девчата христосовались на пасху с ребятами. Мы взгромоздили на углу балагана дорожные пожитки, уселись на них и стали ждать. Савелий подошёл к нам:

– Вы рано уселись, ребята. Не терпится? Раньше сядет делегация – сайты, потом оставшиеся места займёте вы. А пожитки ваши приберите с глаз долой. Лучше подождите на берегу.

Мы вышли один за другим на яр, уселись на сложенные там брёвна и снова разговорились. Вскоре раздался крик:

– Идут, идут!..

Из коричневого дома вышли десять человек. Впереди – Дондук мейрен, Имажап сайгырыкчи, нойон Далаа-Сюрюн, наш генерал Пюльчун и переводчик Павел Медведев.

Когда сайты подошли, мы почтительно вскочили. Не обратив на нас внимания, они прошли мимо и уселись на плоту. Мы тоже по очереди стали на него забираться.

– Ещё есть кто-нибудь? – спросил Савелий.

– Нет, нет! – раздался голоса.

Савелий стал на самом высоком месте балагана. Его лицо внезапно изменилось, глаза стали суровыми. Не выпуская изо рта самокрутку, он жадно затягивался. Четыре могучих парня в головной части плота и столько же на корме ухватились за гребни⁸³.

– Отвяжите нос, скрутите снасть! – скомандовал Савелий.

Один из силачей, стоявших на носу, спрыгнул на яр, отвязал трос и, накрутив его на шест с уключиной, вернулся на своё место.

– Нос вправо!

Силачи загребли изо всех сил. Плот повернулся поперёк реки.

– Шабаш! Корму направо!

Восемь гребцов мигом вынесли плот на середину. Оставшиеся на берегу провожали нас, махали руками. Кто-то сбегал к самой воде. Я узнал Нюру. Она скоро увидит Веру... Мне перехватило горло.

– Шабаш! – облегчённо выкрикнул Савелий и стал свёртывать новую самокрутку. Он опять был такой, как всегда.

Мелькали берега, дома, бежала по берегу, вровень с плотом, Нюра – всё осталось в моей памяти, как нарисованное красками на полотне.

Мимо нас проплывали зелёные островки. В узких протоках и на отмелях нежились на горячем солнце лебеди, гуси, утки; они то и дело взлетали, давая нам дорогу, делали над нашей головой несколько больших кругов и скрывались за островками.

Плот не останавливался весь день. На приготовленных заранее похожих на зелёные коврики кусках дёрна разожгли костры, готовили еду; рядом кормили лошадей, на которых сядут на обратном пути плотовщики. Плот – это целый мир со своей особой жизнью.

Мы сразу подружились с Савелием. Как только он вскипятил свой чай и сел у костра, мы подсели к нему. Вместе закусываем –

⁸³ Гребни – вёсла у плота.

кто сухарями, кто творогом или сыром, а кто толокном или просто пшеном. Мы стали похожи на одну семью. На плоту жизнь идёт своим чередом, а ему что – плывёт себе, покачиваясь, и не скрипит; только шипит и урчит под ним вода – то громче, то тише. Члены нашей речной семьи не сидят на месте, всё время чем-то заняты. Зато наши делегаты – саиты, для которых, собственно, был выстроен такой роскошный балаган, – почти не выходят на свежий воздух, сидят внутри «шатра» и в лад шумной реке тоже о чём-то шумят и спорят; пошумят, поспорят и опять расползутся по углам балагана – читают молитвы, поглаживают и перебирают чётки, перелистывают судуры, угрюмо сидят, опустив головы – не то жалуются на что-то, не то просто грустят.

Первый ночлег был в Баянголе. Спускать плот на реку гораздо проще, чем его пришвартовывать к берегу. Савелий нас предупредил:

– Скоро доберёмся до ночлега.

Старик опять преобразился:

– Нос вправо, корма влево! Шабаш!

Как только плот причалил к месту ночлега, его главные седоки тотчас же высыпали на откос, покрытый галькой, и, как по команде, присели на корточки.

Я спросил всезнающего Монге:

– Что это за шальные люди?

– Суеверные. Считают, что воду нельзя осквернять. Поэтому они всё терпели и еле дождались остановки, – рассмеялся Монге.

Солнце спустилось к вершине горного кряжа. Тень от гор становилась всё больше и всё дальше залезала в реку. В отблесках закатившегося солнца тайга в горах приняла причудливую, разноцветную окраску. К вечеру подул ветерок, стало прохладнее.

Наша братия устроилась подальше от берега. Заметив причаливший плот, собрались и взрослые, и дети окрестных аалов. Все спрашивали, куда мы едем.

На месте ночлега мы развели три отдельных костра. Саиты, выйдя на берег, послали человека в ближайший аал. Забили овцу. Нагнали араки. Закатили походный пир. У князя Далаа-Сюрюна язык уже вышел из подчинения. С большим трудом он говорил Имажапу:

– Насладимся здесь как следует едой и вином. А то в русской стране еда то ли будет, то ли нет, как знать?

Вскоре заснул весь наш стан. Погасли костры. Только озорной ветерок, напившись холодной воды из Улуг-Хема, долетал до спящих. На той стороне реки, выше Оттук-Таша, в аалах пели люди, лаяли собаки. Постепенно лай и песни стихли. Только Улуг-Хем, не мечтая о покое, бил волнами о берег и, ни на минуту не замедляя бега, стремился вперёд.

Глава 11 На большом пороге

На другой день Улуг-Хем поднялся ещё выше. Мы поспешили напиться чаю и занять свои места на плоту. Савелий торопил:

– Живей, живей! Переспали мы. Вода-то ещё больше поднялась. Надо прибавить людей на вёслах. Если не хватит силы, непременно сядем на остров. Кто любит грести?

Нас вызвалось человек пять.

– Отвяжите снасть! Нос влево! Корма вправо! – дрожал, как натянутый канат, голос Савелия.

– Теперь нажмите, ребята! Бей крепче! Бей крепче! Ещё раз! – закричал наш командир, и мы ещё сильнее ударили по воде огромными вёслами, налегая на них всем телом.

– Сто-о-ой!

Остров пролетел мимо нас, совсем близко, словно спасаясь бегством. Быстро исчез позади.

– Ха! Одно трудное место прошли. – Савелий завернул махорку и выпустил клуб дыма.

Саиты и не подумали помочь нам, а лежали ничком на плоту. Теперь-то они подняли головы, стали покуривать, обмениваясь табакерками. Бледные их лица немного побурели; вернулась способность говорить.

Пока мы плыли от Хем-Белдира до Большого порога, я наизусть выучил характер Савелия. Внезапно вскочит, – значит, положение у плота серьёзное: либо находит на мель, либо подходит к скале. Сидит просто, спокойно, – значит, река течёт себе и плот плывёт себе, как им положено.

Через три дня, пройдя устье Хемчика, мы вошли в ущелье. Оно поднялось над рекой на триста – четыреста метров с обеих сторон. Девственные скалы. На утёсах увидишь только пёрышки горного лука, да кое-где камень порос серым мхом и жёлтым лишайником. От Хем-Белдира до ущелья течение реки относительно тихое. Поверхность воды – как чистая дорога. У ущелья течение Улуг-Хема резко меняется: речные валы становятся на дыбы, яростно мечутся, пытаясь сбросить с себя седока. Здесь нужно очень ловко править плотом, чтобы не удариться о каменные глыбы.

Савелий снова высоко поднял голову. Лицо суровое. Кажется, что он сам выточен из камня.

– Нос вправо! Шабаш! Корма вправо! Шабаш!

К самой воде подступают отвесные скалы, видно только небо. Невольно спрашиваешь себя: кто же может жить на такой крутизне? А ведь на этих утёсах есть своя, особая жизнь. На крутых обрывах – пещеры, ими воспользовались турпаны, галки, филины, орлы; они вьют здесь гнёзда; горные козлы с чудовищными

рогами, стоя на отвесной скале, как на ровной площадке, поглядывают сверху вниз; то прыгают с уступа на уступ, то бегут вровень с плотом, а когда скала вот-вот оборвётся, поворачивают назад. В ущелье своя жизнь, свои животные, свои не сравнимые ни с чем трудности.

Так мы проехали ущелье в скалистых утёсах. Показались поляны Усинского нагорья. Кругом посветлело, водный путь раздвинулся. Наконец мы подъехали к тихому месту, похожему на озеро. Ход «Гнедко» замедлился так, будто наш резвый конёк совсем выбился из сил.

– Покрепче привяжите коней! Все вещи тащите на балаган! – приказал Савелий.

Мы привязали коней и побросали на крышу балагана всё, что лежало внизу.

Я спросил:

– Вёсла тоже на балаган?

Савелий сам схватил весло и закричал:

– Влезайте на балаган!

Так он готовил нас к встрече с Большим порогом. Но пока это была только тренировка.

– Бей вправо! Бей влево! Шабаш! – загремел опять голос Савелия. – Кидай на балаган!

Мы вырвали из уключин вёсла, кинули их на балаган и сами влезли на крышу.

– Теперь слезайте.

– Приготовиться, парни...

Я видел только голую руку лоцмана, а продолжение реки куда-то исчезло. Ещё через несколько мгновений впереди нас что-то оглушительно зарокотало, голос лоцмана стал еле слышен. Сквозь тучу брызг я с трудом разглядел: скалы зажали реку в узком проходе, поверхность воды покрылась каким-то бешеным табуном, в котором все кони встали на дыбы и хотят выбить всадников из седла. Это и был Большой порог. Где-то далеко и глухо раздались слова:

– Бей вправо! Шабаш! Бей влево! Шабаш! Кидай гребни на балаган!

Мы забрались на крышу. У нашего плота уже не было вёсел ни спереди, ни сзади. Рука опытного лоцмана подвела его к середине Большого порога. Мы ухнули в него с разбегу. Носовая часть плота нырнула вместе с лошадьми. Над водой мелькнули одни хвосты. Удары могучих валов заставляли наш плот то взмывать, выскакивая из пены, то опять нырять. Воздушные волны с потоками воды били в лицо.

Только мы, стоявшие на крыше балагана, видели Большой порог. Обитатели шатра лежали ничком, перебирали чётки, читали

молитвы, просили милости у неба – словом, были где-то посредине между живыми и мёртвыми. Правильно, что это место назвали Большим порогом. Слово ужар⁸⁴ найдено давно. Правильное слово. Над водой, перевалившей через такое крутое место, разве что птица пролетит! Как тут проедешь на плоту или переплывёшь!

Если с берега смотреть на плот, болтающийся в котле Большого порога, издали кажется: то не плот плавёт, а летит орёл; собрался подхватить суслика или мышь – рухнул вниз, промахнулся и снова взлетел к небу, а завидя вторую жертву, снова падает на землю и снова взмывает в высоту... Большой порог остался позади.

– По местам!..

Мы угомонили нашего «Гнедко». Савелий тоже присмирел. Вскоре ложе Улуг-Хема очистилось. Вода перестала бурлить. За несколько дней пути на плоту скопилось много мусора; у коновязи образовалась навозная куча. Мы проехали Большой порог – и плот наш заблестел, и лошадки выкупались: отряхиваются от воды, отфыркиваются и радостно ржут.

Пришли в себя и сайты, стали разговаривать и курить, даже о чём-то заговорили; первым подал голос Далаа-Сюрюн.

– Ну и место, одна погибель! Думал, в живых не останемся. Омаани патнихом!

Потом князь подошёл к Савелию:

– А дальше такой ужар будет? Если будет, скажите нам сейчас, таныш, пожалуйста.

Я перевёл слова князя. Савелий немного помолчал и успокоил:

– Такого места больше не будет.

Сразу же за Большим порогом опять сделали привал. Хорошо устроились на высоком берегу среди таёжного бурелома.

Во сне я видел мелькающие выступы скал и зубцы отрогов ущелья. К скале был прикован железной цепью мой конь Таш-Хурен. На краю ущелья стоял хрустальный Верин дворец. Над дворцом, в просвете между тополями, по низкому вечернему небу плыли облака. С другого края бурели щетинистые хребты тайги. Дальше на конце земли, мерцающая, белели вершины гор, отделённые золотой жилкой от серебряно-голубого небесного полога.

Утёсы колыхались. Люди в разноцветных халатах протягивали мне руки. Вот моя мать. Но я не вижу её. И ничего не вижу. Мать берёт меня, лежащего пластом у края ущелья, на свои маленькие руки, гладит стриженую голову и крепко целует.

От её поцелуя я проснулся.

– Мама! Прости меня, большого и глупого. Ведь ты ни разу не всплеснёшь руками: «Ой, тяжко!». Головой только кивнёшь: «Давай, сынок, сделаем так – и будет легко».

⁸⁴ Ужар – летящий порог, водопад.

Я посмотрел сквозь прибрежную хвою на широкий плёс шумевшей реки, которую от Большого порога зовут уже не Улуг-Хемом, а Енисеем – богатырём сибирских рек.

Я задумался, и покуда мои товарищи спали сладким предутренним сном, мчал меня Таш-Хурен по речным долинам и горным хребтам навстречу самому солнцу. Лицо моей матери тоже светилося, как солнце. Я видел её молодой, как в первые дни на Мерген.

– Если б тебе не пришлось разлучиться с живыми, ты бы теперь вместе со всеми радостно вздохнула. И расправила плечи... Родная, вечная мама!

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА!

Глава 1

За Большим порогом

...На третий день после прыжка через Большой порог мы подплыли к селу Шушенскому. Слушая команды Савелия, били тяжёлыми гребями то влево, то вправо, завели плот в протоку, привязали своего «Гнедка» и вышли на берег.

– Значит, так. Здесь будем ночевать, – Савелий принялся свёртывать сигарку. – Утром пораньше двинем дале. Ну как, приятель, понятно?

Я перевёл слова лоцмана.

– Солнце ещё высоко, – ехидно усмехнувшись, заметил Имажап сайгырыкчи. – Зачем так рано остановились? Спроси-ка, парень, у этого русского.

Я снова перевёл. Савелий затянулся махоркой.

– В этом месте каждый ночёвку делает. Здесь жил великий человек России.

Наши министры-сайты переглянулись.

– Так-так-так, – загнусавил Далаа-Сюрюн. – Придётся останавливаться, оммаани патнихом. Ничего не поделаешь! Не перечить же ихним обычаям...

Сайгырыкчи молча кивнул. Мы поставили палатки, разожгли костёр. Генерал Пюльчун отвёл меня в сторону.

– Как зовут того великого человека и когда он здесь жил?

– Ленин. А когда и почему он жил в этом селе – не знаю, – признался я.

Переводчик Павел Медведев или, как мы его звали Павылчык, пришёл мне на помощь и рассказал, когда и за что был сослан в

Шушенское Владимир Ильич Ленин.

– Сходим в посёлок, – предложил он.

Я, Пюльчун, Соян Монге и ещё двое или трое ребят пошли с ним.

Окраина села заросла крапивой и полынью, дома были кривобокие, совсем как у нас в Сарыг-Сепе. Ближе к центру – избы стали повыше, попросторнее, людей больше. Все глядели на нас с любопытством: что за странный народ такой? И не мудрено. Из всех нас более или менее прилично был одет Павылчык. На остальных – пестрота. Даже Пюльчун щеголял в старых идиках с загнутыми носами и потрёпанном далембовом халате.

По дороге, как у нас принято, мы здоровались с каждым встречным. Один из них, рыжеусый мужик в чёрной войлочной шляпе и холщовой рубахе до колен, оглядев нас с головы до ног, спросил, откуда мы прибыли.

– Товарищи из Танну-Тувы, – объяснил ему Павел. – Эти парни будут в Москве учиться. А вы здешний? Расскажите о своём селе.

– Какое наше село? – охотно откликнулся крестьянин. – Известное дело. Село как село. Дворов, может, восемьсот наберётся. А народу, однако, тыщи две.

Я не вытерпел и спросил:

– Про Ленина знаете?

– Как не знать! У нас, считай, каждый знает. Вы-ка лучше в тот вон пятистенник зайдите, к Прасковье Мезиной. Она всё обскажет.

Мы пошли к избе, на которую он нам указал. У калитки нас встретила невысокая женщина лет сорока. Приветливо поздоровалась, пригласила сесть на скамейку. Узнав, кто мы и откуда, чем интересуемся, охотно заговорила. Сначала про себя:

– С малых лет по людям. Батрачила. И скотину пасла, и хлеб убирала...

– А правда, что вы Ленина видели? – спросил по-русски Монге.

– Не только что видела – с ими вместе жила. Год и десять месяцев. Помогала им.

Прасковья Алексеевна позвала за собой на улицу.

– Сначала Ильич один жил. Во-он в том доме, у Зыряновых. А после, когда Надежда Константиновна приехали с Лизаветой Васильевной, с матерью со своей, – у Петровых поселились.

– Я к им как попала? – продолжала она. – Услышала, ищут помощь по хозяйству. Думаю, пойду. Поговорила со своими – они ни в какую. Разве, говорят, можно к ссыльным? Урядник не разрешит. А меня только пуще раззадорило. Вечером, чтобы никто не увидел, побежала к им, а зайти боюсь. Стою под дверью. «Кто там? – спрашивают. – Заходите». Такой ещё молодой, а уже лысоватый, лоб большой, усы рыжеватые, – дверь распахнул, зовёт. Я в пол устави-лась, молчу. За им женщина вышла. Косы длинные, губы припух-

лые, глаза большие. «Здравствуйте, здравствуйте, – говорит. – Чего же вы там?» Взяла меня за руку, в избу завела, подала стул. Села я и обратно молчу, глаза не подыму...

– Как вас звать? – это женщина спрашивает.

– Паша, – говорю.

– А меня Надеждой Константиновной, – и прохаживается по комнате. – Это муж мой, Владимир Ильич...

Ну, я маленько осмелела. Вижу, в комнате ещё женщина сидит, пожилая. Надежда-то Константиновна заметила, куда я гляжу, – подсказывает:

– А это Лизавета Васильевна, моя мать. – И к ей: – Вот, мама, только и узнали, что девушку Пашей звать. Очень уж стеснительная...

Лизавета Васильевна спрашивает:

– Вы грамотная, Паша?

– Нет, – говорю и головой мотаю.

– А много грамотных у вас?

– Не знаю... – И верно не знала, кто у нас грамотный, кто неграмотный. – Поп и урядник, может, знают.

Владимир-то Ильич как расхохочется:

– Урядник, конечно, знает!

Не заметила как, а разговорилась. Очень даже разговорилась. Пообещалась помогать им по дому. И уж никто меня не смог отговорить. Два года почти работала у их. Ох, какие хорошие люди были!.. Грамоте меня научили.

...Опустились сумерки, а мы всё сидели на скамейке и расспрашивали русскую крестьянку об Ильиче. Признаться, мне тогда многое было непонятно: что это такое «ссылка», «ссылные», зачем великий человек, создавший партию большевиков, поднявший революцию в России, приезжал в глухую сибирскую деревню и жил в ней? Да и Прасковья Мезина не так-то много могла рассказать – что она знала?

И всё же тот вечер в Шушенском запомнился на всю жизнь.

Мы возвращались к плоту притихшим селом. Шли молча. Каждый думал о своём.

Потомственные нойоны, сидевшие у костра, в который оставшиеся парни то и дело подбрасывали охапки травы, чтобы их сиятельствам не докучала мошкара, встретили наше появление презрительным молчанием.

Пюльчун стал шумно восхищаться увиденным в селе.

Дондук оборвал его:

– Что ты там нашёл такого интересного? Что ты мелешь? Не забывай, мы находимся за границей. Ты член правительственной делегации. Не забывай об этом. С мальчишками по деревне отправился!

Мы хором вступились за него:

– Здесь Ленин жил.

– А вам бы лучше вообще помалкивать, когда говорят высокопоставленные люди!

Пюльчун не стал спорить с министрами. Он уселся рядом с нами и заставил Павылчыка рассказать всё, что тот знал о Ленине.

Проговорили почти до рассвета.

– Жаль, что мы опоздали, – вздохнул Монге.

– Куда? – не понял я.

– В Москве будем, а живого Ленина уже не увидим...

* * *

И снова – от Шушенского плёса – вниз по реке. Тихо, величаво катился Улуг-Хем, становясь всё шире и шире. Мы плыли и плыли мимо больших и малых селений. Встречавшиеся посёлки мало чем отличались от наших – Копту-Аксы или Кундустуга. Бревенчатые избушки, большей частью без крыш, кособокие, почерневшие от времени и копоти. Лишь кое-где на возвышенности – церквушки, окружённые беленькими домиками. Не так ли и у нас? Невольно вспоминались редкие восьми-, десятистенные белые юрты феодалов среди тысяч драных юрт кочевой Тувы, богатые строения ламских монастырей – хуре...

Уже к вечеру из-за поворота навстречу нам вылетела с большой скоростью лодка, оглушив треском и шумом. Все, кто сидел и лежал на плоту, повскакали. Оставляя позади себя пенистые волны, лодка устремилась к нам и ткнулась в борт. Шум и треск прекратились. Трое мужчин из лодки перебрались к нам.

Один из них громко сказал:

– От имени горсовета Минусинска – пограничного города Советской России – приветствую прибывшую к нам делегацию танну-тувинского правительства!

Он чуть посторонился, пропуская вперёд своих спутников.

– Мы очень рады, – пробормотал Имажап и, вытащив свой хорге – каменный флакончик с нюхательным табаком, хотел было предложить гостям отведать, но воздержался, потому что переводчик шепнул ему: «Это неудобно!».

– Ну, как ехали? Не было никаких неприятностей по дороге? – спросил тот же человек.

Усатый, с загорелым лицом, в военной гимнастёрке, перехваченной широким ремнём, в хромовых сапогах, он держался как старый добрый знакомый.

– Хорошо ехали, – сказал Дондук и закурил. – Улуг-Хем хоть и свиреп, но милостив...

Тем временем плот подошёл к пристани, где собралась огром-

ная толпа. У многих в руках были красные флаги или натянутые на палки кумачовые полотнища с белыми буквами. Несколько человек держали большие и маленькие трубы из жёлтого и белого железа. Люди что-то кричали, каждый норовил протиснуться вперёд.

Привязанная к плоту лодка вдруг затарахтела. Двое прыгнули в неё, отцепились, чуть отплыли в сторону, подняли со дна лодки какой-то ящик на треножнике и стали в нас целиться.

– Что это они делают? Зачем русские целятся? – обеспокоенно спросил Дондук у Имажапа. Тот пожал плечами.

Проскрежетав по гальке, плот стукнулся о берег. Делегаты впереди, мы вразброд за ними – двинулись к встречавшим. Пока я раздумывал, что же будет дальше, рядом с нами грянули трубы. Я вздрогнул. Барылга споткнулся. Монге выронил узелок... Кроме шаманских бубнов, мы не знали никакой музыки.

Так мы и шагали, потрясённые и очумелые, к площадке возле пристани. Наши министры вместе с русскими поднялись на трибуну. Усатый, что встретил нас на плоту, снял фуражку.

– Дорогие товарищи, делегаты Тувы! Примите наш горячий привет! Рады видеть вас в нашем городе Минусинске.

Он говорил недолго, но я не разобрал и половины.

С ответным словом выступил кто-то из наших министров. Потом опять говорили русские. После каждой речи гремели трубы. Павылчык переводил. Все хлопали в ладоши, громко кричали. Я был как во сне, всё было ново, незнакомо.

Торжественная встреча кончилась, и все перемешались – русские, тувинцы, хакасы. Что-то втолковывали друг другу. Курили, смеялись.

– Товарищи! Просим в наш город, – пригласил усатый.

Мы простились с Савелием, поблагодарили его, в последний раз глянули на «Гнедка» и поспешили за делегатами.

Как и в Шушенском, люди с любопытством разглядывали нас. У министров был очень внушительный вид: в шёлковых халатах с длинными рукавами, в круглых китайских шапках, в идиках с загнутыми носами, а некоторые даже с косами – они резко выделялись в толпе.

Впереди безостановочно гремели трубы, и музыка привлекала людей с ближних улиц и переулков. Задыхаясь от пыли и жары, мы шагали через весь город. Двое с ящиком на треноге никак не хотели отставать от нас. Они то и дело забегали вперёд, устанавливали свой ящик и крутили ручку сбоку. Позже узнал я, что это снимали документальный фильм о пребывании правительственной делегации Тувы в Советском Союзе. Но это было много позже!..

Первый город, в котором я оказался... Мощёные улицы, каменные плиты на тротуарах, двухэтажные дома, и люди, люди – так и кишат! Их будто не стало меньше даже когда мы вошли в дом. Мне

казалось, что все они или провожают нас, или смотрят на нас. Но мы-то скрылись за дверью, а их всё так же много на улицах, ходят, разговаривают там, за окнами. Или они надеются, что увидят нас сквозь стены? Делать им, что ли, нечего? Зачем столько времени ходят-бродят попусту? Ну, встретили, можно и расходиться...

А дом – как в сказке! Одних комнат, наверно, больше десяти. Как пчелиные соты. На лестнице – железные перила. Я не верил, пока сам не поднялся по лестнице: действительно, дом на доме... Ну и здорово! А ещё в Минусинске был дом торговца Вильнера. Я слышал про этот дом ещё на Терзиге. А вот теперь сам увидел. Это был тот самый знаменитый дом. Трёхэтажный!

Мы пробыли в Минусинске два или три дня. Побывали в Мартыановском музее. Я боялся о чём-нибудь спрашивать, только слушал, слушал, слушал... Новое легко укладывалось в памяти. Рассказывали интересно и понятно. Теперь я уже знал, как и за что ссылали в Сибирь большевиков-революционеров, что это такое – ссылка. Знал, что, кроме Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской, в этих местах жили другие большие революционеры – Г. М. Кржижановский, П. Н. Лепешинский, А. А. Танеев, В. К. Курнатовский, Ф. Я. Кон... Я узнал здесь, какое значение для Тувы имели Минусинск, Шушенское. Отсюда, из этих мест, в 1919 году пришёл к нам партизанский отряд Щетинкина-Кравченко, наголову разгромивший под Хем-Белдиром банду Бологова. Позже, когда тувинский народ добился государственной самостоятельности, новому строю, молодым его руководителям активно помогали товарищи из Минусинска.

Сколько ещё предстояло увидеть, узнать...

* * *

– Завтра поедем, – сказал Монге. – Поплывём по Улуг-Хему на пароходе. Это такая большая лодка, – объяснил он.

– А как же мы, столько народу, поместимся в лодке? – спросил я. Монге рассмеялся:

– Это тебе не долблёнка, на которой Каа-Хем переплываешь. Пароход – это целый водяной дом! В нём комнат много, больше, чем в этом доме. А каждая комната больше юрты. И еду там же готовят...

Рысаки, запряжённые в блестящие пролётки, ждали, чтобы отвезти нас на пристань. Кони нетерпеливо вскидывали головы. Мы расселись, и воронье рванули. На полном скаку подлетели к плёсу. На протоке, чуть покачиваясь, стоял двухэтажный дом.

– Ты же сказал – лодка. Где она? – спросил я у Монге.

– Не лодка, а па-ро-ход, водяной дом. Вот он самый и есть. В него сколько хочешь людей войдёт. А в самом низу, под водой, ещё есть

комнаты. Туда всякого груза хоть тысячу пудов можно сложить.

Я завидовал Монге – он бывал в России, много видел, больше всех нас знал. Но до чего же любил он хвастать! И я часто не верил ему – может, опять привирает...

Люди с вещами между тем всё шли и шли с берега к пароходу и исчезали где-то внутри. Там же бесследно пропадали тюки, кули, бочки, которые по шатким доскам тащили, катили, несли люди в широченных штанах.

Вот позвали и нас. Министров развели каждого по отдельной комнате, и они тут же повысовывались из больших окошек. А нас, студентов – так нас стали называть в Минусинске, – поместили в одну, большую, как раз под министрами.

Пароход два раза прокричал, в нём что-то загремело, застучало. Мои товарищи уцепились покрепче за лавки. Особенно Шилаа испугался. На горбатом носу будто роса выступила. Можно было подумать, что он сидит на необъезженном коне. Я тоже уселся попрочнее. На всякий случай.

– Чего боитесь?! Пароход – славная вещь. В восемнадцатом году, когда нас белые захватили, мы на таком же ехали, – стал нас успокаивать Монге.

– Как же не бояться? – Шилаа отёр пот и попытался улыбнуться. – Шумит-то как! Расшибёт дно – куда денешься? И не выскочишь!..

Пароход крикнул ещё три раза, постоял немного и поплыл по протоке.

Река раздалась. Пароход пошёл быстрее.

Только на следующий день вышли мы в первый раз из своей комнаты-каюты и осмелились прогуляться по палубе. А уж потом нас и насильно не увели бы обратно в каюту. Без усталости любовались мы Енисеем. Не могли надышаться свежим воздухом. Всмотривались в даль, которой не было конца.

Енисей то разливался, как озеро, тихими плёсами, то, стиснутый каменными берегами, сердито ревел и пенился на перекатах. Горные кручи старались сжать этот поток, но Енисей раздвигал горы и опять вырывался на широкий простор. Снова набегали на нас посёлки, снова от берегов до самого горизонта простирались поля.

– Смотрите, смотрите! – закричал Шилаа.

– Что случилось?

– Где?

– Вон, перед скалой!

Мы пригляделись. Возле берега пили воду маралы, не обращая никакого внимания на пароход.

Казалось, пути не будет конца, но мы готовы были плыть и плыть. Думали, что могучий Енисей донесёт нас на своём сильном

хребте до самой Москвы. Ведь нашему «водяному дому» всех и дел, как тархатеть!

«Улуг-Хем, – с нежностью повторяли мы. – Улуг-Хем...»

Даже песню сочинили:

*Несётся по Улуг-Хему
Славный пароход.
Великая Москва
Уму-разуму нас научит...*

Нет, не довёз нас пароход до Москвы. С вышки над палубой перегнулся низенький толстяк с короткими усиками, прокричал в блестящую трубу:

– А ну, спускайтесь вниз! Красноярск скоро.

Никто и не подумал уходить с палубы. А тут ещё пароход загудел. А навстречу – другой пароход, поменьше нашего, весь закопчённый и без людей, а к нему длинной верёвкой привязана огромная лодка, больше самого парохода, и он эту лодку тащит против течения! И ещё пароход... И ещё!

С вышки опять закричали:

– Давай, давай вниз!

Мы будто и не слышали.

...Миновали узкую горловину, проплыли под громадным железным мостом, какого я и представить не мог. На левом берегу показалась высокая сопка. Монге, немного важничая, стал объяснять:

– Смотрите на эту сопку. Видите? Она называется Красный яр. И город поэтому – Крас-но-ярск. Поняли?

Вдоль берега раскинулся город, в сравнении с которым так восхитивший нас Минусинск, наверное, нельзя было бы и назвать городом. Пароход развернулся, сделал полный круг, медленно, против течения приблизился к пристани. Матросы кинули на берег толстые верёвки, которые там подхватили и тут же прикрутили к чугунным обрубкам. Перебросили шаткий деревянный мостик, по которому народ хлынул на землю. Прихватив свои вещички, пошли с парохода и мы.

Здесь нас тоже встречали. Гремел оркестр. Нам пожимали руки, расспрашивали, как доехали.

– Куда же мы теперь? – Монге всё-таки знал больше, и я обратился прямо к нему.

– Наверное, остановимся в городе. А поедем... на тех чычанах.

Монге ткнул пальцем перед собой. Я посмотрел, и глаза мои полезли на лоб. Прямо на нас летела, подпрыгивая, треща и обволакиваясь дымом и пылью, телега без коней. Она, как вкопанная, остановилась рядом с нами. Следом мчались ещё такие же телеги.

Мы робко подошли к самой первой. Она громко дышала. В гру-

ди у нее, как у загнанной лошади, что-то хрипело. Мы обошли её со всех сторон, погладили по горячим бокам, заглянули и сзади, и снизу, будто корову или лошадь покупали – приценивались.

Ехали мы не долго.

– Прошу, – вежливо распахнул перед нами дверцу хозяин чычана.

Шилаа молча вылез из машины, обошёл её и погладил рукой.

– Да-а, ребята, дело бедовое! Никакого рысака или иноходца не надо. Зря так крепко держался... Очень уж быстро бегают – это плохо. Ничего не разглядишь – всё мешается. Если бы не это, совсем здорово.

Из дома вышел седобородый старик, поздоровался с нами.

– Будем знакомы, молодые люди. Я представитель Красноярского Совета. Пойдёмте, покажу вам, где вы будете жить.

Держась вплотную к провожатому, чтобы не растерять друг друга и не заблудиться, мы поднялись следом за ним на второй этаж. Вошли в просторную комнату.

– Здесь и размещайтесь. Если что понадобится, спросите в соседней комнате у дежурной. Отдыхайте с дороги. До свидания!

Старик ушёл.

Побросав вещи куда попало, бросились к окнам – интересно же, что там, на улице! Пощупали кровати, покрытые одеялами, потрогали набитые сеном подушки...

Кто-то затеребил Монге:

– Что это висит надутое под потолком?

– А-а, – протянул Монге с таким видом, будто и говорить не о чем. – Это ненастоящий огонь. Стекло свет даёт...

– ???

– Если серединку вот этой чёрной штучки, – Монге показал на стенку, – повернуть, свет загорится. Ещё повернёшь – погаснет.

Он подошёл к стенке и повернул два раза. Свет мигнул и погас.

– Понятно? – Монге сделал ещё несколько щелчков. Под потолком вспыхивал яркий огонь и тут же неизвестно куда исчезал. – Кому хочется, крутите сами.

Мы ринулись к стенке и друг за другом начали зажигать и гасить «ненастоящий» огонь. Крутили «штучку» до тех пор, пока не услышали строгий голос:

– Маленькие, что ли? Зачем со светом балуете?

Высокая женщина с совершенно белыми волосами, закрученными на затылке в тугий узел, опершись о косяк, стояла в дверях и укоризненно глядела на нас.

Мы растерялись. Вид, должно быть, у нас был такой, что женщина, ничего больше не сказав, махнула рукой и вышла.

Когда вскоре она опять оказалась в нашей комнате, Монге обратился к ней:

– Можно вам сказать?

– Почему нельзя?

– Виноваты мы... Ребята первый раз увидели ненастоящий огонь. Интересно им...

Женщина улыбнулась:

– Ладно. Ничего. Только больше выключатель не трогайте, а то контакт испортите – придётся в темноте сидеть. Да ещё за ремонт платить...

«Выключатель», «контакт», «ремонт» – ни одного слова не поймёшь. Но мы успокоились: не ругает, и ладно.

О нас будто забыли. Никто к нам не приходил, никуда нас не звали, не вели, не везли. Три раза в день появлялась наша добрая – теперь мы это знали точно! – тётя Маруся и приглашала вниз, поест. Мы гурьбой шли к столу, завтракали, обедали, ужинали и сразу же возвращались в свою комнату. Нам казалось, что вот-вот за нами кто-то явится, и поэтому мы ни на минуту не покидали своё жилище. Тетя Маруся уговаривала: «Сходили бы город поглядели...». Но мы не поддавались. На душе было немного тревожно: уж не забыли ли про нас?

Через день приехал военный.

– Вы тувинские студенты?

– Мы.

– Собирайтесь. Ваши министры давно на параде. Сейчас едем! Нам, как говорится, собраться – подпоясаться.

* * *

За городом, в военном лагере, нас встретили по-братски. Бойцы держались с нами, как с равными, шутили, смеялись. Такие же, как и мы, молодые парни. Многие – из деревень.

Начался парад. Всю делегацию, и даже нас, пригласили на трибуну. Теперь-то мы знали, что к чему, и терпеливо слушали речи. Вдруг объявили:

– Слово предоставляется делегату Танну-Туву товарищу Дондуку!

Дондук вышел вперёд.

– Приветствую этот собравшийся народ! – громко начал он и замолчал.

Все захлопали.

И вдруг Дондук понёс какую-то несусветицу – без начала, без конца. Мы не знали, куда деваться! Ладно что никто, кроме нас, его не понимал. А Павылчык с серьёзным видом, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, переводил на русский язык, точнее, говорил то, что заранее написал на бумаге. И получилась у нашего Дондука вполне приличная речь.

Красноармейцы строем прошли под оркестр перед трибуной.

Мы возвратились в город.

Теперь у нас не оставалось и минуты свободного времени. Ездили на встречи с рабочими, ходили по улицам, были на заводе, в клубах... Но всё равно с нетерпением ждали, когда поедем дальше, в Москву.

Глава 2

Здравствуй, Москва!

Монге узнал первым.

– Едем! – ворвался он в комнату.

Вот и вокзал. Мы уже видели издали этот длинный каменный дом, около которого всегда было столько народу, будто днём и ночью здесь встречали и провожали какие-то делегации. Но в этой толчее каждый был сам по себе – с узлами, мешками, сундуками, с кучей ребятишек. Над площадью стоял такой шум, что заиграй тут оркестр – его бы никто не услышал. Нас ввели в здание вокзала. Мы уже привыкли, что наши министры на особом положении, что это они – представители, а мы – только студенты, просто студенты, будущие студенты... Нас это вполне устраивало, и, предоставленные чаще всего самим себе, мы радовались полной свободе. К слову сказать, больше мы своих высоких представителей так и не увидели. Из Красноярска до Москвы они ехали в специальном вагоне, а там наши пути и вовсе разошлись. Впрочем, мы об этом ничуть не жалели. Лишь Пюльчуна нам порой недоставало...

– Здесь будете ждать посадку, – сказал провожающий, рассадив нас на скамьях. – Когда объявят, за вами придут. А я поехал. Счастливого пути!

Мы остались в гудящей толпе. Мимо нас бежали люди с таким видом, словно каждый или кого-нибудь искал, или за кем-нибудь гнался. Попривыкнув к сутолоке, Шилаа расхрабрился. Он поднялся со скамейки, шагнул в проход и стал приветливо здороваться с каждым проходившим мимо:

– Эки, эки, амыр-ла!

Почти никто не отвечал на его приветствие. Некоторые ошалео оглядывали его с ног до головы. Кое-кто бросал сердито:

– Такой здоровый детина, а побирается!

Были и такие, что молча совали ему в руку монеты.

Творилось что-то несуразное.

Шилаа растерялся, сел. В руке у него позвякивало несколько мелких монет.

– Почему они сердятся? – недоумевал он. – Я же здоровался с ними. Одни ругаются, другие копейку бросают...

– Беда с тобой, друг. Ну как же ты успеешь поздороваться с таким множеством людей? И не до тебя им. Каждый торопится, а тут ты на дороге бормочешь что-то непонятное. Вот люди и принимают тебя за бродягу или попрошайку. Видишь, – ухмыльнулся Монге, – сколько добрых сердец пожалело тебя, денег дали.

Мы расхохотались:

Шилаа рассердился:

– Что вы надо мной смеётесь? Я же по-доброму.

– Разве ты, дорогой, шуток не понимаешь? – успокоил его Монге. Тут кстати подоспел железнодорожник.

– Ну, товарищи, поезд ваш прибыл. Пойдёмте занимать места.

Подхватили мы немудрёные свои пожитки, а шагу ступить не можем: разве пробьёшься в этакой толчее?!

– Посторонитесь, граждане! – крикнул железнодорожник и, раздвигая толпу, подался вперёд.

Народ расступился, образовав коридор.

– Смотри, смотри: иностранцы!

– Не по-нашему одетые...

– Какие ещё иностранцы – арестованные!

«Хорошо, что Шилаа не понимает, – подумал я. – Совсем обиделся бы. То за нищего приняли, теперь арестантами всех назвали...»

Кое-как протиснулись к выходу.

И опять – удивление! На железных полосках стояли прицепленные один к другому длинные зелёные домики с колёсами и маленькими окошками. Как бабки на кону. По лесенкам люди лезли в эти домики, толкаясь, шумя, пихая впереди себя вещи.

Железнодорожник прикрикнул, и нам снова дали дорогу. Мы забрались внутрь одного домика. В маленьких комнатках по обе стороны были одна над другой по три койки – до самой крыши. Мы втиснулись на своё место. Наш провожатый снял форменную фуражку, вытер пот, присел на краешек нижней скамейки.

– В этом вагоне, ребята, поедете до самой Москвы. Если что надо будет – проводника спросите. – Он поманил старичка в чёрном пальто и с очками на носу, показал ему на нас, отвёл его в сторону, зашептался с ним. Тот сказал:

– Ладно. Доедут... Погляжу, чтоб никто не мешался, не лез.

Шилаа, захвативший место у окошка, оторвался от стекла:

– Как этот дом называется? Маган, что ли?

Я вдруг, строя из себя знатока, принялся объяснять:

– Не маган, а ва-гон. Понял? Ва-гон. Слушай меня. Все слушайте.

Впереди этих домов есть ещё один, самый большой. Паровоз называется. Плюёт, харкает. Так тяжело дышит, словно конь после скачки. Сильная машина! Все вагоны тащит. У него спереди большое колесо, а к хвосту всё меньше и меньше... Сверху – труба. Изнутри дым идёт, шипит... Чудное дело, ребята. Сами увидите.

Монге, загадочно улыбаясь, поглядывал на меня. И мне почему-то расхотелось говорить.

Поезд между тем тронулся и, набирая скорость, пошёл, пошёл... За окнами убежал назад город, мелькали столбы и деревья.

День и ночь, день и ночь, и всё – Россия. Какая же это большая страна!

Ребята говорили между собой:

– По Туве проедешь пять-шесть уртелей – всё степь да степь. Пару юрт увидишь. А тут чего не насмотришься.

– Да-а. Сколько у нас в Хем-Белдире домов – пятьдесят, не больше? В Сарыг-Сепе десятка три наберётся. В Туране, Бай-Хааке ещё меньше. Все вместе собрать – одного русского города не получится. А мы уже сколько городов проехали!..

Шестеро суток мчался наш поезд, но мы не замечали времени. Ехали бы ещё и ещё. И вдруг: «Через три часа – Москва!».

Вот когда дорога показалась необыкновенно длинной! За окном вагона вскоре стало совсем темно, и в вечерней мгле зажглись звёзды электрических огней столицы России. Сердце громко стучало. Чувство нетерпения стало ещё сильнее.

Поезд замедлил ход. Протяжный гудок паровоза. Остановка. Москва!

Давно уже собраны вещи, опустел вагон, а мы всё стояли, не зная, что делать.

Наконец появился высокий человек в белой рубашке и с чёрной повязкой на шее.

– Здравствуйте, товарищи!

– Эки! Эки! Амыр-ла! – загалдели обрадованно мы.

– Ну, кто из вас учиться приехал?

– Мы!

На привокзальной площади спокойно расселись по ожидающим нас легковым автомобилям – этим нас теперь не удивишь! Но это только кажется, что мы уверены в себе. Куда ни бросишь взгляд – всё огромно и непривычно. В скопище снующего народа, позванивая, неслись по большой площади домики-вагоны из сплошного стекла. Это ещё что такое? Пароход знаем, к чычану, будто к коню, привыкли, в поезде почти неделю жили... Сколько же всего на свете!

Подудукивая, машина быстро пробиралась сквозь поток людей. Я представил ущелье Урбун-Кашпала. Там, если голову задерёшь, хоть небо видно. А тут несёмся по узкой – саженой в десять, не больше – улице, меж высоких домов, над которыми всё черным-черно. Неужели до самого неба дома? Почти во всех окнах огни, но различить что-нибудь невозможно – улица крутится огненной лентой перед глазами. Я в страхе зажмурился: а ну, как машина стукнется об эти дома-утёсы?.. Не-ет, на плоту Савелия, когда нас несло мимо скал Кашпала, было не так боязно...

– Заждались мы вас! – певуче встретила нас розоволицая старушка в белом халате. – Как доехали? Хорошо? Ну, после обо всём поговорим. Переночуете, а утром разберёмся, что к чему.

Показав каждому его койку, старушка пожелала спокойной ночи и ушла.

– Давайте спать! – Монге улёгся на кровать и, уже засыпая, пробормотал: – Пораньше уснём – раньше встанем, больше увидим.

Посмотрел я на койку: очень уж чистая. А у меня волосы, словно кочка растоптанная, и сам за дорогу такой чумазый стал. Посидел, подождал, пока все уснули, и лёг на пол.

Проснулся я раньше всех и сразу кинулся к окну. Очень уж хотелось увидеть, какая она, эта Москва! Торопясь, я рванул на себя створку. От звона и грохота разбитого стекла все вскочили с постелей.

– Что ты за непутёвый человек!

– Ты в своём уме?

– Наведёшь на нас беду!

На шум прибежала старушка, которая встречала нас, Наталья Михайловна.

– Доброе утро! Ну, что у вас тут стряслось? – приветливо спросила она.

Я молчал, стараясь заслонить окно.

– Ночевали благополучно, – сказал Шилаа.

– Хорошо, значит, ночевали? Ну и ладно. А кто из вас на полу спал?

Я признался:

– Посмотрел на койку – такая она чистая. Подумал, может, какое начальство тут жить будет... Вот и лёг на пол.

Наталья Михайловна только руками всплеснула.

– Какое такое начальство? Для вас всё приготовили, чтобы с дороги лучше отдохнули.

Неожиданно она увидела осколки.

– Во-он что тут случилось-то! Стекло разбилось.

Решившись, я сказал:

– Тоже я виноват... И на полу ночевал, и окно поломал. Простите...

Выглядел я, должно быть, таким несчастным, что Наталья Михайловна улыбнулась:

– Ничего страшного. Нечаянное дело.

Собрала битое стекло (я даже помочь не успел), вынесла и вернулась с листком бумаги и карандашом.

– Раз всё равно пробудились, давайте-ка запишу я, как вас звать-величать. Получите сейчас у коменданта талоны в столовую, а после – в баню. Но сперва разберёмся, кто из вас который, и всё само собой пойдёт... С тебя, что ли, начнём?

– Тока, – выдавил я.

– Монге... Шагдыр... Шилаа... Капшык... Седип-оол... Барылга... Достак-оол... Чамыян... Анай-оол, – повторяла она, не вдруг выговаривая непривычные имена, и записывала.

После завтрака Наталья Михайловна повела нас куда-то широкой улицей.

Поднялись по лестнице. Ступеньки сверху донизу цветными дорожками застелены. Идешь – шагов не слышно, мягко так... В коридоре стояли широкие кожаные скамейки. Наталья Михайловна показала на них:

– Посидите пока, а я доложу.

Не успели мы присесть, как она уже вернулась.

– Пожалуйте. Приглашают вас. Ступайте, ступайте!.. Скоро увидимся, не прощаюсь.

В просторной комнате, куда мы вошли, по обе стороны длинного стола было расставлено много стульев. В дальнем углу за столом поменьше сидел тарга в чёрной гимнастёрке. Ещё молодой, но уже начавший лысеть, с маленькими усиками, он живо вскочил и чуть ли не бегом направился нам навстречу, подтыкая гимнастёрку под узкий ремешок.

– Ну-с, здравствуйте, здравствуйте!

Всем пожал руки, пригласил садиться. Мы робко отодвинули стулья подальше от стола, чтоб не задеть его, и расселись.

Тарга убежал в свой угол, сел, посмотрел на всех нас, стал быстро-быстро задавать вопросы:

– Сколько дней в дороге были? Хорошо добрались? Как отдохнули?

Мы молчали.

Он хмыкнул, постучал пальцами по столу. Потом придвинул к себе небольшой железный ящик с ручкой на боку, покрутил ручку, взял трубку с ящика, что-то сказал в неё.

Вошла девушка.

– Слушаю вас, Борис Захарович.

– Ну-ка, Валя, спросите: нет ли в библиотеке русско-тувинского или тувинско-русского словаря. И принесите побыстрее.

Девушка убежала.

– А мы пока познакомимся.

Взял в руки листок, на котором Наталья Михайловна записала наши имена.

– Ну-с!.. Подождите, разберёмся. Тока... Монге... Барылга... Правильно?

Вернулась Валя:

– Не то что словаря, Борис Захарович, письменности у них нет!

Тарга поднял обе руки.

– В самом же деле! Какого я дурака сваял!.. Конечно же. Вы свободны, Валя. – И снова начал крутить ручку у ящика.

– Да, да, – это в трубке. – Здравствуйте, Шумяцкий. Да, да. Тут к нам из Тувы десять студентов приехали. Никак я с ними разговаривать не могу. Может, зайдёте, поможете? А? Ну-с, хорошо, буду ждать.

Положил трубку и – к нам:

– А может быть, кто-нибудь из вас понимает по-русски?

– Есть человек, немножко знающий... – показал я на Монге.

– Тока тоже умеет, – не остался в долгу Монге.

– Вот как? – удивился тарга. – А молчите! Ну-с, много спрашивать я не стану. Буду рассказывать, а вы товарищам своим переведёте.

Он вышел из-за стола, засунул одну руку под ремень, другую в карман и, расхаживая по комнате, начал:

– Вы теперь будете учиться в КУТВе – в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Понятно?.. У нас здесь учатся студенты и студентки из многих стран. От вас – из Тувы – пока никого не было. Вы – первые. Ну-с, вот вы приехали, и это очень радостно.

Поглядывая друг на друга, мы с Монге пересказали его слова.

– Мне кажется, не стоит говорить о том, что вы должны хорошо учиться, соблюдать наши правила. Вероятно, вам всё это говорили...

– Скажи, ничего нам не говорили! – громко зашептал Седип-оол.

– Не говорили! – ещё громче произнес Шилаа.

– Не говорили, – перевёл Монге.

– Что не говорили? – не понял тарга.

– Ничего не говорили, – смешался всегда и во всём уверенный Монге.

– Н-да... Значит, не говорили? Ну-с... О том, где вы будете заниматься, как проведёте лето, где вас разместят, расскажет Мария Ивановна Дубровина...

Тарга опять вызвал Валю.

– Слушаю, Борис Захарович.

– Позовите Дубровину.

Через минуту нас познакомили с маленькой женщиной в длинном чёрном платье.

– А это, Мария Ивановна, новые студенты. Тувинцы. Может быть, вы объясните им подробнее, как они будут дальше жить.

– С удовольствием, Борис Захарович. Давайте, товарищи, ко мне.

Так же, табуном, мы потянулись за нею, но дорогу преградил долговязый мужчина с военной выправкой.

– Виноват, немного задержался.

– Нет, нет, Александр Адольфович, – успокоил его Шумяцкий, – как раз вовремя! Поможете Марии Ивановне.

В комнате Дубровиной на стене висел большой лист бумаги, раскрашенный в разные цвета. Мария Ивановна взяла длинную палочку и стала водить ею по листу.

– Да-а, далеко от Москвы Тува... Посмотрите.

Мы послушно взглянули на лист, но ничего не поняли.

– Так кто из вас говорит по-русски?

– Тока немножко знает, – поспешно ответил Монге.

Мария Ивановна обратилась к долговязому:

– А вы, Александр Адольфович, что-нибудь понимаете по-тувински?

– Никогда не встречался с этим народом. Сейчас попробуем выяснить. Как у вас считают? Ну, смелее! Раз, два, три.

– Бир, ийи, уш, дорт... – стал перечислять я.

– О-оо, это уже лучше. По-тувински «бир» и по-турецки «бир». У вас – «ийи», там – «ики», «уш» будет «уч». Понятно!.. А как по-вашему будет «молоко» или «нож»? Тоже как у турок, «сут» и «бичек»?

– «Сут» будет «сут», а «бичек» у нас нет слова. Есть «биче» – это значит «маленький». А ножик – «бижек».

– Вот и разговорились! – обрадовался долговязый. – Теперь, Мария Ивановна, дело у нас пойдёт!

Дубровина улыбнулась.

– Давайте мы их сейчас мучить не будем. Вот что, товарищи. Учиться вы будете в одной группе с монголами. Занятия начнутся первого сентября. Жить будете под Москвой на даче. Там будете изучать русский язык. Вот такие у нас планы. Не возражаете?

Ребята молчали. Для порядка я бормотнул им по-тувински и ответил за всех:

– Очень даже нам подходит!

– Ну и чудесно. Не станем больше задерживать вас.

От канцелярии КУТВа до того дома, где ночевали, – рукой подать. Отправились одни, без провожатых.

Июльское солнце над самой макушкой. От домов пышет жаром. Мостовые и тротуары будто раскалённые – жгут ноги. А машин, машин!.. И трамваи грохочут, звенят. Люди сплошной стенкой идут.

Мы долго стояли на краю тротуара, как на берегу разбушевавшейся реки, в ожидании, пока успокоится движение. Лишь поняв бесплодность этой затеи, стали поодиночке перебегать дорогу. К счастью, все достигли противоположного берега.

Наталья Михайловна встретила, как родная мать.

– Ну, все живы-здоровы? Молодцы! Поздравляю!

Повела нас в кладовую, выдала каждому одежду, бельё – целый ворох! – по куску мыла и мочалке.

– А теперь – в баню!

Как цыплята за курицей, трусили за нею. Прохожие глазели на нас, но мы уже не обращали на это внимания – привыкли.

Дворами, закоулками добрели куда-то. Вошли в дом. Наталья Михайловна весело окликнула рыжего старика:

– Принимай, Прохорович, гостей!

– Откуда такую пестроту набрала, Михайловна? – засмеялся старик.

– Это тебя не касается. – Наша провожатая могла быть, оказывается, и сердитой. – Ты, Прохорович, организуй, чтобы парней в лучший вид привели.

– Та-ак, – оглядел нас старик. – Орлы! Сначала валяйте в ту комнату, обчистите головы. Потом мыться будете.

Я перевёл.

– Что значит «обчистить голову»? – забеспокоился Шилаа. – Обтёсывать, что ли, будут?

Монге по своей привычке взялся объяснять:

– Не видишь, какие мы лохматые? Хотят постричь, побрить... Ну что ты за человек, Шилаа!

– Зато ты всё знаешь! – неожиданно рассердился Шилаа. – Смотри, зазнаешься – лопнешь.

– Хош! Замолчи! Не тебе судить, что я знаю, что не знаю!

Монге подскочил к Шилаа. Седип-оол едва оттащил его в сторону.

– Эй-эй! Успокойтесь!

– Перестаньте! – набросились и мы на спорщиков. – Что вы, как бодливые бараны...

В парикмахерской нас действительно быстро «обчистили». Срезанные косы Капшыка и Шилаа упали на пол, как убитые змеи. Парни удивлённо осматривали себя в зеркало – коротко стриженные, совсем незнакомые.

Глава 3 Малая Удельная

Нам сказали, чтобы мы готовились к переезду на дачу. Собираться было недолго. Больше суеты, чем сборов, хотя за несколько дней, проведённых в Москве, «собственности» у каждого прибавилось.

Я сложил свои пожитки, и мне стало тоскливо. Потянуло домой.

«Большой город Москва, – думал я, – а на улицах народ не умещается – места не найдёшь, где бы свободно походить. То ли дело у нас. Сам себе хозяин – куда захотел, туда иди. Можешь искупаться, когда захочешь, можешь в холодке полежать, можешь порыбачить...»

Но я постарался прогнать эти мысли. Как можно поддаваться таким настроениям? Меня прислали учиться в Москву от имени моего народа... Так далеко везли... Если мне, батраку Чолдак-Степана, начавшему уже говорить по-русски, привыкшему к оседлой жизни, приходит такое в голову, то как же трудно Шилаа, Барылга и другим парням? Как они тоскуют по родным кочевьям!..

Так оно и было. Здоровенные парни ночами плакали, как дети, от стыда накрывшись с головой одеялами. Ещё недели не прожили мы в Москве, а Оюн Барылга пожаловался:

– Больше десяти дней не выдержу! Лучше бы я в своём Самагалтае скот пас... Ничего мне больше не надо! Ой, беда!..

Забегая вперёд, скажу, что Барылга и в самом деле не выдержал. Чтобы его выгнали, он стал красть вещи у товарищей. Осенью его исключили из университета и отправили в Туву. Капшык и Шилаа несколько месяцев занимались, но «не сумели усвоить ни одной буквы», за что и были причислены к отстающим. Но на самом деле и они струсил и только прикидывались неспособными, а учиться могли очень хорошо, особенно Шилаа. А через год оставили Москву Чамьян и Анай-оол. С ними было сложнее. Мы сами, став более зрелыми, раскритиковали их классовое происхождение и настояли на исключении из числа студентов.

Так в конце концов из десяти нас осталось четверо.

Но это – позже...

А пока мы все вместе собирались на дачу!

– Ну, как, Тока, готовы? – спросил незнакомый мне человек, войдя в комнату.

На нём был белый чесучовый костюм, белая фуражка и густо натёртые зубным порошком брезентовые туфли. Заметив моё недоумение, он сказал:

– Я из деканата. Вот что, товарищ Тока. Ты назначаешься старостой тувинских студентов. Ясно?

– Ясно-то ясно... А почему я? И потом... справлюсь ли?

– Бояться нечего. Главная твоя забота – переводить. Поэтому и выбрали тебя, а не кого-нибудь другого. Как, ребята, согласны, чтобы Тока был старостой?

Товарищи согласно закивали.

Спустя два часа мы добрались по железной дороге до станции Малая Удельная. Сойдя с деревянной платформы, перешли по трясучим мосткам через небольшой ручеёк и увидели вдали несколько двухэтажных бревенчатых домов с красными и зелёными крышами.

По обе стороны аллеи шумела толпа встречающих. Каких только людей здесь не было! И совершенно чёрные, и коричневые с толстыми губами и иссиня-чёрными волосами, и белые, как берёзовая кора, и такие, как мы... Каждый говорил по-своему, но я

понимал, что все дружески приветствуют нас, всем интересно узнать, кто мы такие, откуда приехали, – так же как и нам хотелось узнать их всех. Я вспомнил нашу поговорку: «Кони перекликаются ржанием, люди знакомятся в разговоре». Ничего, подумал я, ещё разберёмся!..

Так оно и случилось. С монголами и корейцами сошлись сразу же. Постепенно научились объясняться и с индийцами, турками, неграми... Со стороны, наверное, смешно было смотреть и слушать. Но ведь мы понимали друг друга! Понимали!

Одним из первых в нашу дачу номер пять пришёл кореец Цой Шан У – сильный парень, с золотыми зубами, в пенсне. Он времени на общие слова не тратил. Сразу – о деле:

– Все собравшиеся здесь живут коммуной. Как вы к этому относитесь?

– А что такое коммуна? – спросил я.

– Работаем и живём одной семьёй. Свои привычки, свои интересы подчиняем общим целям. Все за одного, один за всех. Это главное. Стипендия на руки не выдаётся. Деньги идут в общий котёл и тратятся поровну: на продукты, на стирку, на одежду... Члены коммуны сами убирают общежитие, моют, дежурят в столовой, заготавливают дрова. Подъём, отбой в одно время. Утренняя гимнастика... Уходить куда-нибудь только с разрешения... Коммуна ещё не оформлена. Как только соберутся все студенты, выберем руководство.

Чёткие фразы Цой Шан У звучали повелительно. Сказанное мне понравилось. Я перевёл товарищам.

– Ну-у, – заныл Чамыян, – сам себе не хозяин, только другим и подчиняйся. Не-ет, это нам не подходит. Верно, ребята? Ещё начнут указывать, кому когда в отхожее место идти!

Но никто его не поддержал. Решили войти в коммуны и соблюдать её правила.

Решить-то решили, а пришёлся жёсткий режим не всем по душе.

– Не успеешь заснуть, как тут же будят, – каждое утро брюзжал Шилаа.

– Выдумали ещё руками-ногами дрыгать, скакать по-козлиному, – возмущался Капшык, упорно отказывавшийся ходить на зарядку. Ему было уже под сорок – в своей Монгун-Тайге он привык к вольной жизни и никак не мог приспособиться к дисциплине.

Цой Шан У оказался прав: от коммуны всем была польза. Всё – общее. И все вместе. Да если бы теперь кому-то пришла в голову дикая мысль – остаться без коммуны, что бы он стал делать, как жить?

Скучать было некогда. Мы не замечали, как пролетали дни. Много занимались, а свободное время отдавали самостоятельным

спектаклям, играм, состязаниям. Я быстро пристрастился к волейболу и играл с азартом. Часто устраивали интернациональные встречи в воинских частях, пионерских лагерях, на заводах и фабриках.

Особенно интересно проходили у нас вечера. Программ никто не составлял, репертуар никому не был известен, но все выступления имели шумный успех. В каждом «концерте» непременно исполнялись частушки собственного сочинения. Доставалось в них многим.

Работал у нас парикмахером Маркарян – маленький армянин с вытянутой головой и длинными ушами. Стриг и брил он быстро и хорошо, но никогда не успевал обслужить всех. У него просто рук не хватало! Как-то он оказался «героем» частушки:

*В парикмахерской красиво, вай-вай!
Всё там сделано на диво, вай-вай!
Один мастер, двести бород... Вай-вай!
Хочешь бриться – езжай в город! Вай-вай!*

Вместе со всеми, а может, и больше всех, смеялся Маркарян.

Быстро завелись у меня знакомые – греки Зарес и Брокус, иранка Первеш, турок Назым Хикмет, монголы Элдеп-Очур и Янчимаа. Как говорится, между нами вода не текла – мы были по-настоящему дружны.

С особенным уважением относились мы к Янчиме – жене и боевому другу Сухэ-Батора, героя и вождя монгольского народа. Часто в свободное время она рассказывала о своей родине, и нам казалось, что она говорит о нашей Туве – столько было схожего в жизни монгольских и тувинских аратов.

Рассказывала она и о Сухэ.

– Мы познакомились с ним накануне революции. Сухэ сначала в Алдын-Булаке, потом в Урге организовал группу из нескольких человек. Я была связной у них; готовила еду. Потом, когда образовалась партия, Сухэ вместе с товарищами повёз письмо от неё в Москву. Как только Сухэ добрался до Москвы, его принял Ленин. Он много расспрашивал его о Монголии, одобрил мысли, высказанные в письме. Советская Россия, сказал Ленин, окажет помощь беднякам Монголии. Воодушевлённый Сухэ немедленно вернулся в Алдын-Булак и поднял партизан на борьбу. С помощью Красной Армии был освобождён Алдын-Булак, а потом и Урга. О разгроме банд Унгерна вы знаете. А в июле тысяча девятьсот двадцать первого года народная революция в Монголии победила.

– А где были вы, когда Сухэ уезжал в Советский Союз?

– Я скрывалась. Кухарничала у одного китайца в Урге. Меня искали, хотели арестовать, но не нашли.

– А что случилось с Сухэ? Он умер?

– Его отравили... Он был совсем ещё молодой. И остались мы вдвоём с сыном... Сын сейчас в Урге.

С Элдеп-Очуром я подружился сразу, с первой встречи. Этот высокий парень с вечно растрёпанными волосами, умными пронизательными глазами и ослепительной улыбкой был всегда безудержно весёлым, неистощимым шутником и человеком редкостного благородства. Учился он отлично. Всех располагало к нему чувство товарищества, простота и безукоризненная честность – Элдеп просто неспособен был даже на самую малую ложь. Сын бедняка из Савханского аймака, Элдеп с малых лет работал на хозяев.

– До приезда в Москву я был рабом у Дажы Самбуу. Не батраком – рабом! Отец и мать умерли, когда мне было три года. Дажы забрал меня к себе. Чуть подрос – начал работать. Между прочим, от своего господина я впервые услышал о национально-освободительной революции. Убежал от него. С Чойбалсаном, воином Сухэ-Батора. И вот – в Москву послали. Учиться. Здорово?!

* * *

Не только мы, тувинцы, – все студенты жадно впитывали то, чему щедро нас учили. Столько нового, важного, нужного узнавали мы каждый день. А ведь это пока ещё была только подготовка к занятиям!

Как-то нас пригласили в Быково, на встречу с пионерами. От Удельной недалеко, пошли пешком. Группа оказалась живописной – негры, индийцы, монголы, арабы, корейцы, тувинцы, греки, персы, малайцы...

У входа в лагерь мальчишка в белой рубашке и красном галстуке с серьёзным видом отдал рапорт:

– Дежурный отряда Сергей Макаров! – отчеканил он. – Рады приветствовать наших дорогих гостей!

Несколько минут «хозяева» и «гости» приглядывались друг к другу. Ребятишки перешёптывались, подходили с некоторой опаской, пока не окружили нас плотным кольцом. Не скажу, чтобы и мы чувствовали себя свободно.

– Дырасс! – не очень по-русски, но от всего сердца произнёс негр Самбудин и протянул широченную ладонь мальчонке-пионеру.

– Здравствуйте! – ответил тот.

– Где ты? Москва, Ленинград? Где?

– В Москве живу. Отец на заводе работает. А вы издалека приехали?

Самбудин притянул к себе мальчика, поднял на руки, поцеловал несколько раз, поставил его на землю и... прослезился.

Пионеры принесли табуретки. Из них получилась отличная

трибуна. Мальчишки и девчонки становились на табуретки и произносили речи. Я завидовал им – так бойко они говорили! Они обещали нам, что будут отлично учиться и готовить себя к труду и защите своей Родины. Потом всех нас тоже приняли в пионеры и каждому повязали красный галстук.

Тот малыш, которого приласкал Самбудин, надел негру на шею галстук и взобрался на табурет-трибуну:

– Товарищи! Когда вы вернётесь в свои страны, передайте горячий привет от советских пионеров. Мы желаем, чтобы вы в своих странах скинули капиталистов, чтобы дети у вас были такими же счастливыми, как в Советском Союзе.

Голос у мальчишки звенел. Это был прирождённый оратор!

Самбудин вытер глаза кончиком галстука и, с трудом выговаривая русские слова, ответил:

– Большое спасибо! Обязательно сберегу этот галстук моей дочери...

Выступали и другие гости. Говорили каждый на своём языке – по-русски не решались. Переводили не всё, но, в общем, всем было понятно и без перевода, какие добрые чувства вызвала эта встреча с детьми.

Целый день провели мы в лагере. Веселились, играли с пионерами, вместе пели русские песни – «По морям, по волнам», «Дуня, Дуня, Дуня я...».

На обратном пути я потихоньку спросил Самбудина:

– Ты чего плакал?

– В Африке остались жена и дочь – такая же, как этот мальчишка. Не видел уже два года с лишним... Не знаю, живы или нет. Я шёл через несколько стран, чтобы попасть в Москву. Мне надо много знать. А что плакал – это не слабость. Это от радости, от восхищения.

* * *

Большинство студентов очень слабо знали русский язык. Но кое-кто вдруг стал делать поразительные успехи. Секрет скоро открылся. Оказалось, наши парни стали ходить вечерами на станцию, где знакомились с русскими девушками. Пример вызвал бурное подражание. Теперь вечерами Малая Удельная пустовала. Все устремлялись «изучать русский язык на практике».

На очередном концерте огромный успех имела новая частушка:

*Каждый вечер, как стемнеет,
Вся Удельная пустеет.
Парни к станции стремятся –
Русским языком заняться...*

День ото дня становилась теснее наша разноплеменная коммуна. Мы лучше узнавали друг друга, ближе сходились. Наконец-то все «нашли общий язык» – людей разных национальностей и рас объединяла, организовывала, сближала русская речь. И мы старались (не только вечерами!) как можно лучше выучить её. Все разговоры между собой, все шутки, игры, песни – только на русском! И в программах самодеятельности национальные песни часто сменялись русскими, которые пели все хором.

Жизнь наша протекала в строгом порядке: всё было предусмотрено режимом дня. Критиковали за малейшее нарушение правил. Больше всего доставалось от старосты коммуны – Зареса. На снисхождение его нечего было надеяться, будь ты хоть самый лучший друг!

...Однажды и я опоздал с вечерней прогулки.

Её звали Шурой. Она выросла в детском доме, жила на станции Удельной. Училась в девятом классе. В старом, вылинявшем ситцевом платье и сандалиях, коротко стриженная, с веснушками... У неё был очень хороший характер, и мы сразу стали друзьями.

В тот вечер мы долго бродили. Медный месяц осветил петляющую между сосен дорогу. Шура очень походила на Веру, хотя внешне они и различались. Об этом я ей и рассказывал. Не помню, в который уж раз вышли к станции. Остановились возле её калитки – Шура по одну сторону низенькой оградки, я по другую. Расставаться не хотелось.

– Давай ещё погуляем, – предложил я. – Время есть. Я потом тебя провожу...

– Нет, – сказала она. – Возвращайся, Тока. Скоро у вас звонок зазвонит, как у первоклассников.

И засмеялась.

А мне так не хотелось уходить!

– Ну чего ты меня гонишь? Время ещё детское...

– Я о тебе беспокоюсь. Вы же, как дети, – ни шагу без звонка! Вас, наверное, и гулять-то по звоночку отпускают?

– Когда я девушек целую, звонка не жду! – выпалил я и внезапно обнял её, притянул к себе, поцеловал.

– Вот, видишь...

И вдруг – трах! Щека моя запылала. Пока я приходил в себя, Шура повернулась и ушла. И в это время долетел звонок: Зарес дал сигнал отбоя.

Что делать? За девушкой бежать – её уже след простыл. В лагерь возвращаться – сердце ноет сильнее, чем щека... Поплёлся к Малой Удельной.

Зарес зазвонил ещё сильнее.

Я шёл и ругал нашего старосту на чём свет стоит.

Возле дачи ребята окружили Зареса и пели про него частушку.
У меня немного отлегло: не один я опоздал.

– Перестаньте петь! – кипятился Зарес. – Все уже спят.

Парни не унимались.

Зарес махнул рукой:

– Я вот вас, голубчиков, продёрну как следует в стенгазете!

И продёрнул. И мне тоже досталось, хоть я и не пел частушку.

* * *

Как-то нам сообщили:

– Поедете отдыхать.

– От чего отдыхать? Зачем отдыхать? Куда ехать?

– На курорт. На Чёрное море.

О других не скажу, но нас, тувинцев, это известие в общем-то оставило равнодушными. Чёрное море звучало точно так же, как Малая Удельная. Ясно было одно: куда-то повезут. Наша бы воля, так и не поехали бы никуда. Что может быть лучше нашей дачи, нашей станции?

Дорога всегда полна впечатлений. Даже в изъезженной вдоль и поперёк степи, даже на таёжной тропе, известной каждым своим поворотом, каждым деревом, всякий раз испытываешь чувство радостного изумления – от пышного разнотравья или ошеломляющего буйства осенних красок, от неожиданной встречи со зверем или от сурового величия заснеженных вершин... Когда же дорога, которой, кажется, нет и не будет конца, впервые бежит и бежит перед тобой, когда куда ни глянь – всё ново, когда все твои спутники (и как только они успевают!) видят больше тебя и наперебой кричат об этом, и сам ты то и дело кричишь: «Смотри, смотри!» – какое же это счастье!

Казалось, мы уже не в состоянии были вместить в себя то, что посчастливилось увидеть в пути. Но последняя ночь дороги уложила впечатления в перемётные сумы памяти, и новый рассвет мы встретили, прилипнув к вагонным окнам: что-то ещё нас ожидает?..

Наверное, нам всё-таки рассказывали, куда мы едем, но это как-то не запомнилось, пролетело мимо ушей. И когда, выскочив из-за очередного поворота, поезд очутился возле бесконечного лазурного пространства – справа, слева и далеко-далеко, всюду была вода, мы были потрясены.

– Туапсе, – сказал Пальмбах. – Станция и пристань. Туапсе. Чёрное море...

Мы подошли к самому берегу. Море. Чёрное? Может быть, там, вдали, если прищуриться? Кажется, что-то чернеет... Волны, как цепи тувинских плоскогорий; высокие валы с шумом и брызгами

падали на берег и, шипя, скатывались обратно. Сколько воды!.. Меж волнами то появлялись, то исчезали лодки не лодки, брёвна не брёвна, нет – какие-то быстрые рыбины.

– Дельфины! Смотрите, дельфины!

Вокруг нас творилось что-то невообразимое. Люди, приехавшие одним поездом с нами, сбрасывали с себя одежду и бросались в воду. Мужчины, женщины...

– Ну что же вы? – наш физрук Виктор Бердников стащил с себя рубаху, брюки.

Я посмотрел на «своих». Все стояли ошарашенные, косили глазами.

А-а! Была не была. Сбросил всё с себя, разбежался, нырнул. Нам ли, сыновьям Улуг-Хема, бояться моря!

Вода тёплая, ласковая. Хорошо! Позвал ребят.

– Хоть ноги помочить, что ли? – Барылга гусиным шажком направился к воде, боязливо шагнул, повернулся спиной к морю, хотел что-то сказать и, сбитый волной, заорал:

– Спасите! Тону!

Я подхватил его на руки и вынес на берег.

– Со... Тьфу! Солёная! – плевался Барылга.

Ещё через минуту вся наша тувинская десятка бултыхалась в зелёных волнах...

И снова – дорога вдоль моря, берегом, залитым солнцем, поросшим диковинными деревьями. И вот – Новый Афон.

– Будем здесь жить двадцать дней, – разъяснил председатель коммуны Цой Шан У. – Приводите себя в порядок, устраивайтесь. Ужин в шесть...

Разместились в одноэтажном бараке, но нас это не очень-то смутило. Кочевникам, привыкшим к дымным чумам и дырявым юртам, новое жильё казалось дворцом. Теперь уже никто не спрашивал, что значит «отдохнуть». Лазили по горам, жарились на солнце, часами барахтались в море...

К воскресному обеду нам подали виноградное вино. Две бутылки на четверых. «Для аппетита». Нашему столику – Шилаа, Барылге, Монге и мне – вино пришлось по вкусу. Мы рассудили так: если за счёт коммуны угощают, то за свой счёт можно и добавить...

Сложились. Послали Шилаа. Он принёс ещё по две бутылки. На каждого. Расположились под тенью дуба в монастырском саду.

Торопиться было некуда. Потягивали глоток за глотком. Разговаривали. Потом какой-то усатый кавказец с ножом у пояса подсел к нам, стал угощать.

Проснулся я на нарах. Товарищи глаза прячут. Ну и напились мы вчера. Опозорили всю нашу тувинскую группу.

Тут уж и мне на ребят глядеть не хочется. Что мы наделали?! И стыдно. И боязно, что после этого в КУТВе не оставят.

Вызвали к председателю коммуны Цой Шан У.

Я шёл, а мысли в голове путались. Решил оправдываться. Робко вошёл в «зал суда».

– Давай, давай! – заторопил Цой Шан У.

Пальмбах сидел тут же.

– Садись.

Монге, Шилаа, Барылга, были уже здесь. Примостился рядом с ними.

– Почему пьянку устроили? Почему скандал в общежитии учинили? – спросил Цой Шан У, глядя на меня.

– Вы же сами дали нам вино. Целых две бутылки, – сказал я.

«Судьи» переглянулись.

– Хм! Неужели две бутылки четырёх парней с ног сбили? – ухмыльнулся Цой Шан У. – Что-то плохо верится. Все ведь по стольку же получили. И никто не был пьяным.

– Мы, мы... – по-тувински забормотал Шилаа, – ничего другого и в рот не брали. Да у нас и денег-то нет...

– Я, например, из самого отдалённого уголка Тувы, из оленеводческого хошуна, из Тоджи! – начал убеждать я.

– А при чём тут оленеводческий хошун? – удивился председатель коммуны. – Какое это имеет отношение к вашему безобразному поведению? Чего ты путаешь нас?

– Так тоджинские же оленеводы не то что с вина – с кусочка сыра пьянеют!

Все расхохотались.

– Ну-ка, молодчики, выйдите в коридор, а мы тут посоветуемся. Не успели мы выйти, как позвали обратно.

– Ну, вот что, милые мои, – сурово произнёс Цой Шан У. – Руководство коммуны считает ваше поведение недопустимым. Мы решили поставить вопрос перед администрацией КУТВа об отчислении вас из университета. Мало того что вы совершили такой проступок, так вы ещё стараетесь шуточками отделаться.

Я это ребятам перевёл. Барылга зашептал: «Ну и пусть отчисляют! Поедем в свои юрты. Лучше баранов пасти, чем к их порядкам привыкать».

– Ну, что же вы скажете? – нахмурился Цой Шан У.

Я, чуть не плача, признался:

– Правда, товарищи выпили... Лишнего выпили. Сознаём! Это две бутылки в столовой натолкнули нас, а так бы нам и в голову не пришло бы... Просим на первый раз... Даём слово, что больше такого не допустим. И в учёбе постараемся.

Цой Шан У, довольный, переглянулся с Пальмбахом. Придал лицу суровость и строго произнёс:

– Ладно! На первый раз простим, учитывая ваше обещание. Но если заметим ещё, поставим вопрос об исключении. Поняли?

– Поняли!

– Идите.

Это «событие» было в самом деле первым и последним. За все годы учёбы в КУТВе ни мне, ни оставшимся в университете друзьям-тувинцам не пришлось больше быть в роли «подсудимых».

Глава 4 Студент

– Занятия начинаются завтра в восемь утра в четвёртом доме у Петровских ворот, – объявил заведующий учебной частью Кучумов. – Не опаздывать!

Четырёхэтажный кирпичный дом – квадратом, с площадкой-двориком внутри. Помещение приготовлено на славу: всё блестит! В классе, отведённом для нашей группы, стояли чёрные лакированные столы – каждый для двух студентов. На стенах висели портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Калинина. На чёрной доске – географические карты (теперь мы уже знали, что это за раскрашенная бумага!).

Распахнулась дверь, и в класс вошли пять или шесть человек во главе с Кучумовым. Мы встали.

– Несколько слов прежде чем начнём работать, – сказал завуч. – Значит, здесь у вас слушатели из Монголии и Тувы? Так? Поскольку уровень знаний у товарищей низкий, руководство КУТВа решило первый год вести у вас подготовительный курс. Понятно? А теперь я вам представлю преподавателей. Русским языком будете заниматься с Александром Адольфовичем. Он вёл у вас занятия на даче. Все его знаете?

– Знаем! Знаем! – дружно откликнулся класс.

– Софья Владимировна Базанова – преподаватель географии.

Среди педагогов была только одна женщина – средних лет, с резко выделявшимися в чёрных волосах седыми прядями.

Все взоры устремились на неё.

– Преподавателем математики к вам назначен товарищ Хасанов, – продолжал Кучумов. – Гумер Хасанов.

Познакомились и с Хасановым – высоким, пожилым, с маленькими глазками и рыхлым животом.

– Ну, а Василия Ивановича, наверное, представлять не надо?

Преподавателя-то физкультуры?!

– Знакомый! – громко крикнул Элдеп-Очур и ткнул меня кулаком в бок. – На Чёрное море вместе ездили.

Мы заплодировали.

– Тихо! – успокоил Кучумов. – В первом полугодии у вас будут только эти предметы. Теперь надо выбрать старосту группы. Ка-

кие будут предложения?

– Старостой – Элдеп-Очура, а заместителем – Току! – вскочил Шагдыр.

Других предложений не поступило...

В коридоре бурно обсуждали программу, говорили об учителях.

– Ничему не научимся, – заворчал Чамыян, – пустое это дело!

– Что мы, в Москву ехали в мячик играть? – поддержал его Анай-оол. – Физ-куль-ту-ра!

– Не увидев воды, не снимай сапоги, – напомнил им пословицу Монге. – Пошли в класс!

Первый день для нас, «необъезженных», был особенно интересен. Занятия с Александром Адольфовичем на даче были просто товарищескими беседами. К тому же у Пальмбаха был более чем своеобразный метод преподавания. Он не только хотел как можно скорее научить нас русскому языку, но и сам попутно учил тувинский. Когда мы занимались с башкы Александром, посторонний человек мог бы принять нас за полоумных. Пальмбах то становился на четвереньки и мычал, то хлопал руками и кукарекал, то мяукал по-кошачьи... Понимали мы друг друга великолепно, слова запоминали сразу. Было шумно и весело.

А тут...

Софья Владимировна села за столик, раскрыла журнал и начала перекличку:

– Шилаа... Элдеп-Очур... Янчимаа...

Каждый вскакивал. Софья Владимировна, чуть шуря глаза, внимательно оглядывала вызванного и тихо произносила:

– Садитесь.

Познакомившись с группой, она взяла указку и подошла к картам:

– Начнём с вами изучать географию...

Софья Владимировна неторопливо рассказывала, что это за наука такая – география, что собой представляет Земля, какую она имеет форму, показывала материки и океаны. Она называла страны, объясняла, где какой народ живёт, что такое расы и национальности...

Я позабыл о времени. Светлели мои глаза: перед нами раскрылся огромный мир, в котором я жил и о котором до этой минуты ровным счётом ничего не знал. Какая же это умная наука – география!.. Я и не заметил, когда, в какое мгновение мне стало всё, о чём говорила Софья Владимировна, ясным и понятным настолько, будто оно было известно мне всегда, всю жизнь. Эта женщина с внимательными и добрыми глазами каждым словом убеждала и меня и моих товарищей: «Вы же всё это давным-давно знаете! Ведь правда?».

Мы сразу полюбили Софью Владимировну, ждали каждого её урока и очень беспокоились и скучали, если почему-либо она не приходила. Мы привязались к ней ещё и потому, что Софья Владимировна не оставляла без внимания любой наш вопрос и всегда приходила на помощь. Да что говорить! Мы от неё узнали так много о Туве и Монголии, будто это она жила там, а не мы.

На одном из её первых занятий ребята зашумели.

– В чём дело? – забеспокоилась Софья Владимировна.

– Плохо понимают, – объяснил я.

– Это дело серьёзное. Как же нам быть? – она присела за столик, подумала. – Устраивайся-ка, Тока, рядом со мной.

Я перетащил свой стул к её столу.

– То, о чём я сейчас говорила, ты понял?

– Понял.

– Вот и расскажи всё товарищам.

Смутившись, кое-как пересказывал я ребятам «концы» и «края».

– Не всё сказал! – заявили они.

Я виновато посмотрел на преподавательницу.

– Ничего, – успокоила она. – Уладим.

Со следующего занятия Софья Владимировна ввела новый метод. Простыми словами, короткими предложениями, медленно рассказывала она новый материал, а я переводил – слово за словом, фразу за фразой, стараясь ничего не пропустить. И дело пошло.

* * *

Как-то после уроков меня вызвали к ректору.

Не без страха я отправился к нему: такого ещё не было, чтобы студента потребовал сам ректор КУТВа!

Что же я натворил?

Принял меня не ректор, а заведующий особым сектором и заместитель секретаря парткома Леонид Дмитриевич Покровский. Встретил с улыбкой. От сердца отлегло. Значит, ничего страшного не случилось.

Покровский пригладил маленькие усики, побарабанил пальцами по столу и сказал:

– В связи с празднованием Первого мая мы решили отправить тебя, товарищ Тока, в город Иваново. Будешь приветствовать ивановских ткачих от имени кутвян. Как ты смотришь на это?

– Не знаю.

– Ну-у! – укоризненно протянул Леонид Дмитриевич. – Это, брат, почётное поручение. Иваново – город ткачей. Первое место в СССР занимает по производству тканей. Вот ты и выступишь у них

в День международной пролетарской солидарности как представитель тувинского народа. На торжественном заседании или на митинге – там договоритесь. Понимаешь теперь?

– А как туда добираться?

Покровский развёл руками.

– За пять тысяч километров из Тувы в Москву приехал, а тут всей дороги десять часов! На поезде доберёшься. На поезде.

– Ладно, – вздохнул я.

В двенадцать ночи на Казанско-Рязанском вокзале отыскал нужный поезд, сел в жёсткий вагон и сразу задремал. Пытался бороться со сном, клевал носом, таращил глаза, но очнулся только от громкого голоса:

– Гражданин! Гражданин! Иваново!

Ничего не соображая, вскочил, взял маленький картонный чемоданчик и выскочил на платформу. Куда же теперь?

Вдоль поезда, от вагона к вагону, шёл мужчина в полушубке и чёрном картузе. Остановился возле меня, оглядел.

– Вы, наверно, Токио, который из Москвы?

– Да, – сказал я. – Я из Москвы. Зовут меня Тока.

А самому смешно, что этот товарищ так мою фамилию перепутал.

– Иванов. Из горкома...

– Как же это столица Японии сюда перекочевала?

Иванов на шутку – шуткой:

– Буквы сходятся, и ладно. Сойдёт и так: Тока, значит Тока! Ну, машина моя за вокзалом.

Подхватил мой чемоданчик – и в обход станции. Грязь – по колено. Некоторые разулись, шлёпают прямо так.

Несколько старушонок наперебой кричали, как ламы на молении:

– Кому молоко?

– Варёная картошка! Варёная картошка!

– Рыба, курица! Рыба, курица!

Выбирая места посуше, обошли вокзальчик.

– Вот и наша «машина»!

Иванов взобрался в тарантас, помог мне сесть рядом. Кучер на облучке дремал и не слышал, как мы сели.

– Михаил Иваныч! – тронул его за плечо мой спутник. – Поехали!

Возница встрепенулся, взмахнул кнутом:

– Нно!

Рыжая кобыла, слегка прихрамывая, взяла с места галопом, но тут же сникла и, лениво перебирая ногами, побрела едва-едва.

– Вот какая у нас «машина»! Без кнута да без прута не везёт, не едет... Вы там, откуда приехали, на автомобилях ездите?

– У нас не то что автомашины – телеги такой не увидишь, – усмехнулся я.

– Где же это такая страна? – удивился Иванов. – Неужто такая отсталая?

– Про реку Енисей в Сибири слышали? Вот в начале этой реки есть такое маленькое государство – Танну-Тува...

– Воо-аа! Это что за государство? – свесился с облучка кучер. – По какую сторону от Монголии?

– Между Танды и Саянами.

Михаил Иваныч сел вполоборота к нам.

– А какую, к примеру, власть имеете?

Так, беседуя, выбрались мы на главную улицу.

– Вот и приехали, товарищ Токио! – подмигнул Иванов.

На одноэтажном кирпичном доме висела непомерно большая вывеска: «Гостиница».

...Целый день я сочинял речь, которую мне предстояло произнести на первомайском митинге. Сколько ни ломал голову – ничего не выходило. И так, и эдак пробовал. Какие-то чужие слова... Махнул рукой, оставил до следующего утра. Поднялся чуть свет, давай снова думать. Вроде бы пошло лучше.

В дверь постучали.

– Здравствуйте, товарищ Тока! – Иванов крепко пожал мне руку. – Как спали-ночевали?

– Хорошо.

– Минут через тридцать начнётся митинг.

– Готов!

Пошли пешком. День солнечный. Улица в красных флагах. Площадь, окружённая соснами, была запружена народом. Больше всего людей стояло возле двухэтажного деревянного дома. Почти сплошь – женщины.

Иванов пошутил:

– Женская республика! Ткачихи...

Не без труда протолкались сквозь весёлую, поющую толпу. У многих в руках красные полотнища лозунгов, портреты. Ярко, пестро. Балкон на втором этаже дома превращён в трибуну. Туда мы и поднялись. К самому началу.

Кто-то из городских руководителей поднял руку и высоким голосом прокричал протяжно:

– Товарищи!

Площадь смолкла.

Выступавших было очень много – от горкома партии, от губернского Совета, от комсомола, от пионеров, от профсоюза, от женщин, от МОПРа, от военных... Я уже со счёта сбился.

Вдруг объявили:

– От имени рабочего класса всего мира слово для приветствия

рабочих и крестьян Ивановской губернии предоставляется товарищу Тока!

Все закричали, захлопали. Я встал впереди, уцепился в перила балкона. В глазах рябило, язык будто примёрз.

То, что написал утром, сунул стоявшему рядом незнакомому человеку, сказал по-русски одно только слово:

– Товарищи!

А дальше – по-тувински.

Что говорил – не помню. Только в конце – снова по-русски:

– Да здравствует день Первого мая! Да здравствует Октябрьская революция, Коммунистическая партия и рабочие города Ивана!

После митинга меня обступила молодёжь.

– Расскажите о своей стране!

Ну, это – не речи произносить.

– Раньше, – начал я, – Туву называли Урянхайским краем. Она вошла в состав России в девятьсот четырнадцатом году. А с двадцать первого стала Тувинской Аратской Республикой. Населения – меньше ста тысяч. Основное занятие – скотоводство. Кочевое скотоводство. Тувинцы кочуют зимой и летом. Не знают, что такое дома, живут в юртах... Неграмотная, отсталая страна.

Парни и девушки сбились плотнее, примолкли.

– Дда-а! – выдохнул кто-то. – Почему же такие отсталые?

Объяснил, что почти двести лет Тува была колонией маньчжурских ханов. За два века ханы ни одного колышка в стране не забили, держали народ под невыносимым гнётом, грабили.

– Вот вы здесь выучитесь, – спросила звонкоголосая девчушка в кумачовом платке, – к себе вернётесь, да? Что вы будете делать?

Ох, сколько мы об этом спорили с Шагдыром, Седип-оолом! Вернее, мы-то не спорили, мы вместе держались против Чамыяна и Анай-оола. Как только зайдёт об этом разговор, – чуть не до драки. Вспомнил всё это и сказал:

– Сегодня моя Тува – отсталая страна, но она не будет такой! С помощью советского народа, с вашей братской помощью мы изменим её!

* * *

...После уроков побежал к Софье Владимировне. Почему к ней? Так это же ясно! Она нам как мать. Чего бы мы ни спросили, всё расскажет, во всём поможет. Базанова – член партии с 1908 года. За свои сорок лет, как у нас говорят, чего она только не видела, каких только чайников не поднимала!..

– Что скажешь, Тока?

– У нас вчера Москвин выступал. Своими художественными словами так нас рассмешил – печень высохла! Пушкина потом читал, Толстого читал, Горького... А я даже не слышал про них...

– Молодец, что пришёл. Завтра я вам расскажу, что надо читать.

На следующем занятии Софья Владимировна вручила мне «Мои университеты» и «Мать» Горького. Я испугался – такие большие книги!..

– Читай, читай! – поняла моё состояние Базанова. – Сначала, может, и трудно будет. Захочешь – разберёшься. Зато, если упорства хватит, – не пожалеешь. А что понравится – в этом я уверена. Когда прочтёшь, Александр Адольфович за тебя рад будет.

На всякий случай я оставил себе маленький мостик к спасению:

– Если что не пойму, к вам приду!

– Какой разговор!

«Мостик» не потребовался. Начал читать «Мать». Читал днём и ночью. Не мог оторваться. Каждую страницу перечитывал по нескольку раз.

Теперь у меня больше не оставалось свободного времени: книги, книги, книги... А занятия между тем становились все серьёзнее, основательнее. Мы начали изучать марксизм-ленинизм, и теперь на всё окружающее смотрели совсем другими глазами.

Не везло нам только с математикой, вернее, с преподавателем. Гумер Хасанов оказался случайным человеком в дружном коллективе КУТВа. Не было дня, чтобы он пришёл на занятие вовремя. Обыкновенно он появлялся минут через пятнадцать – двадцать после звонка. Неторопливо, с помощью расчёски и ладони старательно зачёсывал на просторную плешь волосики.

Мы ждали, когда же начнётся урок. Шептались между собой, угадывая, что сейчас сделает наш Гумер, что скажет. Если выходило по-нашему, – давились от смеха, толкая друг друга локтями.

Наконец Хасанов кончал приводить себя в порядок.

– Э-э, – тянул он и начинал обстоятельно объяснять причину опоздания. – Понимаете, встал сегодня ещё затемно. И собрался быстро. «Аннушка» почти сразу подошла – нисколько не ждал на остановке. Ну, думаю, рано приеду. И что же? Только отъехали – у трамвая загорелся мотор. Вот беда! Еле живой выбрался... Пока дождался другого трамвая, пока доехал, то да сё... Прямо не везёт!..

Дальше Гумер приступал к изучению недр своего портфеля. А время шло.

– Ну-с, давайте заниматься! Вооружитесь карандашами и бумагой. Я напишу на доске цифры, а вы перепишите их.

Нацарапав на доске несколько примеров, он торопливо бросал:

– Решайте! Я скоро приду.

И – исчезал из класса.

Перед самым звонком он возникал снова.

– Ну как, решили?

Двое-трое скажут:

– Решили.

– Вот и ладно. Дома решите такие же примеры...

На следующий день опять был виноват трамвай: или он сходил с рельсов, или сталкивался с другим трамваем, или по всей линии выключали ток... А то извозчик подводил. Не везло Хасанову! И как только бедному Гумеру удавалось выпутываться из бесчисленных аварий, чудом оставаться в живых да ещё каким-то образом добираться всё-таки до КУТВа!

Всю зиму занимались мы с Хасановым, но математические познания наши не стали шире. Учил он нас, учил, а потом вдруг исчез. Неизвестно куда. Мы смеялись: всё-таки задавил его трамвай! И ничуть о нём не жалели, хотя вспоминали не раз.

* * *

...Год 1926-й.

Он был особенным в моей жизни, этот год. Меня приняли в кандидаты партии большевиков. Партии, основанной и созданной великим Лениным. Я понимал, что это – большое доверие.

А нагрузок всё прибавлялось. Назначили заведующим агитпропом. Поручили вести культурно-массовую работу среди студентов-тувинцев (к этому времени к нам приехали ещё десять парней).

Хотя и говорят, что телёнок тоже поплывёт, если вода дойдёт до носа, на самом деле приходилось трудно.

Время было сложное. Троцкисты пытались расколоть партию, старались перетянуть на свою сторону наших студентов. Случалось, в КУТВе разгорались настоящие схватки с врагами партии.

...Седьмого ноября 1927 года я впервые прошёл в студенческой колонне по Красной площади.

Только вернулся домой, скорей к телефону:

– Шура?.. С праздником тебя! Ты свободна вечером? Буду ждать у Пушкина...

– Приду ровно в семь... Смотри сам не опаздывай! – услышал я в трубке ласковый голос.

Времени оставалось немного. Побежал сломя голову. Успел раньше её. Вскоре подошла и Шура. Я взял её под руку, и мы зашагали по бульвару.

Сколько же, оказывается, надо ей рассказать! Именно ей. Я только сейчас понял, как она близка мне. Мы садились на скамейки, снова шли, останавливались под деревьями, и всё говорили, говорили...

А в Туве между тем происходили бурные события, о которых до

нас доходили отрывочные, запоздалые сведения. Это не могло не волновать, вызывало раздоры между студентами.

Годы учения не прошли для нас даром. Даже то небольшое, что просачивалось к нам с далёкой родины, позволяло делать безрадостные выводы: анализировать обстановку мы научились...

Началом всему послужил всетувинский хурал ламского духовенства, состоявшийся в Хем-Белдире. Для проведения этого съезда Центральный Комитет ТНРП назначил особо доверенных людей. Это был хитро задуманный, ловкий ход.

Председатель партии Буян-Бадыргы заранее обо всём сговорился с верховным ламой Чамзы-Камбы. Но об их встрече накануне съезда стало известно много позже.

По договорённости с верховным ламой, «руководители» Тувинской народно-революционной партии и министры Буян-Бадыргы, Далаа-Сюрюн, Идам-Сюрюн, Соднам-Балчир повели наступление на демократические порядки. Они собрали и провели ламский хурал, протасив на нём всю свою программу: взяли под государственную опеку религию, вернули ламам все привилегии, ввели принудительное обучение молодёжи в монастырских школах. Установили одинаковый и для бедняков, и для баев налог, разрешили частную торговлю. Вся их политика была направлена на возрождение феодальных порядков в стране.

Было совершенно ясно: пока в Центральном Комитете будут находиться Буян-Бадыргы и другие крупнейшие феодалы, нечего ожидать добрых перемен.

Действовали они и в самом деле очень тонко и хитро. Как раз в то время по неизвестным причинам умер Оюн Кюрседи. Можно было не сомневаться, что и тут не обошлось без их участия.

Узнавая обо всём этом в Москве, мы не могли понять, что же такое происходит в Туве, почему с такой лёгкостью враги добиваются всего, чего хотят. Мы возмущались, негодовали. Научившись разбираться в политике, зная, как надо отстаивать завоевания революции, мы недоумевали: почему наши старшие товарищи в Туве не понимают самых простых истин, не могут разоблачить политических противников и разгромить их! Мы не сомневались, что у республики хватит сил справиться с внутренними врагами, верили в победу дела революции и жалели лишь о том, что сами не можем сейчас же, немедленно принять участие в борьбе. Уж мы бы не допустили того, что там произошло.

Конечно, легко было нам сокрушать врагов в словесных перепалках...

Там, на месте, всё было в тысячу раз сложнее. И одного нашего молодого задора вряд ли хватило бы на то, чтобы сразу сокрушить противников – сильных, изворотливых, хитрых, наделённых неограниченной властью.

А в Туве, между прочим, неплохо справились и без нас. На четвёртом съезде ревсомольцев прогрессивные деятели партии Шагдыржап, Шойжелов-Нацов, опираясь на передовых делегатов съезда, беспощадно раскритиковали политику Центрального Комитета партии. Буян-Бадыргы и его сторонники были отстранены от руководства ЦК.

Это ещё не было, конечно, победой. Враги и в этой обстановке нашли тысячи лазеек, чтобы сохранить за собой важные позиции. Много лет ещё понадобилось, чтобы полностью обезвредить их. Однако наиболее злобным и явным врагам на время прищемили хвосты.

Мы и об этом толком ничего не знали. До нас доходили только слухи. Противоречивые, запоздалые. Запутались мы окончательно. Чтобы разузнать подробнее, каково же положение в нашей стране, отправились к полпреду Тувы в Москве министру Мунзуку.

Пришли. Никто нас не встретил. Отыскали рабочий кабинет Мунзука – пусто. Стали ждать. Через некоторое время в кабинет быстрыми шагами вошёл высокий человек с бледным лицом, широконосый, с огромными ушами, в чёрном неглаженном костюме. Он был довольно молод.

Мы вскочили.

Мунзук, даже не взглянув на нас, уселся за стол. Он походил на ястреба, поймавшего мышь.

– Здравствуйте, ребята!

Мунзук набил в ноздри нюхательного табаку, прочихался, высморкался и раздражённо спросил:

– Зачем пришли? Разве можно таскаться во время занятий?

Такой приём ошарашил нас.

– Ну, слушаю. Зачем пожаловали? У меня много дел. Так что выкладывайте. Некогда мне с вами переглядываться.

Ребята как в рот воды набрали.

Я подумал: не воры же мы, чего бояться?

– Тувинские студенты, обучающиеся в Москве, ничего не знают о положении в республике. Мы слышали, что ревсомольский съезд раскритиковал неправильную политику некоторых сайтов. Говорят, проходил чрезвычайный пленум ЦК. Собственно говоря, мы ни о чём не имеем ясного представления. Не знаем, что к чему. Вот и пришли у вас спросить...

Мунзук поднял брови, коротко рассмеялся и довольно мягко сказал:

– Чего там не знать? Никаких таких событий в Туве не происходило. Кто-то вас здорово напугал. Да, на съезде ревсомола и на пленуме выявились один-два левацких загибщика, болтающих всякую чушь... Вот и всё. Да, Буян-Бадыргы, Далаа-Сюрюн и ещё несколько человек временно освобождены от своих постов. Они

уже долго работали. Решили, что надо поработать более молодым. А больше ничего такого и не было... – И снова сердито: – Чего вы собираете всякие сплетни? Что за провокационные вопросы пришли сюда задавать? Зачем затеваете ненужные разговоры?

– Мы просто хотим знать, что делается у нас дома. Скоро мы кончаем учиться, должны возвращаться в Туву работать. Надо же нам знать...

– Если говорить откровенно, – Мунзук начал готовить новую порцию табаку, – вам лучше всего думать сейчас только о занятиях, зубрить то, чему вас учат. Ясно? И нечего гадать, что будет потом и что происходит в Туве.

Да-а, такое разъяснение, как говорится, ни взять, ни бросить! Единственное, что мы прекрасно поняли, это то, что наш министр не так-то прост, и ещё неизвестно, как бы он себя вёл, находясь в Туве.

Встреча с полпредом ещё больше растревожила нас. Мы стали считать дни до окончания университета. Всё чаще стали делиться друг с другом планами: с чего начнём, когда вернёмся домой.

* * *

Вот он и пришёл, этот день. Июльский день 1929 года.

Всё!..

Мы – выпускники Коммунистического университета трудящихся Востока. Первые тувинцы, окончившие советское учебное заведение. Первые тувинцы с высшим образованием!

Наши сердца бились так же радостно и взволнованно, как и четыре года назад, когда мы впервые перешагнули порог КУТВа.

Небо в тот день было удивительно ясным. Редкие облачка медленно плыли в синеве и будто говорили: «Зачем торопиться». Это было здорово – сама природа, радуясь за нас, лучилась теплом и светом, чисто умытая.

– Шура, здравствуй! – Я больше не мог вымолвить ни слова.

– Да, да! – услышал её взволнованный голос. – Салчак, это ты? Что с тобой? Почему молчишь? Ты здоров?

– Шура!.. У меня всё хорошо. Ты меня слышишь?.. У нас прощальный той. Придёшь?

– Ещё спрашиваешь! Когда? Где?

– В двенадцать. В Петровско-Разумовском парке. Жду тебя!

...На полянке, под липами, расстелены плащ-палатки. Наш завхоз Поляков постарался – всё заставлено варёным и жареным. Роскошный пир!

С шумом расселись вокруг, кто как – кто бочком, кто на коленях, кто по-нашему – ноги калачиком. Шура – рядом со мной.

Леонид Дмитриевич Покровский поднял руку.

– Товарищи! У нас сегодня большая радость. Наш университет окончила ещё одна группа студентов. Я горячо приветствую выпускников и верю, что вы, товарищи, настойчиво и плодотворно будете претворять в жизнь идеи марксизма-ленинизма, что вы приумножите знания, полученные в стенах университета. Светлой и широкой вам дороги, друзья!

Гремели аплодисменты.

Выступали один за другим от имени выпускников узбек и казах, кореец и грек, грузин и татарин... От нашей монгольско-тувинской группы слово предоставили мне.

Той продолжался.

Я сидел и думал, насколько же больше проведённые в Москве четыре года прожитых мною до того двадцати четырёх лет! Москва стала родной.

Глава 5 Серебряная шапка Саян

Ещё в Москве наши, из Тувы, дали нам адрес, по которому мы могли отыскать в Минусинске ямщика. Минусинск не Москва – без труда нашли на окраинной улочке деревянный дом за высоким забором. Постучали в ворота – никто не выходит. Открыли калитку. Из-за сарая на нас кинулся огромный пёс. По-бараньи лохматый, он рычал, словно лев, которого мы видели в Московском зоопарке. Мы кинулись назад. Пёс залился яростным лаем.

– Тише, проклятый! – слышалось за воротами.

Калитка распахнулась.

– Проходите. Он не кусается.

«Лев» с бараньей шерстью крутился вокруг старика, лизал ему руки, бил хвостом по земле, поднимая пыль.

– А вдруг схватит? – Шагдыр-Сюрюн подтолкнул меня. – Иди первый.

– Правда, не кусается?

– А кто его знает, – засомневался хозяин. – Давайте от греха привяжем, что ли... Ну, заходите.

Мы шагнули во двор.

– Здравствуйте, молодцы! Откуда путь держите? Куда едете? Чем могу помочь?

– Едем из Москвы, – сказал я. – Надо нам в Туву, в город Кызыл. Старик наклонил голову, ухватил пальцами короткий ус.

Только теперь я как следует разглядел его. В высоких болотных сапогах, поношенных плисовых штанах и синей сатиновой рубашке с белыми пуговицами, большерукий, длинный, как жердь, и, судя по всему, сильный.

– Так, так... Значит, вас трое. Таки дела. У меня две лошади под одну телегу. Ну, вещи покладёте, а самим придётся в основном на своих двоих.

Посоветовались между собой. А что делать? Выбирать не из чего. Ну, кого-нибудь другого найдём. То же самое предложит.

– Ладно, – согласились мы. – Хватит одной телеги. Скорей бы добраться. Соскучились по родине, таныш! Как-нибудь дошагаем. К дому дорога легче.

Седип-оол вдруг вспомнил:

– А сколько с нас возьмёшь? И когда будем в Кызыле?

Старик задумчиво прищурился.

– Если в пути задержки не будет, всей езды чепуха – дней через шесть влетим в ваш Кызыл будь здоров! А цена установленная. По две сотни с носа. Думаю, жалеть не будете. Посколь пешком больше идти, потому и цену даю лёгкую. А то бы по три сотенных...

– У нас и по сто рублей нет, – растерялся Шагдыр-Сюрюн. – Откуда у нас такие деньги? Нельзя ли подешевле, старина?

– Ниже не могу, граждане! – старик развёл руками, перепачканными дёгтем. – Учítывая, что вы как едете издалека и учились порядком, а ещё, что пойдёте своим ходом, назначаю вам – дешевле некуда. Другим бы за такую лёгкую плату от ворот поворот. Так что решайте.

Что делать? Сели в кружок на траве, давай считать – у кого сколько денег. У Шагдыра оказалось полтораста, у нас с Седип-оолом по двести с небольшим. На дорогу вроде бы хватает. Но сами остаёмся без копейки!..

– Хоть и дороговато, – сказал я старику, – но мы согласны. Только такой уговор. Четыреста сейчас отдадим, остальные в Кызыле. А то даже на хлеб не остаётся.

– Это можно. Значит, на харч оставили?

– Не сомневайтесь, таныш, мы прокормимся. Только вот нельзя ли побыстрей, чем за шесть дней, а?

Старик покрутил головой:

– Это самый меньший срок. Железные машины и то без отдыху не ходят. Им тоже и кормёжка, и уход требуются. А лошадь – что человек. В день два-три раза не покорми, и слезай – приехали... Это, сынки, не надо забывать. Ну, много говорить не будем. Отвечайте прямо: едете?

– Едем. Когда отправимся, таныш?

– А когда надо?

– Чем скорей, тем лучше.

– Ишь скорые какие! Время сейчас позднее. Надо телегу наладить, колёса подмазать, сбрую проверить, лошадок подкормить, подчистить... Утварь, обратно, дорожную собрать, харчишки уло-

жить... Со старушкой попрощаться опять же надо, – подмигнул ямщик. – Вон сколь делов, ребятки!

– Ладно, таныш. С рассветом выедем.

Старик отвёл нас под навес. Мы разожгли во дворе костёр и почти всю ночь проговорили у огня.

* * *

...Уже затемно усталые кони еле дотянули до Ермаковского. Наш ямщик, Иван Владимирович Исламов, торопливо распряг лошадей, побросал как попало сбрую и тут же исчез.

Ещё когда мы подъезжали к селу, старик начал проявлять какое-то беспокойство: он беспрестанно подкручивал усики, что-то напевал вполголоса. Всё стало понятно, когда возле дома, где мы остановились на ночлег, наш ямщик молодцевато соскочил с телеги и устремился к хозяйке, очень обрадованной его появлением.

А мы снова коротали ночь под открытым небом. Снова жгли костёр. Ночь была ясная. Звёзды мигали, словно просили пересчитать их. Несмотря на поздний час, на деревенской улице не смолкал смех молодёжи. Совсем близко слышался жаркий шёпот. То и дело шушуканье прерывалось девичьим визгом, звонкими шлепками – ермаковским кавалерам не очень-то позволяли давать волю рукам...

Перед рассветом я всё-таки задремал, но тут же проснулся от переклички петухов.

Выехать на рассвете нам не удалось – встреча Исламова с тёткой Пелагеей несколько затянулась... Но, как говорят, нет худа без добра: лошади хорошо отдохнули, а Иван Владимирович явился к нам в превосходном расположении духа.

– Давайте, ребятки, по-быстрому чайку попейте, и побегим. Пока жара не пала, надо успеть до тайги доехать. Садись в ходок!

Нас не надо было подгонять – через минуту мы уже забрались на телегу.

– Нно-о, голубушки! – ямщик присвистнул, подмигнул тётке Пелагее, щёлкнул кнутом, покрепче уселся, и рыжухи взяли с места крупной рысью.

Из труб ермаковских изб лениво тянулся к небу дым. Улица была пустынна. Никто не обратил внимания на наш удалой выезд – ни на резвость лошадей, ни на лихость помолодевшего деда Исламова.

Неожиданно чёрная кошка с глазами, как неспелый крыжовник, вероятно, вволю помышковавшая, выскочила сбоку и хотела перебежать нам дорогу, но остановилась и, задрав хвост, дала стрекача в крапиву. Исламов в сердцах сплюнул, поспешно повернул на голове шапку задом наперёд и хлестнул лошадей.

Оставалось несколько последних избушек, когда из-за одной хатёнки высунулась старуха с пустыми вёдрами на коромысле. Она поостереглась быстро бежавших коней и перешла дорогу только после того, как мы проехали.

Куда девалась лихость нашего ямщика! Он сразу сник, бодрость с него будто ветром сдуло. И лошади тут же поплелись ленивыми шажками.

– Что с вами, Иван Владимирович? – полюбопытствовал я. – Может, заболели?

– А-а! – махнул рукой ямщик. – Не будет сегодня пути!

– Почему?

– Сначала кошка чёрная... Теперь вот баба с пустыми вёдрами! Ладно ещё успел я понукнуть коней, не дал дорогу перейти!

– Что же тут плохого? Кошка мышей ловила – домой возвращалась. Старушке утром воды надо принести. Стоит из-за таких пустяков вешать голову?

– Что ты понимаешь, парень! – рассердился Исламов. – Что её такую рань по воду понесло? Это чёрт норовит пакость под колёса сунуть! Не иначе.

Ямщик насупился и молчал, пока мы не добрались до парома, что стоял повыше Ермаковского, на Ое. Переправились через реку, выехали на дорогу, петлявшую по песку в густом лесу. Стекланную чистоту неба замутили частые и мелкие облака, сквозь которые, дробясь на лучи, прорывался солнечный свет. Лучи пронизывали листву, и земля пестрела, точно ковёр, покрытая сквозными шевелящимися тенями.

У подножья Саян в лесу кипела жизнь. Рябчики, лакомящиеся крыжовником, заслышав стук лошадиных копыт и тарактенье телеги, пробежали под кустами вприпрыжку и, дружно взлетев, расселись на ветвях берёзы. Пересекли ложок две козы с козлятами, остановились, поглядели в нашу сторону и вдруг, чем-то напуганные, шмыгнули в чашу.

– Человека здесь быть не может, – поглядел им вслед Исламов. – Зверь, должно, какой испугал.

Что-то мелькнуло в кустах. Обнюхивая дорогу, следом за козами бежал худой облезлый волк. Лошади остановились и захрапели. Ямщик успокоил их. Волк между тем скрылся в осиннике.

Подъехали к Чёрной речке.

– Вот тут и пообедаем! – Исламов спрыгнул с телеги и принялся распрягать лошадей. – Поди, проголодались?

– Я за дровами! – Шагдыр-Сюрюн подался в сторону от дороги.

– А я костёр разведу.

Седип-оол расчистил старое кострище, перочинным ножом надрал бересты, наломал сухих сучьев и быстро вздул огонь.

А чего же мне сидеть без дела? Взял корзинку и – в лес. Почти

рядом со стоянкой наткнулся на кислицу – красные ягоды, как бусинки, обсыпали ветки. Только тряхнул – и посыпались, застучали в кузовок! Набрал полкорзины.

Рядом зашуршало. Глянул: две белки, задрав хвосты, сновали вверх и вниз по высокой лиственнице. Я подобрал сучок и легонько кинул в них. Белки устремились к вершине дерева, улеглись на самой верхней ветке, зашущукались: «Что это такое случилось?». Я свистел, кричал – они не обращали на меня никакого внимания. Только глазами проводили, когда я зашагал от лиственницы.

Вот это да – чай уже готов! А показалось, только отошёл и сразу же вернулся. Ребята разложили наши припасы на разостланном брезенте.

– Мы думали, ты заблудился. Слышим – крик, свист. Хотели идти искать тебя, – улыбнулся Шагдыр-Сюрюн.

– Белки... Белки очень уж красивые. Маленько поиграл с ними.

– Вот это хорошо! Вот это молодец, сынок, – Исламов забрал у меня корзинку. Горсть за горстью он сыпал спелую ягоду в рот. – Эх, славная ягодка! Не зря кислицей зовут – бодрость придаёт... Малость рановато ещё, а то здесь и клубники, и брусники, и разных там грибов – не обобрать! Зна-аменитые места.

Исламов, не переставая, горстями кидал ягоды в рот. Пальцы его покраснели от сока.

Вечерело. Костёр догорал. Дым от головешек тонкой ниточкой поднимался к небу. Вороны, привлеченные запахами небогатого ужина, кружились прямо над нашими головами, вытягивая шеи и жадно каркая. Меж ними затесалась сорока, решив, должно быть, что и она не хуже. Сунулась на сухой сук ближнего дерева, подождала немного, погорланила и улетела восвояси.

Ямщик лёг на спину и сразу захрапел. Нас тоже потянуло ко сну.

...Звенели колокольчики, фыркали лошади... Я никак не мог образить: что это, вечер или утро? Кое-как протёр глаза. Исламов уже запряг лошадей и, ругаясь на чём свет стоит, отгонял от них веткой оводов.

– Вставайте, вставайте, ребята! – взялся ямщик и за нашу компанию. – Поедем пораньше, я вас к хорошему месту привезу. К самому Саяну!

Мы быстренько покидали наши манатки на телегу. Ямщик затянул какую-то песню.

– Чему радуетесь? – спросил я.

Исламов заулыбался:

– Забыл, какие вчера с нами шутки чёрт шутил? Говорят, до полдня беду надо ждать. Так-то! Считаю, выкрутились: и день прошёл, и ночь, а с нами ничего плохого не было. Теперь до самой вашей Тувы без лихоты добежим...

Чем дальше в лес, тем хуже дорога: ухабы, камни. Перебрались

через болото. За ним чащоба, буреломы... Опять камни, да такие, что из-под копыт искры летят. Трудная дорога... Но всё-таки позади уже и Григорьевка, и Чёрная речка. А вот и Кулумыс. Здесь большой привал.

– Иначе мы этот белоголовый Саян не осилим, – объяснил ямщик.

– А что, Иван Владимирович, ещё трудней дорога будет?

– Шутишь – Саян!.. В прежнее время через него разве что птицы перелетали. А мы теперь вот на телеге едем. Смекаешь? Дорогу начали в четырнадцатом году строить. Телеграф провели...

Исламов посмотрел на дорогу, уходящую вверх по склону.

Седип-оол тоже задрал голову.

– А как же раньше ездили?

– Были, конечно, звериные тропы. Маралы топтали или какие другие звери... В летнее время верховой или охотник дней за десять мог до Усинска добраться. Если, конечно, зверь не задерёт. Тут зверя-то и теперь о-ё-ёй... Молодым, помню, переходил через Саян и заблудился. Чего не претерпел! Думал, всё – пропал... Кое-как выбрался.

...С Кулумыса, после днёвки, мы уже не выехали, а вышли. Лошади едва тянули телегу с поклажей. Мы шагали следом, то и дело подпирая подводу плечами на крутизне. Шли целый день по пяти изгибам, опоясавшим северный склон Кулумысского перевала, и устали до изнеможения.

Вершина перевала голая, в снегу. Кроме лишайников, никакой растительности. Но зато какой вид открылся перед нами с макушки этого великана в серебряной шапке! Там, вдали, как говорят, «на стыке неба и земли», словно в сказке, синели леса, горы, реки.

Саяны – это не вытянутая в линию горная цепь. Это десятки перевалов, сотни рек и речушек. Саянский хребет в поперечнике – больше двухсот километров. А Кулумыс – всего лишь один из многих перевалов.

Нет, уроки Софьи Владимировны Базановой не пропали даром. Не зря учил географию!

Сухо названные в учебнике горы и реки оживали перед нами во всей красе. Стремительные потоки бежали по кручам, сверкая пеной. Поляны пестрели в синих, красных, белых, жёлтых цветах. Мы завалили ими телегу, разукрасили лошадей и себя...

Уже четвёртые сутки пути.

В сумерках остановились перед спуском с перевала Эргек-Тыргак. Над скалами, как шпиль, торчали острые камни.

– Тпр-рр! – остановил лошадей Исламов. Место он выбрал на берегу Буйбы, недалеко от её впадения в Ус. Ничего не скажешь, умеет Иван Владимирович расположиться на отдых!

– Пока светло, готовьте скорей костёр, ребята!

Шагдыр и Седип-оол занялись огнём. Я срезал тонкий тальник и побежал к Буйбе. В моём воображении река кишела рыбой. Я представлял, как в воде чёрными молниями проносятся хариусы.

Нацепил червяка, закинул в омуток. Ну где же вы, хариусы?! Ничего нет! Наверно, червяк плохой попался. Нацепил другого. Теперь-то схватит. Тоже ничего. Вокруг рыбины выскакивали из воды, хватали мошек – только круги разбегались. Ну хоть бы один хариус на моего червяка польстился! Может, на кобылку клюнет? Воткнул удочку, пошёл ловить кобылок. Изловил одну. Нацепил. Нет рыбы! Что же делать? А кобылка на крючке меж тем отплыла от берега и вдруг скрылась под водой. Я потянул удилище – не идёт. Зацепилось, решил. Всё-таки дёрнул. В воде мелькнули чёрные плавники. Во-он в чём дело! Отвык я, оказывается, за четыре года от рыбалки. О чём я думал? Меня же с берега рыбе видно! Спрятался я за тальником, кинул – дёрг! ещё – дёрг! И пошло... И пошло!..

Десятка три хариусов я нанизал на прут и гордо понёс добычу к костру.

– Ты смотри! – удивился Исламов. – И рыбалить умеет. Несмотря что образованный.

Седип-оол не стал превозносить мои успехи. Он коротко сказал:

– Хороший ястреб ловит, а плохой ест.

И потянул рыбу к себе.

– Мы уже попили чай. Вот твоя доля, – Шагдыр-Сюрюн протянул мне мешочек с продуктами, а сам обстругал палочку, выбрал хариуса покрупнее, нанизал его на вертел и присел у костра жарить. – Наши оюнцы поймают рыбу в Элегесте или Чагытае и вот так её готовят.

– Что у вас в рыбе понимают! – шутливо махнул в его сторону рукой Седип-оол. – Вот как надо по-настоящему.

Он смочил лист бумаги, обернул рыбу и положил под горячую золу костра.

– Вот это еда! Так жарят чаданскую и манчурекскую рыбу у нас на Хемчике. Только не в бумагу – в листья заворачивают. А в Элегесте и ловить нечего, не то что есть!

Ребята говорили по-тувински, но Исламов понял, что за шутливый спор разгорелся между ними, и тоже ввязался в него:

– Вот я сейчас рыбку сготовлю, так язык проглотите!

Он повесил над костром закопчённый котелок и быстро очистил от чешуи несколько хариусов.

У Шагдыра «шашлык» из рыбы начал с одной стороны подгорать. Он быстро повернул к огню другую половину хариуса, сглатывая слюну в предвкушении аппетитной еды. Немного погодя снял с палочки рыбу, выложил её на листья и пригласил отведать.

Все признали: вкусно!

Седип-оол извлёк из-под золы своё кушанье, развернул бумагу:

– Прошу!

Попробовали. Действительно, вкуснее «шашлыка»!

– Печёная в горячей золе рыба ничего не теряет. А когда её жарить на палочке, из неё самое главное – сок, жир вытекают. Разве сравнишь её с печёной?

Ямщик похвалил стряпню и того, и другого, продолжая колдовать над своим котелком. Он бросил в крутой кипяток луковку, какие-то длинные листики, ещё что-то посыпал, накрошил картошки, посолил, а потом запустил туда рыбу. Дал немного покипеть, попробовал, обжигаясь, воду, добавил соли и снял котелок с огня.

– Кому как, конечно, а по мне уха – первая еда. И лекарство от всякой сырости...

Рыбу он вытащил из ухи.

– Берите ложки, сперва похлебаем.

Хоть мы и были уже сыты, но с котелком ухи расправились в два счёта. Не оставили и хариусов. Попутно умяли полкаравая хлеба.

Я не мог не признать нашего ямщика победителем:

– Уха – настоящее дело! Не только вкусно, но и сытно.

– Эх! – вздохнул Исламов. Разве это уха? Вот бы к ней что-нибудь такое-этакое, чтобы горло смочить... Тут уж совсем был бы другой вкус!

Сытная еда разморила. Мы лениво лежали на траве. Ни о чём не хотелось думать. Крик козла эхом прокатился по вершинам гор.

– Какой голос! – пошутил Седип-оол. – Ну, кто пойдёт за козлом?

Желающих не нашлось.

Я задремал. Где-то невдалеке прокричала сова: «Ху-ук, ху-ук». А мне нисколько не было страшно. Это раньше, давно-давно мама меня пугала: «Ху-ук, ху-ук! Вот не будешь спать, тебя сова съест!».

– Кричи, кричи, лупоглазая! – пробормотал я, засыпая. – Послушаю твою музыку...

Глава 6 Первый водитель

Мы всё же не ошиблись в ямщике. За всю дорогу после Ермаковского не было случая, чтобы старик позабыл о главном – поскорее доставить нас домой. А на пути было немало деревень, где у него водились друзья-знакомые, и мог бы наш Иван Владимирович не раз ещё «попить чайку» на больших привалах... Оказался Исламов заботливым человеком, весёлым собеседником. И дорогу знал он, можно сказать, наизусть. Уж если скажет, где передохнуть,

так лучше места ищи, не найдёшь – и вода рядом, и кони попасутся вволю, и наглядеться есть на что.

Вот и Буйба позади.

– Ну, теперь мигом долетим: считайте, до Усинской поймы – день, до Турана – день, а там и до Кызыла менее суток. Всего три раза переночевать, и докатим! – Ямщик чмокнул губами, дёрнул вожжи: – Нно-о! Нн-аа!

– Хорошо едем! – тряслись мы в телеге. – Удалой же вы человек, Иван Владимирович. И правите хитро. Как ни торопимся, а быстрее, чем вы сказали, действительно не доехать – шесть-семь дней. Не меньше!

Мы похвалили старика не без задней мысли: быстрее ехать будет, в добром настроении будет, нас рассказами развлечёт.

Расчёт подтвердился.

– И то! Я же сказывал: по такой дороге только до Усинска ехать – десять раз ночевать. А мы с вами, ребята, за семь суток до Кызыла доскачем!.. Не хвалюсь, а к дальней дороге я привычный. И кони дюжат – редкие у меня кони! – Словно для того, чтобы убедить нас в резвости лошадей, ямщик громко, как пастушьим бичом, хлопнул вожжами, переводя коней на лихую рысь: – Нн-о! Нн-аа!..

Последняя остановка была на Каскальском перевале между Бегредой и Даш-Сугом. Отсюда наша гремучая телега покатилась вниз по Даш-Хему.

– Осталась нам, парни, одна пробежка – тридцать пять вёрст, – улыбнулся старик. – Вечерком будем в Кызыле. Одолели мы с вами много перевалов, а этот – последний. Давайте попрощаемся с ним, ребята!

Я невольно сравнивал места, которые мы проезжали, с родными долинами Мергена и Каа-Хема.

– У нас на Каа-Хеме ягод, пожалуй, не меньше. И земля хлебородная. Разве только яблоки не растут... Да если посадить, и яблоки вырастут!

Седип-оол не выносил, когда хоть что-нибудь хорошее говорили не о его Чадане. И тут, конечно, не выдержал.

– Что ты всё Каа-Хем да Каа-Хем! Дался тебе твой Каа-Хем! Ему наш Хемчик ни в чём не уступит. Уж наша ли земля не добрая, не богатая? Про неё самые лучшие песни поют! Не хвались понапрасну!

Я знал, что Седип совсем безголосый, но, раз спор начался, решил не упускать и этот козырь:

– Какие же это песни поют в вашем Хемчике и Чадане? Если бы хоть одна была, неужели бы ты не спел?

Шагдыр подмигнул мне:

– Что-то и я не слышал песен, прославляющих те места. А вот о моём Элегесте и Межегее народ любого хошуна песни поёт. Взять, к примеру, такую: «В Элегесте, в Межегее...».

– Тебе только и знать! – непритворно рассердился Седип. – Ты же у нас не был на Хемчике. Ведь не был?

Он сел на поклажу, наохлился и вдруг неистово заорал:

*О, свежий чайлаг мой в верховьях Шеми,
Где тучнеют отары коз и овец!
О, мирный чайлаг мой в верховьях Ажика,
Где тучнеют конские табуны!..*

Голос у него был отчаянный, но Седип гордо восседал на вещах, как орёл на скале. С видом человека, утомлённого нелёгкой победой, он прошептал:

– Вот вам и нет хорошей песни...

– Да-а-а! – дружно ответили мы. – Молодчина, Седип!

Так, хвалясь друг перед другом, распевая песни, прославляющие родные места, мы незаметно въехали в долину Сесерлига. Дорога вилась среди светло-зелёных, жёлтых и буреющих полосок проса, ячменя и овса, над которыми торчали высокие стебли подсолнухов. К самой дороге подходили кусты картофеля, ползли вороха перепутавшихся гороховых стеблей. На южных склонах, на солнцепёке, доспевали полосатые арбузы.

Кое-где на лугах вздымались лохматые копны, но большей частью трава лежала ещё в рядках – свежая, только что скошенная.

А вот показались и косари – арат с араткой косили свою делянку. Мы проехали мимо их стана. Шалаш был покрыт пахучим горным сеном. Вокруг него разбросана утварь – наковаленка, молоток, чайный котёл с помятыми боками, вилы со сломанными зубьями, деревянные грабли, волокуша для перевозки сена... Рядом бродил захудалый конь.

Только на двух-трёх станах за всю дорогу мы видели сенокосилки и конные грабли. Бедность... Передо мной как живые вставали картины моей батрацкой юности на Мергене и Терзиге.

В низовьях Сесерлига решили передохнуть. Придержали коней возле стана. Хозяин сидел у шалаша и курил трубку из таволожника с трещинкой на чубуке. В поношенных идиках и залатанных на коленях брюках из далембы, в давно потерявшей цвет рубахе, он сосредоточенно пускал из носа клубы дыма. Один глаз у него вытек. С темени свисала длинная косица, похожая на кручёную ремennую верёвку. Жена его кипятила чай. Волосы у неё неизвестно когда расчёсывались, но лицо было чистое, светлое, а глаза живые. Заметив, что мы смотрим на неё, она ушла за стан.

Исламов распряг лошадей и пустил их в поле. Они забрались в клевер и захрустели сочной травой, а ямщик взял из телеги ведёрко и, позвякивая им, зашагал к Сесерлигу, который не переставал о чём-то лепетать.

– Откуда едете? Куда направляетесь? – заинтересовался хозяин.

– Ездили учиться в Москву. Теперь – домой. А ваш аал где?

Косарь показал рукой на верховья Сесерлига.

– На истоках этой реки. Есть такое место Чайлаг-Адыр. Зовут меня Ензак.

Некоторое время мы сидели молча. Ензак попросил рассказать о Москве. Нас не надо было уговаривать.

– Эй, жена! Куда ты девалась? – оживился арат. – Послушала бы, интересное рассказывают ребята.

Он повернулся – не идёт ли жена, махнул рукой:

– Женщины все такие – знать ничего не знают, и ничего им не интересно, совсем тёмные...

И снова спросил:

– В Москве и мужчины, и женщины грамотные?

Седип-оол прочёл ему целую лекцию о равноправии мужчин и женщин в Советском Союзе, о народном образовании.

Ензак внимательно выслушал, задумался, ещё старательнее задумил. Потом сказал:

– Вот, говорят, в нашей Туве давно революция произошла. Ещё в двадцать первом году! А всё-таки до сих пор у нас даже азбуки нет. Не то что женщины – мужики, вроде меня, даже расписываться не умеют. Что думают про это учёные люди?

– Революционная партия и наше правительство, – с пафосом начал я, – должно быть, думают об этом. Только мы давно из Тувы и не можем вам ответить как следует.

Но Ензак не успокоился.

– Как же так? Мы, народ, получили права. Всё теперь принадлежит аратам. Так и говорят: «Араты – хозяева страны». А вы посмотрите на меня. Луг, который мы косим, – самого большого ламы Сесерлигского монастыря Соржу-Хелина. Как-то я попросил его: «Мне бы немного травы накосить для пары коз...». А он и говорит: «Хорошо, хорошо. Накоси мне десять копен, а потом одну можешь и себе...». А как же в Москве? Кто там распоряжается землёй?

– В Москве, – ответили мы, – во всей Советской стране земля перешла к народу. Крестьянин никому не кланяется, не заискивает, как вы, перед каким-нибудь Соржу-Хелином. Сами обрабатывают землю, сами урожаем получают. Платят небольшой налог – и всё.

– Вот это дело! – оживился Ензак. – А ведь что у нас? Ламы, баи – всё по-прежнему. Чтоб им сдохнуть! Самые хорошие пастбища и пахотные земли, самые большие стада – всё у них!

Наш собеседник говорил с раздражением, поглядывая на нас единственным глазом, словно спрашивая: «Ну как же, парни, со всем этим быть? Вы же учёные люди – отвечайте!».

Я стал заверять Ензака, что мы готовы служить трудящимся Тувы, что мы не пожалеем...

Ензак неожиданно поднялся и, бросив: «Работать пора!» – дал понять, что он уже сыт такими беседами. Он взял на плечо косу, вынул брусок из деревянного ведёрка с водой и зашагал к делянке. Там он поточил косу звенящим бруском и начал проворно валить траву.

– Чай готов, ребята! Кто хочет, пейте, – позвал Исламов.

Мы расселись вокруг чугунной чаши с кипящим чаем, а ямщик пошёл закладывать коней.

– Живее пейте, да покатым!..

Забираться в телегу не стали. Шли, вспоминая о разговоре с косарём. Да-а, тут есть о чём подумать! Нам почему-то было стыдно перед Ензаком.

Оглушительно треща, в клубах пыли, на нас вылетело из-за поворота что-то чёрное. Ба! Вот уж не думал увидеть в Туве автомобиль!

– Чёрт бы его взял! Коней перепугает! – заворчал старик и, прыгнув с телеги, схватил коренника под уздцы.

С нами поравнялась легковая машина, полная людей. Громко зафыркав, она остановилась и, похрипев, как простуженный кабан, затихла. Народ в машине был незнакомый. Одни с револьверами, у других сабли на боку. Не открывая дверки, перемахнули через борта, как через плетень. Подошли к нам, поздоровались. Старший, одетый с особой крикливой франтоватостью, сказал, что его зовут Карсыга, и прибавил:

– Член Центрального Комитета.

Голос у него был странноватый – что-то среднее между старческим шёпотом и детским писком.

Неожиданность за неожиданностью! Оказывается, они приехали встретить нас и доставить на машине в Кызыл. Почёт первым выпускникам! Подумать только... Мы поблагодарили за честь, за внимание, но ехать отказались – жаль было бросать Исламова.

– На своей «машине» доедем, – попробовал отговориться я.

– Нельзя! – Карсыга был непреклонен. – Садитесь, товарищи. Опоздаем на перевоз.

Пришлось подчиниться.

Спутники Карсыги снова махнули через борта. Одни уселись на сиденьях, другие устроились на подножках.

Взобрались и мы. Примостились, как сумели. Кроме водителя, в машине оказалось десять человек. Как сельдей в бочке – по русской поговорке. Карсыга уселся впереди, откинулся на сиденье и закурил папиросу.

– Трогай!

Шофер – его звали Дажи – стал заводить мотор, но у него что-то заело.

Карсыга зло пропищал:

– Проклятый! Долго будешь нас мучить?

Мне стало обидно за водителя (после я узнал, что это был первый тувинский шофёр). «Проклятый» умел делать то, чего никто из нас не умеет. И старался он изо всех сил. А другие только понукали.

Дажи вынул из-под сиденья изогнутый железный прут, подошёл к машине спереди и вдел конец прута в грудь машины. С хрипом и треском покрутил. Машина оживилась, попыхтела и снова умолкла. Парень вздохнул сокрушённо, поднял крышку над мотором, чем-то пощёлкал, поковырялся внутри, захлопнул крышку и ещё раз попробовал завести машину своим прутом.

Исламов тем временем уехал с нашими вещами. Звон колокольчиков постепенно затих. А мы всё стояли на месте.

– Эх, лошадки! – усмехнулся Седип-оол. – Резво бегут...

– Догоним ваших рысаков! – осклабился Карсыга.

Вымазанный грязью и машинным маслом Дажи отступил перед строптивой машиной:

– Беда – не могу понять, почему мотор не работает. Чёрт его знает!..

Шадгыр с Седипом переглянулись, зашептались:

– Зря подводу отпустили. Хоть и тихо, да надёжно. Ехали бы и ехали...

– Ладно вам, – сказал я. – А то ещё скажут: «Слабенькие, трусливые эти студенты. Чему их только учили в Москве?».

Карсыга покусывал мундштук папиросы и перекатывал её из стороны в сторону. Неожиданно он оставил свой начальственный тон и пожаловался:

– Обидно! Была же совсем исправная. Километров двадцать хорошо ехали. Всего пять раз останавливались – два раза шина лопалась, три раза что-то в моторе ломалось.

Мы стали его успокаивать.

Карсыга вылез, походил взад-вперёд, наклонился к Дажи:

– Ну, как дела?

– Одно остаётся. Если вкатим легковушку на этот пригорок, – шофёр показал на вершину холма, – и подтолкнём, может, что и получится.

Мы без труда загнали машину на холм.

– Садитесь, – впервые улыбнулся Дажи. – Садитесь, товарищи! Вниз она сама покатится. А если уж и на ходу не заведётся, тогда придётся идти пешком.

Не скрывая сомнений – будет ли толк от того, что мы сядем в неподвижную повозку, – забрались. Те, кто стоял на подножках, слегка подтолкнули автомобиль.

– Держитесь! – крикнул Дажи.

Машина заскользила по откосу и, набирая скорость, вих-

рем помчалась вниз. На половине спуска она задрожала, громко хрюкнула и остановилась. Мотор продолжал трещать.

– Заработала! – водитель обежал вокруг машины, уселся за руль, несколько раз посигналил. – Теперь хоть до Москвы!

И он подстегнул своего железного коня.

Чем быстрее мчалась под уклон по долине Сесерлига наша машина, чем ближе было до глинистого берега реки, тем больше пыли окутывало нас. Только теперь я заметил, что в кузове нет целого места – на полу и в бортах дыра на дыре, словно их нарочно провертели, чтобы врывалась пыль и обдавала седоков с ног до головы. Вместе с пылью в машину влетали комья земли и мелкие камушки.

Так ехали около часа. Вот уже вдали показался Хем-Белдир. В это время позади что-то выстрелило. Машина загремела и затряслась на месте.

– Ох, проклятая! – выругался Дажи. – Хоть бы до перевоза дотянула.

Карсыга устало спросил:

– Ну и как, парень? Теперь что?

– Сегодня не доедем.

Дажи пнул машину.

Мы выбрались на дорогу. Шины на задних колёсах обвисли и растрепались, как старая кошма. Да-а, на одних железных ободьях далеко не уедешь!

– Ступайте, начальники, – посоветовал шофёр. – Я тоже пойду. Другие колёса принесу.

Карсыга, не оглядываясь, первым зашагал вперёд. Мы гуськом потянулись за ним. До нас долго доносились тувинские и русские ругательства, которыми Дажи награждал свою «чёрную быструю».

Вот и берег реки.

...Распряжённые кони, мотая торбами, неторопливо жевали овёс. Сам ямщик опрокинулся в тени под телегой, подложил руки под голову и сладко похрапывал. Заслышав наши голоса, он открыл глаза, не без ехидства сказал:

– А я уже давно тут. Мои машины неплохо закусили. Добавки попросили... И сам я отдохнул неплохо. А ваше разбитое корыто где?

Хмуро покосившись на ямщика, Карсыга спросил:

– Над чем скалился этот мужик?

Я перевёл.

Карсыга скривил рот:

– Кто это дал ему право так говорить о служебной машине? Она не то, что этот его пережиток; эти кобылёшки – первобытный транспорт! Перетолмачь ему.

Но нашего старика не так-то просто было смутить. Он тут же оборвал Карсыгу:

– Я на первобытном транспорте за семь дён ребят из Минусинска привёз. А вы их за двадцать вёрст вон как измучили, наскрозь пропылили. – Исламов махнул рукой в сторону Карсыги, не глядя на него. – Если б не твоя машина, мы бы уже в Кызыле чай пили!

– Ах ты голодранец! – рассвирепел Карсыга и перекинул из руки в руку револьвер. – Смотри, а то вот этим с тобой поговорю!

Ямщик и тут оказался на высоте. Он не ответил, а только пренебрежительно отвернулся.

Я посоветовал ему:

– Оставайся, Иван Владимирович, с конями до утра здесь... Завтра встретимся и рассчитаемся.

Исламов молча пожал нам троем руки. Мы поднялись на паром.

...Как четыре года назад, по-прежнему мчался бурный Улуг-Хем, накатывая волны на берег. Нестерпимо палило солнце, а здесь, на реке, обдувало свежим ветерком. Выше и ниже парома приткнулись к берегу плоты – много плотов. На песке лежали опрокинутые рыбацкие лодки. Бронзовые мальчишки ныряли с плотов, кричали, смеялись, плескали друг в друга водой.

Паром пристал к берегу. Голубой Улуг-Хем неудержимо тянул к себе. И мы не утерпели: бегом к ближайшему плоту и – долой с себя одежду.

Я присел на краю плота, попробовал воду, поёжился, вытянул вперёд руки и – бух головой вниз! На дне светились камешки – красные, синие, белые... Проплыл немного, взобрался на плот и опять – бух!

Мы ничем не отличались от мальчишек: шумели, хохотали. Смыли дорожную пыль, накупались вволю. Всю усталость как рукой сняло.

Карсыга терпеливо ждал, пока мы купались. Когда мы вылезли, он оправил на себе рубаху и, довольный своим видом, направился от плота. Мы подхватили вещи и догнали его. Остальные встречавшие нас куда-то исчезли.

Возле деревянного домика с покатою крышей Карсыга остановился.

– Здесь ночевать будете. Заходите, товарищи.

В домике было три комнаты. В самой большой из них стояла железная печка, непонятно зачем принесённая сюда в такую жару.

Обведя широким жестом стены, Карсыга не без гордости произнёс:

– Ну как, нравится? Сам готовил для вас.

– Хорошо, хорошо! – похвалили мы. – С дороги здесь лучше, чем в раю.

Карсыга, довольный, рассмеялся.

Отдыхайте. Утром встретимся.

В ту ночь я почти не спал. Всё думал и думал, что ждёт меня, какую поручат работу, как буду жить... Поднялся я на рассвете, когда солнце только-только выглянуло из-за вершины Ондума и ласково лизнуло землю.

Четыре года – немалый срок. Много, должно быть, изменилось здесь.

Наспех одевшись и умывшись, я выбежал на улицу. Обошёл весь город из конца в конец. Кызыл заметно вырос. Появились двухэтажные деревянные дома. На берегу реки построили лесопильный заводик. Вдоль улиц поставили столбы с проводами...

Смешно, конечно, было равнять малюсенький городок с Москвой, но я то тут, то там видел новое, думал, шагая пыльной улицей, что когда-нибудь вырастут здесь, на этих песках и прибрежном щебне, на месте зарослей караганника, красивые кварталы.

С этой мыслью я и вернулся туда, где мы ночевали. Я рассказал товарищам, куда ходил и зачем ходил. Вид у меня, должно быть, был настолько взбудораженный, что ребята не утерпели, пошутили:

– Знаем, знаем, как и где ты осматривал город! Мало ли куда можно заглянуть.

Пришёл Карсыга. Достал портсигар, положил на ладонь и средним пальцем постучал по крышке. Бережно, точно это был очень сложный механизм, открыл его, сунул в рот папиросу и протянул портсигар нам. Желающих угоститься не оказалось, и портсигар быстренько нырнул в карман хозяина.

– Как ночевали, какие сны видели? – спросил Карсыга, лихо пустив в потолок тонкую струю дыма.

– Ночевали хорошо, – ответил Шагдыр. – Не заметили, как ночь прошла. Только один не спал, чуть свет куда-то бегал. Город, мол, осматривал... Гм, гм!

– Ну, без шуток можно обойтись, а без чая – нельзя, – сострил Карсыга.

Мы шли дорогой, по которой я только что гулял. Я толкал ребят, показывая на восхитившие меня перемены, и они тоже начинали пристальнее вглядываться в нашу молодую столицу. Их – я это чувствовал! – город тоже начал кое-чем удивлять.

Мы прошли мимо двухэтажного здания, непохожего на все другие: будто два огромных сундука поставили один на другой.

– Что это за дом, тарга?

Карсыга почтительно сказал:

– Здесь помещается Центральный Комитет революционной партии. Сейчас чаю попьёте и явитесь сюда за назначениями. Я тоже когда-то сюда приходил. А вот теперь стал одним из важных работников иностранного министерства.

Подмигнув нам, Шагдыр осведомился:

– На какой же вы теперь важной работе, если можно узнать?

– Второй человек после министра иностранных дел. Должность моя называется нирма. Вам это не понять – слово монгольское. Ну, а если по-тувински сказать, это будет почти что заведующий хозяйством, – важно сказал Карсыга.

Теперь уже и Седип-оол не удержался от вопроса:

– Трудная, должно быть, у вас служба. Простой человек даже слова такого – нирма – не поймёт.

– О-о! – Карсыга был явно польщён. – Это не маленькая должность, и не каждый с нею справится. У меня на руках десять коней. Сильная чёрная машина тоже в моём распоряжении. Приходится и жильё готовить, и дрова заготовливать... Людей из-за границы я же встречаю...

– Большая, большая должность! – согласился Седип. – Почти что сайт.

– До сайта, правда, немного не хватает, – серьёзно и солидно ответил Карсыга, не поняв насмешки. – Однако скажу: без моей работы – нет и его работы. Короче сказать, я у сайта правая рука, парни. Ну, вот и столовая!

«Правая рука» министра иностранных дел представил нас двум хакаскам-поварихам:

– В Москве учились! И вот приехали. Нельзя ли ребяткам у вас питаться?

Девушка лет двадцати с полными щеками и большими карими глазами оглядела нас.

– Мы и так уже пять человек кормим. Куда же ещё?.. И потом, какая будет плата?

– Вы не беспокойтесь, мы ненадолго...

– «Ненадолго»! – играя глазами, передразнила меня повариха. – В Кызыле других столовых нет. Кто же вас накормит? Без нас пропадёте!

Она рассмеялась и ушла на кухню. Скоро нам принесли по большому куску мяса, поджаренного по-тувински, картофельные пирожки и зелёный чай в огромном чайнике.

– Садитесь, – пригласила девушка. – А плату сами подсчитайте. Небось, сумеете, учёные, раз в Москву ездили.

Основательно подкрепившись, мы вышли на улицу.

– Ну вот. А теперь я вас доставлю в Центральный Комитет партии.

Мы решили не обижать нашего провожатого. Пусть уж до конца играет перед нами этакого значительного и незаменимого товарища. Он и вправду хорошо позаботился о нас. А чем мы ещё могли польстить Карсыге, как не просьбой дать совет?

– Скажите, а к кому нам лучше сначала пойти в ЦК?

Карсыга задумался.

– Секретарей Центрального Комитета трое – Шагдыржап, Пюльчун и Чурмет-оол. Я думаю, вам надо прежде всего насчет работы пойти к Пюльчуну.

Мы остановились возле квадратного дома-сундука. Карсыга opravил рубаху, внушительно прокашлялся.

– Поднимитесь на второй этаж. С правой стороны будет дверь. Там сидит тарга Пюльчун... А я пойду в своё иностранное министерство. У меня там дела. Вы теперь сами обойдётесь, ребята. Прощайте.

Мы крепко пожали ему руку. Как ни говори, нирма Карсыга оказался неплохим человеком, и ему вполне можно было простить такую слабость, как небольшое хвастовство.

Мы поднялись на второй этаж и остановились перед дверью, обитой грязным войлоком. Вокруг ручки кошма была оборвана, торчали клочья. Да-а, внутри дом-сундук выглядел неважно.

Я постучал.

– Войдите!

За столом что-то писал наш старый знакомый Пюльчун, генерал Пюльчун, тот самый, что ездил в Москву с правительственной делегацией. Мыплыли вместе на плоту, вместе осматривали Шушенское.

– Здравствуйте, тарга!

Пюльчун перестал писать, поднял голову и сразу вскочил из-за стола. Он жал нам руки, тормозил нас.

– Баа! Когда приехали? Вот замечательно! В самую страду приехали. Ну, садитесь, рассказывайте. Как учились? Как ехали? Где остановились? Как отдохнули?

Он забрасывал нас вопросами, не давая нам отвечать.

Воспользовавшись тем, что Пюльчун закурил и поток вопросов на мгновение прервался, мы наперебой принялись рассказывать о себе.

Я протянул удостоверение об окончании КУТВа.

Пюльчун взглянул на бумагу, повертел её и отдал обратно:

– Этого я не понимаю...

Шагдыр тоже показал удостоверение. Седип встал:

– А я в отпуск приехал. Но документ у меня есть.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Пюльчун. – Зачем ваши бумаги? Садитесь!

И – ко мне с Шагдыром:

– Рад, рад, что вы закончили своё учение. Сами знаете, что такое для республики грамотные люди. Главный вопрос теперь – где вам работать? И вам это важно, и нам тоже. Но один я не решу. Надо посоветоваться с товарищем Шагдыржапом. Подождите меня тут.

Мы огляделись. Обстановка поразила меня. В небольшой полутёмной комнате стояли три стула с шаткими ножками, диван с вылезшими пружинами и обшарпанный стол, когда-то крашенный в чёрный цвет. На полу валялись окурки и горелые спички. И это – кабинет секретаря ЦК... Странно!

Пюльчун вернулся, взял папиросу, прикурил, бросил спичку на пол и глубоко затянулся.

– Товарищ Седип, раз вы в отпуске – отдыхайте. Дома не были? Поезжайте. А вы двое идите со мной. К тарге Шагдыржапу.

Кабинет генерального секретаря был просторнее и светлее – широкие квадратные окна выходили на улицу. Однако порядка и чистоты здесь было немногим больше.

За столом сидел коренастый лохматый человек с усталым бледным лицом. Он поднялся, пожал нам руки.

Пюльчун доложил:

– Те самые ребята.

Шагдыржап не сказал ни слова. Не спеша достал папиросу, долго разминал её, старательно раскурил. Потом стал расспрашивать, как ушли, когда приехали, где остановились...

Мы ответили.

– Так. Сегодня и завтра можете отдохнуть. Мы обсудим, куда вас послать на работу. Ответ сообщим. Всего хорошего!

Ничего я не понял! Почему надо ждать? Ведь знали, что мы приезжаем. Даже встречать послали. Наверное, уже советовались, что с нами делать. И не говорят... И вообще, многое оказалось совсем не таким, как я себе представлял.

Седип-оол в тот же день уехал от нас. Перед тем втроём сходили к ямщику, рассчитались.

Мы с Шагдыром стали ждать, когда нас вызовут. День прошёл, другой – никто не появлялся.

Тогда я сам пошёл в ЦК, но не застал ни Пюльчуна, ни Шагдыржапа. Походил-походил по коридору, наткнулся на лысого толстяка – не поймёшь: ввысь или вширь он растёт. Казалось, под халатом у него целый тюк шерсти. Он меня послал к Чурмет-оолу.

– А где Чурмет-оол? В какой комнате?

Толстяк поклонился, вытянул руки, как на молитве.

– Место, где работает тарга Чурмет-оол, будет вон там-с.

Я подошёл к двери, на которую мне указали, и постучал. Никто не ответил. Постучал громче. Ни звука. Дёрнул за ручку. За письменным столом, положив голову на руки, спал человек.

Я громко кашлянул и хлопнул дверь. Только тогда человек за столом вздрогнул, очнулся и вскочил. Вид у него был испуганный. Но, смекнув, что перед ним всего-навсего какой-то мальчишка, которого нечего опасаться, он опять важно опустился в кресло и нехотя ответил на приветствие.

Я молча топтался возле двери, не зная, с чего начать. На мое счастье, зашёл Шагдыр. Его, должно быть, направил сюда тот же толстяк.

Не дождавшись от Чурмет-оола ни слова, мы сами заговорили с ним. Сказали, кто мы такие.

Недовольно позёвывая, словно изнемогая от усталости, тарга от-

ветил:

– Идите к тем людям, с которыми говорили... А то сначала с кем-то встречаются, договариваются, а потом ходят и просят неизвестно чего...

Меня подмывало сказать ему что-нибудь злое, но я сдержался: как-никак секретарь... Спросил только:

– Значит, ничем не поможете нам?

– Ишь какие! – рявкнул Чурмет-оол. – Ходят тут всякие. А ну, вон отсюда!

Мы вышли в коридор поражённые.

Шагдыр так расстроился, что ушёл домой. А я решил ещё раз заглянуть к Пюльчуну. Он оказался у себя.

– Заходи, заходи, Тока. Как раз собирался посылать за вами. Где Шагдыр?

– Сейчас догоню.

– Ладно, пришлешь после. Мы решили временно назначить тебя секретарём государственной плановой комиссии. Что ты на это скажешь? Согласен?

– Раз Центральный Комитет посылает, значит, так надо.

– Верно сказал: надо. Ну, а сам-то как?

– Я готов.

– Тогда получай удостоверение. – Пюльчун протянул мне тонкую, тоньше папиросной, бумажку с красными линейками. На ней сверху вниз чёрной тушью было что-то написано по-монгольски. Прочитать я, понятно, не мог, поэтому сунул бумажку в карман. Спросил, где находится плановая комиссия, кто её начальник.

– Рядом, в новом доме. Начальник – председатель комиссии – Данчай-оол. Знаешь?

Имя мне было знакомо.

– Тарга Пюльчун, а что я должен буду делать?

Секретарь развёл руками:

– Понимаешь – не знаю! Учреждение только что создано...

«Ну и дела! – подумал я. – Открыли учреждение и сами не знают, для чего».

– Ты иди, иди к Данчай-оолу. Он тебе всё скажет, – добродушно посоветовал Пюльчун. Он видел моё смятение и хотел как-то подбодрить меня. – Эта комиссия существует совсем недавно. А ты знаешь, сколько у нас старых учреждений, в которых люди ещё не знают, чем заниматься? Да чего там! Просто ничего не хотят делать. Ступай. А там разберёшься, сам всё поймёшь.

Пюльчуна я знал ещё с того времени, когда была создана Народно-революционная армия. Хорошо запомнился он и в дни нашего путешествия по Улуг-Хему. Он один из всей правительственной делегации был близок с нами, будущими студентами. И теперь он держал себя, как равный с равным.

Я не утерпел и рассказал ему, что произошло с нами у Чурмет-оола. Лицо Пюльчуна покрылось красными пятнами:

– Вот тебе мой совет: пока нигде об этом не распространяйся. Знай про себя... – Пюльчун нервно заходил по комнате, вернулся к столу, закурил. Барабанил пальцами, он говорил будто сам с собой: – Ведь это сын бедного арата из восточного хошуна. Откуда у него этот чиновничий нрав?.. Да-а... Ну, ты иди, иди, куда я тебе сказал. И помалкивай.

В новом – «коричневом» доме, у Данчай-оола меня ждал не очень тёплый приём.

– О, старый знакомый! Откуда приехал, куда собираешься?

Я коротко рассказал о себе, объяснил, что получил назначение ЦК, протянул удостоверение. Лицо Данчай-оола вспыхнуло, тут же побледнело и, наконец, стало совсем серым. Должно быть, он решил, что меня прислали на его место. Прочитав мою бумажку, он пронзительно свистнул и захохотал.

– Значит, вместе будем работать, парень? Превосходно! А как у тебя с грамотой?

– По-русски читать и писать умею.

– Русская грамота – вещь хорошая... – Он нахмурился. – Но дела-то у нас ведутся на монгольском языке. Как же с тобой быть?

– Научусь. Надеюсь, вы мне поможете.

– Так-то так, – промямлил мой новый начальник, и лицо у него стало непроницаемым, точно у каменной бабы. – Но я просил в Центральном Комитете умелого работника, а мне послали неграмотного ученика...

Я пошутил:

– Вы знаете монгольскую грамоту, – я русскую. Что же тут плохого? А по-тувински мы оба неграмотные.

– Ладно, нечего спорить. Послали и послали. Пойдём, покажу, где будешь работать.

Он провёл меня в комнату, перегороденную тонкими неоструганными досками. В ней стояли стол и две табуретки.

– Это и будет твой кабинет.

– С чего же мне начинать?

– Ээ, с работой не торопись. Нашу комиссию учредили шесть месяцев назад, а никто ещё не указывал, что делать. – Данчай-оол подмигнул и неожиданно запел:

*К чертям дела-делишки –
Спокойней дни пройдут.
А денежки-харчишки
От нас не убегут.*

Глава 7
В родном аале

А делать было решительно нечего.

Видя это, я отпросился на несколько дней и верхом на коне отправился по уртелям – ямским перегонам, на которых можно было менять лошадей, – к родным, в Терзиг и Мерген.

У Хан-Бажи переправился на пароме через Каа-Хем, в устье Бурена сменил коня. Отсюда той же дорогой, по которой в 1921 году пешком шёл за наукой, тихой рысью направился вверх правым берегом реки.

По обе стороны дороги хлеба дошли, как у нас говорят, до спелости белого сыра, и кое-где араты уже орудовали серпами. Я жадно всматривался в очертания Кундустуга, Копту-Аксы, Сарыг-Сепа...

Внешне аалы и селения в долине Каа-Хема выглядели точно такими же, как и прежде. Но стоило присмотреться пристальнее, поговорить со встречными людьми, как обнаруживались разительные перемены в жизни аратов и оседлых крестьян. Все поля и пастбища Чолдак-Степана, Мелегина, Маслова и других богатеев перешли в руки их бывших батраков, объединившихся в товарищества по совместной обработке земли. Из-за Саян им привезли косилки, жнейки, сноповязалки. Не добравшись до моей Мерген, я свернул к тозовцам. Елизаров, Спрыгин и другие бывшие партизаны, завидев меня, оставили работу, сошлись у дороги.

– Оо, земляк! Откуда взялся! Когда объявился? Вырос ты, брат, не узнать.

Я сбивчиво рассказал. Земляки были ненасытны в расспросах. Наконец удалось и мне спросить их о жизни.

– Видишь, – ответил Елизаров, – вместе работаем.

– Начинаем жить по учению Ленина, – подхватил Спрыгин.

Он хлопнул меня по плечу и, слегка заикаясь сказал:

– Вот кончил ты учиться, приехал. А не лучше ли тебе, паря, остаться у нас? А? Вступай в ТОЗ!

– Чего уж лучше! Если ЦК разрешит, я готов к вам приехать. А примете?

– Кого ж тогда ещё принимать? – усмехнулся Елизаров. – Помним, поди, как мальчишкой работал. Сам-то не забыл крестьянскую работу?

Я схватил грабли и вместе со всеми зашагал на скошенную полосу. Работалось легко.

– Подавай заявление. Возьмём, – твёрдо сказал Елизаров, когда позвали на обед.

На стане собралось много знакомых. Все узнавали меня.

– Точенька приехал!

– Насовсем? Насовсем вернулся-то?

Я уверенно отвечал:

– Насовсем. Буду работать в Туве.

За обедом я снова рассказывал об учёбе в Москве. На душе было радостно. Не хотелось расставаться со старыми друзьями, но пора было в путь.

Вскоре я был в Усть-Терзиге.

Привязав коня к изгороди Вериного дома, я зашёл во двор и поднялся на крыльцо. В комнате сидели Наталья Васильевна и совсем взрослая девушка, в которой я с трудом узнал её младшую дочь Настю.

– Здравствуйте, Наталья Васильевна! Здравствуй, Настя!

– Здравствуй... Чей будешь?

– Да вы что, Наталья Васильевна? Как старый Севастьян, не узнаете своего друга-крестьянина! – припомнил я её любимое прислобие.

Нет, не узнала.

Я назвал себя.

– И точно ты! Подойди-ка поближе.

Она схватила мою голову и несколько раз поцеловала в лоб. Краем платка утёрла глаза, села.

– Как живёте? Как здоровье, Наталья Васильевна?

– Спасибо. Видишь – вдвоём с Настей остались. Данилка давно обзавёлся семьёй. Ваньша тоже взял жену – Лубошниковых девку. Знаешь, поди? Отделился. И Вера с нами теперь не живёт. Понесло её мужика от добра добро искать... Давно уж как уехали...

Она снова приложила платок к глазам. За эти годы Наталья Васильевна очень постарела. Лицо её побледнело, покрылось морщинами. Спина согнулась. Раньше у неё была походка всем на диво, а теперь в руке палочка...

Я искал вокруг хоть какие-нибудь следы юности, но всё изменилось.

Выросли мои сверстники, обзавелись семьями, пошли своими дорогами. Здесь, в Усть-Терзиге, где снова встретил я Верину мать и её младшую сестрёнку, даже воздух будто потускнел, а стены домика стали чернее. Светлыми остались только воспоминания о Вере, о дружбе с нею.

Прощаясь, я сказал Наталье Васильевне:

– Передавайте привет всем, с кем я не встретился. Спасибо вам за всё!

– Не за что. Тебе спасибо, заехал, не забыл... Рос ты на моих глазах – и вот уже мужчина. Дай тебе бог хорошую работу!.. Подойди-ка, я поцелую тебя. Я уже старуха – всё может случиться...

Я вспомнил расставанье с моей матерью, расставанье с Верой. Мужчина-мужчина, а всё-таки выбежал я на улицу как можно быстрее, чтобы не разреветься. Торопливо вдел ногу в стремя.

К ночи я был у Арыг-Бажи. Вот и старая лиственница-шаманка! На месте. Её окружила целая стайка молодых деревьев А всё равно я её узнал. Всё равно!

Оставив коня у коновязи, я зашагал к юртам.

Девочка с косой, белолицая, длинноногая, выбежала из низенькой избушки, стала всматриваться в меня.

– Здравствуй, Сюрюнма! – я привлек её к себе, поцеловал её волосы.

Она ничуть не удивилась.

– Здравствуй, дядя! – ответила, чуть заикаясь. – Мама и дядя в поле. Скоро придут.

Мы вошли в избушку. Нет, ничто не напоминало здесь детства. И следа не осталось от старого нашего чума. У задней стены стояли красные сундучки с узорчатой позолотой, а рядом шкафчик для посуды. В углу, как у русских крестьян, была печка. На ней лежал испечённый хлеб, накрытый полотенцем.

Пока я вынимал вещи из мешка, сбежались соседские ребятишки. Среди них оказались и мои племянницы. Я раздал им конфеты и печенье.

Сюрюнма деловито разожгла огонь, поставила кипятить чай. Здорово повзрослела маленькая! Косичка выросла. Бусинки в ней. Очень стала походить Сюрюнма на своего отца – Данилу Потылицына: такая же светлоголовая, с большими серыми глазами.

Пока девочка угощала ребятишек, вернулась домой Албанчи. Остановилась у входа, и не то смеётся, не то плачет. Пошатнулась, повисла на моих плечах.

– Как ты вырос! Крепкий стал... А одежда, как у саита!.. Бог мой, как же хорошо, что ты приехал!

Я спросил её о здоровье.

– Чуть не померла я, сынок. Едва-едва поправилась.

Я стиснул зубы, отвернулся.

– Ну, да это всё прошло, – подбодрила меня сестра. – Лучше поговорим о новом. Оо, как много ты нам подарков привёз!

Албанчи завладела моим мешком и принялась потрошить его.

– Зелёный чай – очень кстати... А то у нас совсем мало осталось – ты угадал. И табак нужен. О-оо, далемба! Обновим наши халаты... Шёлковый платок – Кангый его отдадим. Гребешки – Сюрюнме и Будуней. Хорошо, хорошо... Топор и перочинный ножик братьям пригодятся. Пежен и Шомук сейчас придут. Обрадуются! Ну а мешок под зерно пойдёт...

Мне стало совсем хорошо от того, что сестра осталась довольна подарками и ловко поделила их между всеми.

Весть о том, из Кызыла приехал земляк, быстро разнеслась по Терзигу. Собрались все близкие и дальние родственники.

Мы и раньше называли Албанчи второй матерью. Сейчас тем

более никто бы не признал в ней нашу сестру – так она постарела. Лицо у неё стало бескровным – берестяным. Мой приезд взбудрил её, она смеялась, старалась казаться сильной, но ей трудно было скрыть болезнь и страдания.

Лишь недавно избавился от непосильной работы на тоджинских баев мой брат Шомукай. Слишком поздно! Долгие годы унижения, голода повлияли на его рассудок. Не зря говорят в народе: «Секира ранит тело, несправедливость калечит душу». Шомукаю уже за сорок, а ведёт он себя, как подросток. Дичится людей, никого ни о чём не просит, неохотно отвечает на вопросы. Зато Пежендей стал активистом. Его избрали в сумонный хурал. Люди любят его и шутливо зовут «наш сайт».

Возле избушки Албанчи народу становилось всё больше и больше. Пожалуй, все жители собрались здесь. Гости приходили не с пустыми руками – кто нёс айран и сыр, кто кожаный мешок с аракой. Охотники, словно сговорившись не отставать друг от друга, тащили мясо. Маленькие хозяйки только успевали принимать гостинцы и подавать их на стол.

А люди всё шли и шли.

Вопросы, вопросы, вопросы...

– Говорят, есть летающая лодка. Сядешь, говорят, в неё и поднимет она тебя, словно коршун суслика. Это правда ли, сынок? – хрипловато спрашивал кузнец Кыдат.

– Сам не летал, но издали видел. Есть такие лодки. Самолётами их называют.

– А правда, что всё у русских общее?

– Они для работы, как в Сарыг-Сапе, вместе собираются?

– Верно?

Вопросы, вопросы, вопросы...

...Назад, в Кызыл, я возвращаюсь через Усть-Терзиг по Каа-Хему на лодке.

Глава 8 Оттук-Даш

Не успел я прийти на работу, как Данчай-оол вызвал к себе.

– Ступай в ЦК. Ищут тебя. – Он усмехнулся. – Только назначили, а уже потребовали. Неспроста!

Пюльчун, действительно, спрашивал обо мне несколько раз.

– Ты очень нужен. Есть важное дело. Садись.

От усмешки Данчай-оола что-то тревожное осталось на сердце. Что случилось? Зачем я вдруг понадобился?

– В хошунах сейчас идут собрания. Защищая дело класса, мы ломаем крылья феодалам, разносим их в пух и прах! Вот такое со-

брание скоро состоится в Шагонаре. Поедешь с группой товарищей от ЦК. Санча с тобой будет – секретарь Цекомола, и Богданов, советник.

– А наши обязанности, тарга?

– Сами сообразите. Если кто собьётся, вернёте в нужную колею.

– Значит, там видно будет?

– Вот-вот. Верно говоришь: там видно будет! Важно правильно разъяснять аратам наши задачи. Но разъяснять, понимая, о чём говоришь. Если сам не понимаешь, а хочешь показаться знающим, – это хуже всего. Тогда уж совсем ничего не говори. Повторяю: главная задача – чтобы араты знали нашу линию, выходили на правильный путь. Ясно?

– Ясно, – бодро сказал я.

Чтобы скорее добраться до Шагонара, мы сели на «чёрную быструю» министерства иностранных дел со старым знакомым Дажи за рулём. Останавливались десятки раз, то ремонтируя, то просто подталкивая машину. И всё-таки отмахали семьдесят пять километров и каким-то чудом приехали в Оттук-Даш.

Красивы просторы Оттук-Даша. Ароматом семидесяти трав напоены его луга. Просторны его долины.

В старое время эти места пользовались печальной известностью. Сюда съезжались чиновники-тужуметы со всей Тувы, здесь судили бедных аратов. Сколько невинных было изувечено здесь шаагаями, манзы и другими орудиями пыток! Скольких «засудили» насмерть!.. Не сосчитать. Об этих судилищах даже песня есть: «Сделают сбор в Оттук-Даше. Дело твоё рассмотрят там...».

В годы революции и национально-освободительного движения аратов Оттук-Даш стал местом решающих схваток партизан с карателями. Отряды Экендея наголову разбили здесь войско китайского генерала Ян Шичао, которого позвали себе на помощь феодалы Тувы.

Я много слышал о сражениях под Оттук-Дашем. Каратели пытались хитростью заманить партизанского командира в свой стан, обмануть его мнимым миролюбием и захватить Хем-Белдир. Экендей не полез в ловушку. Он принял неравный бой с противником и разгромил карателей. Ян Шичао удрал в западные хошуны и не пытался больше хвастать, что сотрёт в муку «этих красных».

Пока я мысленно погружался в прошлое, Дажи досыта напоил «чёрную птицу» и снова был готов укрощать её строптивый нрав.

Машина побежала на удивление резво, не обнаруживая никаких намерений остановиться. Так, глотая пыль и расстояние, мы нагнали двух всадников. Араты какое-то время скакали вровень с нами, но коням нелегко было нести на себе, кроме седоков, груз плотно набитых перемётных сум, а страх от железного чудища, с громом мчащегося за ними, лишал их последних сил.

Санча безудержно хохотал и кричал:

– Скорей, скорей, ребята!.. Друг Дажи! Нажми ещё!

Всадников обойти не удавалось – они рвались вперёд, будто ловили арканом необъезженный молодняк, припав к шеям перепуганных лошадок.

– Скорей, скорей! – сердито орал Санча. – Стыдно будет, если кони опередят... Я тебе дам, окаянный!

Крутя изо всех сил баранку, нажимая на педали, Дажи по примеру всадников наклонился вперёд, будто это могло помочь «чёрной быстрой» мчаться скорее.

Машина перегнала одного верхового. Из его торока вылетела дорожная чаша и ещё какая-то утварь.

Санча зашёлся в хохоте, показывая пальцем в сторону арата.

– Нажми! Ещё!..

Я не выдержал:

– Зачем потешаться над людьми? Пусть мирно едут своей дорогой... Оборвутся подпруги, споткнутся лошади с перепугу – люди же изувечатся.

Санча рассердился. Рябое лицо его налилось кровью, как шея косули.

– Тебе-то какое дело? Учи меня! Ты ещё чёрт знает кто, а я секретарь ЦК молодёжи!

– Потому и говорю вам! Был бы на вашем месте тёмный парень – другое дело. А вас выдвинули хорошее делать людям, а не смеяться над ними.

Санча нахмурил брови, прикусил губу.

– Прав он. Чего тут попусту обижаться? – поддержал меня Богданов.

Дажи чуть сбавил скорость.

В Шагонар мы приехали к вечеру и остановились у знакомых шофёра. Санча не остался здесь ночевать – исчез куда-то...

Я встал на рассвете, Богданов ещё спал. Будить его не захотелось, и я один пошёл в хошунный комитет.

На возвышенной окраине Шагонара было разбито около пятидесяти чёрных и белых юрт. Посредине стоял небольшой домик без крыши, возле которого толкались люди. Рядом, в сырой низинке, пылали костры, над которыми исходили паром десятки чугунных чанов. Вокруг резали откормленных жирных волов. Тут же разделявали туши, валили мясо в чаны, жарили на вертелах. Со всего посёлка сбежались собаки и грызлились из-за кишок и требухи.

Явно готовился нешуточный той.

– Что здесь происходит? Для чего это режут столько скота? – спросил я у стоявшего возле домика арата.

Он оглядел меня с ног до головы, усмехнулся:

– Новичок? Не понимаешь? Этих волов отобрали у баев, чтобы кормить участников собрания. Разговор будет большой, дней на десять. А есть надо... А что много режут – не наша забота. Сверху разрешили. Скоро мясо сварится. Приходи, дружок, поешь. Видно, тебе нелегко достается еда...

Арат скрылся в толпе. Ничего не понимая, я вошёл в помещение комитета.

В небелёной комнате – запустение: стёкла разбиты, пол усеян окурками, рваной бумагой, горелыми спичками... Там сидели Санча и ещё двое. Я поздоровался, спросил, кто секретарь.

– Вот он, Донгурак-тарга, – Санча показал на соседа.

Я достал удостоверение и протянул Донгураку. Он торопливо, как лама, читающий судур, зашевелил губами, вертя мой мандат и так и этак, затем вернул его мне.

– Зачем бумага? И так вижу.

– Когда собрание, тарга?

– Мало ещё народу. Всего лишь человек триста пятьдесят. Вот придут все, кому положено, – тогда и начнём.

Донгурак достал из-за пазухи кисет с колокольчиком, из-за голенища – трубку.

– Какая повестка собрания? Кто делает доклад? – спросил я.

Санча угрюмо глянул в мою сторону. В его взгляде можно было прочитать ревнивую злобу: «И чего расспрашиваешь, когда я уже здесь и всё узнал?». Донгурак перехватил этот взгляд, ответил сквозь зубы:

– Зачем повестка, какой доклад?! Народ соберётся на лугу, я открою собрание – и всё. А потом пусть говорит, кто хочет. Тут ничего нет сложного.

Санча кивнул в знак согласия.

В это время пришёл Богданов. Он посоветовал послать людей по аалам и собрать всех, кто ещё не подъехал.

– Ждать будем – день потеряем.

Невозмутимость Богданова, как я заметил, поразительно действовала на высокомерного и вспыльчивого Санча. Он не только не возразил, но с жаром стал уговаривать Донгурака поторопиться с началом собрания.

...К полудню подъехали араты из самых дальних аалов.

– Будем начинать! – решил Донгурак.

Он и его помощники кричали наперебой, махали руками, подталкивая нерасторопных.

– Ближе, ближе друг к другу!

– Тесней! Места не хватит!

Солнце стояло над головой. Было жарко. Мы с Богдановым уселись в кругу, среди аратов.

Позади я услышал:

– Проклятые собрания! Хлеба созрели, самое время жать. К зимовке надо готовиться. Дел по горло, а тут...

– И не говори, старина! Я хотел остаться, да не вышло. Сказали, надо обязательно быть...

На середину круга вышел Донгурак. На нём был шёлковый красный халат, перехваченный жёлтым поясом с серебряной цепочкой, и идики на толстой подошве.

В кругу зашумели. Кое-кто вскочил, чтобы лучше его разглядеть.

Донгурак откашлялся, заговорил высоким женским голосом:

– Дорогие граждане! По поручению Улуг-Хемского хошунного комитета партии объявляю одиннадцатое собрание классовой борьбы открытым. Председателем собрания, как и раньше, буду я. Кто против? Никого нет? Вот и правильно. И не должно быть! – Он обвёл взглядом круг.

Никто не проронил ни слова. Должно быть, все уже привыкли к тому, что Донгурак командовал на собраниях.

– Товарищи-граждане! – взвился ещё выше голос секретаря. – Идёт девятый год нашей революции. Но за это время всё ещё не полностью утвердились права аратов. Баи всё ещё держат скот в своих руках. Батраки работают на них бесплатно. Ламы читают свои священные книги, шаманы камлают и гремят бубнами. Можем ли мы дальше это терпеть? Нет! А ещё у нас, товарищи-граждане, остались проклятые пережитки тёмного прошлого. ещё многие из вас имеют косы! Позор, товарищи-граждане!

Секретарь распалился и, срывая голос, выкрикнул:

– Не нужны косы! Эй, Лопсан, где ты? Давай ножницы. Режь мне косу – остаток тёмного прошлого!

Из толпы вышел плечистый пожилой мужчина.

Донгурак расставил ноги пошире, раскланялся во все стороны, будто его собирались казнить, нагнулся, упёр руки в колени, закинул за спину косичку-кежеге, перевитую ленточкой, конец которой только что украшал его грудь.

– Режь, Лопсан! Скорее режь!

Лопсан медленно подошёл к склонившему голову секретарю, приподнял толстыми пальцами жиденькую косицу и одним взмахом ножниц отхватил её. Он подержал кежеге тремя пальцами, как держат за хвост пойманного суслика, встряхнул и бросил в круг.

По лугу прошелестел встревоженный шёпот. И сразу же стало тихо-тихо.

Презрительно взглянув на отрезанную косу, Донгурак прокричал:

– Все видели?! Я в борьбе с классовыми пережитками участвую не на словах, а на деле. Подаю вам пример. Кто ему последует?

Тишина уплотнилась. Круг сомкнулся ещё теснее. У многих по-

бледнели лица. Мой сосед – пожилой арат – выглядел таким несчастным, будто ему должны были снести голову. Мы переглянулись с Богдановым. Он только пожал плечами.

– Лопсан! Частып! Баян-Далай! Что же вы? Чего ждёте? Ну!

На зов Донгурака поднялось с десятков молодцов. Подобрали полы халатов. Засучили рукава. Кинулись по кругу искать мужчин с косицами. Чик-чик под самый корень! Только ножницы щёлкали.

Люди хватали себя за головы, ощупывая место, где только что росли с детства лелеемые кежеге.

Кое-кому удавалось вырвать отхваченную косицу и спрятать её за пазухой. Были и такие, что, лишившись извечного мужского украшения, отхватывали кежеге своим соседям охотничьими ножами. Вот, мол, не мне одному позориться!.. С аратов лил пот. Подавленные, ошарашенные стремительностью происшедшего, они молча, с каким-то ожесточением курили, окутываясь клубами дыма.

Не все безропотно сносили это насильственное уничтожение «пережитков». Находились и такие, что, вскочив на коней, пускались наутёк. Их настигали, валили на землю и с неистовым торжеством лишали косичек. Доходило и до драки, когда ретивые молодчики Донгурака, разгорячась, отхватывали косы и у женщин...

Собрание по классовой борьбе в этот день обсуждало, если это можно назвать обсуждением, только один вопрос. Донгурак был прав: пусть говорит, кто хочет! О чём говорить?

Команда Донгурака выглядела так, как будто одержала крупную победу в бою. Парни, возглавляемые Лопсаном, ходили, спесиво подбоченясь. На лугу, где почти до сумерек резали кежеге, чадили костры, несло волосяной гарью...

Поздним вечером у меня состоялся серьёзный разговор с Донгураком. Секретарь комитета закинул ногу на ногу, упёр руки в бока и, глядя мне прямо в глаза, высокомерно сказал:

– По-моему, я правильно провожу собрание классовой борьбы. Если ты считаешь нашу работу левым уклоном, то твоя позиция – правый уклон. Потому что ты не хочешь затрагивать привычки народа.

Переубедить его я не смог.

До зари над Шагонаром алело зарево костров. Араты объедались мясом. Возможно, они и не примирились с тем, что произошло. Но от обильного дарового угощения трудно было отказаться. Не часто приходилось беднякам есть досыта. А тут...

С утра началось общее партийное собрание.

Как и накануне, Донгурак снова вышел в центр круга. Скрестив руки на груди, он произнёс речь:

– Товарищи члены партии! Мы вчера справились с первоочередной задачей – уничтожением кежеге. Это большое дело, товарищи! Дальнейшая наша задача – решить вопрос: сколько скота

изъять у аратов и сколько оставить. Я посоветовался с людьми, и наше мнение таково: оставим каждой семье по двадцать пять голов. Вот мы и собрали вас, членов партии, чтобы решить этот вопрос. Нужно вынести сейчас единогласное постановление, чтобы объявить его на собрании классовой борьбы. Кто имеет слово по этому поводу?

Он присел на корточки и закурил.

Я несколько не удивился, когда первым протиснулся в центр круга Лопсан, тот самый Лопсан, который накануне ревностнее всех исполнял приказ Донгурака.

– Дайте я скажу несколько слов. – Он шумно высморкался. – Правильное предложение поступило: оставить по двадцать пять голов, а остальное отобрать. И никаких разговоров! У меня всё.

– Можно мне? – Не дожидаясь разрешения, прямо с места заговорил молодой арат. – А по-моему, неправильно предлагает секретарь Донгурак. И Онгар-Лопсан зря его поддерживает. Мы ещё не тронули Сонам-Байыра, у которого тысячи голов скота. У Бай-Хелина ещё больше! Почему надо брать по пятьдесят – шестьдесят овец у того, кто их вырастил собственными руками, и оставлять тысячи бывшим тужуметам и баям? Я против!

– Кто это? – спросил я у соседа.

Оказалось, что молодого арата зовут так же, как нашего шофёра, – Дажи. Слушая его, многие согласно кивали головами.

Нельзя было терять такой момент, и я вышел на круг. Я прямо сказал, что руководители хошуна искажают линию партии и дают оружие в руки врагов революции. Разве в кежеге дело? Когда араты научатся грамоте, они сами разберутся, нужно им или не нужно отращивать косы. А сейчас наши враги закричат, зашепчут: сегодня вам отрезали косы, а завтра снимут тувинскую одежду, а после и жён отберут... И предложение товарища Донгурака об изъятии скота у аратов тоже вредно для дела революции, Если мы его примем, то признаем всех аратов феодалами. И ещё я сказал, что не годится под видом собраний классовой борьбы отрывать от работы на много дней трудовой народ и не годится резать народный скот. От имени ЦК я потребовал прекратить это.

Донгурак кивнул кому-то головой.

И тут же поднялся Частып.

– Весь лишний скот надо отобрать, и никаких разговоров! – закричал он. – Мы до революции голодали. Хватит! Много скота сейчас режем? Мы собрались для большого дела, и нечего нам пояса подтягивать. Сколько надо резать скота, столько и будем резать. Собрание должно быть сытым! А этот представитель, который выступал тут, он держит руку баев. В нём ещё надо разобраться. Правильно сказал тарга Донгурак: всем оставить по двадцать пять голов! И нечего тут разговаривать!

Они здорово подготовились! «Зачем повестка, зачем доклад? – вспомнились слова Донгурака. – Пусть говорит, кто хочет». А говорили только те, кого взглядом или жестом вызывал на круг секретарь.

Поддержанный сообщниками, Донгурак приободрился.

– Много не скажу, – подвёл он итог. – Правы наши партийцы. Поэтому не будем тянуть. Примем такое решение: в целях уничтожения частной собственности мы, партийцы Улуг-Хемского хошуна, призываем аратов всей Тувы осуществить конфискацию излишков скота. Количество его не должно превышать двадцати пяти голов у одной семьи.

– Нельзя принять такую резолюцию, – возразил я. – Она противоречит политике нашей партии! У Дажи заберем всё лишнее и у Сонам-Байыра тоже. Как будто справедливо. А на деле не так. Сонам-Байыр даже и не знает, сколько у него скота. Он хитро расовал его по своим батракам, пастухам да фальшивым «родственникам». Замаскировался. У него и у таких, как он, вы ничего не заберёте. А заберёте весь скот у самых бедных аратов. Ведь так же будет? И вы это знаете. Что же вы делаете?

Я чувствовал: люди готовы меня поддержать, но чего-то боятся. Чего? Я уеду, а им жить...

При голосовании предложение Донгурака прошло с небольшим перевесом.

Я ещё поспорил с руководителями хошуна, но получил от них кличку правого уклониста, с тем и уехал. Богданов отправился со мной. Санча остался.

На этот раз «чёрная быстрая» почти не капризничала, и Дажи доставил нас в Кызыл целыми и невредимыми.

Сразу по возвращении я пошёл к Пюльчуну.

Никогда не видел я нашего генерала таким озабоченным и расстроенным.

– Беда, беда!.. Вовремя ты приехал. Сегодня заседание ЦК. Подготовься. Будешь выступать. Расскажи всё, как было.

Не успел я набросать в записной книжке маленький конспект, не успел собраться с мыслями, как позвали в кабинет Шагдыржапа. Там, кроме генсека, были Чурмет-оол, Дондук, Соян-оол, Сандык.

Пюльчун тихо перемолвился с Шагдыржапом. Генсек взглянул на меня.

– Давайте сначала послушаем сообщение нашего представителя на собрании по классово-борьбе в Улуг-Хеме. Давай, Тока. Только не тяни.

Волнуясь, сбивчиво доложил обо всём, чему был свидетелем.

– Кежеге режут. Насильно! Скот режут. Каждый день – десятки волов, пять-шесть кобылиц, сотни овец идут под нож. Хуже грабежа!

– Везде скот режут, не только в Улуг-Хеме. Я только что приехал из Чадана – там то же самое. И никакого грабежа тут нет. Этот паренёк горяч немного. Преувеличивает! – Чурмет-оол захохотал.

Его смех подстегнул меня:

– Новую жизнь нельзя распространять с помощью ножниц! Комитетчики во главе с Донгураком никакой работы среди аратов не ведут. Окружили себя людьми, которые любят только поесть да выпить. Ни о каких задачах партии они не думают, а поведением своим только развращают молодёжь. По каким законам они действуют? Кому на руку такая жестокость? Донгурак первый голову под ножницы подставил – герой! Это называется де-ма-го-гия!

Чурмет-оол и Соян-оол громко переговаривались между собой, смеялись.

– Тише, товарищи! – призвал их к порядку Шагдыржап.

Чурмет-оол попросил слова.

– То, о чём беспокоится этот парень, не новость. Я побывал в Чадане, Алдын-Булаке, в Суг-Аксы. И там на собраниях режут кежеге. Выходит, народ в своей массе понимает, что надо бороться с пережитками. Сознание народа выросло! И мясо, конечно, едят. Чего же волноваться? Правильно, едят. А что, голодом людей морить, когда идёт ответственное собрание по классовой борьбе? По классовой борьбе, товарищи! Да, конечно, какое-то количество скота прирежут. Так ведь для общего дела не жалко. Это привлекает народ на сторону партии и революции. Араты довольны, что на собраниях кормят хорошо. Никого второй раз звать не надо: только узнают о собрании – сразу едут... Вот насчёт конфискации скота я что-то не слышал. Может, это и правда, а может – нет. Парень недавно приехал, ещё ничего толком не знает. А может, нарочно пугает. Сначала надо проверить...

Меня подмывало возразить ему, спорить с ним, доказывать свою правоту. Ведь всё, о чём я говорил, было на моих глазах. Как же так? Пюльчун сдержал мой порыв, выступил сам.

– По-моему, вопрос, поднятый Токой, очень важен. Нельзя считать пустяком беззакония и безобразия. Это же факт – попираются права свободных граждан: насильно режут косы, отбирают и забивают скот, не считаясь – беден ты или богат. Действительно, страдают от этого прежде всего беднейшие араты... Да, Тока молод, недавно приехал. Это всё верно. Но он правильно понял, что таких беспорядков быть не должно. А вот некоторые наши товарищи – и возрастом постарше, и никуда не уезжали – видели то же самое, но ничего плохого не заметили, мер никаких не приняли. Мало того, поднимают на смех нашего представителя!

Ему возразил Соян-оол:

– Не хотел говорить, но скажу... По-моему, товарищи Пюльчун и Тока преувеличивают. Я недавно тоже был в Улуг-Хеме. В Ийи-Тале

был. В других местах... И ничего страшного не обнаружил там. Ну, резали бычков. Баранов резали. Для чего резали? Для еды! Резали по согласию состоятельных людей. Эти люди готовы всё отдать. Пусть кто-нибудь скажет, что я говорю неправду. Разве согласился бы прежде богатый человек кормить всех, кто собрался на шуулган? Ну, скажите? А теперь он с радостью отдаёт столько, сколько надо. Понимает: не отдаст – силой возьмут. Потому что у аратов – власть. У партии – власть. Вот так. А больше ничего и не случилось. Пюльчун говорил: я нарочно не замечал беспорядков. А что делать, если я ничего такого не видел? Не снимают же сапог, если рядом речки нет!

– Не согласен я с вами, товарищи! – Шагдыржап прокашлялся. – Надо признать, что все мы проглядели серьёзное нарушение. Не надо большого ума, чтобы лишит аратов скота, отнимать его у всех без разбора. Чего мы этим добьёмся? Восстановим народ против партии, против власти. И только. А зачем это нужно? Кому нужно?! Кому мешают сегодня кежеге? В этом ли главное? Странно, что некоторые товарищи не понимают это. Предлагаю направить меня в Улуг-Хем и прекратить там левацкие действия. Нет возражений?

Центральный Комитет согласился.

Поездка Шагдыржапа по западным хошунам положила конец «удивительным» собраниям, которые назывались собраниями классовой борьбы... Но небо Тувы очистилось не сразу. Потребовалась ещё большая, длительная борьба.

Глава 9 Кочующая Тува

Видно, не суждено мне было постигнуть секреты планирования. К радости моего ни на что не способного начальника Данчай-оола, который больше всего боялся, как бы его не сместили с поста, меня постоянно посылали с различными поручениями ЦК, так что в плановой комиссии я почти не появлялся и редко нарушал затхлый покой этого учреждения. Его задачи так и оставались пока не выясненными.

Вот и снова вызвали меня к Шагдыржапу.

– О первой партийной чистке слышал? – спросил он.

– Слышал, тарга.

– Так вот. В партии стало много случайных людей. Кто только не пролез в неё – и ламы с шаманами, и реакционные чиновники, и феодалы... А ведь мы создавали её как партию трудовых аратов. Но что же получается? Самый жестокий хемчикский феодал Буян-Бадыргы, оюнский нойон Далаа-Сюрюн, злейший эксплуататор улуг-хемских аратов Сонам-Байыр находятся в рядах партии. Они

вливают на её политику, вмешиваются в её руководство! Сколько вреда они причиняют! Бедняки-араты хотят вступить в партию, а им говорят: «Ты неграмотный. У тебя нет времени посещать собрания, потому что ты пасёшь скот у людей. Как ты будешь в партии? У тебя нет ни коня, ни хорошей одежды». Вот ведь что говорят! И не принимают...

Шагдыржап понюхал табаку, прочихался и зашагал по кабинету, расчёсывая пятернёй густые волосы.

– Значит, пришло наконец время вымести из партии этих людей? Правильно я понял, тарга?

– Точно. Вот мы тебя и посылаем председателем комиссии в Дзун-Хемчикский хошун. Учти – поручение очень серьёзное. Это будет потруднее собраний классовой борьбы!

Он обмакнул кисточку в тушь и начал быстро писать на тонкой бумаге с красными линейками.

Вручив мне удостоверение, Шагдыржап пожелал успеха и попрощался.

По дороге я забежал в один из считанных двухэтажных домов, про который говорили, что он «как гора». Без стука распахнул дверь. Тот, кто был мне нужен, оказался на месте. Уже не удивляло, что хозяин кабинета мирно подрёмывал за столом. Темнолицый, с бритой головой, в халате, он вяло поздоровался.

– Вы тарга Сандык? – почтительно спросил я его.

– Ну я. По какому делу?

– Тарга Шагдыржап послал. Сказал – иди к председателю чистки, спроси, как проводить работу.

Сандык и ухом не повёл.

Не обращая на меня никакого внимания, он снял приставший к рукаву волосок, поднёс его к глазам, словно нитку вдевал в иглолку, и, внимательно рассмотрев, дунул. Потом, будто исполнив значительное дело, поглядел в мою сторону.

– Постановление о партийной чистке есть. Чего тебе объяснять? Я и сам не знаю, как её проводить. Она же первая... А ты человек образованный. Разберёшься!

Криво усмехнувшись, он снова принялся искать, что бы ещё такое ущипнуть, сдуть или щёлкнуть.

– Но ведь какие-то указания должны быть...

Сандык, точно утка, продолжал ощипываться.

– Говорю тебе: нет никаких инструкций! – Нехотя он поднялся из-за стола, порылся в коричневом обшарпанном шкафу, вынул свёрнутую в трубку бумагу, растянул её на столе. – Иди сюда! Вот, кроме этой формы, ничего нет. Получишь такую же. Кто пройдёт чистку, – запишешь.

Тут же забыв о своём существовании, он продолжил поиски на халате невидимых пушинок.

– А что записывать? – я стал терять терпение.

Лицо у Сандыка побагровело. Ах, как же я, должно быть, докучал ему, отвлекая его от безделья. Он буквально цедил сквозь зубы:

– Вот здесь – фамилия члена партии. Например, Биче-оол. Понятно? Здесь – год вступления в партию. Ну, скажем, 1923...

С потолка на бумагу посыпался песок. Сандык старательно сдул его, дважды перевернул бумажный лист и чуть мягче продолжал:

– В следующей графе проставляется социальное положение... арат, лама, чиновник. Дальше указывается решение комиссии: «оставить в партии» или «исключить из партии». Затем – подпись того, кто прошёл чистку. В конце расписываются председатель, секретарь и члены комиссии. Что тебе ещё неясно?

– А как быть с неграмотными?

Мой собеседник был уже не в состоянии переносить моё присутствие.

– Отпечаток пальца! Поставить отпечаток пальца! – Он смотрел на меня, ожидая, что теперь-то уж я не спрошу его больше ни о чём.

Я не доставил ему этого удовольствия.

– Когда выезжать?

– Хоть сейчас! Многие уже выехали. В западные хошуны направляются три комиссии. В Улуг-Хем – министр Дармажаа, в Барун-Хемчик – министр Дондук... А в Чадан, – лицо его скривила ироническая улыбка, – тебя посылают. Как видишь, один ты – простой человек!

Мне захотелось зло оборвать его.

– Да, – говорю, – пока ещё Дармажаа и Дондук министры. Но ведь и в центральном аппарате будет чистка!

Поддействовало!

– О-о, я же пошутил... Если вам не долго собираться, поезжайте с министром Дармажаа. Вам с ним по пути. А он скоро выезжает...

Я вышел на улицу. Ничего себе, председатель центральной комиссии по чистке партии! Как это Сандык угодил на такой высокий пост? Ведь он был крупным чиновником в сумоне Чыргаки.

Едва я пришёл домой, как у дверей затарахтела «чёрная быстрая».

Дажи закричал:

– Скорей, тарга! Засветло хотя бы до Шаган-Арыга добраться. А то на этом слепом коне далеко не уедешь!

Я вышел. Министры уже сидели в машине.

– Зачем меня таргой называешь, товарищ Дажи? Не надо. А ехать я готов. Здравствуйте, – поздоровался я с министрами и, перемахнув через борт, примостился на мешках.

– Поезжай, Дажи! – не ответив мне, приказал Дондук.

На нём был серый военный костюм. Справа – наган, слева – клинок, за спиной – винтовка. Вид устрашающий.

– Сейчас, сейчас, – засуетился Дажи. Соединил два проводка, нажал на педаль ногой, подёргал рычаги. «Чёрная быстрая» подпрыгнула, застреляла, плюнула голубым дымком и кое-как тронулась.

– Как худой верблюд! – Дондук покосился на министра иностранных дел. – Довезёт ли?

– Не сомневайтесь, – ответил шофёр.

Колкое замечание Дондука задело владельца единственной машины.

– Я рассматриваю ваше замечание как выражение недоверия к транспорту министерства иностранных дел. Считаю это ненормальным. – Дармажаа говорил с коротким сухим смешком, но внутренне совершенно серьёзно.

Дондук не остался в долгу:

– Дело не в министерстве, а в том, кто ведает хозяйством. Как говорится, дурак ненавидит правдолюбца, а злая собака – человека с палкой. – Он достал трубку и, ломая спички, стал прикуривать.

– Не понимаю, к чему и к кому подходит эта поговорка, – Дармажаа тоже схватился за кiset.

– К любому министру, если хотите, – отрезал Дондук. – А то ещё говорят: не выдавай клячу за скакуна!

– Удивительно, почему люди, имеющие серебряное седло и узду, ездят на бычьих сёдлах?

– Ладно, – примирительно сказал Дондук. – Сев на коня, не охайвай его, выпив араки, не выказывай характер.

Перепалка министров прекратилась. Оба попыхивали трубками. «Чёрная быстрая» мчалась без остановки, и Дажи, довольный, крутил баранку, глядя на дорогу.

* * *

Не сосчитать, сколько юрт от Кызыла до Чадана. Должно быть, не одна тысяча. Они, как рассыпанные зёрна, – то тут, то там, на всём пути. И все порознь. В аалах по две-три юрты, не больше. Ни одного посёлка. Ни одного, хоть плохонького, дома.

Кочует моя Тува...

Над нами пролетел орёл, держа в когтях не то зайца, не то ягнёнка. Едва он скрылся, как в небе закружила стая диких гусей и, облюбовав место на пашне Баян-Кола, опустилась на землю.

Смеркалось.

Мы приближались к высокой островерхой горе, похожей на громадного медведя, стоящего на задних лапах над Улуг-Хемом. Её так и называли, эту гору, – Хайыракан, то есть Медведь.

У подножья горы Дажи остановил машину.

– Что случилось? – недовольно спросил Дармажаа и, подмигнув Дондуку, дескать, шучу, поддел шофёра: – Машина закашляла или сам заболел?

Дондук захохотал.

– Бензин надо залить. И темно становится... – стал оправдываться Дажи.

Он выпрыгнул на дорогу. Вылезли из машины и пассажиры – размяться, отдохнуть от шума и тряски.

Министры отошли в сторону.

– Куда же ты завёз нас, дорогой друг? – миролюбиво спросил Дондук. – Тут поблизости, я думаю, ни одного порядочного тувинца не найдёшь.

– Ничего, ничего, – успокоил его собеседник. – Совсем близко отсюда живёт Сонам-Байыр. У него и заночуем. Будете довольны, Нас там ждут...

– Рад слышать. А то ещё придётся делить ночлег с этим. – Дондук кивнул в мою сторону и оглянулся, проверяя, не слышу ли я, о чём они говорят.

– Уйдём незаметно, – предупредил его Дармажаа.

– Даа, тим байна⁸⁵.

Машина затарахтела.

До Шаган-Арыга, как назывался прежде Шагонар, было недалеко. Переехали через небольшую речонку – и вот он, посёлок. Тогда в нём насчитывалось с десяток полуземлянок да чуть больше юрт и шалашей.

Дажи, не спрашивая, подвернул к одному из дворов, где находился своеобразный заезжий дом. Держала это заведение полуха-каска-полурусская Марья Фёдоровна Никитина. Муж её, хакас, ба-трачил у русских богатеев, с ними приехал в Туву, но вскоре умер, надорвавшись на непосильной работе. Марья Фёдоровна осталась с двумя дочерьми. Я знал эту женщину. Характера она была весёлого. Редкий путник, которого ночь застигала перед Шаган-Арыгом, не останавливался у неё. Здесь всегда были рады гостю. Ночлег и ужин за небольшую плату предоставлялись каждому.

Марья Фёдоровна, слышав шум машины, выбежала к нам, поздоровалась по-тувински:

– Добро пожаловать!

Министры, не отвечая на приветствие и приглашение, направились к плетёной изгороди.

– Здравствуйте, здравствуйте! – протянул я руку хозяйке. – Как живёте?

Марья Фёдоровна, путая тувинские и русские слова, затараторила:

⁸⁵ Ладно (монг.).

– Да что я! Обо мне какой разговор, – живу куш якши! Сильно хорошо живу. А ты как?

– Вообще-то и я не жалуюсь... Пустите переночевать?

– Почему не пустить? И покушать чего найдётся. – Она засуетилась, уже считая нас своими постояльцами.

– Затаскивайте вещи, – распорядился Дондук. Не успели мы с Дажи войти в избу, как наших министров и след простыл...

Мы отлично выспались, плотно позавтракали. Но важных спутников всё не было и не было. Поехали за ними.

На небольшом пригорке стояла белая, как яичко, юрта, а по соседству – пять или шесть ветхих кибиток. Нечего было гадать, где искать министров. Дажи остановился у «белого яичка». Я зашёл в юрту.

– О-оо! Министр Тока уже ждёт нас, господа! – не очень твёрдо выговорил, поднимаясь навстречу, Дондук.

В юрте была неразбериха. Чашки разбросаны, на тарелках лежало недоеденное мясо, валялись кугеры из-под араки...

Поддерживаемый с двух сторон, Дондук направился к машине. Дармажаа и не думал подниматься. Я сообразил, что ему же оставаться здесь – проводить чистку в этом хошуне!

* * *

Дорожное счастье изменило нам. Дважды Дажи накачивал шины, раз шесть подолгу копался в моторе. Мало-помалу мы всё же продвигались вперёд. Дондук всю дорогу мертвецки спал. Ничего не могло разбудить его – ни стрельба задыхающегося мотора, ни громкие крики аратов, которыми они встречали единственную в Туве «чёрную быструю», ни крутые повороты и тряска на кочках. Мешком переваливался наш министр с боку на бок, испуганно всхрапывал и опять затихал...

Мы вполне могли добраться до места к полудню, а добрались только вечером.

Хошунный комитет размещался в хибарке чуть побольше единоличного телятника. От халупы отделился человек – в сумерках не разобрать, молодой или старый, – замахал руками:

– Сюда, сюда!

Дажи лихо осадил своего скакуна. Молодой парень подошёл к нам вплотную, восхищённо воскликнул:

– Вот это да! Прямо из Хем-Белдира в Чадан! Неужели за один день? – Он поцокал языком и почтительно поклонился: – Выходите, выходите, тарга-лары.

Я протислся с Дажи. Будить Дондука было ни к чему.

Хотел пройти в избушку, но парень повлёк за собой.

– Вам приготовлено особое помещение. Вот эта юрта...

В нос ударил сырой и кислый запах. В грязной юрте были поставлены две деревянные койки, застланные невообразимо засаленными одеялами.

– Заранее извещённые о приезде министра, мы подготовили это помещение.

Вид у парня был гордый. Вот, мол, не застали нас врасплох. Всё сделали, что могли. Я поблагодарил за заботу, объяснил, что никакой я не министр, и спросил, где найти секретаря хошунного комитета.

– Это я и есть, – улыбнулся парень. – Сундую меня зовут.

Конечно, эта специально приготовленная юрта не имела ничего общего с «белым яичком», куда завернули прошлой ночью Дондук и Дармажаа, но мне здесь было несравненно лучше.

Не успели мы перебраться с секретарём и несколькими словами, как к юрте подъехали два всадника. Они спешили и сразу вошли. Это оказались члены комиссии, выехавшие на день раньше меня.

Один из приехавших – Элбек-оол – не вызывал у меня симпатии. И сейчас он стоял наклонившись, широко расставив полусогнутые ноги, что по прежним обычаям выражало высшую степень лстивого подобострастия. Одетый в коричневый чесучовый халат, добротные идики с прямыми носками, бритоголовый, с глазами навывкате, он деланно улыбался.

«Чего ему надо?» – с неприязнью подумал я.

Сундуй при его появлении заметно переменялся. В нём тоже проступила рабская угодливость. Он уже не улыбался простодушно и открыто, не осмеливался вставить хотя бы слово.

– Мой аал совсем рядом, – не заговорил – запел Элбек-оол. – Не разрешите ли, тарга, съездить, сменить одежду с дороги?

– Поезжайте, – охотно отпустил я его. – Утром только не опаздывайте. Вместе с солнцем начнём работать.

Пятясь задом, Элбек-оол добрался до выхода из юрты и поспешно выскочил.

Я облегчённо вздохнул. Сундую, как мне показалось, тоже не доставило огорчения его исчезновение, но он уже не смог держаться запросто.

– Вы устали с дороги. Отдыхайте. А я чай принесу.

Мы остались вдвоём с Кененом, вторым членом комиссии. Обязанности его, правда, были не совсем ясны. Простой охранник, он сильно напоминал мне циррика из «посыльного войска», каким я сам когда-то был.

Кенену было, вероятно, не больше тридцати, но выглядел он старше. Рябое, всегда суровое, длинное лицо и негромкий глухой голос невольно обращали на себя внимание. Он казался нелюдимым и мрачным человеком, хотя в действительности был и общи-

телен, и говорлив. Не выпуская из рук винтовки, он сидел молча.

– Что же ты, Кенен, будто в атаку собрался? – пошутил я. – Клади оружие. Нам здесь ничего не грозит.

Мой товарищ не принял шутки.

– Удивляюсь я. Всю дорогу молчал, всё думал... Мы оба – бедняки. Других здесь нет, мы одни. Не могу я не сказать...

– Что тебя тревожит?

– Почему для проведения партийной чистки в комиссию назначают негодных людей?

– О ком ты? – спросил я, будто не поняв.

– Хотя бы о Дондуке. Все знают, что он был ламой в Барун-Хемчикском хошуне. И он же будет проводить чистку партии в Барун-Хемчике. Он сейчас прямо во дворец кегэна поехал. Всю ночь с ламами будет молиться, чтобы чистка никого из них не задела... А Дармажаа чем лучше? Другого такого жестокого чиновника – поискать. Про Элбек-оола я и не говорю. Не найдёшь в Туве человека, который бы не знал, что он был приближённым в ставке Буян-Бадьргы... Вот это всё меня и удивляет, товарищ тарга...

Кенен высказывал мои мысли. Я думал о том же. Что сказать ему? Я отвечал скорее самому себе:

– Всё это не просто, совсем не просто. Таких, как Дармажаа, Элбек-оол или Дондук, приходится временно использовать. Понимаешь, они грамотные люди... Сначала надо опрокинуть самых главных врагов: феодалов, крупных лам, реакционных чиновников. А с этими Дондуками потом справиться будет не так уж трудно. Как говорится, всему своё время...

По-прежнему сжимая в руках винтовку, Кенен слушал, но я видел, что не очень-то убедил его. Ну а я? Верил ли я сам тому, что говорил? Хотел верить, хотел...

– Вот у тебя три врага, но ни один пока тебе не угрожает. И всё же надо всех обезвредить. А сил мало. Значит, расправляйся с ними поодиночке. Сначала свали самого вредного, а остальных пока не трогай. И сделай так, чтобы они не мешали тебе бороться, а может быть, даже и помогали тебе. Так, мне кажется, и рассудил Центральный Комитет... Те, о ком ты говорил, конечно же, чужие народу люди. Так что с них нельзя спускать глаз. Они не глупцы, и они стараются скрывать своё настоящее лицо. Но это не удастся им. А если они будут заступаться за наших главных противников... Ну что же – для них же будет хуже.

– Да-а... Хитрое дело! – вздохнул Кенен. – Надо следить.

– Поступай, Кенен, как совесть тебе подскажет. Только не горячись. Обстановку ты понимаешь правильно...

– Ну как, таргалары, заждались меня? – Сундуй внёс чайник и поставил его на низенький столик. – Эй, Былдый-оол, – крикнул он, – неси!

Длинный, как жердь, арат внёс варёное мясо, от которого валил пар.

Нас не надо было упрашивать. Мы дружно навалились на баранину. Сундуй уселся у порога с метровым чубуком в руке, ожидая, не потребуют ли гости араки.

Я пригласил его поесть с нами. Сундуй стал было отказываться, но всё же плеснул себе немного чаю, отрезал кусочек мяса. Во всём его облике было что-то униженное – и в том, как он кланялся, обращаясь к нам, и в том, как робко примостился у входа в юрту, и в том, что только для приличия принял участие в нашем ужине, хотя был, очевидно, голоден не меньше нас. И это – секретарь хошунного комитета! Как же въелось в людей старое – раболепие, угодничество, лесть...

– Хотелось бы узнать, тарга, как будет проводиться чистка? – Сундуй стоял у двери, хрустя пальцами.

– Проходите поближе, садитесь с нами!

Сундуй замотал головой.

– Я сейчас уйду – вы отдыхайте.

Уговаривать его было бесполезно. Одним своим появлением Элбек-оол нагнал на секретаря такого страха, что он до сих пор не пришёл в себя. Кенен усмехнулся. Должно быть, мы подумали об одном и том же.

– Ну, как хотите, товарищ Сундуй. Надо будет нам поспешить. Время горячее – араты собирают урожай. Так что давайте с самого утра и начнём. Сначала соберём членов партии Чаданского сумона. Они все рядом. А после выедем в другие сумоны. Не возражаете?

– С Чадана начинать даже лучше, – он засмеялся и сразу стал тем простым парнем, который встретил нас по приезде. – Именно здесь у нас самые разношёрстные люди.

– Что значит «разношёрстные»?

– Ну... такие, которых чистить надо. А в других сумонах их поменьше.

– Тогда, пожалуй, кроме членов партии, надо нам ещё пригласить надёжных бедняков и батраков. Как вы думаете?

– Чаа! – согласился Сундуй. – Тогда я пойду посыльных отправлю, чтобы всех предупредили.

Глава 10 Горячая схватка

...Проснулся я, едва взошло солнце. Лёгкий иней быстро сбегал с листьев и травы сверкающими каплями. Галки орали как сумасшедшие.

Не спеша я вышел на берег Чадана. С наслаждением хлебнул свежего прохладного воздуха, умылся прозрачной водой.

Хорошо!

– Экин! – послышалось сзади.

Обернулся. С коня слез как будто знакомый человек в стёганом халате из синей далембы, в старой войлочной шляпе. Подошёл ко мне, поглаживая маленькие усы.

– Дорогой Энзук! Откуда появился?

Схватил его, обнял.

– На собрание, конечно, приехал. А ты, Тывыкы? Тоже на собрание?

– Меня послали к вам. Ну, как живёшь, Энзук?

– Сносно. Гораздо лучше стало. С прежним и не сравнить... Но почему всё-таки лучшие пастбища, пашни, луга и власть до сих пор у бывших нойонов и чиновников? Почему? Скажи мне, Тывыкы, почему так? Ты же учился. Почему?

– Всего три месяца, как я вернулся. И сам ещё не могу понять, что у нас происходит. Ты, брат, человек опытный. Тебе лучше знать.

Энзук горестно вздохнул.

– Что тут скажешь! Эх, если бы чистка помогла выгнать феодалов из партии. Заменить их надо настоящими аратами. Только тогда будет толк. Ты же, Тывыкы, знаешь Буян-Бадыргы. А Ондар Хувулгон, Езутту-сайгырыкчи – один лучше другого. Кто только не пролез к нам в партию!

– Вот об этом во весь голос и скажи на собрании!

– Всё, что накопилось, выложу. Ничего, браток, разберёмся, где волки, а где овцы. Можешь быть уверен.

...Вокруг Чадана как будто не так много аалов. Место открытое – степь, видно далеко, все юрты пересчитать можно. А собралось-то, собралось! Сундуй на вороном коне подъезжал то к одним, то к другим.

– Товарищи! Братья! Давайте все на берег, начинать будем!

Под высокими тополями, прямо на траве, расселись в круг, будто на хуреш пришли – состязания борцов поглядеть. Разговаривали, покуривали. Всё вроде бы как обычно. А приглядеться – не так, как всегда. Впереди сидели одетые во что попало бедняки, и только за их спинами, где-то далеко-далеко разместились «герои дня»: бай, чиновники, ламы. Они сегодня не лезли вперёд, на привычные почётные места. Притихли, притаились. И оделись поплоче. Совсем ручные стали, не то что были в первые годы после революции...

Вместе с Элбек-оолом и Кененом я вышел на круг. Элбек-оол нёс бумаги, в которых надо делать отметки о чистке. Кенен держал винтовку.

– Бугуде, экин! – поздоровался я со всеми.

Многие встали, хором ответили:

– Экин!

– Считаю общее собрание членов партийной ячейки Чаданского сумона открытым.

Партийные и беспартийные закричали:

– Чаа! Очень приятно!

– Мы будем с вами, товарищи, обсуждать вопрос о партийной чистке. Наша задача – оставить в революционных рядах достойных людей. Поскольку партия наша называется аратской, значит, в ней и должны быть настоящие араты. Бывшим эксплуататорам в партии нет места. Всё понятно? Вот и весь мой доклад...

Не знаю, что было бы дальше, если б не Энзук. Он не стал терять времени, откашлялся и заговорил, будто всю жизнь только и выступал на собраниях:

– Со своей стороны я скажу, что чистка – очень правильное дело и очень важный вопрос! Я так понимаю. Возьмём, например, меня. Я бедный арат из Шанчы. Вступил в партию в двадцать третьем году. Ну, я в свою партию вступал, в свою, аратскую. Ясно? А зачем в неё Буян-Бадыргы пошёл? Кто скажет? Почему Буян-Бадыргы, как и я, тоже член революционной партии? Пришло время исправить этот недосмотр! – Энзук рубанул кулаком воздух. – Ну, пока хватит. Пойдёт чистка – посмотрю. Если нужно будет, ещё кое-что скажу.

– Верно! – зашумели вокруг.

Напрасно я думал, что сидящие в задних рядах будут помалкивать. Чуть только стих шум после речи Энзука, как оттуда донеслось:

– У меня тоже есть несколько слов. Можно ли, мой повелитель?

Слух резануло это старорежимное обращение. Я глазам не поверил: с земли поднимался... Буян-Бадыргы! Это он попросил слова.

– Не надо! Убирайся! Слушать его ещё! – зашумели араты. Буян-Бадыргы согнулся, глядел исподлобья, ждал.

– А может быть, разрешим выступить? Как думаете, товарищи? – спросил я.

Люди закричали ещё громче. Как они сразу почувствовали свою силу! Давно ли я был на собрании классовой борьбы в Шагонаре? Разве сравнишь вот с этими чаданцами ту покорную толпу, которую расшевелили только наглые молодцы Донгурака, резавшие косы?

– Ну, так будем его слушать? – спросил я.

Кто-то крикнул:

– Ладно! Пусть брешет. Послушаем в последний раз.

Само смирение, Буян-Бадыргы заговорил:

– Я много думал о своём прошлом. Решив порвать со всем, что было, я и вступил в аратскую партию. Я подчинялся её уставу, я

работал не жалея сил... Партийную чистку надо проводить. Обязательно надо! Но я прошу народ и комиссию учесть моё положение...

Буян-Бадыргы вытер рукавом халата лоб, потоптался-потоптался и наконец сел.

Должно быть, с минуту никто не нарушал молчания. И вдруг все араты закричали, потрясая кулаками. Сколько же гнева и ненависти выплеснулось на сиятельного князя!

– Ты забыл, как обгладывал людей, будто кости? А теперь прощения просишь?

– Вон его!

– Да что с ним возиться? – закричал Ензук. – Но в списке есть его фамилия, придётся обсудить. А так просто – оторвать бы ему голову да собакам бросить. Жаль, закон не позволяет!

– Давайте чистить!

– Правильно! Буяна-Бадыргы и вычистим первого!

Нойон сидел, опустив голову. Как, наверное, хотелось ему сейчас исчезнуть, раствориться, лишь бы не видеть этих распалённых людей, не слышать их яростно-презрительных восклицаний... Ничего, совсем ничего не осталось в нём от бывшего величия. Напялил на себя поношенный чесучовый халат грязно-белого цвета, перехваченный зелёным засаленным кушаком, китайскую ветхую шапку-довурзак...

– Пройдите сюда, – сказал я, – чтобы все вас видели.

Буян-Бадыргы тяжело поднялся, шагнул в середину круга, устало сел возле нас.

Стоит ли много говорить о нём, ведь каждый знает этого феодала из феодалов, этого главаря хемчикского восстания, этого ненавистного нойона. Правы люди – вычеркнуть, и всё! Не-ет, нельзя так. Пусть народ своей властью решит его судьбу.

– Ваше имя? – спросил я.

Он растерялся. Заикаясь, произнёс:

– Буян... Буян-Бадыргы зовут меня...

– Возраст?

– Аай? Не понял. Глуховат, глуховат я, – и, сложив пальцы трубочкой, поднёс их к уху.

Будто не заметив его маленькой хитрости, рассчитанной на то, чтобы справиться с замешательством, я переспросил:

– Возраст? Возраст ваш?

– По старому тувинскому исчислению – сорок два. Родился в год кролика.

– Когда вступили в партию?

Кто-то насмешливо крикнул:

– Вернее, когда пролез в партию?

Глаза нойона недобро сверкнули, но он подавил свою ярость.

– Я был одним из основателей Тувинской аратской партии. – И снова залебезил: – Дорогие мои граждане! Поняв цели и задачи партии, я добровольно вступил в неё, чтобы быть полезным народу и помогать ему.

Буян-Бадыргы молитвенно поклонился сначала комиссии, потом всем собравшимся. Руки у него дрожали, и он старался втянуть их в рукава халата.

– Ваше социальное происхождение?

– Что это значит, тарга? – снова прикинулся простаком «светлейший».

По тому, как недовольно загудел круг, стало ясно, что нойон просчитался. Все поняли его нехитрую уловку.

Отовсюду посыпались насмешливые вопросы:

– Кто был беднее твоего отца?

– Может, у тебя и чина никакого не было?

– Откуда этому нищему арату знать своё происхождение?

Рад был бы Буян-Бадыргы ответить по-другому, но менять взятый тон было уже поздно. Он с притворным сокрушением произнёс:

– Оо, теперь-то я понял, таргалары, о чём вы спрашиваете! Сразу-то я не сообразил... Мой отец сначала был бедняком. И уж только потом он кое-что приобрёл... своими руками. Ну и я, благодаря отцу, обзавёлся скотом. Отец мне немного оставил...

«Что он несёт? – подумал я. – И кто поверит такой чепухе?»

А нойон всхлипнул, вытер рукавом глаза и высморкался.

Буян-Бадыргы играл перед комиссией, но актёром он оказался никудышным – переиграл.

– Ясно! – Я решил кончать спектакль. – Кем был ваш отец и кто вы такой, народ знает. Знает по рубцам на спинах от ваших плетей... Какие будут предложения?

– У меня есть несколько слов! – раздался громкий бас.

Из задних рядов пробирался высокий человек в красном халате с шёлковым кушаком. Через плечо у него была перекинута красная ламская накидка – оргумчу.

Я пригляделся. Это был лама высшего ранга – камбы – и к тому же настоятель монастыря. Вот он протолкался поближе. Руки уверенно перебирали чётки. Стало видно его чуть припухшее лицо, жёлтые от нюхательного табака ноздри. Ирикпин!

Буян-Бадыргы при виде ламы заметно приободрился.

– Их сиятельство – неописуемо благородный человек! – простёр руки к нойону Ирикпин, следуя древней традиции: «великого возвеличь, а низкого и оскорблением не унижить». – Не счесть его благодеяний! Разве не давал он аратам коней, когда они просили у него? Разве отказывал бедняку в корове на подои? Разве не приходили к нему за ружьями, когда наступала пора охоты? – Лама поч-

тительно поклонился Буян-Бадыргы. – А кто не знает его великих заслуг перед революцией? А кто посмеет усомниться в его знаниях? Как он пишет! Будто узоры выводит. Оммаани патнихом!.. И такого благородного человека исключать из партии?! – В голосе Ирикпина зазвучало непритворное негодование. – Исключать только за то, что он имел больше других скота и до революции служил народу так, как только возможно было служить в то время?.. Я бы лично не поддержал предложение об исключении...

Сзади нестройно откликнулись:

– Совершенно справедливо!

– Камбы хорошо сказал!

Араты молчали. Неужели лама своим красноречием затуманил им мозги? Ничего не поделаешь – привыкли слушаться и повиноваться. Я стал лихорадочно придумывать, что сказать, чтобы всколыхнуть людей.

Но тревожился я зря. Народ не обманешь!

– Ну, таргалары, может, мне дадите слово? – Загорелый пастух, подпоясанный волосяным арканом, с уздечкой в руке, широко шагнул вперёд. Заговорил волнуясь, тяжело выворачивая каждое слово: – Ишь ты! Отец – бедняк, скота немного имел... Кому сказки рассказываешь? Если послушать нойона и камбы, зачем тогда и чистка нужна? А? Нахально врёт Буян-Бадыргы. Нахально! А кто Хеймер-оола до смерти избил? У кого с аратами, с пастухами один разговор – плеть? Кто силой отбирал последнее у батраков? Кто разбогател от незаконных поборов? – Он перевёл дух и снова заворочал жернова слов: – Я на него день и ночь гну спину. Сюда пришёл прямо из его табуна. А в табуне голов больше, чем народу здесь... С самого детства у него служу. Ни в чём не разбирался раньше, думал, судьба у меня такая... Хотел уйти после революции, да остался по глупости. Вижу – опять его верх, опять он главный... Теперь вот только понял, что к чему. Камбы его защищает? А кто другой будет защищать? Ирикпин – лучший друг. А оба – злодеи. Гнать надо этого подлого врага. Гнать!

Взмахнув уздечкой, пастух отошёл в сторону.

– Ыы-ы, – раздался голос Кенена. – Правду говорит Чавырык. Ни в коем случае нельзя оставлять такого человека в партии!

Я потянул его за полу халата.

– Помолчи пока. Ты член комиссии. Не торопись. Пусть другие говорят. А то скажут ещё, что мы заранее решили, не посчитались с мнением народа.

– Как тут усидишь! Была бы возможность, сам с ним прямо тут разделался бы!.. Ладно, подожду.

Снова поднялся Ензук.

Загибая пальцы, он перечислял «благоддеяния» нойона. Просто перечислял. Как Буян-Бадыргы купил себе высокий чин за пушни-

ну, серебро и скот, отобранные у аратов хемчикских хошунов, как избивал и пытал людей лишь за то, что не вовремя вносили налоги. Да что – пытал! Закапывал живьём в землю, вешал на деревьях...

– Быстро же ты «забыл» всё это. А вот мы, араты, помним твои «заслуги». Вот и пришло время получить с тебя долги.

Теперь можно было не волноваться. Пусть все самые красноречивые ламы хошуна, даже всей Тувы, хором стали бы защищать нойона, никого это не тронет.

К Буян-Бадыргы почти вплотную подошёл Шилаа. Насмешливо поздоровался с ним:

– Экин, тарга!

Отступил на шаг.

– Неужели, думаешь, хоть кто-нибудь забыл, как больно бьёт твоя кымчы? Какой тяжёлый у тебя кулак? Как гнусны твои насмешки и оскорбления? – Он тыкал пальцем чуть не в самое лицо нойона. – Сколько человек довёл ты до смерти? Сколько девушек обесчестил?.. С тобой не только в одной партии быть – по одной земле ходить противно!

– Дело ясное!

– Давайте кончать!

«Светлейший» то бледнел, то краснел.

– Можно спросить? – Сидевший впереди всех молоденький арат в рваных броднях настойчиво повторил: – Можно спросить? Мне бы по-малому...

Под громкий хохот я объявил перерыв.

Сундуй, Лопсанчап, Энзук и ещё несколько человек отошли за караганник.

– С-сначала из партии выгоним гадину, а п-потом в тюрьму укачаем! – Лопсанчап поднял кулак, как дубину. Окажись рядом с ним Буян-Бадыргы – несдобровать бы ему.

– Мне кажется, – кашлянул Элбек-оол, – этот вопрос надо обсудить всесторонне. Покритиковать, предупредить... Ну, строго предупредить! Он человек образованный, может исправиться... Конечно, решает большинство. – И поспешно добавил: – Как большинство, так и я.

– Подпевала! – буркнул Энзук.

– Това-арищи! – всполошился Элбек-оол. – Я просто сказал первое, что в голову пришло. Нельзя же из-за этого навешивать на меня чёрт знает что! Что я – враг, что ли? Да я сам буду руками и ногами голосовать за его исключение!

И покосился в сторону: как бы не услышал Буян-Бадыргы.

Энзук рассмеялся:

– Чего сердисься, тарга? Я же не про тебя...

Сундуй, сидя на корточках, молча ковырял пальцем землю. Вид у него был растерянный.

Вот тебе и секретарь хошунного комитета!..

Перерыв лишь подогрел страсти. Долго мне не удавалось успокоить собрание.

Наконец я подвёл итог:

– Выступавшие до меня высказали общее мнение: оставлять Буян-Бадьргы в партии – всё равно что держать волка с овцами в одном загоне. Ничего к этому добавить не могу.

Спросил у «светлейшего»:

– Хотите что-нибудь сказать?

Он вяло встал, покосился исподлобья, сгорбился.

– Мне нечего говорить, мои повелители... Сколько бы я ни говорил самых высоких слов, никто не примет их во внимание... – Попробовал на всякий случай польстить: – Таргалары Ензук, Ши-лаа, Лопсанчап – мои сверстники. Я работал вместе с ними... Они, конечно, много наговорили, но я не обижаюсь на этих товарищей... виноват, на таргаларов. Когда стреляют зверя – кровь бежит, когда рубят дрова – щепки летят... Если мне позволят, я выскажу последнюю просьбу: оставьте меня членом партии. Я перед всеми обязуюсь работать изо всех сил.

Сел в сторонке жалкий, съёжившийся.

– Давайте голосовать, – сказал я. – Пусть вместе со мной поднимут руки те, кто за предложение изгнать из рядов Тувинской революционной партии наследственного феодала Буян-Бадьргы, злейшего врага аратских масс!

Разом поднялись руки, шапки, арканы, уздечки. Голосовал весь хошун.

– Гражданин Буян-Бадьргы, сдайте ваш партийный билет!

Нойон вытащил красную книжечку. Дрожащей рукой расписался по-монгольски в ведомости у потупившего глаза Элбек-оола.

Глава 11

Чистка продолжается

День за днём, день за днём...

Два месяца заседала комиссия, переезжая из сумона в сумон.

Два месяца – одно нескончаемое собрание.

Каждый член партии предстал перед народом. Каждый после того, как были разоблачены все примазавшиеся к партии феодалы, реакционные чиновники, шаманы и ламы, держал перед своими товарищами, перед своей совестью строгий ответ.

Шла постоянная борьба за честных и преданных людей, настоящих патриотов и – вместе с тем – против врагов трудового народа.

...Вот в круг вышел арат Дандар-оол. Невысокого роста, в коротком чёрном халате, он не рискнул опуститься на предложен-

ный ему стул, а сел рядом с ним, на землю, поджав под себя ноги: так привычнее. Рассказал о себе, не смущаясь многолюдьем. Скрывать ему нечего, вся биография уложилась в десять слов:

– До революции был батраком. А теперь у меня лошадь есть, корова, несколько овец и коз. Земли имею полгектара. В партии – с двадцать третьего года. Больше сказать нечего...

– Разрешите?! – выскочил какой-то молодой человек с уже округлившимся брюшком, с широкими скулами и глазами навывкате.

Уперев руки в бока, бойко затараторил:

– Собственно говоря, нет такого человека у нас, кто бы не знал Дандар-оола. Хороший арат. Я о другом. Хотя социальное положение у него и бедняцкое, но он же совершенно неграмотный! Теперь посмотрим существо дела. Партия – это передовые люди, так сказать. А какую пользу принесёт партии такой отсталый человек, как Дандар-оол? Что он понимает в политике?

– Хоо! Не пойдёт так, Санчай!

– Перегибает, сволочь!

Больше всех возмутился длинный, как жердь, Былдый-оол. Тот самый Былдый-оол, что в день нашего приезда в Чадан кормил нас ужином в «гостинице». Тихий Былдый-оол. Уж если этого парня проняло!.. Выходит, не напрасно тратили мы время и силы.

– Санчай городит чушь! – кипятился Балдый-оол. – Дандара не оставлять в партии? А кого тогда, значит, оставлять в партии? Кому будет польза, если, значит, бедняка исключить только за то, что он неграмотный? А сколько у нас грамотных? Значит, всех исключать? Да? Я, значит, предлагаю Дандар-оола оставить в партии, а самого Санчай-хаа без всяких выгнать!

Санчай... Санчай-хаа... Знакомое имя!

...Независимое Тувинское революционное государство образовалось 13–14 августа 1921 года. Это было на Первом Всетувинском съезде, который проходил в Суг-Бажи. Там же сформировали правительство, которое вскоре «перекочевало» в Хем-Белдир.

Имажап, Илам-Сюрюн и Далаа-Сюрюн расположились в самом большом доме – «Хурен-Бажине». Жалкий и смешной вид имел этот дворец, если вспомнить. В комнатах – ни столов, ни стульев. Министры и секретари восседали на полу. Всю переписку вели на монгольском языке. А писали на китайской бумаге кисточками, тушью. Добыть их было не так-то просто. Секретари шустро плели сверху вниз вязью слово за словом, прижимая доски-столы к бедру.

Как-то нас послали в монгольское Кандан-хуре за письменными принадлежностями – бумагой, кисточками, тушью. Этот самый Санчай был тогда с нами. За старшего. Уже тогда он имел чин хаа – адъютанта для особых поручений.

«Вон где встретиться пришлось, – подумал я. – Ну, этому-то в партии не быть. Пусть только очередь дойдёт!»

Араты между тем громили Санчай-хаа. Уж и досталось ему!
Не утерпел и я.

– Былдый-оол правильно сказал: нельзя исключать из партии бедняка Дандара. Хорошо, конечно, быть грамотным. И работать много легче, и пользы от грамотного человека больше, спору нет. Но мы должны учитывать все обстоятельства – и социальное происхождение человека, и его преданность делу революции, партии, народу, и его личные качества. Если мы оставим в партии только грамотных, а неграмотных исключим, кто же останется? Останутся одни феодалы, чиновники и ламы, которые до революции имели возможность учиться. А трудящиеся араты окажутся вне партии, созданной ими и для них!

После голосования Дандар-оол важно, торжественно достал из-за пазухи партийный билет, показал соседям, приложил ко лбу, бережно спрятал красную книжечку, подмигнул сидевшим рядом аратам и рассмеялся.

Я от души поздравил его.

* * *

Отчитался!

– Я думаю, выполненную Токой работу признаем удовлетворительной и отчёт утвердим. Как, товарищи? – Шагдыржап оглядел членов ЦК. И я, вслед за ним, повёл глазами. Сандык, Даландай, Пюльчун... Все молчали.

– У меня замечание. Так, ничтожное.

– Давайте, товарищ Дондук.

Я насторожился.

– Язык у парня неплохо подвешен. Доложил, как по писаному. А на деле-то не всё гладко... Я, когда проезжал Чадан, кое-что слышал, – хитровато ухмыльнулся Дондук.

Шагдыржап насторожился:

– А поточнее?

– Ну, если поточнее... Исключено из партии триста пятьдесят семь человек. Почти половина партийцев самого крупного хошуна. Перегнула комиссия. Среди исключённых есть люди, нужные революции. Сотпа-Хуурак, например, Айыыр-Санаа, Санчы-Мидип...

– Что скажешь, Тока? – Уголки губ Шагдыржапа дрогнули в улыбке.

– Я руководствовался указаниями ЦК, что чистку надо проводить исходя из личных качеств каждого члена партии. Да, процентов получается много. Но мы не проценты считали... Те, кого назвал министр Дондук, – феодалы. Они участвовали в восстании. Их исключения требовали сами араты.

Дондук развёл руками: дескать, его дело было только высказать замечание. Что слышал, о том и сказал...

Отчёт утвердили.

По-русски говоря, я чувствовал себя на седьмом небе. Это была первая серьёзная политическая проверка для меня, трудный экзамен перед партией.

Теперь два-три дня я был полностью свободен. Делай что хочешь! Захватил снасти и – к реке. Поставил удочку на протоке До-ниас-Суг, дышу свежим воздухом. Небо ясное. Только над верховьями Баян-Кола подозрительно темнели облака, но ведь не обязательно же ветер погонит их в мою сторону!

Однако, сидя на берегу, много рыбы не наловишь. Я побрёл через тальники, поглядывая из-за кустов на заводи, быстринки, перекаты. На одном повороте спрятался за тал, выглянул: хариусы и ленки грелись на солнце, лениво перебирая плавниками. Осторожно забросил крючок повыше, потихоньку подвёл. Он заблестел, заиграл на солнце. Самый крупный ленок кинулся к нему, остальные рассыпались в разные стороны, будто дорогу хану уступали. То ли промахнулся «хан», то ли передумал – ушёл мой ленок под воду. Тут, видно, другие рыбины решили, что не стоит упускать хорошую добычу, устремились к моему крючку. Чувствую – схватила! Потянул, выбросил на берег – и бегом к ней. Прыгает на земле, изгибая чёрную спинку, двухвершковый хариус. И то добыча!

Стоило только начать, и пошло! Я едва успевал вытаскивать. Штук десять хариусов добыл – больших, не то что первый! – и четырёх ленков. И не видел, когда успели полнеба затянуть облака, весь Кызыл закрыли. Ветер погнал тучи пыли. Припустил дождь. Холодный! Со снегом... Я побежал от реки, чувствуя, что ещё немного – и буду насквозь мокрый.

Седип-оол спал. Завалился на топчан прямо в сапогах, накрылся с головой пиджаком. Я сел на табуретку, оглядел нашу комнату. Ну и вид! Будто верблюд валялся. Пол неизвестно когда мыли. В углах паутина – словно рыбачьи сети сушатся. Стены пегие от облупившейся извести... И такое меня зло взяло. До чего же мы опустились! Разве так мы жили в Москве! Сдёрнул с Седип-оола его «одеяло», самого стащил с койки. Заорал:

– Какой ты кутвянец! Дрыхнешь среди бела дня! Кругом грязь!

Седип на меня с кулаками:

– Ты что, пьяный? Чего накинуся?

– Давай, давай! – наступал я на него. – Я ещё не так с тобой поговорю!

Он от удивления рот разинул.

– Тащи ведро воды. Я какие-нибудь тряпки найду.

– Ты чего рассвирепел?

– Быстро! – заорал я.

Мы вместе вытащили из комнаты топчаны, перетрясли постели, убрали метлой тенёта паутины, вымыли пол, расставили нашу «мебель».

– Ты смотри-ка! – расхохотался Седип. – И правда, лучше стало! Только навели порядок – стук в дверь.

Вошла пожилая женщина.

– Ты, что ли, Тока? – строго спросила она.

– Я. Садитесь, угбай, – показал я на единственный табурет.

Женщина сначала села, положила руки на колени, а потом поздоровалась.

Мы знали её оба. Это была Соян Докуй, курьер ЦК. Она была родом из богатой феодальной семьи, но её прогнали из дому за то, что «льстилась к революции». Одна из немногих тувинских женщин, угбай Докуй, как все уважительно звали её, была грамотна, в партию вступила в числе первых. Скромную должность курьера она совмещала с большой общественной работой, возглавляла женотдел ЦК.

Пришла Докуй, конечно, неспроста.

Оглядев нашу комнату, она рассмеялась:

– Недавно заходила к вам – до того безобразно было. Сами в порядок привели или кто помог?

«Ну, повезло! – подумал я. – Приди она чуть раньше – и досталось бы от неё на собрании партячейки!»

– Сами, сами! У нас всегда так, не только сегодня...

Теперь и мы хохотали вместе с нею.

– Ча, – поднялась Докуй. – Отдохнула немного, дальше пойду.

Тарга Шагдыржап велел позвать тебя, Тока.

– Прямо сейчас?

– Сказал – сейчас.

– Хорошо.

Вот тебе и два-три свободных дня! Отдых кончился.

Глава 12

Великий хурал

Шла подготовка к Восьмому Великому партийному хуралу. Съезда ждала вся Тува. Все знали, что хурал примет важные решения, которые на много лет вперёд определяют будущее, но далеко не все хотели, чтобы эти решения были приняты.

Я только что вернулся из Улуг-Хема. В этом хошуне было неспокойно. Донгурак явно не желал считаться с установками Центрального Комитета и, несмотря ни на что, продолжал гнуть свою линию. У меня снова были столкновения с ним. Своевольный он человек, Донгурак. Ему кажется, только он и понимает, что и как

надо делать. Рубит сплеча. А выходит всё во вред, как тогда с жежеге: сколько аратов оскорбились и озлобились после насильственной стрижки косичек! И во время чистки больше всего происшествий было в Улуг-Хеме. Может, я чего-то не понимаю, но как же часто Донгурак оказывается для партии вреднее Буян-Бадырғы.

Новое поручение Шагдыржапа показалось мне сначала сущим пустяком: подумаешь – встретить и разместить делегатов хурала, обеспечить питанием. Чем тут заниматься? Знал бы я, сколько это потребует хлопот! Началось с помещения. Отвели для делегатов самый большой дом – Хурен-Бажын. Пошёл посмотреть – и за голову схватился. Комнаты не прибраны. Пусто, грязно, холодно. А к вечеру должны прибыть первые гости.

Собрал свою «комиссию» – курьера ЦК старушку Докуй и Ак-Кускуна (о нём разговор особый). Пришли втроём. Стали и рассуждаем. Коек, конечно, не достать. Об одеялах и простынях – и думать нечего.

– Давайте так, – предложила Докуй. – Убрать мы сейчас всё уберём. А после уборки пол застелем соломой, а сверху можно положить кошму.

– Это не штука, – затеребил реденькую бородку Ак-Кускун. – Кошмой я обеспечу. Достану кошмы, сколько надо...

– Вот и замечательно! – обрадовался я.

– Кошму достану... Кошму достану... – бормотал Ак-Кускун, думая о чём-то другом. Вид у него был озабоченный.

– Это мы сделаем. Кошма будет, – продолжал шаманить советник кооперации. – Вы мне вот что скажите: пищу где готовить? Сколько людей кормить!.. Ни столовой, ни ресторана...

– Не беда, – успокоил я Ак-Кускуна. – Рядом с домом поставим юрту. Надо найти только самые большие тос-танма...

Советник вопросительно посмотрел.

– Ну, котлы большие. Тос-танма. Понимаете? В них можно и мясо варить, и чай. Один-два повара справятся.

Ак-Кускун проворчал:

– Ну кто же так делает? И мясо, и чай... А чашки, ложки?

– С собой каждый привезёт. Предупредили всех. А если кто из делегатов сам захочет готовить – ещё лучше. Выдадим муку, мясо, чай на руки.

– Ажырбас! – хлопнул в ладоши Ак-Кускун. – Ладно! Выкрутимся!

Он снова был полон энергии. Вот всегда такой: всё ему чего-то не хватает, всё чего-то ищет, о чём-то думает. А до дела дойдёт – всё у него в порядке, всё предусмотрено, обо всём он давным-давно позаботился. Вот и сейчас брюзжал, ворчал. И мне казалось, плохо нам придётся. А он сам же и успокоил: продукты заготовлены, котлы есть, поваров нашёл. Выкрутимся!

Это его прозвали так – Ак-Кускун. Немногие знали настоящую его фамилию – Накозкин. Лет десять пробыл он советником и заведующим торговым отделом Центральной кооперации Тувы. Из Советского Союза приехал в 1921 году. Фактически он один наладил всю кооперативную торговлю. Знали его повсюду. А заниматься ему пришлось не только снабжением и торговлей. Человек образованный, энергичный, а главное – общительный, он как-то незаметно стал авторитетом. Финансы, промышленное производство, сельское хозяйство – по любой проблеме за советом и консультацией к Ак-Кускуну. Он не кичился этим. Не было для него больших и малых дел. Всё нужно, всё важно. И для всех, со всеми – одинаково просто.

Честно признаться, тогда, перед хуралом, я не особенно тревожился за порученную мне заботу о делегатах ещё и потому, что с Ак-Кускуном нечего было бояться. Так оно и вышло. Накозкин снял с моих плеч большую часть ноши.

Но он не был бы самим собой, Ак-Кускун, если бы не создавал для себя всё новых и новых забот.

– А как с лошадьми, на которых делегаты приедут? Кто-нибудь подумал? Где решили пасти? На Оргу-Шоле? Кому поручили?

– На прошлом хурале делегаты по очереди пасти, – сказала Докуй.

Накозкин замахал руками:

– Так не годится. Делегаты должны серьёзные вопросы решать, а мы их – в пастухи...

Тут и мне представился случай проявить инициативу.

– Уход за лошадьми поручим революционным бойцам. Это я возьму на себя, – сказал я.

К вечеру у нас всё было в порядке. Хурен-Бажын готов принять гостей. Рядом поставлена юрта. Котлы на месте. Продукты доставлены. Топливо приготовлено. Повара есть. Пастухи назначены.

И всё-таки мы волновались. Интересно, кто приедет первым. Как мы встретим, устроим...

Раньше всех, поднимая пыль столбом, как на скачках, примчались делегаты из Улуг-Хема – Донгурак, Седен-Дамбаа, Лопсан, Дамдынчап... Все были одеты по-праздничному.

Донгурак осадил жеребца и, не здороваясь, кичливо уперев в бок камчу, спросил:

– Где ночевать? Что есть будем?

Будто не заметив его, я поздоровался с другими делегатами.

– Здесь ночевать будете, – ответила Докуй. – Любую комнату занимайте. Все свободные. Везде прибрано. Соломка свежая, кошма чистая... Продукты можем на руки выдать. А то из общего котла – вон там, в юрте. Скоро сготовим...

– Ерунда! – оборвал нашу приветливую старушку Донгурак. – Я

не свинья, чтобы лежать на соломе. И кашеварить не собираюсь. Мы приехали политические вопросы решать!

– Собственно говоря, за кого вы нас принимаете? – поддержал разъярённого Донгурака Тевек-Кежеге.

– А вы что сердитесь? – невозмутимо спросила Докуй. – И даже не поздоровались... Мы сделали всё, что смогли. А если вам не нравится...

– Где таргалары? – продолжал шуметь Донгурак. – Почему не встречают делегатов? Позовите сюда немедленно!

Я обернулся к нему.

– Если вам нужен представитель ЦК, можете говорить со мной.

– Если вы представитель ЦК, – насмешливо произнёс он, – то я вам скажу, что помещение у вас никуда не годится. А больше мне с вами говорить не о чем!

– Вот и хорошо! А шуметь зачем? То, что приготовлено, – для всех. Для всех делегатов, – подчеркнул я. – Ни для кого особых условий не создано. И не надо говорить, зачем вы приехали. Мы знаем. Вы приехали на хурал. А кроме того... Здесь не Улуг-Хем.

Я не видел, когда рядом с нами оказался Чульдум – тоже член улуг-хемской делегации. Должно быть, он всё слышал, потому что сердито крикнул:

– Помолчи, Донгурак! Чего ты лезешь вперёд всех? Кто тебе поручал говорить от имени всех делегатов хошуна?

И «грозный» Донгурак примолк. Он слез с коня и отошёл в сторону, сказав при этом не очень громко, но так, чтобы мы услышали:

– Перетерпим как-нибудь в этой ночлежке. После найдём лучше... А кое-кого научим почтительному отношению.

* * *

Двадцатое октября тысяча девятьсот двадцать девятого года.

Погода резко изменилась. Небо сплошь затянуто тёмно-серыми тучами. Снег падал хлопьями и сразу таял. Под ногами хлюпала грязь.

Никто, казалось, не замечал этого. Возле здания, где должен был открыться хурал, собирались кучками, отыскивали знакомых, шумно разговаривали. Больше ста сорока делегатов из всех хошунов и сумонов приехали в Кызыл. То тут, то там видел я знакомые лица. Вон Кара-Данзын и Кол-Балчыма из Тоджи. А это – Энзук, Лопсанчап и Сундувей из Дзун-Хемчика, Ужар-Маадыр из Ары-Оюна. Вот подошли барын-хемчикские делегаты – Бак-Кок, Чартыкай и Маады. Окликнули земляки – каа-хемские! Среди них Саглынмай, Чадаг-Кыдат, брат Пежендей...

Пежендей и Энзук «по-родственному» отозвали в сторонку, чтобы порасспросить, что да как будет на хурале.

Приближалось время открытия первого заседания. Небольшой зал постепенно заполнился, но многие стулья стояли пустыми. Делегаты предпочитали садиться на пол, между рядами. Так удобнее, привычнее. Машинально то вынимали, то снова прятали за пояс табакерки и трубки, но курить не решались.

...К длинному столу, покрытому красным сукном, вышел Шагдыржап. Привычно откинул пятернёй волосы со лба, оглядел зал, прокашлялся, позвонил в колокольчик.

– Дорогие делегаты! – волнуясь, начал он.

Шум мгновенно стих.

– Поскольку большинство делегатов прибыло, – он уже справился с волнением, и его высокий голос звучал торжественно, – Восьмой Великий хурал партии Тувинской Аратской Республики объявляю открытым.

Раздались два-три хлопка: немногие знали, что такое аплодисменты.

– Открыть! Открыть! – эхом отозвалось несколько голосов.

В президиум хурала предложили избрать весь состав Центрального Комитета, представителя Коминтерна – ректора КУТВа.

– Какие ещё будут предложения?

На возвышение, где сидели таргалары из ЦК, поднялся Тевек-Кежеге.

– Предлагаю в президиум товарища Донгурака, делегата Улуг-Хема, председателя хошунного комитета партии.

– Не согласен! – крикнул с места Сундувей. – От Улуг-Хема уже назвали товарища Чульдума. Хватит!

Спорили, пока не объявили перерыв. Делегаты опять вышли на улицу – на снег и слякоть, разобрались по хошунам, присели на корточки, задымили.

Пежендей с Ензуком снова начали выпытывать у меня, что да как будет, но тут меня поманил встревоженный Баян-Далай, улуг-хемский арат.

– Как быть? – спросил он, боязливо поглядывая по сторонам. – Хурал-то уже открылся...

– Ну и что? – не понял я.

– Надо бы найти место поспокойнее. – Баян-Далай всё ещё испуганно озирался.

– Да что случилось? Ну пойдём.

Я повёл его к себе на квартиру – это было совсем рядом.

– Здесь никого нет. Говори.

Оглядев все углы, будто всё ещё сомневаясь, не подслушивает ли кто, понизив голос, он сказал:

– Есть несколько слов о Донгураке.

– Да говори быстрее – перерыв кончится!

– Я хотел сказать, пока хурал не начался, но не знал – кому. Подходящего знакомого человека не нашёл...

И опять зашарил глазами.

– Чего ты боишься, Баян-Далай? – потерял я терпение. – Мы с тобой одни. Говори смело.

– Хорошо, – тяжело вздохнул он. – Некоторых делегатов, выбранных на хошунном хурале, Донгурак с собой не взял. Вместо них приехали Тевек-Кежеге, Седен-Дамбаа и кое-кто ещё из его сторонников. А они и не делегаты вовсе...

– Как не делегаты? Тевек-Кежеге выступал даже!

– Я и говорю.

Пожалуй, Баян-Далай не зря боялся!

– И ещё Донгурак считает постановление ЦК о нашем хошуне неправильным. Донгурак велел всем нам требовать на хурале сместить ЦК.

Это уже совсем серьёзно!

– Перед отъездом в Кызыл он нас собрал и наказывал, как держаться, как выступать. Многим из наших не по нутру. Но мы сами осилить его не сможем. Страшно против него пойти. Что делать? Научи.

– Что делать? – я старался говорить как можно спокойнее, чтобы не выдать волнения. – Вот так, как мне сказал, открыто скажи на хурале. Ничего не бойся. Тебя поддержат. Если не испугаешься выступить – обломаем рога бодливому быку!

– Ну, если так, – улыбнулся Баян-Далай, – согласен!

К счастью, перекур затянулся, и я успел передать Шагдыржапу и Пюльчуну обо всём, что услышал.

– Вот, оказывается, какую он кашу собирает заварить! Неспроста его и в президиум тянут. А я никак понять не мог, чего это вокруг него столько разговоров. Значит, ещё кто-то его поддерживает. Прежде чем продолжать хурал, надо разбить Донгурака и его компанию. Он может затормозить всю нашу работу.

Лицо Шагдыржапа посерело. Папироса в его руке дрожала.

– Пошли. Сразу дадим слово Баян-Далаю. Не струсит?

– Думаю, нет.

Как только генсек объявил о выступлении делегата Улуг-Хема, Донгурак заявил протест:

– Наша делегация не поручала Баян-Далаю выступать! Какое он имеет право говорить, не посоветовавшись с нами?!

– Не шумите! – оборвал его председательствующий. – Президиум хурала предоставил ему слово. Говорите, товарищ.

А Баян-Далай уже стоял на трибуне, переминался с ноги на ногу.

– Чаа, – нерешительно произнёс он. – Я хотел кое-что сказать и потому поднялся на это высокое волнующее место... Я думаю, что правда лучше всего. И вы тоже, наверно, так думаете...

– Что ты там болтаешь! – закричал Донгурак. Знал бы он, что именно эта его реплика помогла Баян-Далаю окончательно преодолеть страх!

– Подожди! – рассердился Баян-Далай. – Не мешай мне. Говорят, поспешившая муха в молоко угодила. Это не болтовня. Наоборот, я поднялся сюда, чтобы сказать о болтуне. А ты догадываешься, Донгурак, что я хочу сказать, вот и корёжишься, как сухожилие, брошенное в костёр.

Донгурак вскочил и по всегдашней своей привычке засучил рукава.

– Что ты понимаешь? Все знают, что я возглавляю делегацию хошуна. Таргалары, прогоните этого негодяя с трибуны!

– Товарищ Донгурак! Что вы так волнуетесь?! – Насмешливый голос Шагдыржапа заставил крикуна умолкнуть.

Баян-Далай совсем освоился на трибуне.

– Вот беда: потерял я нить своих слов...

Зал добродушно рассмеялся:

– Ищи! Мы подождём!

– Суть моих слов такова. Этим летом на собрании классовой борьбы мы вынесли постановление конфисковать скот, если у кого больше двадцати пяти голов. Не у богатых, а у всех. Это была наша ошибка, и ЦК принял специальное постановление. А Донгурак и его подхалимы не согласны с постановлением, они делают по-своему. Донгурак подговорил делегатов выступить на хурале против ЦК. Он говорит, в ЦК сидят люди правого уклона. Говорит, среди них надо провести чистку. Куда это годится?! И дома, в Улуг-Хеме, исподтишка учил, что говорить на хурале, как себя вести, и здесь командует. Плохое он задумал. А чтобы вышло так, как ему хочется, Донгурак вместо выбранных делегатов привёз других людей. Выбрали у нас Санчы-Мидипа из Шагонара, а приехал кто? Приехал брат Донгурака – Седен-Дамбаа. Прошу хурал обратить на это внимание. А мне не верите – спросите у товарища Чульдума. Он хотя и не знает, конечно, всего, но, думаю, догадывается...

Шагдыржап несколько минут тряс колокольчиком, чтобы установить тишину.

– Так может делать только враг партии!

– Нельзя это оставить!

Перекрывая все голоса, зычно крикнул Дандар-оол:

– Пусть выскажутся делегаты Улуг-Хема!

– Правильно, – успокоился зал.

Из президиума к трибуне шагнул Чульдум.

– В свои планы Донгурак, по понятным причинам, меня не посвящал. Так что о подмене делегатов, о сговоре за нашей спиной я услышал только сейчас. Хотя мог бы догадаться... Ещё подумал: а

откуда здесь Тевек-Кежеге? Вроде бы его не выбирали... Товарищ Баян-Далай прав: Донгурак не желает подчиняться постановлению ЦК, проводит свою линию. Вообще он игнорирует членов партии хошуна. То, что нам рассказал Баян-Далай, очень тревожно.

Не дожидаясь, пока ему дадут слово, через весь зал торопливо стал пробираться немолодой уже делегат очень маленького роста – как ребёнок, с застывшим, грустным выражением лица. Тоже улуг-хемский – Дажы Билбии. Друзья звали его Чолдак Билбии – Маленький Билбии. И голос у него был детский. Когда он говорил, казалось, вот-вот расплачется.

– Я думаю, – неожиданно звонко прозвучал голосок Дажы, – Донгураку на хурале делать нечего. Правильно? А про Тевек-Кежеге и Седен-Дамбаа чего говорить? Они не делегаты. Ну и пусть катятся отсюда. Вместе с Донгураком. Если Донгурак останется, он только мешать будет. Он о самом себе думает, для себя славу ищет. А партия ему ни к чему!

– Гнать его!

– Хватит время на Донгурака тратить! Полдня о нём спорим. Поважнее дела есть!

Шагдыржап тряс колокольчик, пока рука не устала.

– Товарищи! Мы действительно непростительно много потеряли времени. Но вопрос этот принципиальный. И делегаты, по-моему, справедливо требуют удалить Донгурака с хурала. Велика его вина перед партией. Он покушался на свободу аратов, на их имущество, перегибал нашу партийную линию, нарушал дисциплину. В нём, если разобраться, ничего не осталось от члена партии.

Куда только девались заносчивость, высокомерие, кичливость Донгурака. Он сидел сгорбившись, зажав голову руками.

– Можно мне? – тихо спросил он.

– Наговорился! Хватит!

– Пусть скажет. Послушаем.

– Гнать с хурала всех донгураков!

Слово ему всё-таки дали.

– Не было у меня плохих мыслей, – стал он оправдываться. – Мне казалось, что я действую в интересах революции. Я считал, что отдельные товарищи поступают недостаточно революционно. Теперь я понял свою ошибку.

– Не верим! – загудел зал.

– Кто за то, чтобы лишить Донгурака права участвовать в работе хурала? – Шагдыржап поднял руку с листком бумаги.

Руки, шапки взметнулись над головами.

– Донгурак, а также Тевек-Кежеге и Седен-Дамбаа! Прошу вас покинуть хурал.

До десятого ноября продолжался съезд. Он затянулся не только потому, что обсуждалось много вопросов. Хотя в самом начале и установили регламент – выступать не больше тридцати минут, каждый говорил сколько хотел и о чём хотел, да ещё не по одному разу. И это, наверно, было правильно, потому что принятые решения – очень важные решения – осознал каждый.

Восьмой Великий партийный хурал окончательно закрепил революционные завоевания трудящихся аратов Тувы. На нём решили конфисковать имущество феодалов, чтобы навсегда сломить их. Хурал принял план хозяйственного и культурного строительства. Постановил создать тувинскую письменность. Решено было укреплять и впредь братскую дружбу с Советским Союзом, идти по пути марксизма-ленинизма.

Тридцать человек избрали в новый состав ЦК. У руководства партией по-прежнему остались Шагдыржап, Пюльчун, Чульдум. Членами Центрального Комитета стали Седип-оол, Даландай, Шагдыр-Сюрюн. Выбрали и меня.

Только после окончания хурала удалось нам встретиться с Пежендеем. Брат пришёл в мою «юрту» и мы с ним вдоволь наговорились.

Изменился он сильно. Глаза живые, настроение весёлое. Никогда прежде не видел я брата таким.

– Как там у нас, на Терзиге? – спросил я.

Пежендей стал рассказывать обо всём и обо всех. Раздвинулись стены комнаты...

Брат недавно перекочевал в Суг-Бажи. Зимник поставил, к домику пристройку сделал. Обосновался прочно. И хозяйством обзавёлся – лошадь купил, корову.

– Видишь, совсем богатым стал! – смеялся он.

Ещё бы не богатым! Если вспомнить, как приходилось нам голодать, как мучилась наша мать Тас-Баштыг, чтобы хоть чем-нибудь накормить нас...

– Женился я, – как бы невзначай, между двумя затяжками, сообщил брат. – Помнишь Ханму? Моя жена теперь. Благодаря революции потомство Тас-Баштыг увеличивается!

– Поздравляю, акый! Как братья, сестра?

Пежендей нахмурился.

– Сёстры – ничего, а вот с Шомукаем не знаю что и делать... Беда с ним. Пьёт много. Надо бы тебе чаще бывать у нас.

Да, конечно, брат прав. За всё время я только раз и был у своих.

– Нам тоже бывает некогда, – нажал брат на последнее слово и крепко закусил мундштук трубки. – Хотя бы один день всегда можно выкроить.

– Приеду, обязательно приеду!

Встреча с Пежендеем была вдвойне радостной: его избрали членом ЦК. Неграмотный арат, он стал председателем сумона, а вот теперь ему оказали самую высокую честь. Я вспомнил его слова, когда брат провожал меня в Капту-Аксы: «Поезжай, Тока. За тобой и я приеду». Одной дорогой пошли мы с Пежендеем. Как было этому не радоваться.

Потом мы заговорили о политике. Брат сидел сосредоточенный, нещадно дымил и жадно слушал. Не успевал я что-нибудь растолковать, как он спрашивал ещё и ещё. Пришлось мне крепко попотеть. Отделаться одной-двумя фразами я не мог. Всё надо было объяснить как полагается. И я рассказывал, чувствуя, что этот наш разговор больше полезен мне, чем Пежендею. Он как бы требовал от меня отчёта перед самим собой. Он хотел знать не только то, что будет делать сам, а больше всего то, что буду делать я: как я стану работать, какие у меня мысли. И трудно же мне приходилось, потому что о многом у меня было такое же приблизительное представление, как и у брата. Пежендей понимал это и молчаливо подбадривал меня.

Я был убеждён, что будущее родной Тувы зависит прежде всего от грамотности народа. Как ни замечательны решения, принятые Великим хуралом, но мало они пока стоят – ведь в республике совсем нет промышленного производства. А с нищим кочевым аратским хозяйством далеко не уедешь! Ох и много же было такого, о чём я при всём желании не мог сказать ясно ни брату, ни себе.

* * *

Знал бы Пежендей, сколько раз вспоминал я эту беседу!

На Пленуме меня выбрали одним из секретарей ЦК. Трудно сказать, что за чувство испытывал я – то ли радость, то ли страх.

И вот в первый раз вошёл в «дом-сундук» большим таргой. Явился к Шагдыржапу.

Поздоровались.

– Что делать буду?

– Охаай! – усмехнулся генсек. – Значит, работой интересуешься? Ну, слушай хорошенько. Садись. Нет, не сюда. Вон за тот стол садись. Будем с тобой в одном кабинете работать.

Он показал на стол, застеленный рваной газетой, и трёхногий стул.

Я растерянно глядел то на стол, то на Шагдыржапа. Он улыбнулся: дескать, придёт время – будет стол и получше.

– Стол, стул – это не важно, – сказал я. – С чего начинать?

– Работы хватит. Сам увидишь. Я тебе не могу так вот просто сказать: делай то, делай это. Разберёшься, вникнешь.

– А всё-таки с чего начинать? Может, какие-то указания будут?

Генсек, словно испытывая меня – не обижусь ли, пошутил:

– Все указания пишутся у нас на монгольском языке. Ты, наверное, не разберёшься... – Он походил по комнате, остановился возле меня, положил руку на плечо. – Если откровенно говорить, месяц-два просто посидеть надо тебе, приглядеться. Что не поймёшь – спросишь. Что надо – подскажу. Садись за свой стол. Будем работать вместе.

Не очень-то приятно было сидеть день за днём в кабинете генерального секретаря, ничего, в сущности, не делая. А я сидел, не пропуская ни единого движения Шагдыржапа. Он пишет, и я что-нибудь пишу. Он, по своей привычке, начнёт расхаживать по кабинету, и я нет-нет да и пройду. Он с посетителем беседует, и я в разговор вступаю. Впрочем, говорить я осмелился не сразу. В общем, понемногу освоился. И дни, проведённые в кабинете генерального секретаря, стали для меня замечательной школой. Сколько, бывало, наслушаешься, сколько людей перед глазами пройдёт! Меня поражало умение Шагдыржапа находить общий язык с любым посетителем, сразу распознавать, что за человек пришёл, умение быстро, точно решать сложные вопросы.

Всё это надо было постичь. Где бы ещё смог я с такой полнотой узнать о сложных, многообразных обязанностях секретаря?!

Пусть кому-то покажутся наивными эти строки. Пусть кто-то усмехнётся – вот, мол, нечего сказать, стал Тока секретарём ЦК! Пусть. Так было. С этого мы начинали, и я ничего не хочу приукрашивать, ничего не хочу скрывать.

Надо ещё добавить, что одновременно меня назначили министром просвещения. А кого и как просвещать, если нет и не может быть пока в республике ни одной школы, потому что нет даже собственной азбуки! Тем не менее министерство создали, и половину рабочего времени я проводил в заботах о народном просвещении.

Улуг-Хем в том году долго не замерзал. Почти до конца декабря стояла тёплая погода. Часто по вечерам я приходил на берег реки и глядел, как над водой поднимается густая пелена тумана, как бегут на север, обгоняя друг друга, волны... Вспоминал, как уезжал отсюда в Москву. Думал, думал, думал...

Глава 13 **Всего хорошего**

Это было в марте 1930 года. В кабинете Шагдыржапа собрались члены бюро ЦК. Первым пришёл Пюльчун, ставший теперь министром внутренних дел. Он весело поздоровался, затем затеял шуточный разговор, но тут же появился Сат – хмурый, чем-то недоволь-

ный, и сразу стало неудобно, будто холодом пахнуло. Сат, ни к кому не обращаясь, буркнул:

– Здравствуйте.

Тяжело сел в углу, запыхтел.

Не заставили себя ждать и остальные.

– Один вопрос, товарищи, – Шагдыржап не стал терять времени. – Секретарь ЦК Монгольской революционной партии товарищ Элден-Очур прислал приглашение на Девятый Великий хурал. Кого пошлём?

– Какие имеются соображения? – так же хмуро спросил Сат.

– Чего тут соображать? Давайте здесь и договоримся.

– Пошлём Салчака, – предложил Пюльчун.

Члены бюро как в рот воды набрали. Я растерялся.

– Дай-ка я скажу, тарга, – поднялся Сат и усмехнулся.

– Говори.

– Если хотите знать моё мнение, надо послать другого человека. Вообще против Токи я ничего не имею. Но монгольской грамоты он не знает, жизнь этой страны не знает. Вот и получится неизвестно что...

Элбек-оол негромко, но так, что всем было слышно, добавил:

– В нём ни монгольского, ни тувинского ничего нет.

Я готов был провалиться со стыда. Ну зачем понадобилось Пюльчуну называть моё имя?

– Не могу с вами согласиться, – откуда-то издали донёсся недовольный голос Шагдыржапа. – Мы только что выдвинули Току на высокий пост. Ему полезно будет поучиться. Я за то, чтобы послать его. Пусть опыт наших соседей изучит. Хорошее нам привезёт, плохое там оставит.

С перевесом в один голос предложение Пюльчуна прошло. Мне бы радоваться, а на душе было беспокойно.

* * *

...Звон колокольчика разбудил на рассвете.

Быстро собрался, выскочил на улицу. Мороз! Градусов пятьдесят, если не больше. Лошади в клубах пара, как в тумане. Ямщик в тулупе топает по снегу валенками, хлопает рукавицами по бокам и приговаривает: «Раз-два! раз-два!».

И вот уже третьи сутки в пути. Снег мчится навстречу со скоростью Каа-Хема во время паводка. Голоса сидящего рядом ямщика – старого моего знакомого, Ивана Исламова, – не слышно. Звон колокольчиков сливается в какое-то невнятное шипение.

Я кутался в небольшую собачью доху, стараясь забраться как можно глубже, тянул на голову широченный воротник-капюшон.

Проснулся я оттого, что Исламов тряс меня за плечи. С трудом

выкарабкался из саней и ничего не мог понять: где же дорога? Ветер по-прежнему свирепствовал, и всё слилось – ничего не разберёшь – в сплошную кипящую, шипящую, ревущую мешанину. Казалось, какая-то дьявольская сила швыряла, будоражила и перебалтывала всё, что есть на земле и над землёю. Исламов ругался последними словами и клял всё на свете. Лошади дико кидались из стороны в сторону.

Мы крепко взяли коней под уздцы и стояли, пытаясь закрыться от яростных порывов ветра, который одновременно дул и сверху, и снизу, и сбоку, и сзади. Не помню, сколько мы так простояли. Буран стих мгновенно, и сразу стало до того тихо, что я испугался – уж не оглох ли?

– Ну что? Не помирать же нам тут! Давай скидывай доху-то.

Исламов распряг лошадей и дал им сена.

Я огляделся. Снежная лавина перегородила дорогу, а буран подсыпал ещё – целую гору намёл! Слева – обрывистый берег реки. Справа выпятился каменным боком высокий утёс. Ни проехать, ни объехать. А назад пути нет. И не повернёшь назад: надо во что бы то ни стало пробиваться.

– Помнишь место? – спросил ямщик.

– Откуда мне его знать? – удивился я.

– Да ты же здесь рыбу ловил!

Похожего, признаться, было мало.

Мы взялись за лопату и топор, и буквально вгрызлись в плотно спрессованный снег. Копали и рубили до темноты, подбадривая друг друга. Кое-как прорыли узенький коридорчик. Сначала протасили через него сани, и потом – по одной – провели лошадей.

До станции Буйба доплелись еле живые. Кони устали не меньше нас, хотя отдохнули и подкормились, пока мы с Исламовым сражались со снежным завалом.

Утро не обрадовало. Небо оставалось мрачным. Потянул низкой ветер, и, едва мы выехали, снова разыгралась саянская пурга. Вихри снега скручивались столбами, обжигали колючим холодом. Изредка сквозь пелену снега проглядывал клочок белёсого неба, и снова неистово и озлоблённо бесновалась пурга. Нам почти всё время приходилось идти пешком, держась за обводья саней. Неожиданно пристяжная лошадь прынула в сторону и завалилась в снег. Упряжь лопнула. Целым остался только повод.

– Беда! – всполошился ямщик.

Он торопливо обхватил верёвкой шею упавшей лошади и, протасив оставшийся конец под её ногой, закрепил его за сани. Понукая коренника, подталкивая упавшую пристяжную, еле-еле подняли её. Она фыркала и дрожала всем телом.

– Ну дорожка! – Ямщик высказал всё, что думал о дороге, о погоде, о Саянах, обо мне – понесла же нелёгкая в такую пору! А когда отвёл душу, уже спокойнее сказал:

– Рядовой запряжкой по такой дороге не уедем.

Он перепряг коней гуськом, и мы потащились сквозь метель.

Спутник мой неожиданно развеселился:

– Считаю что приехали! Сейчас Григорьевка будет. В Ермаковск, как говорится, на одной ноге доскачем. А там и до Абакана ерунда остаётся. Через двое суток там будем. Н-нно, голубчики!

За перевалом непогода угомонилась, стало теплее, выглянуло солнце. Мы завалились в сани. Кони трусили неторопливой рысцой. Весело брякали колокольчики под дугой. А в ушах ещё по-волчьему выла пурга.

* * *

В Улан-Удэ знали о моём приезде и должны были помочь добраться до Урги. Незадолго перед тем открылась авиалиния, но самолёты летали раз в десять дней при условии хорошей погоды. А погода ничего доброго не обещала.

Товарищи из Бурятского обкома поделились последним – дали свою автомашину, старенький «фордик», родного брата нашей «чёрной быстрой». Дали провожатого.

Укутанные в дохи, мы мчались на открытой машине, обшарпанной, будто обгоревшей на пожаре, но послушной водителю и готовой бежать без усталости. Пересекли по льду реку Селенгу.

– До самой Кяхты дорога прямая, как стрела, – прокричал спутник.

Сопки, поляны, сосновый бор, просторная степь, плоскогорье, снова сосняк, берёзовая роща... День был прозрачный, солнечный. От яркого света слепило глаза. Я любовался окружающей местностью, сравнивая её с пейзажами Тувы.

Пока ехали вдоль Селенги, посёлки, почти не прерываясь, следовали один за другим. Не без зависти я заметил про себя, что народ здесь оседлый.

Вот и граница. Остановились у маленького домика таможи. Несложные формальности, и пограничники сдали нас с рук на руки двум монголам. Один из них был председатель малого Селенгинского хурала, другой – секретарь аймачного комитета партии.

Глава 14

Друг

К монгольской столице мы подъехали, когда солнце уже опустилось и оранжевые его лучи лизали сверкающие двускатные крыши старинных хуре.

Остановились в Тувинском полпредстве.

Встретил нас Карсыга. Тот самый «второй человек после министра иностранных дел», с которым мы, выпускники КУТВа, въезжали в Кызыл по возвращении из Москвы. Та же франтоватость, та же самоуверенность. Впрочем, давнишний знакомый кое в чём переменялся к лучшему, пообтесался. Уже не хвастает так безудержно, как прежде. Скромности немного прибавилось, обходительности, серьёзности. А в сущности, он вовсе не плохой парень, Карсыга. Добрый, приветливый, заботливый. И в этот раз он постарался, чтобы после дальней дороги мы смогли хорошо поесть и отдохнуть.

С утра я собирался пойти представиться официально, но чуть свет в полпредство явился Элдеп-Очур. От радости и волнения я растерялся, а Элдеп уже летел ко мне с распростёртыми объятиями. Мы обнялись, расцеловались.

– Извини, не мог встретить вчера. Очень неудобно получилось. Я только ночью узнал, что это ты приехал. Будить не стал. Ну, как добрался? Как живёшь?

Он засыпал меня вопросами. Такой же шумливый, весёлый, как и в Москве.

Вместе мы подошли к двухэтажному каменному дому ЦК МНРП. Здесь же размещалось и правительство. Никакой охраны. Поднялись в его кабинет.

– Садитесь, – сказал Элдеп, занимая место за столом. – Великий партийный хурал открывается через три дня. Вы имеете возможность за это время ознакомиться с достопримечательностями столицы. Если вы не будете возражать, я сам познакомлю вас с нашим городом.

Поддельваясь под его официальный тон, я ответил:

– Сочту за честь... Но... вы, должно быть, очень заняты. Подготовка к хуралу.

Элдеп захохотал.

– Пошли!

Он потащил меня на улицу. В эту минуту никто бы не сказал, что Элдеп-Очур – секретарь ЦК партии.

– Мы не можем терять ни минуты, – шумел Элдеп. – Не зря же нас учили в КУТВе: время – золото!

...Улица за улицей мелькали перед глазами. Школа. Больница. А вот старая часть города, хуре. Сновали ламы и их ученики – хувураки – с перекинутыми через плечо шёлковыми полотнищами, в конусообразных шапках. Нетрудно было определить, что все они, судя по ленивой походке, говоря по-русски, бьют баклуши.

Улочки в этой части города были узкие, за каждым углом валялись груды мусора и нечистот. Воздух был спёртый.

– Пусть только пройдёт хурал, – нахмурился Элдеп-Очур. – Разделаемся с ними.

Мы заглянули в самый большой храм. Высота дугана метров десять. Пол из белой глины. Всюду виднелись изображения богов, нарисованных на полотне, изваянных из бронзы, со страшными рожами. От множества этих страшилищ рябило в глазах. Молящиеся обходили трёхметрового медного болвана и в отверстие на спине клали приношения – золото, серебро и кадак-самбаи – специально «для бога» придуманные дары из шёлка, меха...

– Сколько лет глотает – и никак не насытится! – заметил Элдеп.

– А куда же девается всё, что туда суют?

– Служитель снизу подбирает. Если что-нибудь ценное, верховные ламы: камбылары, соржулары – себе берут, остальное поступает в монастырское хозяйство. Бездонная бочка – этот бурган-башки!

Выйдя из хуре, мы облегчённо вздохнули. В северной части города находились торговые улицы. Здесь было немало государственно-кооперативных магазинов, но всё-таки основную массу составляли торговцы-частники. Монголов среди них было мало – всё больше китайцы-ростовщики.

– Пока у нас ещё почти нет крупных предприятий, – объяснял мне друг. – Несколько кустарных артелей, машиноремонтная мастерская да две-три кузницы – вот и вся столичная промышленность!..

Прогулка наша основательно затянулась. Но мы не просто бродили по улицам. Знакома меня со своей столицей, Элдеп-Очур как бы совершил со мной экскурсию по повестке дня партийного съезда. Передо мной с предельной чёткостью была развёрнута программа партии – борьба с остатками феодализма и всевластьем буддистов, неотложные задачи в области промышленности, строительства, торговли, развития культуры...

– Дороги наших республик одинаковы. Задачи – близки. Пример Советского Союза перед глазами, – подвел итог Элдеп.

Я горячо поблагодарил друга.

...Мог ли я предполагать, что это была по существу последняя наша встреча. Нет, мы ещё не раз виделись в дни работы съезда, но это были короткие, мимолётные и чисто деловые свиданья. Таково, как этот день, когда мы были просто добрыми друзьями, когда молодость и энергия были для нас тем, что ещё не умеешь оценить по-настоящему, а высокая ответственность, возложенная на нас, не отягощала плечи, – судьба нам больше не подарила.

Я оказался в Улан-Баторе лишь через десять лет, в 1940 году. Эддеп-Очур был тяжело болен. Он уже не вставал с постели. Участвуя в подавлении восстания феодалов, Элдеп попал в аварию, вернее – в ловушку. Машина, на которой он ехал, свалилась в замаскированную яму, вырытую на дороге. Элдеп сломал позвоночник.

Я пришёл к нему. Обложенный подушками, он полусидел. Вид у него был измождённый. Щёки впали, глаза ввалились. А улыбка была прежняя и взгляд тот же – молодой, озорной. Казалось, сейчас он вскочит, облапит так, что кости затрещат... Увы, только казалось.

– Говорить долго нам не разрешили.

– Что поделаешь! – сокрушался Элдеп. – Надо слушаться. Поправлюсь – обязательно к тебе приеду. Надо же нанести ответный визит!

Не поправился. Не приехал...

Глава 15 Мятеж

Съезд проходил в огромной юрте наподобие теперешних цирков-шапито. Потолок подпирало бесчисленное количество столбов. Наверху, посередине, – единственное окно. От зала-амфитеатра разбегались коридорчики, в которых были расположены маленькие комнатки-раздевалки. В задней части юрты стояла низенькая сцена. Дощатый пол ходил ходуном, будто канатный мост, и скрипел под ногами, как бы осторожно ни ступали. Да и всё сооружение качалось и скрипело от ветра. Казалось, оно вот-вот развалится.

Но, несмотря на внешние отличия, многое – в выступлениях делегатов, в их разговорах между собой, в повестке дня хурала – напоминало наш съезд. Много было общего. Казалось, наш большой разговор в Кызыле продолжили здесь. И в то же время всё, что я слышал, как-то по-новому освещало нашу жизнь, наши тревоги и заботы, заставляло задумываться над тем, что у себя дома ускользнуло от внимания.

В перерыв я вышел на улицу.

Так же, как и у нас, перед юртой-театром, разбившись на кучки, беседовали араты. Так же сидели на корточках, потягивали трубки. Один из них, одетый в новую баранью шубу, в лисьей шапке, из-под которой торчат обмороженные уши, возбуждённо втолковывал собеседникам:

– У нас в сумоне нет ни одного врача. А эти проклятые ламы только обманывают. Надо пригласить из русской страны образованных врачей. Я обязательно буду говорить об этом.

– Правильно! – откликнулся другой монгол со слезящимися глазами. – В нашем сумоне много больных. А ламы что? Только стараются побольше взять, а помощи от них никакой.

Рядом тоже говорили о ламах, но уже другое:

– Чем мы богаты, так это ламами. Каждый пятый мужчина –

лама. Говорят – или отдай сына в хуре, или плати монастырский налог. А учить детей негде. Школ нет...

– В нашем аймаке такое положение, что власть у старых чиновников. Скот у них, пастбища тоже у них...

Неожиданно я услышал за спиной знакомый женский голос:

– Обязательно буду говорить о «беспорядках»! Видите, даже на нашем хурале сплошь мужчины. До каких пор женщин будут эксплуатировать?

Я обернулся.

– Здравствуйте, товарищ Янчимаа!

– Тока! Какими судьбами? Давно ли в наших краях? Как хорошо, что приехали! Элдепа видели?

Договорить нам помешал начавшийся хурал. Я только и успел узнать, что она работает в ЦК, заведует женотделом. Уже на ходу мы условились о встрече.

После перерыва выступал Элдеп. Я слушал его, и будто шёл по улицам монгольской столицы. Наш вчерашний разговор то и дело всплывал в памяти. «Дороги наших республик одинаковы. Задачи – близки», – каждым словом своего доклада Элдеп подтверждал это.

Прения, как и у нас, шли без регламента. Бады-Сагана, который вместе с Сухэ-Батором начинал революцию, сменял на трибуне Демир-Чыргал – скотовод из Улан-Гомского аймака, вслед за боевым другом Сухэ – Санхо из Хомду – выступал тот самый арат с обмороженными ушами, который сетовал на отсутствие врачей... Больше всего говорили о скотоводстве – основной отрасли монгольского хозяйства, но почти каждый непременно заявлял о поддержке ЦК и правительства, их программы борьбы с феодалами и церковью. Я «мотал на ус», когда заходила речь о культурной революции – строительстве школ и больниц, когда вносились предложения о развитии местной промышленности, строительстве дорог, коллективизации сельского хозяйства...

Шагдыржап был прав: эта поездка на многое открыла мне глаза. Как он говорил? «Хорошее нам привезёт, плохое там оставит». Несколько дней, проведённых на Великом хурале в Улан-Баторе, не только дали мне в обратную дорогу увесистый груз «хорошего», они подсказали, научили, как бороться со своим «плохим». А плохо в Туве оказалось больше, чем мы подозревали...

Через несколько дней меня срочно отозвали домой. В ответ на решения нашего партийного съезда недобитые феодалы и ламы в нескольких хошунах подняли контрреволюционный мятеж.

Многое было неясным. Судя по отрывочным сведениям, Дамдыкай мээрэн, вставший во главе мятежа, сумел обманом и силой сколотить из аратов Шеми, Чыргака, Чадана и Хондергея несколько банд. Мятежники хватали активистов, членов партии, пытали,

мучили, убивали их. Но что замышляют мятежники, каковы их планы, что они предпримут, на что рассчитывают, – оставалось неизвестным.

При ЦК создали революционный штаб под председательством Шагдыржапа. В районы, охваченные восстанием, направили правительственные войска.

Обстановка несколько прояснилась, когда в Кызыл приехал Энзук. Поскольку никто не знал о его истинной роли в разгроме банд Сумунака, ему удалось затесаться в отряд Дамдыкай и кое-что выведать. Он сумел проникнуть даже на «военный совет» мятежников.

– Дамдыкай так заявил, – рассказывал Энзук. – Сначала захватим Верхнее и Нижнее Чаданские хуре, тогда перед нами лягут Хемчикский и Улан-Хемский хошуны. Ну а если ими овладеем, – считайте, наша взяла! Главное – нагнать страху на всю эту сволочь. Ошеломить. Показать нашу силу, решимость. Действовать сразу в нескольких местах, чтобы проклятые кулугуры не сообразили, где вперёд им спасать свои шкуры... Я имею священное напутствие Чамзы-камбы и сына прославленного Сумунака.

– Верите, – признался Энзук, – не мог на месте от злости усидеть! Еле сдержался, чтоб виду не подать. Надо сказать, не все у них такие самоуверенные, как Дамдыкай. Карма-Сотпа считается у них вторым после Дамдыкай, но он побаивается. Пока ещё, говорит, в наших руках ничего нет, народу в отрядах мало, основную задачу никто не знает...

После его слов Дамдыкай прямо расвирепел. Если у тебя, кричит, колени дрожат или сердце не выдерживает, лучше уйди с нашей дороги. С тобой или без тебя мы восстановим в Туве доброе старое время. Нам помогут с той стороны, откуда восходит солнце...

После этого Карма-Сотпа вроде бы успокоился немного, и Дамдыкай тоже поостыл. А тут Чарык-Карак осторожно, чтобы не рассердить «сайгырыкчи», заявляет: «Я незаметно объехал многие места. Не то что простые бедняки, даже некоторые баи на нас не надеются. Что делать?». Будто кипятком плеснули на Дамдыкай.

– Чепуха! Трусливые сволочи! Посмотрим, что будет, когда я захвачу Чаданские хуре. Ламы и ховураки на нашей стороне! Чамзы-камбы выехал к нам. – И опять повторил: – На восстание силы хватит...

Энзук усмехнулся.

– Кричать-то кричит, а всё же терять своих сообщников не хочет. Приказал налить всем араки. Выпейте, говорит, лучше сообщать будете... Пили много. Языки у всех развязались. Дамдыкай спрашивает, где партийцы, которых захватили. Чарык-Карак ответил, что о них можно не беспокоиться: которые поважнее – при-

кручены к стенкам юрты, а остальных караулят. «Сайгырыкчи», пьяный уже, бахвалится: «Пусть немного стемнеет – я с этой сволочью сам поговорю, особо. Или они к нам присоединятся, или мы их в кандалы закуём, а после того, как Верхне-Чаданское хуре возьмём, принесём в жертву флагу».

Жертва флагу – древняя и самая жестокая расправа с противниками. У человека взрезают грудь, и его трепещущее сердце подносят к флагу... Этот варварский обряд должен вызывать у воинов ненависть к врагу, воодушевлять их на полное истребление противника. То, что Дамдыкай решил возродить бесчеловечный обычай, говорило о том, что главарь мятежников всё поставил на карту. Всех, кто слушал Энзука, охватило негодование. А наш разведчик продолжал:

– Уже совсем пьяный Дамдыкай выболтал свои планы. Мы направимся по верховью Шеми через Хондергей, сказал он, и соединимся с повстанцами сайгырыкчи Сонам-Байыра, которые поднялись за благородное дело жёлтой религии в районе Чаа-Холя и Шагонара. Когда захватим эти места, наших воинов будут считать тысячами. – Мээрен сидел раскачиваясь, ноги калачом, руки в бока, как «богдо гэгэн». – Поглядим, кто станет тогда противиться новому хану Тувы!..

Шагдыржап поблагодарил Энзука.

– Понимаю, что тебе было тяжело. Но придётся возвращаться. Мы должны знать о них как можно больше. Всё, что узнаешь, передавай Лопсанчапу. Будь осторожен!

* * *

Несколько дней спустя по приказу ЦК я выехал в Чадан, где находилась часть революционной армии под командованием Достай-Дамбаа. Комиссаром у него был Пюльчун. В эту часть влились добровольцы Лопсанчапа.

Партизцы Чаданского района, служащие хошуна и сумонов, прослышав о бандитах, вооружились старыми дробовиками и ещё до подхода наших регулярных войск укрепили позиции перед хошунским центром. Активных действий они не предпринимали, поскольку бандиты значительно превосходили их численностью и вооружением, но к возможному нападению на хошунный центр были готовы.

Между тем Дамдыкай сумел захватить Верхнее Чаданское хуре. О подробностях этой первой боевой операции мятежников рассказал Лопсанчапу Энзук.

...По существу, хуре незачем было захватывать, поскольку в нём находился сообщник Дамдыкай – камбы Соржу. И он, и преданные ему ламы ждали появления новоявленного сайгырыкчи,

чтобы, соединившись, начать войну по-настоящему. Тем не менее Дамдыкай устроил демонстрацию. Его банда окружила хуре. Лишь после этого группа всадников с жёлтым знаменем устремилась в атаку. Впереди них на гнедом коне скакал сам мээрен в тёмно-синей кандаазы⁸⁶, перепоясанной жёлтым поясом. На левом боку сабля в чёрных ножнах, справа – маузер в деревянной кобуре, за плечом драгунская винтовка. Чуть поотстав от него, трясся в седле Чамзы-камбы.

«Атакующие» осадили коней перед шатром камбы. Дамдыкай несколько раз выстрелил в воздух.

– Приехали! Приехали! – закричали ламы.

Мээрен сидел на коне вполоборота, ожидая торжественной встречи.

Из шатра к нему спешила верхушка духовенства. Поодаль растерянно толпились простолюдины, прислужники, ламские ученики...

Один из верховных лам принял повод коня, другие подхватили Дамдыкай, понесли на руках к шатру, усадили на сложенный в несколько слоёв цветастый ковёр-олбук. Под руки – с меньшей почтительностью – привели Чамзы-камбы.

«Грозный повелитель» милостиво здоровался с ламами, едва касаясь пальцами простёртых к нему рук.

– Красные зря бахвалятся, непутёвые они негодяи, – снисходительно цедил он сквозь зубы. – Я за два дня овладел Шеми, Чыргакаы, Чаданом и Хондергеем. Хем-Белдир для меня – пустяк!

В шапке из выдры с тёмно-коричневым чинзе – шариком высшего чина и одага – ещё одним отличием, состоящим из павлиньего хвоста, вправленного в мундштук, – Дамдыкай величественно поводил плечами. Со стороны казалось, будто кто-то дёргает его сзади за ниточку, как куклу.

– Красные заняли Нижне-Чаданское хуре, ваше сиятельство, – докладывал ему Соржу, сложив пальцы у лба, склонив голову и глядя закатившимися глазами снизу вверх. – Из Хем-Белдира к ним идут войска.

– Чепуха! – оборвал Дамдыкай. – Со мной триста пятьдесят человек. Столько же дадите вы. На подходе отряды из Барыын-хошуна, Улуг-Хема, Хандагайты, Самагалтая... – Он сделал паузу и многозначительно произнёс: – Я не говорю о силах, идущих из Монголии... Бог на нашей стороне. Стоит ли зря поднимать тревогу? Вы чувствительны, как женщины, и трусливы, как зайцы...

Камбы горестно вздохнул.

– Дело не в боязни, не в тревоге, а в правильной оценке силы врага. Вот за что я молюсь... Вы знаете, сайгырыкчи, я уже не мо-

⁸⁶ Кандаазы – безрукавка, надеваемая поверх халата.

лод и не люблю поспешности в выводах. Их преосвященство тоже знает, – он поклонился в сторону Чамзы.

– Охаай! – удовлетворённо кивнул мээрэн. – Надо немедленно послать человека в Нижнее хуре, узнать, сколько там красных. Арестованных караульте хорошенько! Утром мы с ними побеседуем... Эй, Чарык-Карак, распорядись, чтоб усилили охрану хуре.

– У меня есть надёжные люди, – Соржу придвинулся поближе к Дамдыкаю. – Переоденем их и разошлём. Араты лам ни в чём не подозревают. Узнаем всё что нужно, узнаем!

– Прекрасно! Ламы – народ находчивый. Не зря они держат связь между небом и землёй... Ну, я немного отдохну. – Он с наслаждением потянулся и зевнул.

Дамдыкай и его свита – Карма-Сотпа, Чарык-Карак, Томуртен, Оолакай, – придерживая маузеры, прошли в шатёр.

Пока бандиты готовились пировать, Ензук уже мчался вниз по Чадану.

* * *

– ...Разгромили магазин кооперации, растащили все товары и поделили между собой. Продавца расстреляли. – Ензук тяжело вздохнул. – Нельзя больше ждать! Надо свернуть им шею.

Взволнованный Лопсанчап заикался больше, чем обычно:

– Значит, г-говоришь, завтра они х-хотят п-принести наших товарищей в ж-жертву своему знамени? Ишь ч-чего захотели! Мы прибудем на рассвете. Ж-жди нас. И себя б-береги. Солнце ещё высоко, езжай лесом. Ну, д-до встречи! Если обстановка усложнится, т-тебе там оставаться нельзя. Действуй по своему усмотрению.

Уже смеркалось, когда Лопсанчап и Дандар-оол прибыли в штаб Достай-Дамбаа и передали всё, что сообщил наш разведчик.

Военный совет был непродолжительным. Командир расстелил карту на оттаявшей и подсохшей возле костра земле.

– Маадыр и Седип-оол с первым эскадроном направляются через Баян-Дугайский перешеек и Дунгурлуг-Тей вниз по реке Чадан. Я, Пюльчун и Шагдыр с основными силами наступаем по хребту Элезинниг-Хавак. Чаданские добровольцы наносят удар здесь, – он показал Лопсанчапу по карте.

Пюльчун наклонился.

– Мне кажется, остался открытым путь к отступлению бандитов на Хондергей.

– Верно, – согласился Достай-Дамбаа. – Сделаем так. Маадыр и Седип-оол возьмут чуть левее, а Лопсанчап с Дадар-оолом зайдут отсюда. Тогда бандитам некуда будет деваться.

Пюльчун улыбнулся и кивнул в знак согласия.

Уточнили, кто когда выезжает, во сколько должны выйти в

район сосредоточения, условились о сигнале атаки – двумя ракетами.

– Последнее распоряжение. Ни в коем случае зря не стрелять. Никаких оскорблений и издевательств над пленными! Главарей банды брать живыми. Это указание ЦК. Пленных аратов разоружить и собрать в одном месте под охраной до особых указаний. Постарайтесь спасти наших товарищей. Задача ясна?

Ночь выдалась тёмная. Небо заволокло тучами. Над землёй стлался сырой, холодный туман. Ехали молча.

К рассвету немного прояснилось, стало холодней. Эскадрон остановился на опушке леса перед большой поляной.

– Можно курить, – шёпотом распорядился Маадыр-оол. – Только огонь прячьте!

Бойцы спешили.

Вдали в белесоватом предутреннем сумраке угадывались очертания хуре, проступая всё чётче с каждой минутой.

Неожиданно прискакал один из четырёх дозорных, высланных вперёд.

– Товарищ командир! Два бандита скачут в направлении хуре. Должно быть, заметили...

Маадыр-оол досадливо выругался.

– Продолжайте наблюдение! – приказал он.

– Подожди, – остановил бойца Седип-оол. Он что-то хотел сказать, но в это время над лесом вспыхнула россыпь белых огоньков. Ракета! За ней – вторая.

– По коня-ам! – скомандовал Маадыр-оол.

– ...ня-ам! – эхом отозвался лес.

– Ры-ысью-ю ма-аарш!

Обтекая поляну, эскадрон устремился вперёд. Под копытами звонко лопались льдинки.

Маадыр поднёс к глазам бинокль, но уже и так можно было различить конников Достай-Дамбаа и Пюльчуна, охватывающих хуре с севера.

Бандиты подняли беспорядочную стрельбу. Они предприняли попытку контратаковать, но, убедившись, что им не прорваться, поспешно отошли и засели за глиняными оградами. Сдаваться они не собирались и стреляли отчаянно.

Чтобы не нести лишних потерь, ревармейцы и добровольцы Чадана наступали в пешем строю. Всё теснее сжималось кольцо атакующих. В их рядах появились первые раненые...

– Пятеро убиты! – доложили командиру.

Достай-Дамбаа приказал младшему командиру Байкара Кок-оолу скрытно подобраться к одной из церквей и бросить внутрь дымовую шашку. Кок-оол подполз к самому входу и уже бросил шашку, но в это время сидевший наверху лама выстрелил и тяже-

ло ранил его. Густой дым выкурил бандитов из церкви, и они выбегали с поднятыми руками, с привязанными к стволам винтовок белыми лоскутками, прося о пощаде. Поняли бессмысленность сопротивления и остальные защитники хуре.

Из-за церкви вышло сразу человек пятьдесят. Они вели впереди себя, подгоняя прикладами, трёх связанных верёвками.

Перестрелка прекратилась.

Сдавшиеся послушно складывали в кучу оружие и, опасливо переглядываясь, отходили в сторону. Стояли молча, опустив головы, скрестив на груди руки. Поодаль от них понемногу увеличивалась группка бандитов, выделявшихся нарядной одеждой. Эти все почти были связаны. Седип-оол подбежал к ним, выхватил клинок, закричал, скрипнув зубами:

– Ы-ыы!

– Назад! – крикнул ему Достай-Дамбаа. – Не пачкай руки! Они будут отвечать перед революционным судом! – И уже мягче добавил: – Лучше составь список.

Седип-оол сунул клинок в ножны и, всё ещё волнуясь, начал опрашивать пленных. Подошёл к самому ближайшему, одетому в новую шубу, высокому, с длинным серым лицом.

– Как зовут? Кто ты?

Тот молчал.

– Где голос, проклятый! – заорал Седип-оол и схватился за наган.

Командир снова одёрнул его. Седип-оол нехотя повиновался.

– Имя этого серого волка Карма-Сотпа, – слышалось из толпы пленных аратов и лам. – Один из главных помощников Дамдыкая.

Пюльчун, разговаривавший с бойцами, услышал имя Карма-Сотпа и резко повернул к нему коня.

– Охаай! Вот ты какой! Ну, рассказывай. Где главарь банды? Где остальные твои друзья?

– Пощадите, повелители! – чучелом свалился на землю бандит. – Про сайгырыкчи я ничего не знаю, таргалары. Я никому плохого не делал...

Один из пленных в рваном тоне выскочил вперёд.

– Притворяется, сволочь! Ишь какой хороший стал! А кто нас пугал, кто уговаривал: «Держитесь крепче! Стреляйте, стреляйте! Дамдыкай сайгырыкчи скоро приведёт своих людей!». Как ты быстро всё позабыл!

Толпа шумно поддержала его:

– Докур-оол правду говорит.

Пюльчун подъехал к ним.

– Тогда вы говорите, кто что знает.

Бритоголовый лама, глотая слова, быстро заговорил:

– Дамдыкай ещё ночью уехал. За себя этого негодяя оставил, – он показал на всё ещё лежавшего Карма-Сотпа. – Сайгырыкчи доложили, что красные войска подошли. Он сказал, что приведёт подмогу из Хондергея. Бейтесь до последнего патрона, сказал, до последнего человека, до последнего дыхания...

– Лучших коней с собой забрал.

– Оружия много взял с собой!

Расталкивая друг друга, пленные выходили вперёд и выкрикивали:

– Дамдыкай и Карма-Сотпа арестованных били.

– Ензука схватили. С собой увезли...

Стало до жути тихо.

– Я с эскадромом Маадыр-оола пойду по следу. Пюльчун, Седип-оол, Шагдыр! Останетесь здесь. – Достай-Дамбаа вскочил на коня.

Отряд поскакал на Сафлыг-Кежиг, в сторону Хондергея.

Бойцы обыскали всё вокруг. Выволокли несколько спрятавшихся бандитов. Тем временем пленные были переписаны. Их по очереди допрашивали, выясняли, как попали в банду, что знают о судьбе захваченных активистов.

Не прошло и часу – эскадрон Маадыр-оола вернулся. Бойцы привезли пять трупов.

Можно было только догадываться о случившемся. Поспешно покинув хуре, Дамдыкай увёз с собой всех арестованных. Должно быть, эти пятеро были сильно избиты и могли стать обузой удиравшим бандитам. Едва группа Дамдыкая переехала Чадан, как в мелколесье, на том берегу, наши товарищи были зверски изрублены. Среди пяти убитых был и Ензук.

Сняв шапки, в скорбном молчании стояли бойцы перед останками замученных и клялись отомстить за них.

Хотя банда Дамдыкая и была разгромлена, мятеж продолжался. Ревармейцы и добровольцы получили приказ преследовать и окончательно ликвидировать бандитов.

Глава 16

Тувинская свадьба

Из-под Чадана я приехал в воскресенье. Зная, что Пюльчун уже несколько дней в Кызыле, я поспешил к нему. На работе его не оказалось. Послать некого. Решил пойти домой – дело важное, можно и потревожить.

Опасения мои были напрасны. Пюльчун, необычно радостный, возбуждённый, схватил меня за руку и потащил в «юрту». Он одним из первых поселился в деревянном доме, но по привычке, а то и шутки ради называл его юртой.

– Тывыкы пожаловал, – приговаривал Пюльчун. – Это хорошо. Садись, брат.

От смущения я держался официально.

– О Чадане рассказать хочу. Хотел вызвать, да послать некого было. Вы, конечно, знаете...

– По сводкам да понаслышке. А от живого человека узнать да совместно подумать о дальнейших планах – большое дело.

В тот день говорили, намечая планы по ликвидации остатков мятежа. Наконец я собрался уходить, но Пюльчун меня удержал:

– Куда торопишься? Сегодня день свободный. Скоро хозяйка придёт, чайку попью.

Я не стал отказываться.

Сидя рядом, мы говорили о всякой всячине, вспоминали прошлое: как в Москву ехали – Пюльчун с саитами, а я с будущими студентами, как в Шушенском были. «Старик» ничего не забыл! Увлёкся!

– А помнишь?..

Ещё бы! Начинаю рассказывать, он подхватывает. И снова:

– А помнишь?

«Юрту» Пюльчуна разглядел всю как есть. Хоть и невелика она, а кажется просторной и прямо-таки светится от чистоты. Кровать покрыта цветным одеялом. Подушки горкой. На окнах белые шёлковые занавески. На полу расшитые узорами дорожки. От солнца ли, от домашнего ли уюта или от удивительного радушия хозяина – а может, от всего вместе мне было хорошо!

– Ну, вот и хозяйка! – воскликнул Пюльчун.

Вошла молодая женщина с ребёнком на руках.

– Эки! – голос у неё был мягкий, приятный.

– Вскипяти-ка нам, Долзат, чаю. Может, что ещё найдётся?..

Женщина засмеялась:

– Сейчас, сейчас.

Она посадила ребёнка в маленькую кроватку и вышла.

Только сейчас мне пришло в голову: какой же Пюльчун старик? Ещё с той поры, когда я был цирником, а он – командующим армией, я привык считать себя в сравнении с ним мальчишкой. И всегда разница в годах казалась мне очень большой. Теперь прикинул: ему же чуть больше тридцати!

– Когда это вы, тарга, семьёй обзавелись?

– Э-э, брат, дело давнее. Лет десять уже прошло. А вместе совсем недавно стали жить. Сам знаешь, какое время. А тогда свадьбу мне закатили – небывалую! По всем правилам.

– Не знаю, никогда на свадьбах не был, – вздохнул я.

– Ну, тогда я тебе расскажу всё, как было. Чтобы знал, когда жениться будешь. Хочешь послушать?

Пюльчун расположился поудобнее.

– Узнал мой отец Мылдыкпан, что Карашпай – отец Долзат – дома, и поехал к нему в аал. Сватать дочку за меня...

Он прищурил глаза, отчего лицо его приняло хитрое выражение, повёл плечами.

– ...Ну, приехал – это уж он после мне рассказывал, – расспросили они друг друга о благополучии, перекурили, как положено. Пришло время к делу приступать.

Карашпай знал, конечно, зачем к нему сосед пожаловал, но виду не подавал.

Отец и говорит:

– У вас есть дочь Долзатмаа, у нас сын Пюльчун. Приехал я к вам, чтобы поговорить о их судьбе. Не можем ли мы с вами породниться?

– Что ж, – ответил Карашпай, – это неплохо. Только в наше время дети сами всё решают.

Отец своё:

– Обычаи нового времени можно только приветствовать. Но привычка берёт своё. Зачем нам от старого отказываться? Мы-то знаем, что они друг другу подходят.

– Так-то оно так, – отвечает Карашпай, не то соглашаясь с моим отцом, не то цену дочери набивая.

Отец наседает:

– Вы же моего сына знаете. Соглашайтесь! Пусть у вашей дочери и у моего сына одна посуда будет.

– Ладно! – сдался Карашпай. Протянул отцу раскуренную трубку, чаю в пиалу налил.

Отец дальше действует. Вынул из-за пазухи дадаазын...

– Знаешь хоть, что такое дадаазын? – спросил меня Пюльчун.

Я помотал головой.

– Кожаная лента такая. Её родителям невесты дарят. Запоминай, пригодится! – он подмигнул. – Ну, слушай дальше. Вынул, значит, отец дадаазын, двумя руками Карашпаю подаёт. Тот принял, ко лбу поднёс. Стало быть, на этом официальные переговоры благополучно закончились. Попили-поели отец с будущим моим тестем, а о свадьбе пока – ни слова...

Свадьба, брат, настоящая тувинская свадьба – дело серьёзное. А что мой отец, что Карашпай – один другого беднее. Если всё по обычаям делать, расходов не оберёшься.

Мои старики спохватились, когда уже кашу-то заварили. Горюют: где мяса взять, араки, того, другого. Чтобы на смотрины невесты ехать – это уже, как говорится, следующий этап, – одним дадаазыном не отделаешься!

У Карашпая и Норжунмаа – так мою тещу зовут – своя печаль: приданое. Не так-то просто дочь замуж выдать. Юрту дать надо, посуду всякую, волосяной аркан...

Норжунмаа было на попятную: поженить без всяких обычаев и предрассудков! Да разве её кто-нибудь стал бы слушать? А стоило бы. Моим-то старикам тоже полагалось наскрести для выкупа невесты порядочно. За невесту надо возместить всё, что на неё до замужества родители истратили. Тут, брат, всё подсчитано! За хребет невесты клади ружьё. За голову – чугунную чашу. За то, что верхом ездить научили, – коня отдавай. За молоко, что выпила, – корову или оленя...

Видно, сговорились наши старики по дипломатическим каналам, а может, не сговариваясь, решили друг с друга много не спрашивать. Как получится, так и получится.

Пюльчун прокашлялся:

– Не надоело слушать?

Я только руками замахал.

– Ну ладно. Пришёл день, когда полагается белый шёлк вручать. Одну из наших десяти овец закололи, мясо в таалын положили. В соседнем аале хойтпак выпросили на араку.

И как только люди узнают обо всём? Приехали в аал Карашпая, а там народу – со всей округи!

Отец говорит:

– Вы тут подождите, далеко не уходите.

Сам пошёл к тестю узнать, как дела. Мы тем временем сгрузили свои скудные дары, ждём, когда позовут. Смотрю я на маму, а она трубку за трубкой курит – волнуется...

– А что вы сами чувствовали? – перебил я Пюльчуна.

– Что я мог чувствовать! Ничего не понимал. Сидел, будто меня все это вовсе и не касалось.

Пюльчун выглянул за дверь.

– Одним чаем не обойдётся! Хозяйка серьёзно за дело взялась.

Подошёл к детской кроватке. Дочка спала.

– Ну что, дальше поедем? До свадьбы, брат, ещё далеко... О чём я говорил-то? Да. Вспомнил. Выходит наконец отец из юрты, нас зовёт.

Вошли. Расселись. Отец и Карашпай на почётном месте. Моя мать и Норжунмаа – слева от них. Я – возле очага. Ещё дома мать меня учила, с кем здороваться, какие слова говорить. А я всё пере-забыл! Шепчу потихоньку, стараюсь хоть что-нибудь вспомнить. И тут как раз отец меня в бок подтолкнул: давай! Гляжу на Карашпая, чувствую – лицо горит.

– Амыр, – говорю. – Амыргын-на-дыр бе инар? Всё как нужно: здравствуйте, всё ли у вас хорошо?

Карашпай, конечно, отвечает, как положено:

– Менди. Всё хорошо. Цел ли ваш скот?

Сказал и ждёт, что я отвечу. А я глаза в землю и молчу.

Мне надо про свой скот сказать и у него спросить: «Всё ли с ва-

шим скотом благополучно? Милостивы ли болезни?». Про болезни я помнил, а что ещё – вылетело из головы. В юрту народ набился. Все на меня смотрят, хихикают. Я потихоньку глаза поднял, а из-за спины Карашпая девчонка высунулась, прыснула и снова спряталась. Это Долзатмаа. Я как увидел её, так сразу и осмелел. Отбарабанил, что положено. Кажется, сошло.

Если правду сказать, что после меня отец говорил, я почти и не слышал. Всё караулил – не выглянет ли моя невеста. Забавная такая девчонка!..

Отец по всем правилам речь держит:

– Привёз я своего бедного сына... приняли мой подарок... догадываетесь, зачем мы приехали, сват мой?..

Тут отец вытер мундштук трубки и протянул Карашпая. Тесть его трубку пососал, свою подал. Подымили оба.

Пюльчун сам несколько раз затынулся и, прервав свой рассказ, заметил:

– Что меня до сих пор удивляет: сколько надо было речей произносить! На хурале столько не говорят, сколько перед свадьбой!.. Да-а. Искурили старики трубки. Мой отец шёлк достаёт. Развернул его, держит на вытянутых руках, сам на корточках перед Карашпаям присел, голову наклонил, смотрит снизу вверх по-гусиному и новую речь начинает. Опять про бедного сына – про меня, значит! – про невесту, про то, чтобы мы в одной юрте вместе жили. И говорит, и говорит... Отдал в конце концов шёлк. Ну, думаю, всё теперь. Ничего подобного! Снова трубку раскурили, обменялись. Сидят, тянут табак, будто важную работу делают, Карашпай распорядился:

– Ну-ка, жена, подай чаю сватам!

Тут дело веселей пошло. Вмиг перед нами чайники с чаем появились. Мать из чугуна мясо вытащила, протянула сватье, мешок с аракой достала, незаметно отца локтем подтолкнула, а тот не замечает. Мать посильнее его стукнула.

– Ок кодек! – отец спохватился и прикрыл полой мешок.

С чаем управились быстро. Еду, какая была, попробовали. Мясо сварилось. Отец Карашпая араку подал – с поклонами, со словами... Всего не перескажешь! Я уже сидеть устал. А дело само собой идёт. Всё по правилам, по обычаям. Карашпай пиалу взял, налил араки. Держит пиалу в левой руке – дрожит у него рука! Макнул средний палец правой руки в араку – брызнул в очаг, во все четыре стороны юрты брызнул, на божка... Щёлкнул себя по горлу, взялся обеими руками за пиалу, выпил. Отцу подал, матери, теще...

Я давно и с чаем, и с мясом управился. Сижу. На невесту украдкой поглядываю. А невеста за спинами отца и тестя прячется. Тоже нет-нет на меня посмотрит. Знаешь, никак не думал, что такая красивая девчонка окажется!

Старшие от араки хмелеть начали. Разговор у них общий идёт, безо всяких правил уже. Я соображаю: выходит, женят меня теперь. А сам глаз не могу оторвать от девчонки...

Долзат вошла в «юрту», прислушалась, улыбнулась, хотела что-то сказать – должно быть, позвать нас, но не стала перебивать.

– С того дня всё насмотреться не могу, – пошутил Пюльчун.

– Ну, а свадьбу-то скоро справили?

– Что ты – скоро! Только через два месяца на вторые смотрины поехали к невесте. Мне новый халат сшили, сапоги в лавке купили... Карашпай к этому времени в избушку перебрался. Тоже вроде юрты – круглая, покрытая корой лиственницы. А старую подлатали – стропила и стенки от нагара очистили, дыры на войлоке зашили, внутри всё прибрали и замок на юрту повесили.

Ну, приехали мы. Карашпай и Норжунмаа встречают, нарядные. Долзатмаа тоже во всём новом. Вокруг неё девушки из соседних аалов. Меня увидели, хихикают, перешёптываются. Я уже посмелее держусь. Родители наши поздоровались, трубками обменялись, расспросили друг у друга о родственниках, о собаках и птице. Только после этого про «дело» заговорили.

– Пришло время познакомить моего бедного сына с вашей дочерью, – говорит отец и тянет из-за пазухи кожаный мешок с аракой. Налил в пиалу, двумя руками тестю протянул. Вместе с шёлком.

– Пусть будет так. Что поделаешь – обычаи с древних времён устанавливались. – Карашпай принял подарок, передал шёлк жене, выпил араку, подал моему отцу прикуренную трубку.

Тут тёща заговорила:

– Ну-ка, девушки, заплетите Долзат волосы в две косы, и ещё в две косы, и ещё в две косы... Украсьте косы её. Пока не заплетёшь косы девушке, женихов не оберёшься: едут, сватают. Теперь будут знать, что Долзат моя уже выдана, перестанут надоедать.

– Верно, верно, – согласился отец.

На улице суета – пир готовят. В двух котлах мясо варится. Чай кипит. Пар над котлами столбами. Парни крючьями мясо переворачивают. Один выловил лёгкие, в корыто деревянное сложил, разрезал на мелкие кусочки, тёще принес. Та разделила, чтобы на всех хватило. А собралось людей порядочно, все проголодались, ждут, когда кормить станут. Чем Норжунмаа угостила – жевка на два хватило, Проглотили – не заметили. Тут мясо поспевать стало. Парни тащат его из котлов, режут. Запах такой, что все слюни глотают.

Тёща порядок знает. Карашпаю голову баранью подала, отцу моему – курдюк, матери – лопатку и голень. Себе тоже голень взяла и грудинки добавила. Потом уже всех обнесла. Каждому по два куска досталось. Кто ножом режет, кто прямо зубами расправля-

ется. Похоже, и забыли, зачем пришли. Одна еда на уме. Суп дали. Хлебают шумно, жадно.

Карашпай поднялся, отрезал от бараньей головы кусочек губы.

– Ну, давайте невесту с женихом знакомить будем. Идите сюда, дети мои, – нас позвал. – Держите зубами этот кусочек. Правило такое: жених и невеста знакомятся через пригубление, в лицо друг другу смотрят.

– Иди, иди, – подтолкнул меня отец. – Такое правило.

Парни из наших аалов сгрудились позади меня. За Долзат её подружки собрались. Подошла моя невеста совсем близко – дыхание её чувствую, а я растерялся, стою, с места сдвинуться не могу.

Тесть подсказывает:

– Ну, берите. Тяните друг у друга.

Ничего не соображая, прикусил кусочек мяса. И Долзат взяла. Смотрим друг на друга – губы рядом, нос к носу, подбородками касаемся... Держим баранью губу в зубах. Долго, наверно, простояли, пока кто-то из нас не перекусил кусочек.

Со всех сторон кричат:

– Ой, мать моя!

– Ну, пропал ты, дорогой!..

Я перебил Пюльчуна:

– А зачем это – пригубление?

– Вроде русского «горько». Когда у русских на свадьбе «горько!» кричат, – целуются. Так ведь? – Он недолго помолчал. – После «пригубления» считается, что невеста уже отдана, хотя свадьбы и не было. Я долго ещё к Долзат похаживал, пока свадьбу сыграли. Дней через десять в наш аал Карашпай свою старую юрту перевёз, рядом с нашей поставили. Для молодых. А я всё хожу... Потом старики сговорились, в какой день невесту привезут. Тут у нас пошла суета. Тёлку закололи. В лавке белого вина купили. У соседней хойтпак заняли, чтобы араки побольше нагнать. Напекли, нажарили всего. Я опять приоделся. Жду. Вот в этот день, знаешь, волновался!..

От нас навстречу гостям с десятков всадников выехало. Тоже нарядились. Мне бы дома сидеть, а я за ними увязался. Отъехали наши немного, на пригорке остановились, коней к кустам караганника привязали. Стоят пересмеиваются. Кто-то закричал:

– Едут! Едут!

– Правда, едут!

Выглянул из-за кустов и я. Действительно, к пригорку приближались Карашпай, Норжунмаа и ещё несколько верховых. Среди них разглядел и Долзат – в халате, крытом зелёной далембой, с красным кушаком. Ехала она на гнедом коне. Лицо вместе с шапкой белой материей закрыто.

Встречающие расстелили на земле ковёр, помогли моей неве-

сте сойти с коня, усадили её. Дождались, пока весь «караван» подойдёт поближе – с навьюченными быками, с овцами, с коровой... Угостились аракой, снова Долзат на коня посадили, повезли к нашему аалу.

Смешно вспомнить! На своей собственной свадьбе я самым любопытным гостем был! Бегал от куста к кусту, прятался, подглядывал: что же дальше будет?

Ну, везут невесту. Возле самого аала дорогу перегородили – лошуху из арканов сделали. Рядом – «сторож».

– Давайте чем стремя подтянуть, а то не пропустим! Будете здесь ночевать.

Пока парням араки не поднесли, так и не убрали арканы.

Мне уже больше подсматривать некогда стало – скорей шмыгнул в юрту. И тут же, следом за мной, входят тесть с тёщей и Долзат.

– Вот, – запела-заговорила Норжунмаа, – привезли мы к вам свою дочь. Вырастили мы её, воспитали... Вы теперь, по возможности, уплатите нам за то, что мы её вырастили, воспитали...

Отец подхватил:

– По указу твоего отца и матери твоей нам тебя привезли, дочь моя. Принимаю я тебя, как отец твой сына моего. Теперь и ты – наша дочь. Принимаю тебя от чистого сердца.

Начался свадебный обряд.

– Пришло время открыть лицо дочери нашей. Где ты там, сынок? – позвал отец.

Вышел я вперёд, а ноги не держат...

Мать сняла с лица Долзат покрывало.

– Приветствую тебя, дочь моя, начинаем праздник!

А в юрте уже, которую для нас, молодых, поставили, полным-полно парней и девушек. Разглядывают, что там положено-поставлено, щупают посуду, халаты, шубы – всякое добро.

Между юртами, говоря по-теперешнему, столы накрыты, на столах разложено наваренное-нажаренное. Еды – до отвала. Все, кто на свадьбу пришёл-приехал, только и ждут, когда знак подадут. Пока с Долзат покрывало не сняли, на нас глядели, а тут, похоже, и забыли совсем про жениха с невестой.

Вот зачерпнули араку из котла, поднесли самому старшему – старику Балчыру. Он взял деревянную пиалу обеими руками, побрызгал араку во все стороны света.

– Ну, дети мои! Пусть будет у вас светлая юрта, пусть скот ваш не умещается на этих склонах и в этом лесу, пусть ваши гости не умещаются в вашей юрте, пусть будет у вас столько детей, чтобы не умещались под одеялом! Дарю молодым козлёнка! – закончил старик и выпил араку.

Пиала пошла по кругу. Каждый, прежде чем выпить, обещал что-нибудь нам подарить – овечку, тёлку, козу, посуду...

- Помнишь, Долзат? – спросил Пюльчун.
- Как не помнить! – улыбнулась она. – Хватит гостя разговорами кормить. У меня кое-что посытнее готово. Пойдёмте.
- Чаа! – подхватил Пюльчун. – Давай угощай.

Глава 17 **Разговор по душам**

Письмо было написано по-монгольски, и я попросил Элбек-оо-ла перевести его.

Достай-Дамбаа и Пюльчун сообщали:

«Задание Центрального Комитета и народного правительства выполнено. Основные силы банды мээрена Дамдыкая уничтожены в Чадане, часть разгромлена в Хондергее и Берт-Арыге. Дамдыкай с небольшим отрядом бежал на территорию Монгольской Народной Республики, где соединился с местными контрреволюционерами. Войска братской Монголии нанесли сокрушительный удар по врагам, но главарям мятежа снова удалось скрыться.

Пленных – Тулуш Томутена, Кеский-Соржу и других – направили в Кызыл. В Чадане, на Хемчике и в Овьуре всё спокойно. Араты выражают искреннюю благодарность революционному правительству и партии.

Ждём дальнейших указаний».

Я поспешил к Шагдыржапу. Он что-то писал. Протянул ему донесение. Он пробежал его, спросил:

- Содержание знаешь? Какие у тебя предложения?
- Первым делом послать приветствие ревармейцам.
- Согласен.

– Наверное, можно какую-то часть войск отозвать в Кызыл, оставить гарнизоны в Саглы, Эрзине и Тере-Холе, где ещё действуют банды. С помощью партийцев и добровольцев они подавят остатки мятежа.

– Тоже не возражаю. Подожди немного – освобожусь, вместе напишем распоряжения.

Освободился он не скоро. За ответом Достай-Дамбаа и Пюльчуну просидели тоже порядочно. Пока писали да переписывали, исправляли и добавляли, Шагдыржап, должно быть, пачку папирос выкурил. Он беспрестанно курил теперь – одну папиросу за другой. Работал он, не считаясь со временем. Переутомился. Лицо побледнело, щёки ввалились, под глазами тёмные круги...

– Ну вот. Всё! Сразу же отправь с посыльным. Теперь, пожалуй, можно и отдохнуть. – Он тяжело поднялся из-за стола. – На сегодня хватит. И ты тоже ступай.

Я ненадолго заглянул домой, а потом пошёл к Улуг-Хему. Брёл

вдоль берега, пока не наткнулся на поваленное дерево. Уселся на ствол. От реки тянуло свежестью. Над обрывом свешивал ветки тополь, чуть прикрывая ими маленький домик в три окошка. Только тут я сообразил, что очутился возле дома Шагдыржапа. Никто никогда не бывал у него. Никому не рассказывал он, как живёт...

...Голос Шагдыржапа, окликнувшего меня, раздался совсем неожиданно. Я оглянулся и увидел таргу. Он выливал воду из эмалированной чашки. Потом он наколот дров, зашёл с охапкой поленьев в дом, и вскоре из трубы потянул дымок. Ещё через несколько минут Шагдыржап подошёл ко мне, держа в руках ведро.

– Хозяйством занялись?

– Что делать? Говорят: есть не будешь – проголодаешься, нрав злой не спрячешь – покаешься. Куда направился? Небось, рыбу ловить?

– Нет, для рыбы сейчас не время. Просто прогуляться...

– Заходи в мой шалаш, посмотришь, как живу, – пригласил он.

По тувинскому обычаю положено обойти стороной юрту, которая стоит на твоём пути. А спросят, куда идёшь, – дай уклончивый ответ, и уж никак не говори, что собрался в гости. Хозяин, в свою очередь, непременно пренебрежительно отзовется о собственном жилище.

Вместе с Шагдыржапом мы пошли в его «шалаш».

Неважно жил наш генеральный секретарь... Хотя в доме и было побелено, брёвна выпирали из стен, как рёбра у тощего верблюда. Железная печурка, некрашенный пол. На столе стояли ничем не прикрытые две или три пиалы, чёрный от сажи чайник и такой же котелок. На окнах вместо занавесок белела приколотая кнопками бумага. На вбитом в стену огромном гвозде одиноко висел европейский костюм.

– Вот так и живу, – Шагдыржап обвёл руками вокруг, словно сам впервые увидел скудное убранство своего жилища, и смущённо улынулся.

Смутился и я. Спросил невпопад:

– Всегда вы один ходите. Жены вашей что-то не видать?

– Не видать... – грустно усмехнулся он. – Мои личные дела – как сказка...

Я сочувственно кивнул.

– Просто сказка! – повторил Шагдыржап. – Послушай, расскажу... Уроженец я Бай-Дага, Бай-Холя, Теса. На каждом шагу «бай» да «бай», но я к этим словам непричастен. Родители у меня бедные были. И вообще вся наша родня гнула спины на сайгырыкчи Оруйгу и нойона Далаа-Сюрюна. У бедняка одна доля, сам знаешь, – и в зимнюю стужу, и в летний зной трудись на богача. Все четыре времени года работаешь. И я тоже батрачил на этих баев. У Оруйгу около тысячи голов скота, у Далаа-Сюрюна – того больше. Так что

времени о себе подумать не оставалось. Пастухи – в большинстве из иргитов и соянов – в таком же положении жили, как бедняки нашего хошуна...

Шагдыржап говорил задумчиво, словно беседовал сам с собой.

– Как-то летом пас я овец на той стороне Тес-Хема, возле Бай-Холя. Встретился там с девушкой. Коккей Минчеймаа её звали... Встреча такая короткая была – одну трубку искурить или чай сварить, – а никогда не забудется. Словом, так это было. Овцы мои по солонцу ходят, а я сижу и гляжу на птиц. До того грустно мне, что не могу я, как птицы, полететь свободно, куда хочу, что быть мне всю жизнь при овцах да при Оруйгу сайгырыкчи. И так мне горько стало...

Вдруг слышу голос:

– Что делаешь, паренёк?

– Ок кодек! – крикнул с испугу, вскочил, смотрю по сторонам. Кто, думаю, спрашивает? Кого?

Гляжу – девушка. Глаза чёрные-чёрные. Косы не очень ладно заплетены. Губы пухлые... Халат – одни заплаты. На ногах плохонькие идики. Стоит близко от меня, держит в руке прутик и хлещет им по подолу, ждёт, что я отвечу.

– Овец пасу, – говорю. – Пригнал сюда, чтобы солёную землю полизали. Вот на озеро глядел сейчас – уток на нём много, птиц разных...

Сказал и осмелел. Сам спрашиваю:

– А где твой аал, девушка?

– Во-он за тем пригорком, на Кара-Дыте, что на берегу реки Тес. Мы – пастухи нойона Далаа-Сюрюна. Я овец пасу.

Подсела она ко мне и тоже на озеро глядит. Я исподтишка посмотрел на неё и вижу, что она нет-нет да на меня взгляд бросит, хотя вид делает, что озером любитесь. Так и сидим, косимся друг на друга. Разговорились, конечно.

С того дня овец стали вместе пасти.

И она в меня влюбилась, и я без неё жизни себе не представлял...

Шагдыржап замолчал. В комнате было почти темно. Искоркой вспыхивал огонёк его папиросы. Я не выдержал:

– А дальше что было? Почему не поженились?

– Хотели пожениться, да столько преград на нашем пути встало... Три года жили без крыши над головой... Потом я в Хем-Белдир уехал. Один. Ездил к ней, хотел с собой забрать. Ничего из этого не получилось.

– Почему? Что же случилось?

– Оруйгу сделал и её, и её родителей вечными пастухами. За долги. А с голыми руками к феодалу не подступишься. Минчеймаа ловко обманули. Поверила она, отказалась ехать со мной. Как ни уговаривал...

– Как же они смогли удержать её?

– В Кызыле таких, как я, без семьи, много. Знаешь, как на неё подействовали? Говорили, что у коммунистов всё общее – и вещи, и посуда, и постель, и жёны... Тех женщин, дескать, которые в Хем-Белдир приезжают, сразу в жёны русским отдают. Да ты же сам знаешь об этой болтовне.

– Так ведь это когда было!

– Было! До сих пор так. Неграмотная Минчеймаа. Ей напевают, наговаривают, а она верит. Говорю, поедем. А она ни в какую! Сколькo раз был у неё. Не соглашается. У нас уже сын и дочь... Недавно снова к ним ездил. Минчеймаа так сказала: «Вернёшься – с тобой буду жить. А к тебе не могу. Не зови». И ведь любит меня! Вот потому-то я и один, Тывыкы.

На Шагдыржапа больно было смотреть. Там, на работе, занятый делами, он ещё как-то сдерживался. Мы видели, что он утомлён, но даже и не предполагали, как ему тяжело живётся. Сейчас передо мной сидел не просто усталый человек, а больной.

– Вам надо полечиться, – осторожно сказал я. – Отдохнуть надо.

– Разве любовь лечат, друг? А к врачам я всё же схожу.

– Мы вам поможем. И дом отремонтируем. Вы только, пожалуйста, не отказывайтесь.

– Ничего, ничего, – улыбнулся Шагдыржап. – Приедет ко мне Минчеймаа. С ребятишками приедет. Никуда не денется!

Мы долго просидели в тот вечер. Говорили о разном. Я старался отвлечь его от грустных мыслей.

Вскоре в Туву приехала медицинская экспедиция Наркомздрава РСФСР. Руководитель экспедиции Руденко сам уговорил Шагдыржапа показаться специалистам. Генсек оказался серьёзно больным. Его срочно отправили на лечение в Москву. Но на работу он так и не вернулся. Последние годы жизни Шагдыржап много занимался сбором материалов по истории Тувы, писал воспоминания. Семейная жизнь у него не наладилась. Он умер в 1959 году.

Тут мне придётся ещё немного забежать вперёд.

Как-то, много лет спустя, приехал я на Бозураанскую молочно-товарную ферму колхоза «Новый путь» в Эрзинском районе.

Утро только-только занялось. Навстречу мне шли с ведрами две доярки в зелёных халатах. Мы поздоровались. Одну из них – Бойдаан, члена партии, депутата областного Совета, – я знал. Знал, что она дочь Шагдыржапа. Поскольку мы были знакомы, разговорились. Старшая доярка поторопила её:

– Ты иди, дочка, а то коровы разбредутся. Я приготовлю завтрак для тарги и подойду. Заходите в наш шалаш, гостем будете, – пригласила она.

Я не стал отказываться.

Мы зашли в просторный дом. Хозяйка, ей было за пятьдесят,

проворно затопила печку, хлопотала у стола. Чай согрелся быстро. Она поставила на стол талкан с чокпеком, подала цветастую пиалу.

Чай сели пить вместе.

Обменялись обычными вопросами – «куда едете», «как живёте», «как работа»...

– Большая у вас семья? – спросил я.

– Человек десять наберётся.

Ещё поговорили о том, о сём. Я не выдержал:

– Вас Минчеймаа зовут?

Так я встретился с женой Шагдыржапа. Я рассказал ей о нашем разговоре с таргой в его домике на Улуг-Хеме.

Вспомнила давно прошедшие годы и она.

– Я уже Бойдаан родила, а мы всё не женаты были. Почему не женились – вы знаете. И тут вдруг Шагдыржап в Хем-Белдир уезжает. Говорил, какой-то хурал там будет. Потом слышу, он таргой стал. Если здешних феодалов не считать, он на весь сумон единственным грамотным человеком был... Мне сколько раз через людей передавали, что зовёт к себе. Сам приезжал, уговаривал – поедем. А я одно заладила: куда мне, деревенской, в город!.. Сперва просто боялась. Рассказывали всякое про городских. После надеялась его назад вернуть. И уже решила совсем: поеду! Детей двое стало. И тут узнаю: заболел... Так и не сложилась у нас семья. Дети выросли. Бойдаан замуж вышла, свои ребятишки у неё. Чигжит школу кончил, ещё учится. В Шагонаре теперь. Тоже таргой стал.

Ей надо было спешить на ферму.

Мы шли вместе, и Минчеймаа по дороге успела ещё кое-что сказать:

– Чигжит часто к себе зовёт. Можно было бы навестить, конечно. Да разве выберешься! Уж лучше с дочерью буду. Малышей буду её растить, да и сама ещё работать могу. А наш Кожээлиг-Булун – чем не город теперь? Дом культуры, средняя школа, больница, родильный дом, детские ясли, магазин, пекарня, контора связи – чего только не построили! Электростанция своя. Шагдыру бы здесь понравилось...

Глава 18 Первая буква

Шагдыржап, задумавшись, ходил по кабинету и курил, глубоко затягиваясь.

– И всё-таки мы будем иметь письменность на родном языке! – вдруг заговорил он. – Должны иметь. Ты умеешь читать-писать по-русски, я – по-монгольски. Это хорошо... А надо, чтобы и мы, и

все тувинцы знали одну грамоту – свою. Чтобы весь народ, все ара-ты разбирались, что к чему.

– «Неграмотный – вне политики», – к случаю похвастался я московскими знаниями. – Так учит Ленин.

Шагдыржап кивнул в знак согласия. Генсек, как никто, понимал, что это означало для поголовно неграмотной страны. Он отчётливо представлял, какие перспективы открывались с созданием собственной письменности. На её основе – и только на её основе! – можно было успешно решать сложные задачи развития отсталого государства.

Письменность – это школы, это свои газеты и книги.

Письменность – это подготовка национальных кадров.

Письменность – это развитие культуры и искусства.

Письменность, письменность!.. Да что ни возьми, без неё ни шагу.

А главное – забитый, невежественный народ получит выход к активной деятельности, к сознательному осуществлению высоких целей революции.

Это Шагдыржап настоял, чтобы решения Восьмого съезда ТНРП, который положил конец феодальным порядкам в стране, изгнал из руководящих органов чуждые народу элементы и определил социалистический путь развития Тувы, содержали специальный раздел о создании национальной письменности.

Весть об этом мгновенно облетела республику, и Центральный Комитет, не откладывая, начал подготовительную работу. Население оповестили, чтобы все предложения направляли прямо в ЦК.

И на этот раз вспыхнула борьба между новым и старым. Ламское духовенство (а оно имело ещё большое влияние) стало мешать осуществлению наших планов.

Мы приняли бой.

* * *

...Ко мне в кабинет заглянула Докуй кадай – курьер ЦК.

– Там к тебе какой-то плешивый пришёл. Хочет поговорить.

– Пропустите его, угбай.

Скрипнула дверь.

– Дарга, амыргын-на-дыр бе инар! – послышалось старинное приветствие.

– Эки, амыргын-на-дыр инар! – машинально в тон ему ответил я. – Проходите, пожалуйста. Сюда, сюда! Садитесь на табуретку. Сейчас не прежние времена, чтобы на полу у порога сидеть.

– Аайам, уео уео... – жалобно простонал посетитель и, кряхтя, словно тяжелобольной, поднялся с пола, проковылял к столу и осторожно опустился на табурет.

Нетрудно было определить с первого взгляда, что это лама.

В красном халате, перехваченном жёлтым поясом, на котором висел каменный флакончик с нюхательным табаком, совершенно лысый, с длинным, вытянутым книзу лицом и зеленоватыми тусклыми глазами, он походил на сильно отощавшего верблюда.

– С чем пожаловали, ваше священство?

Гость покряхтел, постонал.

– То ли сбудется, то ли нет... Разговор пошёл о новой тувинской грамоте. Есть у меня, недостойного, кое-какие мысли... Позвольте, тарга?

Так фальшиво, наигранно было его показное смирение, так притворно кряхтел он и стонал, что я не сдержался:

– Почему это «пошёл разговор»?! Центральный Комитет партии обратился к народу, чтобы все желающие высказывали свои предложения. Это – решение съезда, а не «разговор»! – И уже спокойнее: – Вы, наверно, так и хотели сказать?

– Конечно, конечно, – поспешно согласился лама. – Я и пришёл с предложением... Мне, скудоумному, – привычно загнусавил он, – кажется, что выдумать новую письменность никак нельзя. Это выше нас, выше нашей судьбы...

Он зачерпнул маленькой ложечкой табаку из хоорге и шумно втянул его ноздрями, закрыл глаза и сморщил лицо – вот-вот чихнёт.

– Что же вы предлагаете?

Лама чихнул, вздрогнув всем своим хилым телом, огляделся по сторонам.

– Всевышний установил, что для тувинцев предопределена судьбой тангутская и монгольская письменность. Не нам идти против судьбы, против бога... Я хочу узнать у вас: где, в какой книге судеб записано, чтобы кто-нибудь мог выдумать неведомую и неугодную богу письменность?

Не так он был прост, этот тощий верблюд, каким пытался казаться.

– Кажется, мы напрасно тратим время. Я принял вас, надеясь, что вы дадите дельный совет. А выходит, вы против революционной мысли партии! Вы по-прежнему хотите дурачить аратов своими проповедями. Недалеко же мы уйдём с тангутской письменностью, которую ламы завезли к нам в Туву.

Собеседник всё ещё пытался прикидываться простаком.

– Прошло уже больше ста лет, как у нас распространена тангутская письменность, – смиренно произнёс он. – Народ знает, насколько полезна она, чтит её. Потому я и пришёл к вам, тарга, что партия призвала высказаться по поводу письменности.

Лама привстал с табурета и почтительно поклонился. Я снова не сдержался:

– Оставьте ваши ламские привычки! Вам ли не знать, как живы все эти поклоны... Революция отвергла религию вместе с лицемерными поклонами, унижающими достоинство человека. Вот вы расхваливаете тангутскую письменность. А скажите-ка, кто из аратов владеет ею?

– У нас, в Чадане, – бойко заговорил монах, – в Верхнем и Нижнем хуре, многие ламы пишут по-тангутски. А из этих... из аратов... – он замялся. – Кто же, кто же?.. Что-то позабыл.

– А вы припомните. Не из лам, а из простых аратов – кто может читать и писать? Назовите хоть одного грамотного человека даже из нижних чинов тужумета. Если ваша тангутская письменность так проста, если она самим богом определена для тувинцев, почему же за сто лет вы не научили грамоте ни одного арата?

– Что я могу сказать, мой господин? – лама едва сдерживал ярость. – Значит... значит, у них, у этих аратов, просто нет способностей.

– Ну вот вы и сказали то, что должны были сказать! – Я узнал в этом тощем верблюде ламу высшего ранга – камбы. – Вы-то сами, Майдыр-ловун, и такие же, как вы – небольшая кучка верховных лам, – едва разбираетесь в тангуте. Заучили наизусть свои священные книги – вот и вся ваша грамота! Нет, ваше священство, такое предложение нам не подходит. Оно тянет назад, к тому, чтобы держать аратов в вековой темноте. Ваше предложение – хитрая ловушка!.. Запомните, Майдыр-ловун: если вы будете препятствовать выполнению решений партии, мы примем самые строгие меры. Понятно? Молитесь своему богу, сколько вашей душе угодно, и мы вас не тронем. Мы будем бороться не с вами, а с религией. Бороться беспощадно. Грамотный арат перестанет верить вашим сказкам. Но если вы станете мешать революции, пеняйте на себя. И передайте это всем своим камбы, хелин и прочим!

– Чаа! – вскочил с табурета Майдыр-ловун. – Наконец-то я понял решение партии!

Снова закряхтев и застонав, он поспешно шмыгнул за дверь.

* * *

...Прямо от меня лама направился в Эртине-Булакское хуре. Явился туда взбешённый и не сразу смог объяснить причину своего гнева.

– Я бы никогда не поверил!.. Но я сам, сам только что разговаривал! Этот – из хошуна Салчак – у них секретарь партии!

– Ой, ой! – сочувственно всплеснул руками Ирикпин. – Слышал, слышал про этого бедняцкого выкорымыша. Тывыкы, сын Тас-Баштыг... Подумать только, подумать только... А что случилось, учитель? – подобострастно склонился он перед высоким гостем.

Майдыр-ловун долго не мог успокоиться.

– Эти голодранцы надумали создать свою письменность!

– Разговор об этом всюду идёт, – посерьёзnel хелин. – Что же предпринимать, учитель?

– Надо помешать этой дурацкой затее. Она противоречит религии.

– Верно, учитель! Мы тоже не будем сидеть сложа руки.

Майдыр-ловун покровительственно улыбнулся:

– Сам бурган башки пророчествует твоими устами, хелин!

Он коснулся склонённой головы Ирикпина корешком молитвенной книги.

– Пусть воля божья снизойдёт на нас, – не разгибая спины, хелин посмотрел на Майдыр-ловуна.

– Пусть будет так. Слушай внимательно. Я поеду отсюда в предгорья Танды – в Межегей и Кок-Булун. Оттуда – в Хендерге и Ак-Дуруг. Побываю во всех хуре, у всех лам. Ты, хелин, отправишься в хуре Самагалтая, Морена, Нарына, Теса, Бай-Холя. Объяснишь ламам, что делать. Могу я на тебя положиться?

– Как могло сомнение омрачить ваш светлый ум, учитель? Кто посмеет послушаться вас? Мы все – слуги божьи... Именем бога клянусь: приложу все силы! – Ирикпин снова склонился перед камбы. Тот несколько раз похлопал его по загривку молитвенником.

– Всё в руках божьих. На всё его воля, – бормотал хелин. – А что, если, учитель, говорить всем, будто эти голодранцы-партийцы, эти кулугуры, не только против господ, – но и против народа идут?

Майдыр прищурился.

– А ты не глуп, хелин. Не глуп. Давай подумаем. Ну-ка, посмотри, нет ли кого лишнего.

– Кто нас может подслушивать? Всё же посмотрю. Кто его знает...

Ирикпин выбежал из юрты и тотчас вернулся:

– Никого.

Майдыр-ловун, полузакрыв глаза, молился. Время от времени бросал в огонь ветки можжевельника, гремел бубенцами.

* * *

Монахи всерьёз забеспокоились. Они прекрасно понимали, чем им грозит грамотность аратов. Письменность страшила их едва ли не больше, чем сама революция.

Поползли по хошунам нелепые слухи, распространяемые монахами. Злые слухи. Невероятные. Расчёт был верный: чем неправдоподобнее, чем чудовищнее ложь, тем больше надежд, что кто-то в неё поверит. И кое-где верили ламам. Ведь «святые отцы» говорят! А они всё понимают, всё знают.

Взбудораженная монахами толпа собралась в Тэли. Стоял шум, люди колебались.

– Давайте разберёмся, – пытался перекричать толпу Чыртак-оол. – Честно говоря, они только прикрываются религией. Это же первые обманщики – ламы. Будто сами не знаете. Как они лечат? На тот свет людей отправляют. Да они хуже бандитов! Моего отца до смерти залечили, а единственного коня забрали. Сколько овец выманили «за лечение»? Разве не так? Теперь они против грамоты нашёптывают. «Кто учиться станет – в ад попадёт». Выходит, все грамотные ламы давно уже в чертей превратились! А мы, как бараны, слушать будем?

Затерявшись в толпе, шпионы Ирикпина наблюдали за происходящим. Как поведёт себя народ? Но того, что случилось потом, ни Майдыр-ловун, ни Ирикпин не могли предполагать.

– Правильно! – слышались голоса.

– Сколько можно надувать нас?!

Шум стал ещё сильнее.

– Нечего сидеть сложа руки, ребята! – вырвались на середину круга два парня. – Надо их уничтожить! Ну, кто с нами? – и бросились к своим коням.

– Я! Я! Мы! – зазвучало со всех сторон.

И вот уже сотня всадников помчалась в Аксы-Барлык и Алдын-Булак. Араты с ходу набрасывали арканы на ограду, на купола монастырских строений и, гикая, нахлёстывая коней, тянули арканы на себя. В клубах пыли рушилось хуре. В воздухе летали разорванные в клочья молитвенные книги.

Кто-то проткнул барабан. Трещали по швам занавески.

Жалкой кучкой сгрудились во дворе ламы. Большинство из них самого низкого ранга – хуураки, послушники. Тощие, оборванные, с выпирающими скулами, они стояли, опустив головы.

– Чаа! Нечего с ними разговаривать, – распорядился Бак-Кок. – Пусть разъезжаются по своим аалам и занимаются полезным трудом.

– Выращивайте скот! – подхватил Чыртак-оол. – Сами убедилась: против вас народ ничего не имеет. Вас тоже обманывали.

Ламы, словно с аркана сорвались, засверкали пятками.

Ненависть бедняков к ламам и шаманам вскипела, как суп в котле, и выплеснулась разом, вдруг. Ещё одна цепь спала с аратов.

* * *

Приступила к работе комиссия, назначенная ЦК. В неё вошли Шагдыр-Сюрюн, Седип-оол, Бак-Кок и Даландай. Меня ввели как министра просвещения.

Не обошлось без споров и здесь. Даже в самом Центральном Ко-

митете не было единогласия. Сомневавшихся оказалось довольно много. Пугала сложность предстоящей работы. Никто, по существу, не знал, с чего начинать, по какому пути пойти.

Были не только «сомневающиеся». Даландай, Хонекпен и Элбек-оол отстаивали свою позицию:

– Может, в самом деле, заглянем в тангут... Или монгольскую письменность посмотрим. Всё-таки мы издавна ею пользуемся...

Ну чем не Майдыр-ловун? А ведь не ламы – члены ЦК!

У этих троих было преимущество: они хоть немного, но владели монгольским языком. И на первых порах им удалось взять верх. По их предложению начали составлять проект на монгольской основе, хотя было очевидно, что такой проект будет на руку только ламам и феодалам. А тем и другим араты уже неплохо ответили. Бедняки с нетерпением ждали, что скажет партия. Как самого большого счастья, ждали араты свою, тувинскую письменность. Можно ли было обмануть их надежды?

В Москву, в ЦК ВКП(б), пошло письмо:

«Просим оказать научную помощь в создании тувинской письменности».

Шёл июнь 1930 года. Комиссия продолжала работу. Вернее сказать – топталась на месте.

Сторонники тангутско-монгольской основы потихоньку разрисовывали таблицы и злорадствовали: у нас, кроме убеждённости в своей правоте, ничего нет, мы не продвинулись ни на шаг вперёд.

Но радовались они недолго.

В помещении, где мы обычно заседали, я ворвался, не помня себя от восторга:

– Друзья! Товарищи! ЦК ВКП(б) принял постановление оказать братскую помощь тувинскому народу в создании письменности. Академия наук СССР направляет к нам своих специалистов!

– Хаа! Теперь заживём! – Шагдыр-Сюрюн и Седип-оол, как заправские борцы, встали друг против друга.

Чтобы позлить наших противников, Седип-оол сказал:

– Я думаю, мы возьмём пример с прежде бесписьменных народов Советского Союза. Там уже есть опыт...

– Дельные предложения будут рассмотрены комиссией, независимо от того, кто их внесёт, – поддержал я его. – Желательно только, чтобы предложения представлялись в письменном виде. На тувинском языке!

– Камбы Верхнего Чаданского хуре уже внёс предложение, – почесал в затылке Бак-Кок.

– Какое предложение? – насторожился Даландай.

– Он сказал: «Кто не желает принимать тангутскую письменность, тот заодно с дьяволом». А других предложений, сказал кам-

бы, все приверженные к религии не поддержат. После этого он взял да и уехал неизвестно куда. Может, товарищ Даландай знает, где теперь камбы? У них ведь одна платформа.

Даландай рассердился и хлопнул дверь. Мы расхохотались. «Борцы» – Шагдыр и Седип-оол – закружились в танце орла.

* * *

Был жаркий июньский полдень. В верховьях Опдум прошумел дождь. Снова прояснело, и над Вилланами изогнулась семицветная радуга.

Я стоял на берегу, взволнованный ожиданием. Шесть лет назад мы уезжали отсюда в Москву. Сегодня мы будем здесь торжественно встречать дорогих гостей из Советского Союза.

Издалека донёсся приглушённый расстоянием басовитый голос пароходного гудка, всколыхнув весь город. У каменного столба, где теперь пристань Госпароходства, – не протолкаться. Собрались, что называется, и стар, и мал.

– Счастливей сегодня день! – Седип-оол от избытка чувств подхватил Шагдыр-Сюрюна, закружил его и поставил на землю, как мешок с шерстью.

– Отстань! – рассердился Шагдыр. – Я тебя сейчас в воду брошу! – Он замахнулся было, но тут же остыл, рассмеялся.

– Подплывают! Подплывают! – закричали на берегу.

Замедляя ход, к нам приближался пароход «Улуг-Хем». На мачте у него трепетал алый флаг. Что тут было! Ведь почти никто и никогда в жизни не видел «плавающий дом».

Река гостеприимно плескала ласковыми волнами в борта парохода. А берег бурлил, как разбушевавшаяся река.

«Улуг-Хем» замер, попыхивая клубами чёрного дыма. С кормы парохода, прогрохотав железной цепью, свалился в воду огромный крюк – якорь. На берег перебросили лестницу – сходни, и хлынул поток пассажиров.

Я сразу узнал одного из них. Он бежал по шаткому трапу, прогибая его, и приветственно махал рукой. Это был Леонид Дмитриевич Покровский.

– Здравствуй! Здравствуй, товарищ Тока! Ну, как вы тут живёте?

Я кинулся к Покровскому, обнял его. Леонид Дмитриевич притянул меня к себе, поцеловал в лоб, взволнованно потеревил бородку, обернулся к встречавшим:

– Простите, товарищи! Позвольте представить вам. Мои друзья – Александр Пальмбах, Хамид Сейфулин...

Все знакомые – наши учителя!

Этим же пароходом в Туву прибыла большая группа советских врачей, педагогов, специалистов сельского хозяйства и промыш-

ленности. «Улуг-Хем» доставил также много различных товаров.

В тот день над Кызылом особенно ярко светило солнце. Так светло бывает в юрте, когда солнечный луч вдруг ворвётся прямо в дымоход.

Когда улеглась суматоха и чуть приутихли взаимные расспросы, я махнул рукой Дажи.

Он подогнал машину и по-русски пригласил гостей:

– Пожалуйста!

– О-о, даже автомобиль! – улыбнулся Леонид Дмитриевич. – Хорошо живёте.

– Да так себе автомобиль, неважный... Садитесь.

Дажи обиделся:

– Как это неважный? Новая машина!

– Ну, конечно, со старой не сравнишь! – подмигнул я.

Шофёр расплылся в улыбке, вспомнив недавно списанную «чёрную быструю», и дал газ. Не разбирая дороги, прямо через кусты караганника он рванул к четырёхкомнатному домику, отведённому для наших гостей.

На следующий день московских учёных принял Шагдыржап.

– Мы очень надеемся на вашу помощь. У тувинцев пока только один палец грамотный, который к бумаге прикладывают, – горько пошутил генсек. – А с отпечатками пальцев мы много не сделаем. Нам письменность нужна, как воздух, как вода. Без неё люди вне политики.

Шагдыржап не раз изумлял меня цепкостью памяти и глубиной ума. Вот и сейчас он к месту припомнил ленинское выражение, которое однажды слышал от меня.

– Какие предложения имеются у ЦК? – поинтересовался Пальмбах.

– Тока этими делами занимается. Пусть он расскажет. Кстати, и переводчик не потребуется.

Я коротко сообщил о нашей комиссии. Не умолчал о разногласиях, спорах.

Учёные согласились, что с ламами нам не по пути.

– С чего же начнём?

– Мы просим вас помочь разработать письменность подобно той, какую имеют наши советские соседи – алтайцы, хакасы, казахи, киргизы. Только на тувинской основе.

Москвичи именно это и имели в виду.

Вместе с Покровским, Пальмбахом и Сейфулиным мы отправились по хошунам изучать говоры тувинцев. Добрались до Ак-Дургского сумона Дзун-Хемчикского хошуна. С пригорка открылся тёмный лес Чаа-Холя. Он так густо зеленел, что мог бы сравниться с лесными чащами Танды, до заснеженных вершин которой, казалось, совсем близко. Гости долго любовались природой.

Мы подошли к полуразрушенным строениям.

– А здесь что – ураган был? – спросил Леонид Дмитриевич.

Местный старожил Докан-оол ворошил ногой разбросанные на земле обрывки молитвенных книг. Один прилип к его идику и никак не отставал, как ни дрыгал ногой Докан-оол.

– Это не ураган, – сказал он. – Это дело рук аратов. Не стерпели. Разнесли гнездо лам. У нас так говорят: «Скорей бы вместо их хуре школы появились...».

– Вон оно как! – удивился Покровский. – Судя по этому, тувинцы не питают к религии особых чувств.

– Аратов только тем и заставляли верить в бога, что пугали. А так, честно сказать, мало кто верил. Просто боялись лам – вся власть у них была... – Докан-оол плюнул на развалины монастыря.

– А куда же девались ламы?

– Разбежались! У кого высокие звания – к бандитам подались. А простые монахи вернулись к семьям.

* * *

– Александр Адольфович, не пора ли обсудить алфавит?! – по нескольку раз в день надоедал я Пальмбаху.

Он не спешил с ответом. Неторопливо «зачинивая» ногтем исписавшийся карандаш, Александр Адольфович задумчиво покачивал лысеющей головой.

– Ваш вопрос действительно, справедлив. Действительно! Я тоже об этом подумываю...

И тут же, забыв о моём существовании, погружался в размышления.

А мне не терпелось.

– Нет, вы всё-таки скажите! Когда?

Пальмбах сосредоточенно царапал свою голову карандашом.

– Я советовался с товарищем Шагдыржапом. Между собой тоже говорили. Никак не остановимся на окончательном варианте. Получается тридцать с лишним букв. Многовато...

И всё-таки я дождался дня, когда Пальмбах, раскрыв тетрадь в чёрном клеёнчатом переплёте, торжественно произнёс:

– Вот двадцать девять букв первого нашего проекта. Давайте вместе посмотрим и будем докладывать Центральному Комитету.

Он читал алфавит, а я шептал за ним буквы за буквой. И вдруг поймал себя на том, что повторяю эти самые буквы громко, вслух!..

...20 июля 1930 года собрался весь состав ЦК, наша комиссия, члены хошунных комитетов по созданию письменности, московские учёные. Волнуясь, объявил повестку дня:

– Товарищи, сегодня мы рассмотрим проект, разработанный советскими учёными. Слово предоставляется Александру Адольфовичу Пальмбаху.

Докладчик вышел к чёрной доске, широко расставил ноги, растянул верхнюю пуговицу изношенного френча, откашлялся. Потом взял в одну руку мел, в другую – тетрадь.

– Чаа, товарищи...

Все застыли.

– Прошу внимательно выслушать меня, – сказал Пальмбах по-тувински, старательно выговаривая каждое слово. Должно быть, не раз прочитал свой доклад. Но как же это хорошо, что он говорил по-тувински.

– Создавая наш проект, мы учитывали опыт народностей СССР, не имевших до революции своей письменности. И это, я думаю, единственно верный путь. И наиболее лёгкий, доступный. Постараюсь доказать, что наше предложение выгодно отличается от тех, что ориентировали нас на монгольскую или тунгутскую письменность... Мы учитывали, что тувинский язык имеет тюркскую основу. Поэтому и взяли за образец обновлённый тюрко-латинизированный алфавит, который неплохо привился в близких Туве по языку национальных районах Советского Союза. Если это не встретит возражений, то пойдём дальше...

– Продолжайте!

– Хорошо. Исследуя языковые особенности разных хошунов Тувы, мы остановились на говоре тувинцев, населяющих Хемчик. Почему мы выбрали именно хемчикский говор? Поясню. К примеру, язык оюнов, салчаков, маады, чооду имеет значительную примесь монгольского и татарского. А у жителей Хемчика и Чаадана говор менее подвержен влиянию чужих языков. Мы полагаем, что с этим явлением нельзя не считаться. Посудите сами. Большинство тувинцев топор и чайник называют «балды» и «хонек», а тандинцы, салчаки и оюны эти же предметы именуют по-монгольски – «суге» и «донгуу». Следовательно, будет правильнее взять за основу тувинского литературного языка говор дзун-хемчикских тувинцев.

– О-о, всё понятно!

– На душе полегчало.

Все бросились к Пальмбаху. Стали жать ему руки, благодарить. Поднялся шум. Пришлось объявить перерыв.

Народу прибавилось: всем интересно!

– Вопросы есть? – спросил я.

– У меня, что-то вроде... Можно? – высунулся Даландай.

Я не сомневался, что он скажет что-нибудь не так и всем испортит праздник, но отказать ему было нельзя – член комиссии.

– Пожалуйста.

– Я никак не могу согласиться. Как это так: речь хемчикских тувинцев подходит, а оюнов-салчаков не подходит? Как это, товарищи? Мы, оюны, тоже, кажется, люди, и салчаки тоже. Не понимаю, хи-хи-хи!.. Почему бы по-старому не оставить: использовать тангутскую или монгольскую письменность? Всем тувинцам она понятна. – И сел.

Не спрашивая слова, вскочил Седип-оол:

– Даландай ничего нового не сказал. Мы эти слова слышали не только от него. Ламы и тужуметы то же самое говорили. Новая письменность будет понятна действительно каждому тувинцу. Это главное!

– Правильно! – закричали отовсюду.

– Я полностью одобряю предложение докладчика и обязуюсь сам быстро изучить новую письменность и обучить других. Между прочим, родом я оюн... – Шагдыр-Сюрюн выпалил это и закурил.

На трибуну поднялся Бак-Кок, крепко ухватился за неё руками и заговорил, будто выступал перед тысячей человек:

– Товарищи! Верно говорю: новая письменность навечно останется в истории Тувы. Надо утвердить этот проект и поручить комиссии, чтобы она его усовершенствовала. А выступление Даландая – каждый подтвердит – враждебное выступление!

Разговорились – не остановишь! Пюльчун выступил. Прибывшие из хошунов Иргит Дынгыжаа, Оюн Биче-оол выступили. Каждый громил Даландая и его прихлебателей. «Тангутцы» поджали хвосты и не смели больше подавать свой голос.

Полная победа!

– Будем ещё обсуждать?

– Всё ясно! Давайте голосовать!

Поднятых рук – как деревьев в лесу. Ни одного против!

Перебивая друг друга, поздравляли московских гостей, аплодировали так, что, казалось, все горы Тувы сейчас рухнут.

Пальмбах украдкой вытирал глаза – не то от слёз, не то от радостного смеха.

– Чаа, товарищи! Нас очень радует, что вы теперь будете иметь свою письменность. Примите наш горячий братский привет. Приехавшие со мной из Москвы товарищи Покровский, Сейфулин, Кабо присоединяются к моим поздравлениям. Ну, а теперь не будем терять времени и приступим к изучению тувинского алфавита. Нет возражений?

Присутствующие зашелестели бумагой. Руки членов ЦК, министров, важных таргалов неловко взяли карандаши.

Пальмбах написал на доске букву «А».

Глава 19 Калдак-Хамар

На перевал Калдак-Хамар, до подножия которого мы доехали затемно, нам предстояло взобраться вместе с солнцем.

Но солнце преспокойно поднималось к зениту, а наша «чёрная быстрая» – кличка пристала и к новой машине, уже утратившей свои первоначальные качества, – всё ещё стояла на месте. Одолеть такой крутой подъём ей было не по зубам. Оставив за рулём Гошу Белова, который твёрдо решил «оживить» машину, мы разминали ноги, тщетно придумывая способ одолеть перевал.

Георгий несколько раз заводил мотор и, со скрежетом переключая скорости, устремлялся на штурм крутизны. Ему удавалось одолеть десять – двадцать метров, затем тархатенье двигателя переходило в натужный вой, мотор чихал, стрелял, дымил, замолкал, и «чёрная быстрая», тихо поскрипывая, скатывалась назад.

Мы изо всех сил толкали машину, подкладывали под задние колёса камни и подставляли собственные плечи, только бы удержать её. Мы готовы были внести её на себе. И наше упорство мало-помалу брало верх. Мы всё же ухитрились взобраться на средний хребет, но на большее нас не хватило. Раскрасневшийся, взмокший от пота Георгий вылез на дорогу и сказал:

– Всё!

Довольно долго и не без интереса за нами наблюдали араты кочующего аала. Они перегоняли скот и остановились на отдых в низинке.

Кому-то пришла в голову мысль попросить у них волов и лошадей, чтобы вытянуть машину на перевал. Араты охотно согласились. Привели с десятков волов и пять лошадей, собрали арканы и «впрягли» скотину. С гиканьем и смехом целой толпой стали погонять упряжку. Машина ни с места!

То ли Георгию надоела вся эта канитель, то ли он решил сорничать, но вдруг он несколько раз резко нажал на сигнал. Испугавшись сирены, волы рванули. Два или три аркана лопнули, но машина поползла в гору.

Шофёр повеселел и сигналил не переставая, да ещё и покрикивал:

– А ну, давай, давай! Ходи веселей, родимые!

Волы и кони прибавили шаг. Мы, смешавшись с аратами, почти бежали следом и орали, перекрывая криками гудки автомобильной сирены.

Вот и гребень перевала. Упряжка наддала, увлекая машину за собой. Должно быть, тормоза у «чёрной быстрой» отказали, потому что она, виляя из стороны в сторону, то и дело наезжала на волов. В конце концов смешная пёстрая процессия остановилась.

Возбуждены мы были до крайности: шутка ли, одолеть такой подъём!

Пока Георгий озабоченно осматривал нашу чудо-машину, спасители-избавители собрались в кружок. Среди них оказался Сундувей – секретарь партийной ячейки из сумона Шурмак. Отвязывая свой аркан от буфера легковушки, он не удержался от ехидства:

– Как видите, наша скотина не уступает транспорту нового времени. Даже выручает.

Он присел рядом с нами и закурил, хитровато поглядывая на автомобиль. На фоне солнца, которое уже на две трети спряталось за горы, розовела его лысая голова с небольшими полосками волос возле ушей. Сундувея не баловала жизнь. От тяжёлой работы согнулась его спина. Всё, что причиталось на долю бедняка, он получил сполна. Но никакие житейские невзгоды не повлияли на его насмешливый характер, не лишили его весёлого взгляда и спокойной уверенности закалённого человека.

Только под пятьдесят он стал постигать грамоту и кое-как научился читать и писать. Энергии его можно было позавидовать. Несмотря на возраст, Сундувей сохранил редкую подвижность. Это был один из самых деятельных партийных активистов.

– Да-а, слабовата ваша техника! – снова поддел он нас.

Я перевёл его слова шофёру. Белов, кончив возиться с машиной, подошёл к нам.

– Дело не в технике. У техники свои возможности. Для машины свои условия нужны. Хорошие дороги, например. А вот добрую дорогу через Калдак люди так и не сделали. Ездят и вроде бы не видят, сколько добра пропадает, сколько вьюков с круч в пропасти валится, сколько коней, сколько людей гибнет... Я в обиде не на машину – на бездорожье.

Уловив в голосе Георгия раздражение, Сундувей поспешно сказал:

– Слова мои – шутка. А то, что говорил товарищ, – правда. Наша молодёжь пока только в песне расчищает дорогу на Калдак.

– В какой песне, акый? – поинтересовался я.

– Про этот самый перевал поют. Всё я не запомнил, тарга. Поют, как хорошо сделать широкую дорогу через Калдак-Хамар для быстрых, как ястребы, машин.

Он оглядел скалы и кручи.

– Наши партийцы вынесли постановление начать расчистку дороги. Нужна она людям. Как думаете, осилим?

– Раз постановили, – значит, сделаете. Думаю, для большого дела найдутся и люди, и техника. Вас обязательно поддержат.

– Как бы хорошо! – загорелся Сундувей. – Народ мы поднимем. Мясо мы любим пожирнее, а работу поживее!.. Ну, пора нам.

Сундувей сунул трубку за голенище и поднялся. Мы распрощались.

Теперь дорога не представляла труда. Мы своим ходом поднялись на Чаа-Оваа и сделали небольшой привал, чтобы выбить пыль из одежды и привести в порядок машину – оставалось совсем немного до Самагалтая, пункта нашего назначения.

Когда спускаешься вниз берегом реки Самагалтай, взору открывается красивая роща слева от дороги, а справа высятся Улуг-Бел и Чалымныг-Тей, сжатые хребтами Танды.

Минут через двадцать мы въехали в село, взорвав тишину своей «тарактелкой». Село – известно какое: пяток новых домов, больничка, школа, поодаль два ветхих здания хуре и несколько юрт.

Найти хошунный комитет партии нам помог какой-то долговязый парень.

– Во-он в той юрте, с п-пёстрой дверью, – заикаясь, сказал он. – Там и наш секретарь Кижир-оол.

– А вы кто будете, почтенный?

– Я-то? Хи-хи-хи, – парня развеселила необычность обращения. – Я начальник небольшой. К-курьер я. Суук-Багай меня зовут. – И опять захихикал.

Отсмеявшись, оглядел нас и спросил:

– Кто у вас старший будет? П-побегу скажу Ки-жир-оолу.

– Зачем бежать. Садись к нам. Мы из Кызыла. Вот это Нор-жунмаа, это – Кенен...

Курьер опять рассмеялся.

– Слышал, комиссия приедет из Кызыла. Начальники наши переполошились. Нас, курьеров, совсем загоняли.

– Что же вы такое делали?

– Какой только работы не нашлось, тарга! Помещение для вас приготовить, продукты, дрова запасти...

– Ну, хорошо, Суук-Багай. Давай так сделаем. Ты проводи товарищей туда, где мы должны остановиться, а я пойду к секретарю. Потом ещё побеседуем.

В юрте с пёстрой дверью никто не обратил внимания на моё появление. Кижир-оол, Дарзыг и Донмит, расстелив на полу большие листы бумаги, что-то писали. Все трое были поглощены занятием.

– Здравствуйте!

– Ок, ок! – Кижир-оол вскочил. – Ок, скажи пожалуйста! Здравствуйте, тарга!

Донмит запрыгал на одной ноге, отыскал протез, приладил его.

– Как поживаете?

– Сайин, – ответил я по-монгольски. – Хорошо.

– Чем занимаетесь? Наверно, планы хошуна на будущее разрабатываете?

Кижир-оол улыбнулся.

– К приезду комиссии готовились. Списки почти готовы. Вот, – он собрал с полу бумаги, протянул мне. – Здесь семьи, у которых будем конфисковать имущество. Первым идёт нойон Далаа-Сюрюн, за ним Оруйгу, потом феодалы помельче. Члены семьи, количество скота, сколько юрт, где какие пастбища, какое есть имущество – всё указано.

На собрании хошунского комитета мы договорились обо всех деталях предстоящей работы. Мне выпало вместе с Кижир-оолом, Донмитом и Суук-Багаем ехать в сумоны Бай-Хол и Бай-Даг. Нам предстояло отобрать скот и имущество у Далаа-Сюрюна, Оруйгу и доброго десятка богачей. Правда, с Далаа-Сюрюном, как и другим старым знакомым – Буян-Бадырги, мы уже не могли повстречаться: за организацию контрреволюционного мятежа эти два вожака были приговорены к высшей мере наказания. Но оставались ещё их многочисленные родственники, а также сторонники, быстро приспособившиеся к новой обстановке. Они продолжали эксплуатировать и одурачивать аратов, всеми правдами и неправдами стараясь сохранить и свои прежние привилегии, и свою власть над людьми.

Работа предстояла сложная.

* * *

В центре Бай-Хольского сумона стояли три избушки. Мы собрали членов партии, бедноту. Рассказали, зачем приехали.

Не сразу поверили араты. Не укладывалось в голове у многих: как это можно отобрать у всемогущих их богатства и раздать бедным? Да разве они согласятся так просто отдать? А когда поняли, что всё будет сделано по воле народа, что они – араты – главные хозяева жизни, тесный дуган наполнился радостным гулом.

– Хаа, вот это здорово!

– Справедливо!

– Поможем комиссии!

...Большая, пышно украшенная юрта стояла неподалёку от сумонного центра. В неё не каждый прохожий-проезжий рискнул бы зайти. Да и свои, местные, предпочитали обойти-объехать. Самого Оруйгу юрта!

Оставив у привязи коней, мы вошли в юрту.

Прямо напротив входа, на почётном месте, не сидел – восседал, как буддийский лама, пожилой мужчина с землисто-серым лицом, бритой головой, в жёлтом чесучовом халате. Возле кровати стояла женщина, – должно быть, его жена. Из-за спутанных волос лица её почти не было видно. Кроме них в юрте было ещё трое детей, которых я не сразу заметил.

Мы поздоровались. Хозяин ответил и, не поднимаясь, подвинулся ближе к изголовью кровати.

– Ну-ка, жена, быстро приготовь для таргаларов чай! Чёрт возьми, куда девался этот Чаргашпай! – Привычным жестом он показал жене на дверь и подобострастно улыбнулся.

Женщина тут же выбежала. Оруйгу достал красно-бурую табакерку, понюхал, протянул табак нам и спросил, деланно неловко поклонившись:

– Куда держите путь?

Я собрался было показать ему удостоверение, чтобы избежать ненужных разговоров, но в это время с улицы донёлся истошный женский крик:

– Чаргашпа-ай! Ой, Чаргашпа-аай! Что же это делается-а-а!

Это, как выяснилось позже, Суук-Багай не разрешил хозяйке вернуться в юрту.

Оруйгу метнулся к двери.

– Погодите, – остановил я его. – Там ничего не случится. Сначала познакомимся, ответим на ваш вопрос...

Протянул ему удостоверение.

Руки Оруйгу дрожали. Он шевелил толстыми губами, будто читал про себя молитву. Машинально вынул табакерку, зачерпнул ложечкой табак, поднёс к носу, шмыгнул. Будто совершив нечто очень значительное, не спеша спрятал табакерку.

– Ничего не поделаешь, – устало проговорил он, не поднимая головы. – Против указа правительства не пойдёшь... Хоть несколько голов скота оставьте. Ребятишек прокормить...

– Мы не поступаем бесчеловечно, как это делали феодалы. Как вы, например. Как ваши друзья. Помните? Вам будет оставлено несколько овец и коз, дойная корова, ездовая лошадь, самая необходимая одежда...

Кижир-оол не дал мне договорить.

– Я бы этому врагу ничего не оставлял! Прямо на месте задушил бы его своими руками. За все мои шрамы, за детей. Это он умирал их голодной смертью!

Оруйгу ещё ниже опустил голову.

Я потянул Кижир-оола за рукав.

– Давайте к делу. Отвечайте ясно и точно. Ваше имя. Название старого сумона.

– Оруйгу. Старый сумон – Соян.

– Какую должность занимали до революции?

– Когда ездил в большое хуре, меня признали грамотным, пожаловали должность сайгырыкчи, дали красный шарик на шапку.

– Погоди, погоди! – гневно перебил его Донмит. – Не о том говоришь. Что грамотный, мы и сами знаем. Ты скажи, какими на-

логами обкладывал аратов, как избивал людей, пытал, сколько человек замучил!

Члены комиссии были настроены воинственно.

Оруйгу молитвенно сложил руки.

– Это было не совсем так...

– Не совсем так! – передразнила его аратка Иргит Донгыжаа. – Да в наших краях не было другого такого жестокого хозяина, как ты!

Страсти разгорались. С трудом удалось вернуться к протокольному опросу.

– Сколько у вас скота?

– Трудно сказать. Если вам угодно немного подождать, я посмотрю по спискам. – Он протянул руку к пёстрому шире, достал замасленные бумаги, долго разглядывал их.

Я тоже вынул тетрадь, в которой был переписан весь его скот. Оруйгу так долго копался с бумагами, что я попросил дать их мне. Одни записи были сделаны у него по-монгольски, другие по-тувински (быстро научился новой грамоте, – отметил я про себя). Многие цифры были переправлены или стёрты вовсе.

Пришлось припугнуть его:

– Если вы будете путать и стараться скрыть скот и имущество, мы просто отдадим вас под суд.

– Нет, нет! – испуганно встрепенулся Оруйгу. – Я ничего не скрою от народа. Но скот размножается сам по себе, вот списки и расходятся. Вы же учёный человек...

– Это верно, что скот размножается. Но почему при этом его становится меньше?

Немного подумав, Оруйгу попросил:

– Дайте списки, тарга. Я сейчас разберусь. Значит, так. Лошадей пятьсот семьдесят. Из них ездовых двести, – забормотал он. – Коровы, большие и малые телята... О них жена знает. Верблюдов сто пять голов. Вот и всё...

Он отложил списки.

– А мелкого скота разве у вас нет?

– Как нет! Имеется. Его тоже жена знает. У нас такой порядок. – Оруйгу усмехнулся.

– Позовите жену.

– Оо, жена! – крикнул он. – Куда ты пропала? Иди, быстро!

За дверью юрты послышался приглушённый голос:

– Как же войти, если долговязый не пускает!

В юрту просунул голову Суук-Багай.

– Как с ней быть? Пустить, что ли?

– Пусть войдёт.

Ни на кого не глядя, женщина вошла и уселась на прежнее место возле кровати.

– Ваш муж не помнит, сколько у вас коров и мелкого скота. Говорит, вы знаете. Так сколько голов?

Она молча взяла трубку, постукала ею об остроносый идик, сосала, достала из-за пазухи кисет, набила трубку и раскурила её. Должно быть, она и не собиралась нам отвечать.

– Так что же, нам самим считать ваш скот?

Женщина отложила трубку и повернулась к Оруйгу:

– Что это, в самом деле! Даже в юрту свою не пускают. Согнали в аал весь скот – всех овец и коз, коров и лошадей. Даже верблюдов привели. Что тут собираются делать?

– Извольте знать, – ответил Кижир-оол. – Это больше не ваши стада. Теперь они принадлежат народу. Народ теперь хозяин всему.

– Раз отбираете – отбирайте. Съесть хотите – ешьте! И считайте сами! – Она упала навзничь, затряслась и завыла, словно старая волчица.

Оруйгу посмотрел на неё, вздохнул и спокойно произнёс:

– Мелкого скота, наверно, две или три тысячи. Коров – около двухсот...

Ну чего тут было толочь воду в ступе? Я вышел из юрты. Возле неё – не протолкаться. Все, кто жил поблизости, собрались сюда. Мои товарищи выжидательно глядели на меня.

– Давайте по инструкции тщательно регистрируем всё движимое и недвижимое.

Почти вся долина Бай-Холя была запружена скотом. Ржание, мычание, блеяние, рёв животных, лай собак...

А к юрте шли и ехали пешие и конные. Возбуждённые, радостные лица, громкие голоса отодвинули куда-то беспокойство и тревогу, внесли в эту шумную неразбериху праздничную торжественность.

– Эки, тарга! – послышалось сзади.

Я обернулся.

– Меня зовут Самбуу. Помнишь?

– Как же, как же! – Я поздоровался со стариком. – Что хорошего у тебя?

– Хотел бы я кое-что тебе подсказать, – кивнул он в сторону, приглашая отойти. – Как посмотришь, много тут скота, очень много. А где-то ещё больше упрятано.

– Похоже на то. А как доказать?

– Сведущие люди говорят, есть стада Оруйгу и в Тере-Холе, и среди скал и Чоон-Барыын, а ещё в Качык-Сайгале и Кара-Холе.

– Спасибо, Самбуу. Найдём обязательно. Найдём везде, где бы ни спрятали. Найдём и разделим между такими бедняками, как ты.

– Оо! А молва идёт, будто скот раздадут начальникам из Хем-Белдира.

– Вот это, дружище, хуже, чем спрятанный скот. Такие слухи распускают сами богачи, их родня. Это злая ложь. А правду ты знаешь: всё конфискованное имущество будет строго учтено и перейдёт в собственность народа. Каждый бедняк получит до пяти голов крупного рогатого скота...

– А коней? Коней тоже дадут?

– Овцы-козы достанутся?

Нас незаметно обступили, и мне пришлось несколько раз повторять то, о чём я говорил Самбуу.

– Пастбища и луга тоже будут поделены между бедняками.

Из толпы протиснулся пожилой арат. Он потоптался на месте, снял шапку, спросил:

– А не получится так, тарга: уедет комиссия, а хозяева отберут у нас всё и сгонят скот в свои стада.

– Так не получится. Вы сами не допустите. Разве, свалив медведя, вы не возьмёте его мясо и шкуру? Неужели опять в лес отпустите?

Все рассмеялись.

– У меня ещё вопрос. Некоторые богачи раздали кое-кому скот. Что же, он так и уйдёт?

– Порядок такой: учесть всё, что принадлежит феодалам, где бы их добро ни находилось. А кто утаит, будет отвечать вместе со своим бывшим хозяином.

– Справедливо!

Низенький арат неуверенно спросил:

– Как такое дело будет считаться?.. Приезжал недавно ко мне Оруйгу, привёз ковёр, два шёлковых халата, привёл двух коней – один из них рысак, и сказал, пусть это всё будет пока у тебя, а потом поговорим. И уехал. Это считается, что я спрятал, да?

– Об этом надо сразу же сообщить комиссии. Разберёмся – решим. Может быть, всё, что Оруйгу вот так раздал беднякам, у них и останется.

Долго пришлось потрудиться комиссии и аратам-помощникам, пока пересчитали табуны и стада богача.

* * *

...Десятый день шла раздача скота беднякам и батракам.

– Эй, оол! Где ты там, Дангыжаа? – Кижир-оол по привычке и к женщинам обращался, как к мужчинам.

– Здесь я, тарга. Иду, иду! – вперед вышла смущённая Иргит Дангыжаа.

– Ставь свою подпись. Чтобы довести твоё стадо до пяти голов, комиссия даёт тебе дойную корову. А ещё получай ездового коня, кобылу с приплодом и десять овец.

Аратка развернула помятую кожу, в которой хранились семейные бумаги, и достала оттуда... карандаш. Медленно вывела своё имя.

Я не мог сдержать волнения: женщина-тувинка расписывается! Старая Иргит научилась грамоте!

– Суук-Багай! – выкликнул Кижир-оол.

Наш знакомый долговязый курьер неуверенно шагнул к столу комиссии, вытирая на ходу мокрое не то от слёз, не то от пота лицо.

– Меня звали?

– Тебя, тебя, Суук-Багай. Ошибки нет. Ты получаешь десять овец, корову с телёнком, двух лошадей, седло, аркан табунщика и уздечку. Хватит?

Суук-Багай развёл руками, хотел что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова. Расписался, взял в обе руки список переданного ему скота, поднёс было бумагу ко лбу, но тут же спрятал за пазуху и крепко пожал руку Кижир-оолу.

А секретарь уже вызывал следующего.

– Овааты! Прими свою долю.

Старый Овааты только недавно начал учиться, поэтому с превеликим трудом вывел две буквы – «Ов». Потом перевёл дух и виновато сказал:

– Беда! Не могу больше!

– Довольно и этого, – подбодрил его Кижир-оол. – Тебе полагается ездовой конь, кобыла с жеребёнком, дойная корова, десять овец, верблюды. Вот какое хозяйство получаешь! А ещё – охотничье ружьё.

Овааты засмеялся, широко открыв беззубый рот.

Глава 20

Дорога через перевал

Вести бумажное хозяйство и вообще иметь дело с бумагами было для Сундувея хуже всего. Грамотности его на это пока не хватало. Но он все-таки нашёл выход из положения. Если предстояло на собрании принять решение, Сундувей поручал написать и зачитать проект кому-нибудь из товарищей и при этом многозначительно говорил:

– Надо и других приучать!

Если приезжало хошунное начальство или из Кызыла и начинало расспрашивать, Сундувей и тут не терялся. Он совал свой блокнот и объяснял:

– Поголовье крупного рогатого скота – красной краской, овцы и козы – синей, лошади – чёрной. А посевные площади – карандашом. Всё понятно?

Эти записи, по просьбе Сундувея, тоже делали товарищи. Сам же он каждую цифру помнил наизусть.

Идеей расчистить дорогу через Калдак-Хамар Сундувей загорелся, как только его избрали секретарём. Агитировать ему много не пришлось. До того был тяжёлым путь через перевал, что иные араты, даже не верящие в бога, на подступах к Танды читали молитвы, обращались за благословением к шаманам и ламам. Зимой по таёжной тропе с трудом можно было провести навьюченного вола.

Да что рассказывать! Мы сами только что натерпелись на этом перевале.

ЦК поддержал решение партийного хошкама Теса и объявил строительство дороги всетувинским, всенародным делом. Это ещё больше воодушевило Сундувея.

Потянулись к подножию перевала отряды добровольцев со всех сторон. Сотни молодых аратов с привязанными к сёдлам топорами, пилами, лопатами направлялись боевыми отрядами в предгорья Танды. Во главе одного из отрядов – Дарзыг.

– По этой дороге, – говорил молодёжи командир, – в начале тридцать первого года ехали мы с винтовками и пулемётами. Гнали разбойников мээрена Дамдыкая. Лошадиному помёту не давали остыть. Мы с Кижир-оолом проводниками были... Одолели бандитов! Теперь и с феодалами окончательно расправились. В руках у нас другое оружие – оружие труда. Хорошо, друзья мои! Душа поёт!

И пели парни.

...Смотри и слушай, Калдак. К тебе идут люди всей Тувы, движутся целыми хошунами. Штурмом возьмут они твои неприступные кручи, разглядят твои горбы, осушат твои болота. Они одолеют тебя, Калдак, потому что люди теперь свободны, крылаты!

И гремела песня:

*Люди О-Шынаа, люди У-Шынаа,
В работу включайтесь дружней!
Проложим дорогу себе и машинам,
На радость отчизне своей!*

...Вот и Калдак. Все подступы к нему, все холмы вокруг – будто лагерь огромной армии. Каждый хошун прислал своих людей. Палатки, шалаши. Всюду развевались красные флаги.

А по ночам загорались костры... Жаркие, шумные, весёлые, как песня. Тихие и задумчивые. Одни – в ущельях – озаряли серые скалы. Другие пылали на ровной поляне, выхватывая из темноты густые ели и лиственницы. Третьи, как волчьи глаза, сверкали в открытой долине... Не счесть их, костры Калдака!

У каждого костра – свой кружок, своя песня, своя история, чаще всего забавная.

Особенно шумно было у тоджинцев. Никто не мог тягаться с ними в искусстве разжигать костры. Весело поднималось пламя.

Посмотрите, как тоджинцы укладывают сухие дрова, как набрасывают сверху еловые ветки... Сделайте всё точно так же, как они, а такой костёр всё равно не получится.

Старый охотник Бараан Мырлаа с жаром рассказывал об одном из бесчисленных своих таёжных приключений. Он, как кряжистое дерево, которое не возьмут ни пила, ни топор.

– В руках у меня ружьё. Стреляю! А он, чёрт этакий, на дыбы поднялся, пасть разинул, лапы ко мне тянет... Я ещё раз выстрелил. Он поднялся – и опять на меня. Что такое? Ну, думаю, теперь всё. А медведь ревёт. Всё ближе ко мне. Я чуть не упал – через поваленное дерево перескочить хотел. Гляжу – он уже сзади рвётся ко мне. Отхватил кусок тужурки – косуля тужурка на мне была, – дерёт лапами. Пока он клочья эти лохматил, ещё успел я зарядить. Что же, думаю, разве я не охотник, не сын охотника?.. Доконал. А страху, конечно, натерпелся.

– Хаа, вот герой! – услышался насмешливый голос из темноты.

– Да, ты бы на его месте...

Мырлаа улыбался. Его дело рассказать. Начать только. Сейчас обязательно кто-нибудь вставит: «А вот со мной было...». Так и есть.

...Вскоре у Калдака ещё прибавилось шума и грохота – пришла колонна машин из Советского Союза. Зарокотали тракторы, пошли в наступление грейдеры.

– Вот это да! – восхищались араты, никогда не видевшие таких машин.

– Землю, как мягкий сыр, режут!

– Пустить бы их в нашу степь...

Покорился перевал. Легла через него широкая дорога. Ликовала вся Тува.

Большой был праздник. Пир устроили. Боролись силачи. Составались на скачках лучшие наездники.

По увалам и долинам разнеслась новая песня:

*Калдак-Хамар, ты грозным был.
Мы покорили твои вершины.*

Глава 21 **Колхоз на Терзиге**

...Два дня над Каа-Хемом и его притоками не умолкали раскаты грома. Два дня лились с неба потоки воды. Терзиг вырвался из

берегов и ревел, никого не подпуская к себе. Бешеная стремнина отрывала от берега целые островки вместе с деревьями. Кружа на перекатах мутную пену, с рёвом и стоном свиваясь в водовороты, несла река к низовьям бугристые валы.

Разом густо зазеленели обширные поймы. Качались на ветру бесчисленные алые фонарики-бутоны диких пионов. Горели среди зелени белыми, жёлтыми, красными огоньками лепестки таволжника, которыми любят лакомиться медведи и маралы. Улучи минуту, когда порыв ветра промчится по этому раздолью цветов и трав, вдохни полной грудью воздух Терзига, и ты узнаешь, как может благоухать земля.

Была середина июня. На пути к золотым приискам Харала я завернул в аал моих родных и застрял. Пришлось ждать, пока прояснится небо, успокоится река, просохнут дороги.

Многое изменилось в жизни моих близких за последние десять лет. Незаметно выросла племянница Сюрюлма и, соединив свою судьбу с Сарыг-оолом из Усть-Копто, перебралась к нему. Там же обосновался и брат Пежендей. Младшая сестра Будуней расписалась с Арланмаем из Бельбея и переехала к нему. Один Шомукай остался холостяком – возит почту между Терзигом и Харалом.

Как и по всей Туве, бедняки Мерген-Терзига получили в личный надел овец и коз, до пяти коров, стали хозяевами пашен, лугов и пастбищ – лучших земель, которыми прежде владели феодалы Таш-Чалан с Тожу-хелином и кулак Чолдак-Степан.

...На пригорке, возле самого Эртине-Булака, где прежде возвышались островерхие берестяные и лиственничные чумы, выстроились в ряд молодцеватые домики, похожие на жёлтые шкатулки с коричневыми и зелёными крышками.

И у моей Албанчи прибавилось в доме. И кровать у неё железная, и машина швейная, и умывальник. А как красиво стояли вдоль стен узорчатые сундучки со всякой всячиной, а сколько полотенец махровых, а посуды на полках – стеклянной, фарфоровой, металлической.

При встрече я сказал ей:

– Года-то наши идут, сестрица. Переехали бы вы ко мне. Вместе-то лучше.

Албанчи рассмеялась. Погладила меня по голове.

– Кто же, сынок, возражать станет. В Кызыле, конечно, лучше. Но подумай, могу ли я наши места бросить, где родились, где выросли... Что мне теперь? Сёстры, братья – семейные. Все вы работаете, все помогаете мне. Что же мне, сынок, ещё-то нужно? Здесь мать наша Тас-Баштыг билась, бедная, нас выхаживала. И кости тут сложила. Никуда я отсюда не поеду...

У сестры под глазом задёргалась жилка. Она раскурила трубку и стала жадно сосать чубук.

– Дети ваши, – сказал я, – и мы, ваши младшие братья и сёстры, разбрелись кто куда. Трудновато вам одной-то жить. Давайте ко мне поедем. Поверьте, сестричка, всем нам хорошо будет.

– Не-ет, не-ет, – замотала головой Албанчи. – Как же мне отсюда уехать?..

Стали подходить соседи. Ничего в них прежнего не осталось: и одеты в новое, и лица у всех бодрые, задорные. Называли меня таргой-начальником не с опаской и подобострастием, как прежде обращались к высоким чинам, а по-дружески:

– О-оо, наш тарга приехал!.. Здравствуй, тарга. Здравствуй, Тока! Что там у вас нового? Расскажи-ка, – появился на пороге Саглынмай.

Мы с жаром пожали друг другу руки.

Подошли Мунзум, Куртугбай, Чадаг-Кыдат. Как у себя дома расселись, ожидая моего рассказа.

Отвертеться я не смог. Рассказал, как выполняются решения Восьмого съезда, как быстро овладевают араты письменностью, как зарождаются в Туве колхозы и госхозы, строятся первые заводы и мастерские, вырастают посёлки и города.

– Объясни-ка, тарга, пожалуйста, как нам получить подходящую землю. – Саглынмай привстал на одно колено и уминал в трубке табак. – Мы обговорили тут между собой. Думаем работать сообща, всем нашим арбаном. Так вот, ты и объясни – дадут нам сенокос на Чоолусе и Кыс-Кежиге? Это первое дело. И второе дело, мой товарищ. В устье Терзига и в устье Мерген – самые подходящие земли для нашего общего хозяйства. Самые хлебородные. Дадут нам эти поливные земли?

– Без разговора дадут! Восьмой хурал как раз и решил: конфисковать имущество феодалов и лучшие пахотные земли, выпасы, сенокосы отдать коллективным хозяйствам.

Ответом все остались довольны.

Как бы между прочим я спросил:

– А таргой-то кто будет у вас? Кого намечаете?

Саглынмай застенчиво поглядел на односельчан, сидевших на полу, скрестив ноги.

– Меня хотят поставить на это дело, – тихо ответил он, попыхая трубкой. – Кое в чём разбираешься, говорят. Даже буквы научился выводить. Ты и будь, мол, таргой...

– А учредители кто?

– Вот они – все здесь: Куртугбай, Сагаандай, Чадаг-Кыдат, Албанчи. Ну и я, конечно. Всего человек десять. Все здешние. Правда, в наш арбан из хошуна Тес прикочевал один человек. Езуту зовут. Хочет к нам в общее хозяйство.

– Езуту?!

– Ну да! Тот самый, что в Шалыкском сумоне сайгырыкчи был.

– Из Шалыка выслали...

– Ой, товарищ, да кто же его примет?

Саглынмай выбил трубку о подошву сапога.

– И я так думаю, – оглядел он соседей. – Никто сразу не примет.

Разговор стал общим.

– Пора, пора вам уже заводить совместное хозяйство, – поддержал я земляков. – От государства, конечно, инвентарь получите, ссуду. И другую помощь окажут. А как назовёте колхоз? Не придумали ещё?

Саглынмай улыбнулся:

– Как назвать, говоришь? В этом ты нам помоги, парень... Учёный человек!

– Коптинские араты, – говорю, – недавно основали у себя коллективное хозяйство. Такое же, как у вас, – тожзем. Председателем нашего Пежендея выбрали. Назвали артель «Революционная коммуна». Ну, а вы, к примеру, назовите «Тожзем Терзига». Как вы думаете?! Терзиг – наша красивая, богатая, резвая река, мы на ней родились и выросли...

– Насчёт Терзига это понятно. Можешь не объяснять. А вот ещё какое ты слово сказал? Тувинское оно или русское?

– Тожзем, что ли? Это если сокращённо сказать. А полное название – товарищество животноводства и земледелия.

– Тоже понятно. Пусть будет «Тожзем Терзига». А если мы и тебя примем? Как ты, парень, сам-то смотришь?

– Если доверие оказываете, с большой радостью вступлю. Записывайте и меня в тожзем!.. А что, товарищи, не будем это дело глубоко в сундук запрятывать, а? Давайте прямо сейчас соберёмся, заложим артель и председателя выберем!

– Вот-вот, – подала голос Албанчи, тихо сидевшая на сундуке. – Соберём народ и поговорим, пока Салчак не уехал. В Бурене этот тож...зем есть, в Копто есть. А мы чем хуже?

– Э-э, правду Албанчи говорит, – поднялся Саглынмай. – Пойду соберу народ.

Ждать долго не пришлось. Кто верхом, кто бегом – собрались и уже шумели на улице и во дворе.

Саглынмай рукой помахал:

– Тесней, тесней садитесь!

Расселись на траве вперемежку – стар и мал, будто всем арбаном собрались кочевать на новое стойбище.

Дело такое новое, что у старого Саглынмая прямо-таки дух захватило. Поперхнулся он, жадно глотнул воздух и заговорил, поворачиваясь на месте посреди круга.

– Разрешите, товарищи... Для чего мы вас собрали? Есть такое соображение: обсудить сообща, как нам жить дальше и работать.

Поэтому общий хурал всех аратов, живущих на Мерген-Терзиге, считаю открытым. Кого мы, товарищи, выберем таргаларами?

– Во-первых, Албанчи. Во-вторых, Саглынмая. В-третьих, приехавшего из Кызыла нашего земляка, – выкрикнул из притихшего людского круга кузнец Чадаг-Кыдат, перед которым копошилась целая куча дочерна обжаренных солнцем детей.

– Как, товарищи, одобряете?

Вытянув над головой руку с растопыренными пальцами, Мунзумчук пробасил:

– Одобряю.

Саглынмай предоставил мне слово для обращения к землякам. Разговор, сказал он, будет по самому важному вопросу нашей жизни. А меня назвал по-отечески – «наш сын» и «нашего арбана гражданин».

Я волновался не менее Саглынмая. Говорил, не слыша собственного голоса. Видел только глаза земляков, с которыми встречались мои глаза.

– Товарищи! Родные! Друзья! – обратился я к людям, пришедшим со своими семьями решать общую нашу судьбу, и стал рассказывать, к чему пришли тувинские араты вместе с русскими рабочими и крестьянами – жителями Тувы – под руководством нашей партии и благодаря помощи Советского Союза.

– Теперь в нашей республике власть в руках трудящихся, в наших с вами руках. С прошлым покончено навсегда. Надо облегчить труд аратов, улучшить их жизнь. Много уже делается. В таких непроезжих местах, как перевал Калдак-Хамар, проложена автомобильная дорога. В Элегесте растёт госхоз. На Харале открылся золотой прииск. Тувинцы читают на родном языке газеты и книги. Дети учатся в школах...

Великий Ленин учил: если сельское хозяйство останется раздробленным, мы никогда не придём к зажиточной жизни.

Скажу одно: я радуюсь тому, что вы будете работать сообща. И ещё. Если вы не скажете, что от живущего вдалеке пользы мало, если вы не исключите меня из своей семьи, а примете в тожзем, я буду гордиться доверием.

Все проголосовали за артель. Председателем выбрали Саглынмая.

«Тожзем Терзига» был первым коллективным хозяйством в Каа-Хеме. Впоследствии он стал частью крупной артели «14 лет Октября».

* * *

...Снова я сидел в доме старшей сестры. Албанчи угощала меня чаем и, не то оправдываясь, не то поучая, говорила:

– Вот видишь, сынок, теперь у нас и одинокая старуха не пропадёт. И работы хватит, и страхов не будет никаких. Оставшийся век здесь мне и доживать...

– Уж ладно, сестра, – согласился я с ней. – Про век-то говорить рановато. Много-много лет нам теперь жить. Вот на Харал съезжу, – на обратном пути с собой в Кызыл погостить заберу. Так что собирайтесь.

– Ха-ха-ха! – развеселилась сестра. – Что ж, сынок, раз велишь собираться, сейчас же начну свои сборы. Не куда-нибудь ехать – в столицу! Как туда заявишься без новой шубы? Уж разоденусь на загляденье!

Сестре стало весело. Голос её то взвивался жаворонком ввысь, то падал по-голубиному и, воркуя, замирал в груди...

Мы вышли во двор. Албанчи вся светилась – так радовалась она и нашей встрече, и повороту всей нашей жизни. Сели на вязанку хвороста, что лежала у входа в загон. Неторопливо беседовали перед расставанием. Завидев нас, шагнул было к загону Саглынмай, но его перехватил на полпути старый Чамырык, державший за верёвку вола.

– На! Отдаю тожзему вола. Распоряжайтесь!

Чамырык протянул Саглынмаю конец верёвки.

Пегий вол с широко раздвинутыми рогами, коротким хвостом, полузакрыв глаза, лениво пережёвывал жвачку.

– «На!» Ишь, герой! Нет уж, ты, друг, не «накай», а возьми своего вола да поезжай в верховья Терзига, да жердей наруби, да сюда привези. Для инструмента общего амбарчик поставить надо? Надо. Сам небось видишь – одни шалаши у нас. Ясно? Так вот и поезжай в тайгу.

Саглынмай ждал ответа и, теребя козлиную бородку, удивлённо и обиженно поглядывал на Чамырыка.

Над домами поднимались прямо, как стрелы, пущенные в зенит, голубоватые струи дыма и растворялись в небесной синеве. На вершину Кускуннуг напознала туча – густая, чёрная, готовая опрокинуться ливнем к подножью горы.

– Не пойму! – в тон Саглынмаю возразил Чамырык. – Вола тебе отдаю? Отдаю. А для чего отдаю, тарга? Для общественной пользы. Он будет на всю артель работать. Вместо меня, значит. А я, друг мой, охотничать собрался. Где же я на жерди время-то найду? Выходит, одному – и скотину свою подавай, и сам работай, а другому – только посиживай, палец поднывши: я, мол, колхозник! Вот оно как, товарищ тарга!

Выпалив эти слова, Чамырык пустился наутёк, будто горный козёл, учуявший человека.

Саглынмай с досады и отчаяния завопил, словно призывал вора покаяться:

– Товарищ мо-ой! Старый ты челове-ек! Верни-ись... Э-э-эй!

– Чего кричишь? – подошёл к нему Чадаг-Кыдат. Лицо у кузнеца было чёрное – с просветами, не тронутыми гарью. За спиной висел замасленный кожаный мешок.

– Как тут не кричать, парень... Привёл Чамырык вола, сунул мне в руку верёвку. «На, кричит, получай на общую пользу, а я, говорит, бегу на охоту». И всё. Только я старика и видел... Что делать? Подай совет. Ты же человек смекалистый.

– Принимай и от меня тоже! – засмеялся Чадаг-Кыдат. Он снял со спины кожаный мешок и хлопнул по нему широкой ладонью над ухом председателя.

– На, получай!

Саглынмай принял от кузнеца ношу, но удержать в руках не смог. Мешок брякнулся на землю. Присев на корточки, Саглынмай заглянул внутрь.

– Ого-го! Целая кузня тут: и молотки большие да малые, и тиски, и щипцы, и напильники!

Председатель рывком поднялся и обнял кузнеца. Гикнув, закружил его на месте. Потом ударил по спине.

– Спасибо, друг! Сила теперь у нас – во какая! Имущество колхозное: вол один, кузница одна... Значит, ось мы поставили. Колёса наденем, и телега покатится. Во! Ты мне скажи только: в тайгу не сбежишь? «Молоточки пусть сами работают», – не скажешь?

Пальцы Саглынмая привычно уминали в трубке табак.

Председатель прикурил, затянулся до отказа и сунул трубку кузнецу:

– Покури!

Чадаг-Кыдат усмехнулся:

– Вот как раз и подамся в тайгу... за жердями... на этом самом воле. Надо же нам с тобой, тарга, колхозную кузню строить. Так что ты не горюй. Будет железо – смекнём, куда его девать. В первый день лемех приладим, во второй – серп и косу выкуем. Так и будет сила наша прибывать с каждым днём.

Кузнец сделал несколько затяжек и вернул трубку Саглынмаю. А тот смотрел на дорогу, по которой шагал к ним белокурый парень в длинной холщовой рубахе и высоких сапогах.

– Да это же Родька!

Парень был ещё далеко, но я сразу признал в нём лучшего друга моего детства, ставшего первым моим учителем в удивительной и новой тогда оседлой жизни. Хотел кинуться навстречу, но сдержался: пусть между собой поговорят.

– Вовремя! Сейчас с ним посоветуемся насчёт порядка в тож-земе. Как-никак в отца пошёл. Савелия-то, плотогона, помнишь? И сам в партизанах был.

– Давай посоветуемся, – согласился кузнец. – Зови его.

А Родион сам подошёл к ним, и начался разговор на тувинско-русском и русско-тувинском жаргоне, каким объяснялись между собой араты с русскими старожилками.

– Хей, таныш-таныш! У меня маленька поговорить бар.

– Ладно, ладно. Здравствуй, Саглыны!

– Эки, эдрас! Ты где пойти, а-а, таныш?

– Я здесь приходить. У тебя колхоз есть – ладно. Я поступать колхоз. Хорошо?

Саглынымай, вымолвив от радости и волнения единственное слово «Родька», закружил в танце орла. Подскачив к Родиону, притопнул каблук и обнял его. Когда же Родион ответил ещё более мощными объятиями, Саглынымай не выдержал – пришлось отпустить его. Оба смотрели друг на друга повлажневшими от радости глазами. Родион снова заговорил, старательно выговаривая тувинские слова и делая при этом невыносимые ошибки в каждом слове:

– Правда-правда. Я колхоз вступить. Сенокосилка, коса, телега, два мора-коня давать. Как это, ладно?

– О-о! Как же! Как же! – Саглынымай тряс обеими руками правую руку Родиона. – Однако, сильно, хорошо, таныш!

– Жена тоже вступить, пожалуйста, – продолжал Родион. – Она здесь бумага писать...

Слова «бумага» и «писать» он произнес по-русски, водя указательным пальцем по ладони.

– Ой, красота! Так-так... Да-да... писать. Писарь будет. Шибко хорошо. Наш колхозник Родион Савельич Елисеев. Наша колхозница Елисеева Нина Павловна. Во-во. Я знаю! – Саглынымай говорил так громко и радостно, будто поздравлял человека с днём рождения.

Больше я не мог таиться от Родиона. Подбежал... Счастливая встреча!

...В тот день на артельном дворе в Терзиге перебивало много людей. Не с пустыми руками шли они к Саглыну. В загоне потряхивал гривами целый табун разномастных коней. У забора вырос курган из плугов и борон, хомутов, седёлок...

Я помог Саглынымаю переписать скот, орудия, инструменты, вложенные аратами Терзига в «общий котёл». Мы решили, что председателю неплохо бы съездить со мной на Харальский прииск: пусть у тожзема будут рабочие шефы. Родион остался за старшего на сенокосе.

Албанчи позвала меня ужинать.

– Счастливый! – сказала она, увидев Саглына в раскрытое окно.

Тот сновал по двору. Перетаскивал и перекалывал имущество из «кургана». Много добра доверили ему, председателю Саглынымаю!

Глава 22

Харал

Терзиг, натворивший немало бед, снова превратился в тихую речку и с ленивой хитрецей журчал на небольших перекатах. Глядя на него, никто бы не подумал, что это он, Терзиг, несколько дней назад залил прибрежные луга, затопил сенокосы, в дикой ярости изрыл землю, с корнями повырывал могучие лиственницы, валявшиеся там и тут.

– Вот это сила! – дивился Саглын. – Откуда берётся, куда девается?..

Интересно было наблюдать за ним. Его узкие живые глаза ни минуты не оставались в покое. Казалось, они всё время что-то ищут и вот-вот найдут. И толстые губы широкого рта постоянно шевелились. Саглынмай то шептал, должно быть, отмечая про себя всё, что ловил его взгляд, то изумлённо восклицал, то пускался в расспросы, то принимался рассказывать о чём-нибудь. Он то и дело касался рукой своего острого носа, теребил реденькую бородку, щедро набивал табаком трубочку. Завёрнутое в тряпку ружьё с сошками било его по спине. Конь Саглына, привыкший к суетливой подвижности хозяина, легко бежал по болотистой местности, перемежаемой перелесками.

«Хороший конь», – подумал я. Почему-то он напомнил мне оленя, который пройдёт сквозь любую чащу, не задев рогами ветки деревьев.

– Послушай, Саглын. Вот ты уже давно председатель Терзигского арбана. Теперь тебя председателем тожзема выбрали. Интересно, что ты сам об этом думаешь?

Мой спутник мгновенно обернулся ко мне, придержал коня, чтобы ехать рядом.

– Это же потеха! Я – сын охотника Томбаштая – дважды председатель! Сам поверить не могу. Что я умел? Только и знал с отцом на охоту ходить. Мне и во сне не снилось таргой быть. А тут нате-ка! Председатель арбана – Саглынмай. Председатель тожзема – тоже Саглынмай! Просто удивительно... Раньше говорили: человек из бедных никогда не станет таргой. Оказывается, может...

Он легонько тронул коня:

– Чу-чу-чу!..

Я остался позади.

– Теперь у нас от сумонных председателей до министров – все бывшие араты или дети аратов.

– Это верно, – согласился Саглын. Не оборачиваясь, он продолжал говорить как бы сам с собою: – В прошлом году мы в своём арбане организовали кружок по обучению грамоте. Почти все

выучились. Читать умеем, писать умеем... И кузнец Чадаг-Кыдат, и Сарыг-оол, и Сагаандай – все стали грамотные. Сидят, газеты читают, обсуждают... В общем, настали времена. Отец рассказывал, у нас даже Даш-Чалан грамоты не знал. Самый жестокий правитель. Весь Мерген, весь Терзиг в руках держал. Бога-атый!.. А расписаться не мог...

Неожиданно Саглын соскочил с коня, скинул с плеча ружьё и, пригнувшись, побежал на пригорок.

– Куда ты?

Он только рукой махнул.

Немного погодя вернулся.

– Аа-халак! Разговорился с тобой. Во-он по тому хребту медведь бежал. Чуть бы пораньше заметил, мяса бы отведали...

Саглынмай досадливо плюнул и погнал коня.

Вот и переправа через Терзиг. Берег был завален вывороченными стволами, корнями, сучьями. Кое-где деревья загородили реку. Саглын подъехал к самой воде, огляделся.

– Сегодня вряд ли переправимся. Лучше здесь заночуем, а утром поедем.

– Слушаюсь приказа председателя моего арбана и тожзема!

– Эдак лучше будет, – решил окончательно Саглын и, молодецкато прыгнув с коня, привязал его к дереву.

Мы сняли вьюки и сёдла, развели костёр.

Непоседа Саглын ткнул рукой в сторону горы.

– Как думаешь, если вокруг горы обежать? Может, встретим кого-нибудь?

– А что? Для меня поохотиться с тобой – большая честь.

Мой спутник заспешил.

– Заливай огонь!

Меня он направил по одну сторону леса, сам пошёл с другой стороны, в обход. Встретиться условились у подножья горы.

Как я ни старался осторожно ступать, под ногами трещал то сучок, то валежник. Между деревьями мелькнула косуля. Опоздал!..

Стало смеркаться. Почувствовав, что заблудился, я закричал во всё горло. Выстрелил раз, другой. Саглынмай не отзывался.

Наконец каким-то образом я очутился на вершине горы. Далеко-далеко разглядел отблеск костра. Не помню, как скатился с горы. Чуть живой добрался до стоянки.

Саглын сидел у костра, пил чай.

– Ну, сколько зверей убил? Далеко оставил? Косуля? Марал? Медведь?

Я молчал.

– Промазал? А по ком стрелял?

– Заблудился, вот и стрелял. Ты почему не отвечал?

– Ээ, – вздохнул Саглын, – ну и охотник! Какой же охотник в лесу заблудится? Да ещё стрелять будет, чтоб его отыскали... Горе с тобой!

Над костром, на суку висела обжаренная нога косули. От неё исходил такой аппетитный запах!.. Только теперь я почувствовал, как сильно проголодался.

Саглын отхватил ножом кусок, пожевал.

– Ну-ка, парень, загляни в свой таалын. Может, найдёшь, чем горло промочить. Одно мясо плохо идёт...

– Помню, сестра что-то положила.

Саглын развязал мой мешок и вытащил из него белую солдатскую баклажку.

– Албанчи знает, что делает. Молодчина! Давай, тарга, немножко отопьём, – и тут же воскликнул: – Так это же молоко!

Он крепко-крепко завинтил баклажку и, рассерженный, отбросил её в сторону. Снова покопался в таалыне и совсем другим тоном протянул:

– Во-от она где!

...Проснулись, едва занялась заря. Наспех попили чаю и – в путь. Река совсем успокоилась, вода в ней стала прозрачнее. С берега было видно, как на перекатах чёрными молниями мелькали хариусы, исчезая в пенных струях.

Тропа продиралась сквозь чащу сумрачных деревьев. Первые же лучи солнца наполнили лес яркой зеленью, и стало просторно. Засновали птицы в поисках корма, засвистели, защебетали... Прямо под ногами коня вдруг оказывалось гнездо, в котором, разинув жёлтые клювы, пищали птенцы. Часто тропу перебежали испугнутые нами звери. Дважды попадались медвежьи следы. Саглын больше не подбивал меня поохотиться, но бросал такие выразительные взгляды, что хотелось сквозь землю провалиться.

Мы спустились по склону, сплошь поросшему хвойным лесом, в гуще которого ярко белели берёзки, и выехали к таёжной реке, стиснутой скалами. Стремительно сбегая с каменных глыб, река кипела и пенилась. Поодаль, на левом берегу, открылось небольшое село. Стёкла в окнах бревенчатых домов сверкали на солнце.

– Харал! – обрадованно воскликнул Саглын.

В конторе прииска, прямо на пороге, меня атаковал начальник – Частып, узкоглазый, с приплюснутыми ушами, в шуршащем брезентовом балахоне. В руке он держал дымящуюся самокрутку.

– Хорошо, что пожаловали к нам. Плановые задания нам давать не забывают, а жизнью рабочих никто не интересуется, продуктов завозят мало...

– Давай хоть поздороваемся сначала. Вот с земляком моим познакомься – друзьями будете, уверен. А жалобу твою я обяза-

тельно передам министру Маныгы-оглу. Он человек чуткий – поможет.

Частып успокоился.

– Не забудь, тарга! А то худо получается. Отовсюду едут... План у нас большой, народу на прииске прибавляется. Русских много. Без них бы нам трудно пришлось: араты в жизни лотка не видели, а мониторы – даже в сказках про них ничего нет.

Он потащил нас в разрез. «Механика» добычи золота на прииске была нехитрой: вода из речушек по канавам текла в огромнейшую кадь, а от неё – по трубам – к гидромониторам.

Ствол одной такой водяной пушки держал обеими руками здоровый парень. Он ловко направлял струю в самый низ яра высотой с большую лиственницу. Почва пластами оседала в траншею. Оставались лишь глыбы камней.

Завидев нас, парень положил ствол, и вода забила из него прямо в небо. Оставили работу и другие мониторщики.

Снимая на ходу брезентовые рукавицы, парень подошёл к нам.

– Экий, таргалары!

– Экий! Пусть дело спорится, – ответил я на приветствие, пожал ему руку и покосился на Частыпа: «Араты в жизни лотка не видели...». А мониторщик-то – тувинец!

– Пусть будет так, – бойко ответил парень. – Пусть и ваши желания исполнятся!

Частып представил его:

– Первый ударник труда Халара – товарищ Агылдыр.

Парень нетерпеливо помахал рукой.

– План у нас – сорок кубометров земли смыть. Когда воды хватает, вырабатываю и по шестьдесят, и по восемьдесят. Только вот с трубами... – он вздохнул. – Посмотрите, какие у нас трубы. Брюшина дыроватая, а не трубы! С такими трубами не то что план выполнять – время терять!

– А ещё подсобники держат, – вмешался высокий рабочий, тоже тувинец. – Глыбы попадают, деревья с большими корнями. Водой их не возмёшь. Подсобники должны камни выкапывать, корни корчевать. А у них то коней нет, то таратайка сломается, то ещё что-нибудь не так. А мы опять ждём...

Частып зашептал:

– Тоже мониторщик. Демир-Хууреком зовут. Хороший рабочий. Я его ещё с Эйлиг-Хема знаю.

Рабочие между тем заседали на меня. Мне и слова сказать не давали, но я был доволен. Впервые очутившись на нашем тувинском предприятии, пусть ещё очень несовершенном, я собственными глазами видел совсем новых людей – рабочих. Давно ли, думал я, пришли они на производство, а ничего почти не осталось у них от вековых привычек аратов-кочевников. Со стороны было,

наверно, смешно и странно смотреть: парни, перебивая друг друга, доказывали приезжему начальнику, что могут и должны работать лучше, что там, у нас, в Кызыле, видимо, никто ничего не понимает – и зачем их там только держат! – ведь здесь золото добывают, зо-ло-то! Я не мог сдержать улыбки.

После смены мы вместе с рабочими возвращались лесом в село. И снова, всю дорогу, не прекращался разговор. Я узнал, как дружно живут на Харале. Русские ребята, приехавшие на прииск, совсем освоились. Никто их и за приезжих не считает. Учатся в одной школе. В клубе вместе. Общешитие одно на всех.

В бараке, куда мы пришли, жили двадцать парней. Мне вспомнилось, как совсем, кажется, недавно уезжал я учиться в Советский Союз. Вспомнилось, что не имел я тогда представления о постели – на полу спал, боялся простыню и наволочку запачкать! А тут – ряды аккуратно заправленных кроватей, белые занавески. Ребята только пришли – быстро умылись, переоделись.

Агылдыр тоже преобразился. Он торопился в клуб. Сапоги у него блестели. Новая рубашка топорщилась.

– Маша-то заждалась! – подмигнул один из парней.

Агылдыр покраснел.

Пока он наводил на себя окончательный блеск, я успел спросить его – кто он, откуда.

– Родом из Шагонара. Здесь уже два года работаю. Раньше батраком был. Кем же ещё мог быть? Когда баев раскулачили, всё равно пастухом остался. А услышал, что на прииск набирают, взял и поехал. Сперва дрова заготовливал. В подсобниках походил. Трубы водопроводные латал. А после вот мониторщиком стал. Работа интересная...

Галстук никак у него не завязывался. Агылдыр спешил. Накопец получилось. Он на ходу попрощался и выбежал из барака.

Янисколько не удивился, когда через три года именно Агылдыр сменил Частыпа – стал директором Харальского прииска.

Глава 23

Навеки вместе

...Одиннадцатого октября 1944 года. Столица Советского Союза – Москва. Над куполом Большого Кремлёвского дворца, похожим на огромную юрту, реял алый стяг Страны Советов.

Маныгы-оглу, Ооржак Лопсанчап и я шли от гостиницы «Москва» в Кремль.

– Паа! – восхищённо шепнул Ооржак. – Что за чудеса! Голова кружится от высоты этих дворцов... В облака упираются. А народу-то сколько!

Он поправил свою белую войлочную шляпу, разгладил пояс на шёлковом халате.

– А ты как думал! – Маныгы-оглы тоже волновался, но старался не показать этого. – Сто-ли-ца! Красная площадь!..

У Спасских ворот мы предъявили документы. Нужно было торопиться, но так хотелось всё увидеть, запомнить.

Лопсанчап потрясённо сказал:

– Ува-а! Словно в сказке!

...Мы подошли к Свердловскому залу точно к звонку.

Михаил Иванович Калинин объявил заседание Президиума Верховного Совета СССР открытым.

– Слушается просьба Малого Хурала трудящихся Тувинской Народной Республики о принятии ТНР в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Мне предоставили слово для оглашения Декларации.

Я держал обеими руками текст документа, принятого Чрезвычайной сессией Малого Хурала, и никак не мог от волнения прочитать – руки дрожали, буквы прыгали перед глазами.

– ...Могучее Советское государство обеспечило расцвет материальных и духовных сил народов в единой социалистической семье. Жить и трудиться в этой семье – заветное желание тувинского народа. У него нет другого пути, кроме пути Советского Союза.

Отныне моя Тува навечно – частица великой Советской страны.

Художественная история народа

Роман-трилогия «Слово арата» Салчака Тока заслуженно пользуется известностью. Книга переведена и издана на многих языках народов СССР и мира. В чём же обаяние этой трилогии, какие крылья подняли её на столь заметную вершину? «Слово арата» по своей художественной структуре примыкает к романам автобиографическим. Их появилось немало в советской литературе. Первооткрывателем этого жанра в наше время был Горький. А затем в разных национальных литературах Советского Союза родились произведения с «горьковским взором» – романы Айбека, С. Муканова, С. Зоряна, С. Рагимова, Х. Намсараева, К. Эрендженова, С. Сарыг-оола и других. Точность, почти абсолютная достоверность жизненного материала в этих книгах соединяется с отчётливо выделяющейся лирической интонацией. Строгость, неукоснительная правдивость историка и аналитика соседствует с эмоциональным «взрывом», чувствами любви, радости, изумления, разочарованности или грусти. Художественные краски трилогии С. Тока разнообразны. Они меняются как-то исподволь с изменением характера жизненных бурь и столкновений, с преобразованием тех исторических событий, в которые деятельно включён сам автор. Первая книга – рассказ о годах детства и отрочества Тывыкы – главного героя романа. В ней преобладают суровые, пронзительные краски. Жалкий быт простых людей Тувы воспроизведён в книге впечатляюще, ярко, с трагедийным пафосом. Быть может, трагедийность повествования усиливается и тем, что о тяжёлой участи бедняка-арата, о его безрадостной доле рассказывает мальчик.

Автор сохранил непосредственность, свойственную детскому восприятию жизни. Но это не мешает ему нарисовать впечатляющую картину народной борьбы и бедствия, дать почувствовать атмосферу непрестанных поисков лучшей доли человеческой. В последующих книгах лирическая тональность, обнажённость повествования изменяется. По мере роста и зрелости Тывыкы, от имени которого ведётся повествование, в трилогию входят многообразные исторические события. Повествование разветвляется, задевая важные проблемы большого жизненного значения.

Крупной удачей романа представляется и образ матери Тывыкы – Тас-Баштыг. Она – удивительная женщина. Природа одарила её умом, талантом, сноровкой, необыкновенной жизнестойкостью, нравственной привлекательностью. Не теряя своей неповторимости, образ Тас-Баштыг превращается в обобщённый символ, раскрывающий те качества и особенности тувинского народа, которые помогли ему устоять перед лихолетьем, закалить себя в неравной битве с властью имущими.

«Слово арата» – это эпическое произведение о становлении

нового, о революционном преобразовании и возрождении Тувы. Становление социалистической Тувы протекает в острейшей классовой борьбе. Мы видим, как сквозь плотный, почти непроницаемый слой сословных предрассудков пробивается живая, социальная струя. Происходит резкое размежевание. С одной стороны, подлинные патриоты, коммунисты, строители нового общества, а с другой – фальшивые люди, хитрые, враги наподобие Буян-Бадыргы, Дундука и других, которые, проникнув в партию, действуют от её имени, ненавидя социализм, защищая уходящее. С. Тока не скрывает трудностей формирования нового быта, новых человеческих взаимоотношений. Борьба идёт упорная, тяжёлая, бескомпромиссная.

Социалистическая новь опровергает реакционные измышления всякого рода недругов о том, будто психика, эмоциональный «аппарат» тувинца приспособлены лишь к примитивным формам кочевого хозяйствования, что тувинцу недоступны такие формы духовной и материальной деятельности человека, которые требуют напряжённой аналитической работы ума. С. Тока с любовью рассказывает о тувинцах-учёных, впервые приобщившихся к волшебному миру знаний, с завидной настойчивостью осваивающих богатство человеческой культуры. А тувинские рабочие – первооткрыватели немыслимых ранее профессий. В краткие сроки они подчиняют своей власти умные и капризные машины. Социалистическая действительность меняет и само содержание человека, открывает в нём много неожиданных возможностей.

«Слово арата» – своеобразная художественная летопись. Мысль об интернациональном единстве, о громадной роли русского народа в возрождении других социалистических наций – одна из сокровенных мыслей этого произведения. «Слово арата» С. Тока правдиво, с большой силой убеждения повествует о талантливом, трудолюбивом, добром, героическом народе Тувы, о славном пути, пройденном им к вершинам социализма.

Первая книга трилогии в 1951 году была удостоена Государственной премии.

Георгий Ломидзе

Основоположник советской тувинской литературы

Салчак Тока (1901–1973) почитается как классик-родоначальник тувинской советской литературы. Первые его рассказы появились в печати в 1930-е годы, в конце 30-х опубликована пьеса «Три года на посту секретаря ячейки», в 1940-е – рассказ «Охота на волков», повести «В берестяном чуме» и «К Большому порогу». С большевистским пафосом автор порицает феодальное прошлое Урянхая, изображает пробуждение в народе (до революции тувинцев называли то *сойотами*, то *урянхайцами*) революционного сознания. Удачей автора признана документальная повесть «Чего не увидел отец – сын увидит» (1963). Автобиографическая повесть «Слово арата» (кн. 1, 1950, кн. 2, 1956, кн. 3, 1964) награждена высшей государственной премией того времени. Член Союза писателей СССР с 1951 года, С. Тока возглавлял писателей Тувы в течение нескольких десятков лет.

В первую очередь это видный советский государственный деятель. Как член Народно-революционной партии Тувы (с 1929 года) Тока боролся за вхождение Тувы в СССР. И более сорока лет он возглавлял Туву. Председатель Союза советских писателей Тувы. Народный писатель Тувы, Герой Социалистического Труда.

Родился в 1901 году в местечке Мерген Каа-Хемского кожууна. Трудовую жизнь начинал батраком. В 1921 году участвовал в борьбе за независимости Тувы от Китая, затем служил в Тувинской революционной армии. В детстве Тока общался с детьми русских староверов и выучил их язык, женился (первым браком) на русской. В 1925–1929 годах учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве, тогда и принят кандидатом в члены ВКП(б). Стал первым коммунистом из тувинцев. После окончания университета (в 1929 году) работал в районном бюро ВКП(б). Участвовал в чистках партаппарата от бывших чиновников и лам, занимал видные руководящие посты, стал генеральным секретарём ЦК партии Тувы, одновременно и министром культуры. Участвовал в политических репрессиях в Туве. Например, были осуждены как «японские шпионы» премьер-министр республики и другие видные руководители. В «Букваре для взрослых» напечатана песня «Тока – председатель». Словом, жил по советскому уставу 30–40-х годов. Кто не хотел участвовать в чистках, становился их жертвой.

После присоединения Тувы к РСФСР (в 1944 году в качестве Тувинской автономной области) Тока стал первым секретарём Тувинского комитета ВКП(б) и фактически возглавлял Туву до самой смерти. Ему присвоено звание генерал-лейтенанта.

«Урянхайский вопрос» решался давно. В 1914 году Урянхай принят под протекторат России, а после революции, в 1921 году, про-

возглашена Народная Республика Танну-Тува, с 1926 года это Тувинская Народная Республика. В 1944 году она была включена в состав РСФСР (на правах автономной области) и в 1961-м преобразована в Тувинскую АССР. В постсоветское время провозглашается Республика Тува, с 1993 года это Республика Тыва. С. Тока был свидетелем и участником переломных событий.

На исходе российской Гражданской войны в Урянхае, куда белые отступали с Алтая и из Минусинской котловины, развернулись столкновения белых и красных отрядов. Первоначально красные, когда добивали заходившие и в Туву отряды барона Унгерна, собирались отдать Урянхай Монголии. В 1921 году большевики создали государство Танну-Тува под защитой РСФСР, однако Москва выжидала реакцию Китая, и статус тувинского государства оставался неопределённым до 1925 года. В Туве была создана партия «Чудурук нам» (партия-кулак, усмиряющая несогласных). Она ещё называлась аратской партией. А несогласными с нею были нойоны и ламы, новый порядок не устраивал всех имущих.

В 1925 году правительство ТНР отправило на учёбу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) десять человек, в их числе был Тока, рассказавший об этом много лет спустя. Молодые бойцы революционной армии готовились к битвам на Востоке. Один западный наблюдатель назвал это заведение «фабрикой человекобмб... для подрыва устоев прошлого на их родине». Здесь С. Тока, назначенный старостой группы, подружился с поэтом Назымом Хикметом. Главная задача КУТВа – формирование большевистской установки.

На родине, став видным функционером, С. Тока заявил: «Я сам более десяти лет работаю в ЦК ТНРП. В дальнейшем я хочу добиться воссоединения аратского народа Танды-Тыва с народами великого Советского Союза. Пока не добьюсь этого, буду считать, что моя мечта не сбылась». Умер в 1973 году в Кремлёвской больнице Москвы. Похоронен в Кызыле.

Заветная мечта генерального секретаря ЦК ТНРП осуществилась: Тува присоединена к Советскому Союзу. Впрочем, Салчак Тока был не только партийным лидером, но и писателем, оставил пять томов литературных произведений.

Первая книга – «В берестяном чуме» – вышла в 1941 году. А после двадцатилетнего перерыва на тувинском и русском языках в Кызыле, Новосибирске, Москве – книги «Осуществлённая мечта» (1962), «Чего не видел отец – сын увидит» (1963) и другие. Самым значительным произведением С. Тока признана автобиографическая трилогия «Слово арата», создававшаяся в 1950–1964 годах (перевод на русский – 1972 год). Сталинской премии удостоена (в 1951 году) первая книга трилогии.

А. Каргин

***Куулар Николай Шагдыр-оолович –
современный писатель Тувы, прозаик и поэт,
на родине особо почитаем как переводчик
русской классики на тувинский язык.
В своём творчестве активно использует
мифы и сказания тувинцев.***

В СТРАНЕ ТАНА-ХЕРЕЛА

Путешествия в прошлое

ЗНАКОМСТВО НА ЧАЙЛАГЕ

Тана-Херел¹ – младший сын чабана Белек-Баира – смуглый мальчик с обветренным лицом, крепкий и ловкий. Он стеснительный, но добрые глаза его лучатся любопытством и озорством. Он хорошо окончил четвёртый класс, оценки у него отличные... ну почти всё. Словно конь, почувавший родное стойбище, Тана-Херел и дня лишнего не задержался в селе у тёти после окончания учебного года. Узнав, что ветеринары собираются объехать аалы² в верховьях, он уселся в их машину – и был таков.

Родители уже переехали в ооруг³ реки Торгалыг и готовились переключать на настоящее высокогорное пастбище. Юрта чабана-помощника Дамба, родного дяди мальчика, поставлена на том же стойбище, на расстоянии ста метров. Отец с шурином налегке собирались на чайлаг⁴ в верховья реки.

Там они разобьют свой лагерь и будут хозяйничать сами, без хозяек, откармливать скот до ранней осени, пока не ударят сильные ночные заморозки. Старший брат, девятиклассник Олчей, с воодушевлением готовился ехать со взрослыми. Тана-Херел, страшно завидуя, жалобно и монотонно ныл: «Нупжалставзьмите-менясобой», но, как ни надоедал, отец был непреклонен:

– Мама, тётя Дарый, брат Аганак (сын дяди, окончивший седьмой класс, не очень-то играет с двоюродным братишкой, считая себя взрослым, и это нехорошо), сестра Севил – вы проведёте лето на Деспеке, куда может добраться машина. Это тоже летнее пастбище, разницы нет с чайлагом в Кара-Суге. Если ты поедешь с нами, кто будет присматривать за телятами, помогать маме, кто будет ей носить хворост? Летом у тебя много забот в аале, сынок, – так отец уговаривал сына.

Так угасла надежда мальчика попасть в волшебное место – на дальний чайлаг у истоков реки. Что поделать, приходится заниматься домашними делами, а в свободное время можно и поиграть.

Однажды утром в начале седьмого месяца большой жары из села, дребезжа и громыхая, приехал старенький грузовик. С ка-

¹ Тана-Херел – это имя героя тувинского эпоса «Богатырь Тана-Херел на коне Даш-Хурене».

² Аал – жилище или стойбище, обычно состоит из одной или нескольких юрт.

³ Ооруг – таёжное пастбище на месте, где река выходит из ущелья в верхнем течении на открытую равнину.

⁴ Чайлаг – летнее пастбище чабанов.

бины сошли ветеринарша тётя Билчин и пожилой опытный водитель, дядя Аржай, а с ними – двое детей: мальчик и девочка. Тана-Херел очень заинтересовался, но поскольку никогда их не видел, засмутился и наблюдал издали. Двое детей ростом почти с него, и по возрасту вроде бы не старше, зашли в юрту и вскоре выбежали. Мама вышла вслед за ними, и, подозвав сына, познакомилась с гостями. Наказав: «Не давай друзьям скучать, поиграйте», взяв в охапку несколько веток для растопки, поспешила к гостям.

Рослого, кудрявого, бойкого мальчика звали Айдаш, он оказался сыном младшего родного брата отца Тумен-Баира, который смолоду жил в Кызыле. Мальчуган был ровесником Тана-Херелу, обоим по одиннадцать. Когда Айдаш был маленьким, его уже привозили в аал, но оба уже не помнили друг друга. А девочка сразу затараторила, рассказывая друзьям, что она – дочь сестры тётки Дарый – Сесермы, приехала в соседнюю юрту, и хотя окончила только третий класс – старше одноклассников, ей скоро одиннадцать. Разговорчивую и добродушную девочку звали Ангырмой. Была она тоненькой и гибкой, как веточка, и весь её облик словно излучал тепло. Тана-Херел и Айдаш сразу поняли, что она бойкая, будет играть наравне с ними и нипочём никому не уступит. Но им ведь тоже был нужен друг, поэтому никто особо и не возражал. Гости и не скрывали, что приехали вволю наиграться, или, по определению родителей, – отдохнуть и набраться сил на свежем воздухе. Уже в первые минуты эти трое, по их пониманию, стали самыми близкими приятелями.

Тана-Херел перво-наперво познакомил друзей со сторожевыми псами Хартыгой и Эзиром: иначе и гости будут остерегаться собак, и собаки будут считать чужаками незнакомых детей. Потом показал окрестности. Втроём они добросовестно исследовали гальку и лужи русла реки, заросли чёрного тальника, заячью иву, росшую меж камней, берег родника, поросший длинным белым ивняком, островерхие холмы около аала, откуда ведут наблюдение сложенные там из камней пугала, лес, где вперемежку растут лиственницы и тополя, заросли, внутри которых темно, и многие другие не менее интересные места. Друзья от всей души восторгались угодьями Тана-Херела. Мальчик надулся от гордости и бегал без остановки, думая, чего бы ещё показать. И тут наступил полдень, мама позвала обедать...

Началась интересная жизнь. Тана-Херел совсем забыл, что такое скучать от одиночества. Даже не просился уже на дальний чайлаг. Троица дружно справлялись с домашней работой – дружно ходили за водой, собирали хворост, отгоняли коров на пастбище, не допускали к ним телят, – только пыль клубилась: всё спорилось. Ещё не дослушав поручения, они бежали наперегонки, а потом скромно, но довольно выслушивали щедрые похвалы. И приходи-

ло время игр! Нескончаемых замечательных интереснейших игр, за которыми частенько забывается обеденное время. После вечерней дойки коров, в светлые сумерки – тоже отличное время для игр. Вечернее время особенно подходило для прятков.

И тут вдруг настал день перекочёвки. Грузовик дяди Аржая отвёз на Деспек – место слияния бурных течений рек Торгалыг и Шаалааш – две юрты. А спустя два дня и Белек-Баир, Дамба и Олзей, навьючив на лошадей кухонную посуду, постельные принадлежности, одежду, съестные припасы долгого хранения и другие важные и нужные вещи, подгоняя овец и коров, тоже выдвинулись кочевать вверх по ущелью в далёкий Кара-Суг. Железную печку, палатку и другой более тяжёлый скарб взвалили на смиренного рабочего верблюда, взятого напрокат. Хартыга⁵ нехотя остался в аале на дозоре, а Эзир, радостно погавкивая, неторопливо побежал в тайгу впереди хозяев – с чувством собственного превосходства.

СТРАННАЯ ПЕЩЕРА. НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Дети, интересуясь новым стойбищем, в первый же день пустились бегом по окрестностям, исследуя близлежащие места. Деспек оказался очень красивым местом. Посмотришь вверх по течению – узкие ущелья двух рек, зеленея, чернея, стремятся вверх. Рядом с аалом был высокий гремучий водопад, его звали Шаалааш. Шум воды, прыгивающей с теснины на высокой скале, был оглушающе громким! Людям рядом было невозможно разговаривать. Высокие крутые скалы, всматривающиеся в Торгалыг, выстроились друг за другом в ряд. Высокие россыпи камней тянулись от вершин до подножий гор, о, создатель, во что может превратиться существо, скатившееся по этим россыпям! Здесь росли, чередуясь, таёжные растения: у подножий высоких елей виднелись рододендрон, цветок саранки, пион, с которого совсем недавно облетели бубенчики-цветки, цветы жимолости... Чего здесь только нет, о некоторых растениях даже опытный человек, окончивший четвёртый класс, ничего не знает. А какой лесной дух, какой воздух, можно опьянеть! И вправду, Деспек – настоящий чайлаг. Но мысли Тана-Херела витали на вершине горных хребтов, и он изнывал от желания побывать на чайлагах Кара-Суг, Ак-Хем, Будуктуг-Чадыр, где никогда не бывал. Лишь при взгляде на новых друзей успокаивалась его душа, предчувствующая большие приключения.

В аале остались всего шестеро коров с телятами и два годовалых телёнка, родившиеся позже всех в прошлом году. У троицы, возглавляемой Тана-Херелом, работы поубавилось: вода прямо

5 Тана-Херел – это имя героя тувинского эпоса «Богатырь Тана-Херел на коне Даш-Хурене».

около юрты, а вокруг аала полно хвороста. Телята, опасаясь бурной реки, вода которой ещё не спала после половодья, боялись следовать за коровами на другой берег, и паслись маленьким стадом на невысоких склонах, бегая вскачь наперегонки, но не удаляясь. Поэтому у друзей прибавилось времени для игр, а их территория расширилась, не вмещаясь в окрестности аала.

Однажды в погожий день они медленно переправились по толстому тополю, упавшему через реку, и гуськом пошли к большим скалам на том берегу. Хозяин окрестностей Тана-Херел шёл впереди. Опасаясь, что Ангырма устанет, мальчик особо не торопился, медленно взбираясь в гору, порою останавливаясь и обозревая окрестности. Раз глянул – у куста караганника лежит тонкое деревце, похожее на посох. И в самом деле – посох. Поднял его и подал Ангырме, чтобы опиралась. Шли без цели, наугад. Будто невидимая рука вела ребят, и они постепенно удалялись от аала. Так Тана-Херел привёл друзей под большую скалу, что высится над руслом реки и открытыми просторами низины, словно дозорный-гигант. Ангырма совсем отстала, и время от времени отдыхала, опираясь на посох. Девочка – упрямая, показать свою слабость и вернуться в аал она даже и не думала.

За скалой виднелась ещё одна, похожая на первую, бурая высоченная скала. Они не договаривались, что дойдут до неё, но все трое упорно продирались вверх по ложбине между двух скал. С висков бедолаг лился пот, дыхание стало тяжёлым, ноги подволакивались, мышцы ног болели, деревенея. Чем выше в гору, тем круче подъём, тем выше казались скалы, и, если оглядеться, казалось, что они вот-вот обрушатся на путников. Становилось всё страшнее.

Внезапно Ангырма заверещала:

– Ой, мальчики, пещера, вот пещера! Я первой увидела! Я!

Тана-Херел посмотрел в сторону протянутой руки девочки: и вправду, под скалой, что справа, темнел глубокий вход в пещеру.

Друзья, толком не понимавшие, зачем они лезут в гору, обрадовались, найдя, наконец, цель похода, и направились по склону к таинственной пещере. Вход в неё постепенно увеличивался, а совсем близко стало ясно – чтобы войти в неё, расстояние примерно в одну сажень придётся карабкаться вверх по отвесной скале. Дети, задрвав головы, молча пытались выровнять дыхание.

– Ну, что будем делать? Вдруг она глубокая и мы туда скатимся? И не сможем обратно вылезти? – сказала Ангырма, показавшаяся вдруг старше мальчиков – не по возрасту, а по рассудительному женскому разуму.

– Давай всё же заглянем. Зря, что ли, лезли? Если ничего не случится, почему не попробовать спуститься, к тому же вот верёвка, обвяжемся и соскользнём вниз. – Айдаш говорил солидно, как

мужчина, и указал на верёвку, которую захватил Тана-Херел, чтобы научиться метать аркан.

А Тана-Херел молчал. Пещера манила, но если случится что, самая большая ответственность – на нём. Айдаш, затеявший разговор (не отступить же), приступил к действиям. Увидев, что он начал карабкаться к входу в пещеру, решил и Тана-Херел. Мальчик присел на коленки, подставив другу плечи, и начал приподниматься. Ангырма помогала. Ухватившись обеими руками, Айдаш рывком подтянулся, нашёл место для ног и удобно встал наверху. Заглянув внутрь пещеры, он позвал друзей:

– Эй, вроде можно войти. Ход постепенно расширяется, а дальше просторно, как в юрте. Бросай сюда верёвку, я закреплю!

Сначала Ангырма, потом Тана-Херел, подтянувшись, встали рядом с другом. Девочка не оставляла посоха (и зачем он ей теперь?). В пещеру первым начал, пятясь, спускаться Айдаш. Товарищи тревожно наблюдали, подсказывая, где можно опереться. Дойдя до дна, он подбодрил друзей: «Спускайтесь, совсем легко». Действительно, даже Ангырма с помощью мальчишек спустилась без затруднений.

Встав рядом на дне пещеры, они пытались оглядеться в полумраке. Глаза постепенно начали привыкать темноте, и они увидели скальные пластины, будто обтёсанные искусным мастером, напоминающие стены и потолок, гладкие, без зубчатых выступов. Куда ни посмотришь – лишь камень. Не было и ничего похожего на тайный клад, о котором каждый из них подумал, как только они увидели пещеру.

– Тут нет ничего интересного. Зря только одежду испачкали, устали, – Ангырма, так и не выпустившая из рук свой посох, укорила Айдаша.

Тана-Херел вступился за приунывшего друга:

– Не каждый день находишь пещеру. Даже взрослые о ней вряд ли знают, я ничего не слышал. Смотрите, какая странная пещера. Будто вырублена человеком. Сокровища ведь не будут лежать, как в музее. Надо осмотреться.

– В самом деле, смотри на эту плиту, по виду как дверь, даже цвет другой, так и хочется открыть – сказав так, Айдаш указал на одну из стен.

– Как знать, вдруг окажемся в другой стране. Как в сказках, – и Тана-Херел, думая лишь развеселить друзей, прислонился к камню и сильно толкнул плечом. Плечо заныло, а скала и не шелохнулась.

Ангырма рассмеялась, даже бросила посох. Говорят, устыдившийся человек бьёт свою собаку. Тана-Херел схватил палку и вместе собаки врезал скале, и (откуда только эти слова нашлись) воскликнул: «Откройся, откройся, откройся настезь!» И – о чудо чудное, скала-дверь, вздрогнув, вдруг сместилась и стала откры-

ваться, будто настоящая дверь! Дети опешили. Пыль, клубясь, оседала на голове и плечах мальчика, он даже чихнул. Снаружи глухо послышался похожий на ржанье клич какой-то птицы, наверное, коршуна. Никто не то что войти в открытую дверь, даже заглянуть туда – в страшную неизведанную темноту – не осмелился. Внезапно за дверью забрезжил свет. «Будто лампу зажгли, что за дела», – подумал мальчик, выросший в чабанской юрте.

Сколько можно стоять навтытяжку, у Айдаша проснулась отвага, прорезался голос:

– Ну, что будем делать? Что встали? Расскажем взрослым? Или что?

– Или зайдём сначала, поинтересуемся? – Анггырма потеряла рассудительность. Её азартный взгляд говорил: «Ну же, мужчины, решайтесь». Тана-Херел, находившийся ближе всех к двери, явно колеблясь, похлопал глазами и дипломатично высказался:

– Войти-то можно, почему нельзя. Но если что-то случится, отвечать будут не я даже, а мама и тётя Анггырмы. А если одного из нас отправить в аал? Ты Анггырма, всё же девочка, иди и скажи людям, а мы двое поинтересуемся, заглянем за дверь. А?

– Так и сделаем, – с готовностью поддержал Айдаш.

Анггырма возмутилась (что это значит – всё же девочка?!), и не захотела оставлять друзей.

Айдаш решил: будь что будет, – и сделал несколько шагов к свету за дверью-скалой. Друзья последовали за ним, и как только вошли, камень вновь пришёл в движение, и пластина, скрипнув, закрылась. Тана-Херел, шедший последним, обернувшись, запаниковал и попытался вновь открыть каменную дверь, но впустую. Вспомнив волшебные слова, он повторил их, но без результата! Путь назад был закрыт. Оставалось только идти вперёд и продолжить приключение, виной которому – собственное любопытство. Вроде бы светло, только непонятно, откуда идёт свет. Вокруг виднелись лишь плиты скалы, будто обтёсанные искусным мастером. Ход был довольно широким, можно было идти рядом, но они осторожно продвигались гуськом: Айдаш впереди, Анггырма посредине, Тана-Херел сзади.

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ В НЕЗНАКОМОМ МИРЕ

Так они и прокладывали путь в неведомые земли. Сперва шли молча. Стало светлее, но это был не солнечный свет. Потом вместо минерального запаха подземелья ощутил стал другой, травянистый запах открытой земли и свежего ветра.

– Зря мы боялись, – вдохновлённо сказал Айдаш. – Вот увидите, выйдем на противоположном склоне.

– Ой, не знаю, – усомнился Тана-Херел, – скала высокая, подножие широкое, до другого склона далеко, а мы недолго идём. Не радуйся заранее. Словно крикнув: «Ну, смотрите же!», каменный ход закончился, и сверкнул широкий выход из пещеры. Троица друзей выбежала наперегонки и замерла, оглядываясь – земля была, какой никто никогда не видывал.

– О-о-ой, посмотрите, какие цветы! Что это за огромные деревья?! Какие прекрасные горы, посмотрите! Что это за мир! О-о-ой! – Ангырма верещала и подпрыгивала на месте, глаза её горели.

– Это не наша тайга, совсем незнакомые места, куда это мы попали?! – Тана-Херел тоже был поражён.

– Ну, уж если хозяин тайги не узнаёт, и в самом деле странно, – растерянно пробормотал Айдаш. – Станный пейзаж.

Тана-Херел оглянулся, и с испугом обнаружил, что вход в пещеру, откуда они только что вышли, закрылся. Не веря глазам, он кинулся обратно, толкнул дверь-скалу, – нет, не открылась. Чтобы не испугать Айдаша и Ангырму, пыхтел молча, но тщетно! Двое друзей не замечали паники мальчика, глаза их горели, а ноги подпрыгивали.

Воздух диковинной страны, куда прибыли друзья, отличался совершенно особым свежим ароматом, будто после дождя. Горы, на острых вершинах которых блестели снега, чем дальше, тем были синее. Луга – словно застелены многоцветными коврами ширтек⁶. Высокие ели и лиственницы, чуть дальше – кедры, буйство красок невообразимых цветов и трав, у которых и названий-то, наверное, нет... их и не видал, наверное, никто раньше! Взглянешь вниз – степи, заканчивающиеся у подножий гор, текущие через них большие и малые реки и речушки, будто тёмно-синие, светло-серебряные, переливающиеся ленты...

– Настоящая сказочная страна! – наконец-то донёсся до ушей испуганного Тана-Херела голос притихшей Ангырмы. Он вздрогнул: «Что она такое говорит – сказочная страна? В самом-то деле, где мы?».

Внезапно успокоившись и внимательно оглядевшись, сын чабана обнаружил, что недалеко на склоне пасётся отара овец. Рядом пеший пастух – видимо, отпустил коня пастись. Он показал отару друзьям: «Давайте познакомимся с пастухом, спросим, где мы», – и, не дожидаясь ответа, пошёл первым. Его догнал Айдаш и шёпотом спросил: «Вход в пещеру закрылся, да? Что теперь делать?». «Ты тоже заметил, да? Не говори Ангырме. Если пещера не откроется, будем искать другую дорогу домой».

Шли медленно и тихо, чтобы не спугнуть овец, и нагрянули внезапно для пастуха. Паренёк, закрыв глаза, напевая тихую про-

6 Ширтек – войлочный настил-ковёр в юрте, сделанный из шерсти.

тяжную мелодию, сидел под скалой. Одежда его была причудлива: штаны, как понял Тана-Херел, из козлиной шкуры, рубашка из грубой ткани (Айдаш сравнил её с древней тувинской одеждой в городском музее). Волосы заплетены надвое в тонкую косу, на голове странный убор, совсем не похожий на шапки, что носят теперь. Лицо паренька было обветренным и загорелым. Рядом, поддерживаемый рукой, лежал его тонкий посох. Пастух, казалось, был всего на несколько лет старше своих гостей.

Услышав приветствие Тана-Херела «Экии!», пастух вздрогнул, вскрикнул от испуга и подскочил, уронив посох. Увидев троих детей, он было успокоился, но потом, приглядевшись, будто не людей увидел, а диковинных чудищ. Явно напуганный, он подался назад. Ангырма тоненьким жалобным голоском (с изрядной долей ехидства) протянула:

– Что с тобой, не бойся, мы же просто маленькие дети из соседнего аала.

Тот напряжённым от тревоги голосом спросил:

– Мир вам, кто вы такие, младшие мои? Почему не упомяну, что в соседних аалах есть подобные вам. Откуда путь держите, куда направляетесь? Из какой земли вы?

– Мир вам! Я сын Тюлюша Белек-Баира Тана-Херел, а это мои друзья Ангырма и Айдаш, приехавшие на летние каникулы к нам в гости, – Тана-Херел, представляя себя и друзей, говорил тихо, чтобы снова не испугать паренька.

– Простите меня, бедного пастуха, я ведь просто живущий в этих местах простолюдин. Я удивлён немало вашим именем. Наш царь носит его. Его зовут богатырь Тана-Херел на коне Даш-Хурен. Вы не могли не слышать о нём. И что такое каникулы?

– Как не слышать, конечно, имя прославленного героя знают во всём мире. Даже мои родители, хотя и опасаясь, называли именем великого князя меня во младенчестве. Они очень боялись, как бы не прослышал об этом царь, – маленький Тана-Херел слегка приврал.

– Смотрю на вас, и кажется вы нездешними мне, и одежда ваша не похожа на нашу, и разговор ваш, как вы изъясняетесь, отличается от нашего, даже приветствие ваше звучит по-другому. Неужели это так, уж не прибыли ли вы из дальних стран на краю света, на берегу великого моря Тенгис, о которых я лишь слышал? – голос пастушонка дрогнул от волнения.

– Нет-нет, мы прибыли не из дальних стран, – ответил Айдаш.

– Неужто вы спустились из верхнего мира, несравненно прекрасные дети небес? – паренёк, содрав шапку с головы, согнулся, готовясь упасть на колени.

У тройцы друзей дыхание спёрло, голоса пропали. Переглядываясь, они незаметно кивнули бойкому Айдашу.

– Мы не дети небес, уважаемый чабан. Пришли с чайлага, что неподалёку. Совсем недавно мы нашли пещеру. Вошли в неё, толкнули плоскую скалу, похожую на дверь. Она и открылась, как дверь. Мы вошли, шли под скалой, и пришли вот. Не бойся нас, не кланяйся нам. Давай просто поговорим, познакомимся.

Не тут-то было. Услышав «пещера, под скалой», пастух ещё больше взволновался! Он испугался так, что цвет его смуглого лица сменился на желчно-серый. Пожалев беднягу (девочка всё же), Ангырма вновь бросилась утешать его:

– Мы маленькие дети. Тана-Херел не царского происхождения, он сын простого чабана. Все мы – дети простолюдинов. Царь нашей страны послал нас в вашу землю, – девочка сочиняла на ходу. – У царевича свели любимого скакуна. В нашей земле найти не смогли, и послали нас сюда.

– Как странно, братишки, сестрёнка, младшенькие мои, – голос пастуха немного окреп. – Неужто нет у вашего царя взрослых подданных, что детей посылает он. Вы, верно, не простые люди, иначе как можно отправить одних детей в чужую землю! Какого именно хана вы подданные?

Друзья осеклись. Да и как ответить, кто его знает. Но Тана-Херел, мальчик, выросший на книжках, нашёл способ:

– Во-он за тем большим хребтом, на той стороне есть земля, называемая Ак-Хем. Мы из народа хана Ары-Хаана, который владеет ею.

– Царевич, хоть и повелитель, вырос, играя с нами. Нас, никчёмных, друзьями он зовёт и доверяет. (Айдаш, оказывается, очень способный. Как быстро освоил заумную речь!) Царевич нам сказал: «Если друзья мои не смогут – никто не сможет». И нас сюда послали. Как можно не исполнить царского указа? Что делать нам, не можем мы понять, – Айдаш, опять приврав, даже сгорбился от отчаяния.

– Вот как было, значит. Конь царевича, верно, не обычный скакун, отличается и статью, и тамга⁷ особой. Если его привели в наши края, всем стало бы известно. Я же, несчастный, ничего об этом не слышал и не знаю. Если кто-то и знает про скакуна породистого, то это Аксагалдай-Сайын-хавырчы. Спросите у него. Сейчас идёт у нас война губительная, будьте осторожны, – пастушок дал совет от чистого сердца.

– А как нам встретиться с этим человеком? Погоди-постой, мы до сих пор не знаем твоего имени, – покраснел от смущения Тана-Херел.

– Кони узнают друг друга по ржанию, человек человека узнаёт по разговору, говорят. Родители мои, когда я был маленьким, ушли

⁷ Тамга – особый знак (клеймо, тавро), которым отмечалось право собственности на скот.

в другой мир. По происхождению семья всегда пасла скот наших правителей. Имя моё Сайын-Белек, люди в аале кличут Оскюс-оолом, и прозвище мне заменило имя. Аксагалдай-Сайын-хавырчы наш господин. Он хорошо знал моего покойного отца, и с малолетства приглядывал за мной, вырастил, оказав мне милость. Поэтому считаю его старшим братом я. Около его белой юрты стоит моя чёрная худая юрта, немного дальше стоит юрта моей сестры, вышедшей замуж. Я теперь один живу в своей юрте, – новый знакомый рассказывал без утайки и запинки.

– Понятно, Сайын-Белек, ой, Оскюс-оол, теперь мы точно познакомились. Как нам найти вашего брата, как сможем поговорить, дай нам совет, старший брат? – Тана-Херел просил, будто и вправду пришёл на поиски коня.

– Почему бы мне не помочь вам. Я давеча испугался, нёс чепуху, голова шла кругом. Теперь, присмотревшись, вижу, что вы похожи на детей нашего стойбища, такие же вежливые, храбрые. Что, если поступим так: пришло мне время отару гнать в аал, и вы, пришедшие издалека гости, вместе со мною идите. В моей юрте найдёте и чай, и отдых. Брат мой должен приехать вечером, и я вам устрою встречу. Согласны ли вы? – предложил отзывчивый Оскюс-оол.

– Правильно. Будь по-твоему, – ответил Тана-Херел, посмотрел на друзей, и они согласно кивнули головами...

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. ЦАРЬ ТАНА-ХЕРЕЛ

Спустя некоторое время друзья, у которых с завтрака крошки во рту не было, вдоволь напились сваренным Оскюс-оолом густым жёлтым чаем, наелись досыта жирной баранины, горкой лежащей в корытце-деспи⁸. Потом сидели, вытянув ноги, наслаждаясь отдыхом, откинувшись на вещи, сложенные по левую сторону юрты. Оскюс-оол и его старшая сестра Сай-Хоо из вежливости будто и не заметили, что Айдаш и Ангырма не умеют правильно сидеть в юрте – наверное, подумали, что таков обычай в их стране. Тана-Херел показался им более или менее знающим. Сидели, беседуя, и за разговорами усталые дети начали засыпать, – их головы склонились, глаза закрылись. Оскюс-оол, умилённо посмотрев на них, по очереди тихонько перенёс троих путешественников на почётное место в юрте – дор, накрыл тонким шерстяным одеялом, а под головы пристроил подушки.

Дети, поспавшие совсем недолго, проснулись от громкого голоса, похожего на рёв бурной реки. Одновременно подскочив и протерев глаза, они оказались нос к носу сочень крупным, румяным мужчиной

⁸ Деспи – большая корытообразная деревянная посуда, используется в основном для мясных блюд.

лет пятидесяти в богатом шёлковом тоне⁹, в остроконечной шапке. – Вот, брат мой, друзья, с которыми сегодня я познакомился. Приехали искать потерянного драгоценного коня. Перед тем, как дать им встретиться с табунщиками, подумал я, что надо поговорить с вами. Ведь мы давненько не общались с жителями далёких стран, – объяснял Оскюс-оол.

«Это Аксагалдай-Сайын-хавырчы», – понял Тана-Херел раньше всех. Мальчик поневоле вытянулся по струнке, и друзья сделали то же самое. Грозный человек, вновь пробуравив их немигающими зелёными глазами, смягчил выражение лица и громко расхохотался:

– Ну, удальцы-сорванцы, вы думали, что я глупец, не знающий людей! Ха-ха-ха! Подумали про Аксагалдай-Сайын-хавырчы, что он – не выезжающий из стойбища, не объезжающий землю ленивый мужик! На белом свете мало мест, где я не бывал. Разве что, как царь наш, не побывал я в подземном мире. Нет, дети мои, вы неправду говорите: я и в Ак-Хеме был, и Ары-Хана знаю. Далёкая страна. Конь, потерявшийся там, сюда вряд ли доберётся. На единственной дороге к нам распростёрлась война, над ней и птица не перелетит, под ней и суслик-пищуха не прошмыгнёт, пусть и под землёй. Вы из других мест, даже одежда ваша не похожа на одежду людей Ак-Хема, и речь, как сказал Оскюс-оол, отличается. Без утайки рассказывайте нам, откуда пришли и куда идёте?

Друзья приумолкли, растерявшись вконец: правда – неправдоподобна. К счастью, в это время вмешался Оскюс-оол:

– Пусть люди сами ведают, брат мой. Неужели мы будем допрашивать гостей? Помните, наш царь однажды так же поступил? Когда решил жениться на нынешней царице, дочери царя Бал-Бал Малчын-Эге? Придя в чужую землю, он Даш-Хурена своего превратил в стригунка в комках свалывшейся шерсти, а себя – в нищего мальчишку, и громко причитал: «Из стада Караты-Хана исчез верблюд, а я его ищу». Вот и они в чужой земле осторожны.

– И правда, Оскюс, в самом деле – кто их знает. Ты правильно вспомнил, как схитрил тогда Тана-Херел. Кто же вы такие? Если герои, как ваши настоящие имена? – спрашивал Аксагалдай-Сайын-хавырчы, никак не желая смириться. Обстановка, несмотря на дипломатию Оскюс-оола, вновь накалилась, и Тана-Херел волнуясь, и думая только о том, как быстрее успокоить людей в юрте, начал отвечать:

– Нет, башки, какие из нас герои! Мы, бедняги, какие есть, такие и есть. Где уж нам в кого-то превращаться. Вышли из чабанского аала, заблудились, и случайно забрели в ваши земли. Наше стойбище далеко отсюда, расставшись с ним, мы бедствуем. Не знаем,

⁹ Тон – верхняя одежда.

как вернуться домой. Встретившись со старшим братом Оскюс-оол, мы немножко не так рассказали, простите нас...

Так, за разговором, смягчая ответы, Тана-Херел и поддержавший разговор Айдаш, казалось, успокоили подозрительного и любопытного Аксагалдая-Сайына-хавырчы. Но сомнения не исчезли бесследно. Расспросив и выслушав друзей, он уехал по делам, но по выражению его лица было ясно, что он твёрдо решил узнать, кто они и откуда.

– Утром мы обманули вас, прости нас, старший брат – сказал Тана-Херел Оскюс-оолу. – Мы испугались, внезапно попав в чужую, незнакомую страну. Наша страна отсюда... – начав так, мальчик некоторое время стоял, не зная, как продолжить. Не скажешь далеко – вроде бы и поблизости. Но места Деспек, Кара-Суг, Шаалааш лежат незнамо где, трудно указать даже примерное направление, поэтому по привычке мальчик опять стал сочинять. – Очень далеко, должно быть, и глазом не видывали, и слухом не слыхивали. Можно сказать на дне мира – вспомнив слова, изредка используемые отцом в разговоре, использовал их подобным образом.

– Дно мира? А как оно далеко? Если с вершины хребта нашего Арзайты посмотреть в бинокль с девяти суставами-частями, то, может, хотя бы очертания покажутся? И как вы, бедные, попали сюда из такой далёкой земли, младшие мои, – в голосе Оскюс-оола слышались нотки сочувствия.

– А ваш брат очень крупный и разговорчивый, – встряла в разговор Ангырма.

– Брат – обычный человек. А если увидите самого нашего царя, его коня Даш-Хурена, то будете удивлены. В два раза больше обычного человека, два кулака как две дубины, коса на голове как хвост яка, невероятный исполин... – Оскюс-оол увлёкся собственным рассказом.

– Ваши цари – люди особой породы, да? – заинтересовался своим тёзкой Тана-Херел.

– Что это такое – порода? Я слышал, что деды и прадеды нашего царя были из других земель. Об этом запрещено рассказывать чужеземцам, но я вам доверяю, поэтому говорю. Впрочем, даже если это станет известно другим народам, что тут плохого. Я слышал, что Тана-Херел – потомок героя, что родом из дальней-дальней земли с высокими горами, уткнувшимися в небо, земли, которая служит подпоркой небу. Брат мой однажды рассказывал об этом, да и он и сам потомок тех героев. Только мама брата из нашей земли, да и предки отца тоже давно смешались с обычными людьми, поэтому он не очень велик телом. А царь наш унаследовал своё происхождение. Даже когда брал жену, выбрал царевну Балчын-Эге из дальних стран, – продолжил объяснять Оскюс-оол.

– А царица тоже великанша? – оборвала его Ангырма.

– Царица наша со станом прямым, как пихта на Арзайты, высокая и стройная, необычно красивая. В целом мире не сыщешь второй такой прекрасной царицы. Только наш царь смог её завоевать. Выехав искать царевну, он спустя ровно три года вернулся с ней, друзьями-подданными, хорошим приданным и скотом. Во время той поездки он победил во всех спорах и состязаниях, уничтожил войну, которая длилась три времени, прошёл через коварство тестя, умер и воскрес. Спустился в мир, где живёт царь демонов, вернулся обратно живым и с добычей – девятью сокровищами Эрлик-Ловуна¹⁰. Он – единственный человек в срединном мире, совершивший подобное. Рассказ о его подвигах может занять много долгих ночей! – Оскюс-оол выпрямился и преобразился от восхищения, его глаза сверкали, а голос стал громким и певучим.

Айдаш и Ангырма только краем уха слышали какие-то отрывки из сказания о Тана-Хереле на коне Даш-Хурене, но не читали, а Тана-Херел рос, слушая и читая древнюю сказку, почти всю выучил наизусть. Всё-таки тёзка героя. А вот друзья очень заинтересовались:

– Расскажи, Оскюс-оол! Увидеть бы вашего царя, – размечтались они.

Оскюс-оол, не дожидаясь повторного предложения, особым голосом, даже как-то мелодично, будто заклинания произносил, начал рассказ. Тана-Херел вспомнил – в точности как дядя Калзан по прозвищу Сказитель, рассказывавший детям и взрослым множество былей и небылиц долгими зимними вечерами. Он подумал, что красноречивый Оскюс-оол тоже когда-нибудь станет сказителем.

Друзья очень заинтересовались конём Тана-Херела Даш-Хуреном, и несколько раз переспрашивали – точно ли он разговаривал с хозяином и помогал ему. Но всё же не совсем поняли, как герой перескочил через место, где соприкасаются земля и небо. Айдаш, лишь этим летом в аале научившийся ездить верхом на смирном Допшер-Доруге, был в восторге от умища сказочного коня, и уверился: все приключения героя без Даш-Хурена закончились бы плачевно. На коне Тана-Херел перелетел через кипящее, ревущее неистовое море, выиграл скачки, да и в любом другом приключении без коня сделать было ничего просто невозможно. Тем более ожить после смерти – ну как тут без коня? Был бы Допшер-Доруг таким же, как Даш-Хурен!

Как ни странно, про это приключение Оскюс-оол знал мало: «Слышал, что конь, не оставляя тела царя, охранял его, а птица Хан-Херети¹¹ донесла весть до его сестёр в горном мире, служащим

¹⁰ В сказании герой Тана-Херел побывал в подземном мире – мире Эрлик-хана, и смог вернуться домой.

¹¹ Хан-Херети, в индийской мифологии это птица Гаруда.

опорой небес. И они прилетели, оживили брата. Про это сочинены песни, я тоже пою про это», – так он говорил, но что случилось на самом деле, не знал. Да и никто больше, скорее всего.

– А кто сочиняет песни о герое? – поинтересовался маленький тёзка.

– Певцы. В народе издревле есть обычай сочинять песни о царях, героях и потом петь их везде. Мой покойный дядя был певцом, и меня учил. Поэтому иногда я, ничтожный, сам по мере сил пробую сочинять новые песни – признался Оскюс-оол.

– В нашей земле эти песни называют сказками, а певцов называют сказителями. Мы также знаем сказание о Тана-Хереле. Значит, всё, о чём поётся в этом сказании, было на самом деле? – спросил маленький Тана-Херел.

– Более или менее. Певец поёт о том, что происходило, используя особые приёмы, передаёт в искусно обработанном виде. И уж, конечно, не всякий человек может быть певцом, бывают люди, обладающие этим даром с рождения. Я вот хочу стать певцом, но не знаю – смогу или не смогу – ответил Оскюс-оол.

Мальчик, выросший, слушая сказки, хотел узнать про Тана-Херела что-то новое, не вошедшее в сказание, и особенно – про эти самые особые приёмы сказителей. Оскюс-оол, казалось, понял его желание, и начал рассказывать про самые последние события, происходящие в окрестностях Алдын-Булака. Оказывается, когда герой Тана-Херел завершил войну, которая длилась три времени, на этой земле больше не было войн. А потом в земли соседнего дружеского царя нагрянуло войско Караты-хана, и вновь начались битвы. Тана-Херел, конечно, помогал другу. Постепенно территория сражений расширялась, расширялась, и заползла-таки в земли царя Тана-Херела. Дети узнали, что сражения идут совсем недалеко.

– Даш-Хурен ранен. Появился человек с невиданным ранее оружием и, когда целился в Тана-Херела, конь привстал на обе задние ноги и успел прикрыть его грудью, иначе герой неминуемо погиб бы, – сказал Оскюс-оол.

– Бедняга Даш-Хурен, опять спасал хозяина! Поправится ли? – Айдаш совсем расстроился. Он, возможно, меньше бы расстроился, узнав о ране самого героя...

– Не найдено ни наконечника стрелы или копья, ударившего в грудь, но ранение серьёзное. Даш-Хурен двое суток лежал, будто мёртвый, потом потихонечку начал приподнимать голову, пить воду глотками. Старик Одучу¹² вчера сказал: теперь поправится, – радостно ответил Оскюс-оол.

– Сейчас герой Тана-Херел пешком сражается, да? Разве найдётся другой конь, что понесёт его? – поинтересовалась Ангырма.

¹² Одучу – имя прямо указывает, что он лекарь.

– Нет! У Даш-Хурена четыре года назад родился сын, теперь он второй конь царя. Скакун не хуже отца, не нарадуемся! – был ответ.

– Этот конь тоже понимает разговоры? А у Тана-Херела есть дети? – теперь заинтересовалась и стала сыпать вопросами Ангырма.

– Неизвестно, возможно, с хозяином и разговаривает. Есть старший табунщик, который ухаживает за скакунами царя. Меня к ним пока не допускают. И вправду, если задуматься, кони, на которых ездят герои, отличаются от обычных не только статью. Даш-Хурен совершенно особый! Десять обычных человек, таких как я или вы, свободно уместятся друг за другом на его спине. Если надо сесть в седло, понадобится забраться вон на ту высокую скалу, потому что стремя будет выше головы. Про детей – да, у нашего царя есть наследники: сын и дочь, но они ещё маленькие. Сын похож на отца, ему только семь лет, а он уже больше меня, – Оскюс-оол еле успевал отвечать на вопросы.

ТАИНСТВЕННЫЙ МОГУЧИЙ НЕПРИЯТЕЛЬ

– И всё же – как смогли враги ранить Даш-Хурена? – задал маленький Тана-Херел вопрос, не идущий у него из головы.

– Караты-хан в союзе с другими множественными племенами-народами напал на зятя Боран-Эртинэ, и царь встал в его защиту. Друг, невозможно не помочь. Вначале мы одолевали. Потом у вражеских царей силы прибыло, и теперь вытеснили нас до наших земель. Воин, ранивший Даш-Хурена, обладает необычным оружием. Аксагалдай-Сайын-хавырчы сам его видел. Так и сказал: «Это оружие не из нашего мира».

– Что значит – не из нашего мира? – встревоженно спрашивал Айдаш.

– Недавно к войску Караты-хана присоединился странный человек, обладающий волшебной силой. У него особое оружие, против которого бессильна любая защита. Он никогда не обрывает жизни, но бьет так, что самый сильный воин падает наземь без сознания. Но через некоторое время встают и спустя несколько дней выздоравливают, так говорят. Животные удар этого оружия переносят труднее.

Наши путешественники долго беседовали с Оскюс-оолом, который был человеком разговорчивым, отзывчивым, открытым и не держащим зла. Многие узнали о стране, куда случайно попали, о людях, живущих в ней. Они поняли, что в последнее время и его, и его земляков чрезвычайно тревожит появление в войске Караты-хана молодого человека, обладающего неведомой силой. Оскюс-оол с сожалением рассказал, что ни царь Тана-Херел, ни

другие опытные воины не смогли сладить с новым неприятелем, и голос его дрогнул. Что бы ни случилось, одна надежда на царя. Но тот после ранения любимого коня стал осторожнее и изучал противника. Мальчики и Ангырма тоже заинтересовались незнакомым молодым героем.

– Мне кажется, он – как мы, случайно попал сюда из другого мира... из далёких земель, – высказал, наконец, свою догадку Тана-Херел. Он хотел сказать «из другого времени», но сдержался: всё равно Оскюс-оол не поймёт и не поверит.

– И вправду, он обладает оружием, которого не было в сказ... в ваше время – прямо сказал Айдаш, и, заметив оплошность, поправил: – Я говорю, что у него не лук, не копьё, не меч. Увидеть бы это новое оружие.

– Как вы увидите его, кто пустит маленьких на места, где идут бои, нельзя, – воспротивился Оскюс-оол.

– Возможно, если мы увидим его, то сможем посоветовать, как с ним справиться. – Айдаш снова приврал. – В соседней с нами стране появилось удивительное могучее оружие, а у нас – люди, научившиеся использовать его.

– Нельзя приближаться к полю боя. Впрочем, война сама вот-вот придёт к нам, в наш аал. Говорят, что решено царский дворец и все юрты перевезти в другое место, но мы вас обязательно возьмём, всё будет в порядке. Скоро кочуем, – сказал благородный Оскюс-оол.

Мальчики переглянулись: нельзя удаляться от горы с пещерой, какой бы интересной не была сказочная страна. Не оставаться же навсегда в другом времени, в чужом государстве, среди незнакомых людей. Тана-Херел и Айдаш надеялись, что всё же смогут открыть вновь вход в пещеру, верили, что найдут дорогу в Деспек. Что касается Ангырмы, – думая, что вход в пещеру открыт, она особа и не тревожилась. И это было хорошо.

– Надо помочь царю и ускорить его победу. Тогда его аал не эвакуируют, и мы тоже никуда не уйдём, – предложил Айдаш.

– Эва... что? – растерянно переспросил Оскюс-оол.

– Тогда аал царя не перекочует. А мы вернёмся к пещере, возвратимся домой, да? Что, если прямо сейчас? – Ангырма выразила нежелание даже на час оставаться в волшебной стране.

– Мысль хорошая, Айдаш, только вот... если великому герою смогут помочь такие ничтожные существа, как мы – солнце взойдёт с запада, – рассудительно, но грустно сказал Тана-Херел.

Друзья опять приумолкли. На это раз тишину нарушила Ангырма:

– Всё дело в человеке с особым оружием, который недавно присоединился к Караты-хану. Если узнать его тайну, разгадать его загадку, может быть, и наладится всё?

– В самом деле, Ангыр, мы же внезапно здесь оказались. Что, если тот человек не существо с другой земли, из другого времени? Хорошенько бы проверить, – глаза Айдаша блестели.

– Давайте вечером пойдём его искать. Только тихо. Найдём и понаблюдаем. Самая большая опасность исходит от него, и если не разгадаем его тайну, ничего не выйдет, – поддержал товарищей Тана-Херел. Конкретизировал планы...

КЫЗЫЛЬСКИЙ ПАРЕНЁК В СКАЗОЧНОЙ СТРАНЕ

– Вон тот. Точно он – по одежде, по виду. Не похож на других воинов, – прошептал зоркий Тана-Херел, привыкший различать скот. Друзья, тоже интересуясь, вытянули шеи. Похоже, они нашли человека, на чьи поиски отправились тайно от Оскюс-оола под покровом ночи.

– Далеко, ничего толком не видно. Давайте спустимся ползком по ложине, и спрячемся среди кустов внизу. Оттуда разглядим и оружие, и лицо, – Тана-Херел вопросительно взглянул на друзей, и они молча согласились.

Тана-Херел уверенно, всматриваясь вперёд, полз среди густой травы первым, изредка поднимался и шёл, пригнувшись. Они всё приближались к стану войска Караты-хана. Через некоторое время устроились удобнее среди кустов и стали наблюдать.

Айдаш пристально всматривался, не веря собственным глазам: неужели и вправду таинственный и грозный человек, которого они встретили в сказочной стране – всего лишь одноклассник его старшей сестры? Вот это – настоящая сказка!

Но соседский паренёк, которого он хорошо знал, как ни в чём ни бывало ходил среди воинов в пятидесяти шагах от друзей...

Внезапно раздался треск ветвей, детей окружили и схватили воины, и повели их к группе людей, судя по богатой одежде и дорогому оружию – военачальников.

– Поймали лазутчиков, которые следили за нашим лагерем, – доложил долговязый смуглый мужчина в островерхой шапке, поклонившись одному из надменных вождей.

Айдаш заметил, что паренёк, в котором он узнал одноклассника сестры, пристально смотрит на него. Странное дело, он подмигнул Айдашу, и тот наконец-то вспомнил по-настоящему, вплоть до имени: Демир, Демир Соловей, живёт в соседней пятиэтажке!

Между тем Демир подошёл к военачальнику, тихо о чём-то говорил с ним, после чего тот дал приказ, и грозные воины, окружавшие детей, разошлись. Освободили. Что теперь будет? Можно ли уйти? Или они свободны только в этом лагере? Тот, за кем они следили тайно, сам подошёл и поздоровался:

– Привет!

Тана-Херел и Ангырма стояли, опешив, а Айдаш (будто ничего особенного не произошло), поздоровался с ним за руку.

– Как вы здесь оказались, сорванцы? Я, узнав Айдаша, глазам не поверил. Думал, что здесь только я из нашего мира живу, – сказал волшебный воин, и к Тана-Херелу и Ангырме вернулся дар речи.

– Неужели вы тоже из Кызыла? – дрожащим голосом спросила Ангырма.

– Наконец-то дошло, да? Перед вами Соловей, живущий в центре Кызыла, на улице Тувинских добровольцев, в доме напротив рынка. Если не верите, спросите у Айдаша, он подтвердит, – сказал Демир. Мальчики и девочка вопросительно уставились на друга.

– Да, он говорит правду. Он одноклассник Доланы. В этом году заканчивает школу. А почему так, сестра ведь сейчас сдаёт экзамены? Как же ты попал сюда, старший? – удивлённо спросил Айдаш.

– Подождите, почему вы сказали – Соловей? Говорите по-тувински чисто, обликом тувинец, – бестактно поинтересовалась Ангырма.

– Метис я, теперь таких много – спокойно ответил Демир и ненадолго отошёл от них, занятый каким-то неотложным делом.

– Он не врёт. Мама тувинка, отец русский. Сестра говорила. По-тувински, между прочим, говорит лучше, чем некоторые чистокровные. Как же он попал сюда? Да ещё заслужил такой почёт и славу. Возможно, он знает обратную дорогу, – строил догадки Айдаш. Друзья уловили нотки надежды в его голосе и разом повернулись к вернувшемуся Демиру, будто он мог исполнить их желание и тут же отправить домой.

– Зря вы с такой надеждой смотрите на меня – сказал Демир, будто провидевший их мысли. – В Кызыл бы, но, к сожалению, я и сам никак не могу. Недавно, увидев Айдаша, и я обрадовался. Подумал, что наконец-то вернусь домой. Неужели нет? Ну, рассказывайте: как вы сюда попали, почему здесь остались, что мешает вернуться? Только честно, посоветуемся...

Через полчаса и Демир, и его маленькие знакомые снова загрустили. Вопрос «Как вернуться домой?» – словно тяжёлый камень, закрывший вход в пещеру. Ни у кого не было сил сдвинуть этот камень и открыть дорогу в родной мир. Неужели даже Демир, признанный в сказочной стране могучим героем, не сможет найти обратной дороги?

МАШИНА ВРЕМЕНИ ДЕМИРА

О том, что Демир Соловей с самого раннего детства был мальчиком с разносторонними увлечениями и способностями, в Кызыле знали лишь несколько человек. А видели его самое крупное

изобретение – машину времени – и того меньше. Если уточнить, только трое: папа мальчика Алексей Иванович, изобретатель, учитель физики и математики лица Александр Владимирович и сестра Айдаша Долана. Почему из всех одноклассниц именно она? Потому что успевала по сложным предметам: математике, информатике, физике не хуже самых одарённых мальчиков. Может, были и другие причины, но о них Демир разве расскажет кому-нибудь?

А что за машина времени? В идее нет ничего нового. Демир с третьего класса читал произведения фантастов, и дерзкий вопрос – неужели нельзя на самом деле изобрести машину времени? – не давал мальчику покоя. О, как было трудно воплотить свою мечту! Шесть лет мучительных поисков, первые эскизы, проекты, чертежи, вычисления... Демир вырослел вместе со своей идеей, стремительно рос, двигался по наитию, каким-то чудом выбирая верные решения, семимильными шагами. Лишь два года назад рассказал отцу и учителю, и они помогали, чем могли.

Год назад проект обрёл очертания, и внешний вид машины времени появился на мониторе. Ещё один год напряжённых трудов – и машина была готова. При первом взгляде на изделие, размещённое в просторном отцовском гараже, никак нельзя было предположить, каким сложным и развитым было его устройство! Демир верил в себя: машина должна работать. Отец и учитель, участвовавшие в конструировании, строго наказали: первые испытания – только после выпускных экзаменов, обязательно вместе. Демир, отличившись на олимпиаде одного из московских вузов, уже получил право там учиться, и экзамены должен был выдержать лишь формально. Однажды сердце юного изобретателя не выдержало. В один из весенних дней он пригласил Долану и показал машину. Девушка высказала несколько ироничных замечаний касательно истинной пригодности его детища.

Эта насмешка настолько уязвила его, что Демир твёрдо решил подтвердить свою правоту. Испытать одному, потом показать Долане. Поэтому в начале мая, никому не сказав, пришёл в гараж и включил машину, планируя оказаться в прошлом году.

И тут грянула катастрофа. Машину, вероятно, имеющую дефекты в конструкции, удалось остановить, лишь когда она пролетела одно... два... три тысячелетия.

Новый мир оказался даже с человечеством. Попади он во времена динозавров, приключение было бы гораздо опаснее и печальнее. А в этом мире его приняли как живое божество, могучего героя небесного происхождения. По правде, эти почёт и поклонение случились лишь благодаря оружию, которое он захватил с собой на всякий случай. По его подсчётам, Демир здесь уже девять месяцев. И уже месяц, как, поддавшись уговорам Караты-хана, во владениях которого остановилась машина времени, Демир начал

войну против войска Тана-Херела. Что происходит дома – подумать страшно.

Демир рассказал лишь главное, смягчив детали – всё же дети. Они не смогли сдержать разочарования: машина времени сломалась, встала! Она не только путешествовать вперёд или назад во времени не может, но и вообще перестала двигаться с момента посадки.

– К несчастью, когда тормозил, сломалась очень важная деталь двигателя. Здесь её отремонтировать невозможно – печально закончил Демир.

– А где ваша машина, старший? – поинтересовался Тана-Херел. Можно подумать, он сможет отремонтировать.

– В соседнем лесу. Изредка смотрю, пытаюсь наладить, но ничего не получается. Уже понял, что всё зря, – Демир, похоже, потерял надежду.

– Подданные царя слушаются тебя, да? Зачем ты воюешь за них? – спросил Айдаш о том, чего не мог понять.

– Машина остановилась, когда Караты-хан с приближёнными приносил жертву на священной горе. Сначала они напали на меня. Потом увидели действие усыпляющего пистолета и сочли волшебным существом из другого мира, стали поклоняться. У меня не было сил противиться их приёму. А как стал воевать... казалось важным подкрепить их надежды, оправдать их ожидания. Я вроде божество, спустившееся с небес, чтобы помочь им. Не смотрите на меня так, я ни одной человеческой души не погубил, клянусь! – заверял Демир.

– Почему тогда подданные Тана-Херела считают тебя опасным волшебником? Ты и царского коня парализовал – не хотел отставать Айдаш.

– Оружие необычное, имеет особые свойства. Попавшие под его удар на некоторое время лишаются чувств. Придя в себя, они лежат, словно грудные дети, совершенно беспомощные. Но через несколько часов встают здоровыми. Животные тяжелее переносят его действие, чтобы поправиться, им нужно больше времени, собакам, вообще зверью, тоже, но все они исцеляются. Мои защитные доспехи тоже прекрасно работают, люди из этого времени ничего с ними сделать не могут. Получается, я не враг, а миротворец.

– Почему ты так считаешь? – Ангырма не понимала, и Демир объяснил:

– Когда одна сторона побеждает, война заканчивается, восстанавливается мир. Караты-хан победит с моей помощью, покорит эту страну, и война закончится. Ясно?

– Сбудется ли твоё пожелание, старший брат? Не знаешь ты, кому помогаешь, – выразил Тана-Херел сомнение. – Если победит

Караты-хан, на этой земле не будет мирной жизни, в каждый аал придут скорбь и нищета. Кому нужен такой мир?

– Дела правителей одинаковы всегда и везде. Караты-хан потерпит поражение, – и Тана-Херел будет действовать точно так же. Они совершенно одинаковы, эти два царя, – безучастно ответил Демир.

– А ты читал сказку про Тана-Херела? – задал вопрос маленький тёзка царя, и Демир, подумав, ответил:

– Я окончил школу в русском классе, поэтому не читал тувинских сказок. Дедушка мой в детстве рассказывал сказки, но я их не помню. А почему ты спрашиваешь?

– Прочитав эту сказку, задумался бы. Караты-хан хитёр, коварен. Если он победит, то кровь и слёзы польются рекой, он будет грабить людей, а их царя убьёт. Эту войну он начал, напав на слабую страну, а Тана-Херел пришёл на помощь. Подумай, кому ты помогаешь! – воскликнула Ангырма.

– Откуда вы знаете, что за человек Караты-хан? Сказки – это одно, а на самом деле? В реальной жизни? – отбивался Демир.

Дети, защищая Тана-Херела, изо всех сил убеждали Демира, и он, немного подумав, обещал встретиться с Караты-ханом и договориться, на каких условиях будет заключён мир: «Если не согласится, не стану помогать, даже, может, помогу Тана-Херелу. Вдруг на самом деле хороший человек, тогда сотрудничество оправданно» – заключил Демир, и Айдаш и прочие согласились с ним.

КАК ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ?

Самый трудный, самый сложный вопрос относился к ним самим. Сюда они попали двумя разными путями, но теперь оба они закрыты. Раз сломанную машину времени Демира отремонтировать невозможно, дорога через пещеру – последняя надежда. Обсудив ситуацию, договорились завтра встретиться возле пещеры, на том и разошлись в разные стороны. Хотя троих друзей и отпустили по приказу Демира, страшные воины Караты-хана посматривали на них часто и внимательно. Но слово Демира оказалось сильнее, и никто не остановил, не тронул друзей. До юрты Оскюс-оола путь был открыт. Между тем волшебный герой и талантливый изобретатель отправился на переговоры с Караты-ханом.

Оскюс-оол с радостью встретил маленьких друзей, расспрашивал, где они гуляли: в военное время нельзя свободно расхаживать по окрестностям. Оказывается, он был встревожен, как бы они не попали в руки врага, обвиняя себя, что не смог уберечь детей. Без долгих разговоров он сразу же накормил их и напоил чаем с молоком. Дети, сидящие будто в юрте старшего брата, временно отвлеклись

от мыслей о доме и, когда наступили сумерки, разом уснули на разостланных на почётном месте юрты толстых и мягких коврах... Назавтра пришла очередь Оскюс-оола пасти отару. Чабан несколько раз настойчиво повторил детям: «Никуда не ходите, ждите меня, не удаляясь от юрты», сел верхом на своего Мелдер-Доруга и выехал на далёкое пастбище, погоняя овец. А дети, с чувством вины за обман, потихоньку направились в гору. Дойдя до пещеры, они уселись ждать около трёхствольной лиственницы, похожей на вилку. Вскоре подошёл и Демир. Но сколько они ни пробовали открыть каменную дверь в пещеру, всё было тщетно: плоская скала выглядела так, будто с древних времён не открывалась. И посмотришь, и дотронешься ладонью – нет даже самой маленькой трещинки. Тана-Херел, чабанский сын, первым почувствовал тревогу. Он, казалось, услышал подкрадывающиеся шаги, встрепенулся, предчувствуя опасность. «Чужая земля ухабистая», – подумал он, и исподтишка толкнул Демира локтем. И тут же к детям из-за густого караганника метнулись чёрные фигуры.

Демир, которого успел предупредить о надвигающейся опасности Тана-Херел, встал перед детьми, загоразивая их. Выхватив из-за пояса оружие, похожее на игрушечный водяной пистолет, он направил его на нападающих – и всё! Не было выстрела, не запахло порохом, но трое огромных мужчин, уже готовых схватить Демира, упали наземь и растянулись, потеряв сознание. Оружие Демира – и в самом деле надёжная вещь!

– О, да это лучшие лазутчики Караты-хана! Неужели вас подстерегали? Должны были меня если не опасаться, то хотя бы считать союзником. Но они видели меня, и всё равно напали. Почему? – поражённо спросил Демир.

– Нечего удивляться – объяснил Айдаш. – Во-первых, Караты-хан сроду не доверится чужеземцу, скорее постарается подчинить, решит, что не должно быть никого сильнее царя. Во-вторых, может быть, он приказал устроить нападение, чтобы испытать тебя, в-третьих... в-третьих...

– В-третьих, – подхватил Тана-Херел, – когда ты вчера освободил нас, у него появились какие-то подозрения. Если он узнает, что мы сегодня собрались в одном месте, то будет уверен, что у нас заговор.

– И в самом деле, – Демир поддержал их. – Головы ваши ваяют неплохо, по своему возрасту вы просто мудрецы. Караты-хан, должно быть, ещё вчера приказал разведчикам не спускать с нас глаз. Здесь ещё кто-нибудь должен быть, видимо уже бежит к Караты-хану с донесением. Может быть, и разведчики вашего царя за нами следят?

– Не думаю. Его люди, встретившись с нами, были искренни и человечны. Да и предки наши не просто так ведь слагали сказа-

ния, – задумчиво ответил маленький Тана-Херел, намереваясь защитить своего тёзку.

– Как домой хочется! – безучастно сказала Анггырма, и у мальчиков ёкнуло сердце, и горькие мысли вспыхнули, словно яркие языки пламени, разожжённого сухими щепками. Каждый думал о родной земле, находящейся где-то совсем близко, рядом, недостижимо далёкой. У мальчишек защипало в носсах. Анггырма всхлинула.

Тана-Херел грустил сильнее всех, и, укоряя себя: «Зачем я потащил друзей на эту скалу, почему не запретил им лезть в пещеру, каким безответственным оказался я, местный человек, хозяин», прятал глаза от плачущей девочки. Анггырма, успокоившись, подняла заплаканные глаза и, будто говоря: «Ты наш старший», задавала прямой вопрос Демиру:

– Как мы вернёмся? Что теперь делать, старший брат?

Демир медлил. Но, думая взбодрить друзей, прибавив голосу уверенности, наконец ответил:

– Всё образуется, младшие. Обязательно найдём выход. Мы откроем вход в эту пещеру или я постараюсь завести железного коня. Нет на свете ничего неподвластного разуму.

– А если не сможем, что тогда? Теперь уже нападают на нас, мы на грани гибели, – теперь сеял панику Айдаш, и Демир дал ответ, которого никто не ждал:

– Да не бойтесь, нормально всё. Человеческое дитя где только не бывает. Что раскисли-то? Если не найдём способа вернуться, останемся здесь насовсем, жить будем. Придётся привыкнуть к этой земле, к этому народу и жить дальше. Жил же я здесь почти год. Иначе что делать?

– Нет-нет, не останусь в чужой стране, не смогу без родителей, без моей земли, – Анггырма снова всхлинула.

– Придётся остаться до возможности вернуться, – сказал Тана-Херел. – Но теперь нам лучше всё время быть вместе. Брат Демир, не возвращайся к Караты-хану. Раз уж начали следить – не отстанут. Тёмной ночью, когда заснёшь, натворят что-нибудь ужасное. Подумай о нас – что мы без тебя будем делать? – встрял в разговор Тана-Херел, высказав действительно умное предположение.

– А люди Тана-Херела не нападут на меня? – недоверчиво спросил Демир.

– Нам больше некуда идти. Как выживем без еды и крыши над головой? Подданные Тана-Херела надежнее, – Айдаш тоже принял участие в разговоре. – Лучше нам надеяться на брата Оскюс-оола.

– Ваш Оскюс-оол такой же парень, как и я. Ровным счётом ничего не решает, – убеждённо сказал Демир, из чего стало ясно, что он не хочет идти в лагерь Тана-Херела.

Тана-Херел, задумавшись: «Может, и правда нам не ходить ни к

одному, ни к другому царю?», хотел было посоветоваться с друзьями, но прискакали всадники. Это была группа воинов во главе с Аксагалдай-Сайын-хавырчы. С ними приехал и Оскюс-оол...

ГОСТИ ПОТЕРЯЛИ ДОВЕРИЕ

Примерно через час четверо гостей сказочной страны под конвоем прибыли в большой дворец Тана-Херела, и хан со своими советниками встретили путешественников. Конечно, всё дело было в Демире, и многие поглядывали на него косо, считая врагом. Видно было, что его побаиваются и не доверяют ему. Друзья оправдывались как могли, объясняя, что Демир помогал Караты-хану, не разобравшись в ситуации, и никого не убивал. «Если он воевал против вас по своему желанию, почему не стал сопротивляться Аксагалдай-Сайын-хавырчы и его людям? Зачем он пришёл сюда?» – этим доводом они закончили речь. Поскольку Даш-Хурен выздоровел и мирно пасся в степи, хан был не сильно рассержен на Демира и даже, защищая его перед своими подданными, сказал: «Если ты разочарован в Караты-хане – возвращайся домой, мы тебя проводим. Отныне будем дружить». Демир, немного подумав, согласился, с оговоркой: «Пусть дети едут со мной, мы земляки», чем немало удивил царя.

– Странно, если вы приехали вместе, почему оказались в разных станах, почему дети не говорили о тебе? – высказал свои сомнения Аксагалдай-Сайын-хавырчы. Разговор опять приобрёл грозные нотки.

– Оказавшись на чужой земле, мы решили быть осторожными и договорились вести себя как незнакомцы. Сначала шли вместе, затем поняли, что ваша страна объята войной, и решили понять её причины. Мы разделились и пошли в разведку, Демир к Караты-хану, мы – к вам, – объяснял Тана-Херел.

Да, стоит лишь один раз сказать неправду, как теряется порядок и лад, а ложь следует за ложью... Особенно неудобно было перед Оскюс-оолом. Но как теперь отвертеться от подозрений, и в спокойной обстановке найти дорогу домой?

Хотя и с большим сомнением, царь сказал:

– Отдыхайте. Мы подумаем и завтра вынесем справедливое решение.

Их отпустили. Придя в юрту Оскюс-оола, вторую половину дня провели, раздумывая и совещаясь. Но так и не пришли к единому мнению, решив, что завтра опять пойдут к той горе. Стемнело, и они легли спать.

Ночь сказочного мира чересчур темна, и луна светит тускло. Куда им идти теперь, ведь нет даже спичек. Придётся действовать

с рассветом. Что они скажут завтра царю, если дверь в пещеру не откроется и они встретятся вновь? Как ни судили, ни рядили, каждому было ясно, что от скалы удаляться нельзя. Так и лежали, охваченные безрадостными мыслями, и постепенно уснули.

Тана-Херелу приснился удивительный сон: будто он, сам ставший царём, правит сказочным государством, заботится о подданных, ведёт войну с завоевателями, преодолевая все трудности. И вот он должен выйти на большую битву, чтобы окончательно уничтожить коварного Караты-хана. Он провёл переговоры и взял в союзники могучего героя, и вера его в высоту своего духа укрепилась. В этом же сне он превратился из царя в ученика...

И тут его разбудили, дёрнув за руку. Мальчик выпрыгнул из сна и, испуганный, стал всматриваться в сумерки юрты: кто тут? Но различил лишь смутные очертания человека. Послышался тихий голос Оскюс-оола:

– Быстрее просыпайся, быстрее буди друзей, младший брат. Я только что пришёл от дворца хана, где мне удалось тихонько подслушать его разговор с советниками. Они советовались, что делать с вами. Знай же, вы в опасности.

Тана-Херел, встревожившись, тормоша Демира, шёпотом спросил:

– Какое решение приняли? Что с нами сделают?

Оскюс-оол, когда все проснулись, без утайки рассказал о том, что слышал.

Спор во дворце был продолжительным и жарким. Близкие друзья царя: сын Мага Торе-шынар бег и сын Гадателя Бели-шынар бег доказывали, что Демир – не человек, а демон. Многие поверили им. Царь измучился и колебался. Один раз склонился было к мнению шаманов, которые говорили, что надо разведчиков арестовать и допросить, а демона уничтожить, пока он спит. Потом всё же решил: «Нет, мы не причиним вреда детям». Но издал приказ завтра же утром, пусть и силой, выслать их в далёкую страну на берегу моря Тенгис, откуда, как все подозревали, прибыли путешественники. Для исполнения приказа решено было отправить десять сильных и опытных слуг во главе с Улуг-Сарыг моге. Завтра утром они, схватив спящих гостей, сразу же отправятся в дорогу. Дорога к морю Тенгис займёт более месяца и очень трудна, – так слышал Оскюс-оол.

– Вам нужно опередить их, и бежать из аала – закончил говорить Оскюс-оол. – Я верю: вы никакие не разведчики. У вас нет злого умысла против нашего славного царя, нашего народа. Герой Демир тоже, наверное, сражался против нас по неведению. Караты-хан – хитрый демон, он любого вокруг пальца обведёт. К тому же ваш старший, обладая такой волшебной силой, такими возможностями, не оборвал ни одной драгоценной жизни, никому не на-

нёс большого вреда. Теперь вы должны возвратиться в свои земли. Ведь побережье Тенгисского моря не ваша земля, младшие мои?

Слова заботливого Оскюс-оола тронули друзей до глубины души. Да, пришло время возвращаться, срочно бежать, иначе слуги во главе с Узун-Сарыг моге увезут их с собой, и как они потом вернутся к пещере? Как найдут дорогу домой? Нет, нельзя удаляться из окрестностей Алдын-Булака и Арзайты! Сказать легко, а как сделать?

Тана-Херел, Ангырма, Айдаш и Демир подумали, что сражаться, используя оружие Демира против добрых хозяев, они не будут. Что же делать?

БЕГСТВО ИЗ СКАЗОЧНОЙ СТРАНЫ

– Раз воины придут рано утром, нам лучше бежать прямо сейчас. Как мы найдём дорогу в кромешной темноте? Вот беда, – пригорюнился Демир, а Оскюс-оол задал встречный вопрос:

– Куда нужно идти? Я провожу вас.

– В гору, где впервые встретились, – решительно ответил Тана-Херел.

– Тогда сделаем так, слушайте внимательно, – сказал Оскюс-оол, – вокруг юрты – двое охранников, вокруг стойбища тоже охранники. Ничего, младшие мои, я проведу вас мимо них. Только будьте осторожны, старайтесь не шуметь. Часть пути нужно будет ползти. В некоторых местах – сидеть в засаде, ждать, когда уйдут наши сторожа. – Чуть приоткрыв полог юрты, он высунул голову, огляделся, прислушался и шепнул:

– За мной по одному, только без шума.

Неизвестно как долго они шли, таились и ползли, но перед рассветом оказались у подножия знакомой горы. Ангырма на ходу споткнулась обо что-то и, наклонившись, увидела знакомый посох. Девочка, подобрав полезную вещицу, пошла дальше. Показалась скала с пещерой. Теперь они должны были, простившись, отпустить Оскюс-оола. Если люди в аале что-то заподозрят, горе ему. Старший брат с доброй душой, житель сказочной страны, который хочет стать сказителем, обнял младших, прижимая к груди, и понюхал их головы. Потом взял в свои привычные к тяжёлой работе сильные ладони руку, протянутую Демиром, почти ровесником, и сказал:

– Я продолжу песню о царе Тана-Хереле, сочиню новую часть, и вас туда включу, мои младшие. Как можно, чтобы имя героя Демира было забыто. Возможно, и вы когда-нибудь услышите мою песню. Благополучно возвращайтесь на свою родину, растите в радости, живите богато и счастливо, не забывайте старшего брата. Если когда-нибудь вспомните добром, и будете скучать обо мне,

возвращайтесь, навестите мою чёрную юрту. С миром, младшие, я вас никогда не забуду! – попрощался Оскюс-оол. И исчез в предрасветной степи...

Солнце наконец-то осветило землю, первые лучи зари расцвели вершины гор и верхушки деревьев, щедро окрасили необъятную степь. Четыре путешественника воочию увидели: как и в их мире, в этом рассвет – самое прекрасное, удивительное время суток. Но не было времени восторгаться волшебной картиной. Они были у входа в пещеру, и, пытаясь войти в неё, толкали дверь, били ногами, ощупывали руками – нет и намёка, что она может открыться! «Как вернуться домой? Где обратная дорога?» – с каждой секундой страх всё больше овладевал ими. Тана-Херел начал напряжённо вспоминать всё, что было перед приходом сюда, на той стороне пещеры...

Да, когда вошли в пещеру, ход был закрыт. Потом показалась плоская, похожая на дверь скала, захотелось её открыть, и он сам каким-то образом её открыл. Как? Подожди-ка. Просто толкнул, ничего не произошло, скала не шелохнулась. Потом сказал какие-то слова. Вот-вот, волшебные слова. Не в них ли всё дело? Что было сказано? Он некоторое время вспоминал эти слова, может быть, сохранившиеся на дне памяти. И они, – о чудо! – выплыли: «Откройся-откройся! Раскройся настезь!». Он с радостью повторил их и изо всех сил толкнул скалу. Но где уж там – скала не шелохнулась. Вот беда!

– Посох! – раздался тоненький крик.

Тана-Херел вздрогнув, посмотрел на Ангырму, она указала на посох в своей руке. Вот тут-то в голове мальчика щёлкнуло: на той стороне, перед тем как открыть скалу-дверь, он, играя, ударил её посохом и выкрикнул эти слова, случайно пришедшие на ум.

Мальчик, взяв посох, тщательно осмотрел его. Посох и правда не был похож на обычную деревянную палку. И как они раньше этого не замечали. В самом деле, тяжеловат (и как Ангырма сумела дотащить его сюда?), а на рукояти выцарапаны линии, напоминающие буквы неведомого алфавита. Очень странный посох. И Тана-Херел, крепко взяв в правую руку посох, обладающий какой-то тайной, ударяя скалу-дверь, повторил волшебные слова: «Откройся-откройся, раскройся настезь!». И сразу же поднялась пыль, что-то скрипнуло, а плоская скала зашевелилась и беззвучно открылась! Обрадованный мальчик, опережая друзей, первым заскочил в ход пещеры – дорога домой открыта! Скала-дверь закрылась за ними.

– Попробуем открыть обратно, – сказал Демир и, взяв посох из рук Тана-Херела, снова ударил по скале, выкликнув слова, теперь крепко-накрепко запечатлевшиеся в памяти всех четверых, – по-светлело, показалась сказочная страна.

– Быстрее домой, мальчики! – торопила Ангырма.

– Дома, наверное, все с ума сошли от беспокойства, – поддержал её Тана-Херел.

Внезапно Демир заупрямился:

– Вы идите, братья-сестрёнка, я здесь останусь завершить одно дело. Я догоню вас. С посохом открыть и закрыть вход в пещеру – одна минута.

– Что ещё за дело, старший брат? Как мы оставим тебя одного? Расскажи нам? – заботливо спросил Айдаш.

Тот начал говорить: Демир испытывал чувство вины перед ханом Тана-Херелом, и хотел забрать из сказочного государства спрятанное оружие, которое выбрасывало усыпляющее вещество и процессор – мозг машины времени. Мальчики предложили пойти с ним, но Демир наотрез отказался. Не оставлять же друга. Договорились ждать в пещере. К тому же подумали, что другая сторона пещеры тоже, скорее всего, закрыта, а открыть дверь без посоха невозможно.

Непонятно, сколько прошло времени, и друзья поняли, как тяжело ждать человека. Отчаявшись, были уже готовы вновь выйти в сказочную страну, но открылась дверь и вбежал Демир. Он обернулся и посохом прогнал человека, пытавшегося войти с ним. Вход закрылся.

– Ну, скорее, младшие! Все дела улажены, – проговорил, отдуваясь, довольный паренёк, спасшийся от погони.

За дверью его преследователи яростно били по скале. Но, поскольку они не знали ни про посох, ни про волшебные слова, сделать ничего не смогли.

Медленно передвигаясь в полумраке прохода (они так и не поняли, откуда шёл приглушённый свет), Демир рассказывал младшим друзьям о последних приключениях. Перед тем, как идти к стану Караты-хана, он направился к машине времени, и попал в засаду. Делать нечего, пришлось усыпить нападавших. Забрав процессор, он пришёл к стану и захватил с собой спрятанное оружие. И там пришлось усыпить дозорных. Но остаться незамеченным не удалось. Началась паника и, убегая, он – вот незадача! – выронил пистолет. Но это случилось рядом с пещерой, и ему удалось уйти. Преследователи остереглись приблизиться к нему, поскольку не заметили, как Демир выронил оружие. Только один храбрец нашёлся, без страха рванувшийся прямо в пещеру...

Между тем каменный ход закончился, вот дверь выхода. Посох и заклинание и на этот раз безупречно исполнили своё предназначение. Показались знакомый чайлаг, Деспек, река Торгалыг. С чем сравнить их радость! Демир не отставал от них, обнимая друзей. Подумать только, если бы не они, начинающий гений навсегда остался бы в сказочной стране. Не найти более родных людей.

Путешественники, спускаясь по склону, торопились в аал...

СОГЛАШЕНИЕ, ЗАКЛЮЧЁННОЕ В КЫЗЫЛЕ

Прошёл месяц. Четверо путешественников встретились в Кызыле, на даче отца Демира, где стояла его машина времени. Пили чай с вареньем, ели свежие овощи, спокойно поговорили. Вернувшись из сказочной страны, они считали, что провели там двое суток, и боялись, что родные тревожатся, ищут их. Оказалось – только вечереет, и они получили лишь лёгкую взбучку за то, что заигрались и пропустили обед. Сказали, что нашли заблудившегося в тайге человека, показали Демира и даже удостоились похвалы. Паренёк, рвавшийся домой, на завтра же верхом с Тана-Херелом поехал в село. Он, как выяснилось, провёл в сказочной стране не девять месяцев, как он сам считал, а лишь сорок пять дней. Но и это большой срок. Как он объяснялся с родителями, как получил аттестат зрелости – совсем другая история. Ангырма и Айдаш пробыли на чайлаге ещё дней десять, и тоже уехали домой – в Хандагайты и в Кызыл.

Демир перед отъездом пригласил: «Давайте в августе встретимся в Кызыле», и взял слово, что все трое приедут. Тана-Херел, вспомнив о приглашении, когда отец спустился с далёкого чайлага, получил разрешение перед началом учебного года съездить в столицу. Сначала на попутной машине, куда его посадил старший брат Олзей, доехал до Хандагайты. Там нашёл Ангырму, вместе сели с её старшим братом в автобус и помчались в Кызыл.

Сколько можно говорить про приключения и встречи в сказочной стране, постепенно заговорили о том, что особенно занимало всех четверых – о втором путешествии. Новая машина времени Демира почти готова, и, возможно, к следующему лету станет лучше прежнего. Но мама, потерявшая было сына, взяла с него слово: «Отныне никогда никуда без разрешения». Отец увёз домой и запер в сейфе процессор. Да и сам Демир уже не хотел никого подпускать к машине до тех пор, пока не сделает её более надёжной. Это было нелегко, пришлось думать о вещах, о которых раньше он даже не задумывался. Так что надежда лишь на скалу с пещерой на Деспеке и спрятанный Тана-Херелом волшебный посох.

Споры вызвал лишь вопрос о том, в какое время лучше отправиться. Айдаш хотел увидеть вымерших в древние времена животных, динозавров, и не только их. А Тана-Херел всем сердцем хотел вернуться в сказочную страну.

– Что случилось со старшим братом Оскюс-оолом? Почему новая песня, которую он хотел сочинить, не дошла до нашего времени сказкой? Людям ли новая песня не понравилась или что-то случилось? Возможно, брат участвовал в войне и попал в беду. Я очень хочу ещё раз увидеть Оскюс-оола – сказал он.

Демир объяснил им принцип действия машины времени. Дети

многого не поняли, но главное уяснили: машина времени пока не совершенна. Если, делая расчёты, допустить даже маленькую ошибку, время попадания может разниться в сто или даже тысячу лет. Одним словом, попасть в конкретное столетие, год, месяц и день пока невозможно. Хотя в скором будущем это может измениться.

Айдаш, услышав это, предложил:

– Если техника не может, пусть решит волшебный посох. Давайте следующим летом соберёмся в аале Тана-Херела.

Ангырма сомневалась:

– Если даже мы и откроем вход в пещеру, попадём ли в то же самое время, в ту же страну? Встретимся ли с Оскюс-оолом?

Демир поддержал её:

– В самом деле, даже исчисление времени у нас разное. Я тоже хочу узнать, что случилось в стране царя Тана-Херела после нашего отъезда, но уверенно попасть туда практически невозможно.

Как бы то ни было, друзья договорились, никому не рассказывая о первом путешествии, написать о нём и спрятать тетрадь. А в следующем году ещё раз сходить к скале с пещерой и постараться попасть в страну царя Тана-Херела. Если не получится, побывать там, куда на этот раз выведет тайный ход. Только за год надо хорошенько подготовиться, чтобы изучить другое время, сфотографировать людей, животных, растения, записать разговоры, словом, вернуться из сказочной страны не с пустыми руками. А раз так, путешествие должно получиться настоящим.

Заключив соглашение, договорившись, что должен подготовить каждый до следующего лета, четверо друзей, познакомившихся в торгалыгской тайге и сказочной стране, разъехались по домам. Младших ждала школа, Демира – университет. А их жизнь наполнила смыслом новая особая цель – ожидание нового путешествия. Осень, зима и весна пройдут быстро.

СВИДАНИЕ ПОСЛЕ ОХОТЫ

Рассказ

Каган уйгурского эла¹ Моюн-чур, не тревожимый никем, погрузился в глубокие размышления, словно в озёрные воды Тере-Холя...² «Я должен приказать подданным поставить большую стелу и там высечь грозные, проникающие в души слова, свидетельствующие о славе и могуществе. Конечно, о моей славе! Если я оставлю письмена, подобные письменам, высеченным на памятниках кагана тюрков-тюкю Могиляна, прозванного Бильге-Мудрый (о, как обидно, ведь это я, это я – единственный настоящий Бильге-каган!), его воинственного брата Кул-тегина и хитроумного лиса степей Тонукока, то моё имя останется даже после того, как я оторвусь-уйду от жёлтого мира живых, и оно подавит своим величием раздутую, никчёмную славу тех же самых тюрков-тюкю».

Так размышляя, каган долго сидел, пребывая в довольстве, наслаждаясь картинами своей объемлющей дали мечты. Но эту сладостную, непоколебимую, как стоячая вода, мысль-мечту оборвали гораздо более тревожные, страшные, неотвратимые, как каменный обвал, хватающие за горло мысли, предвещающие беду... «Злобные чёрные карлуки, остатки тюрков-тюкю, которых я победил и рассеял, а также ничтожные таёжные племена, обитающие между реками Абы и Кем³, хотят, объединившись, напасть на меня, на моё государство. Каган закогменских племён, где верховодят кыргызы, вот мой опаснейший враг... да, именно он. К тому же называет себя каганом! Когда есть единственный каган – я... как он посмел! Лучше не дать им собраться, уничтожить поодиночке. Надо послать в землю чиков отборную тысячу. Ведь если донесение Тулун-бега, вставшего под мою руку, правдиво, то скоро туда нагрянут летучие отряды хакасов и будут подстрекать чиков на восстание.

Злобные мерзавцы! На моё счастье, нашлись продажные тюркские вожди. Ведь есть, никуда не делись, среди них льстивые собаки, которые, если дашь должность-чин наподобие дархана, шёлк и золото-серебро, прибегут, виляя хвостиками; есть эти волчата, которые будут драться за верховное звание тутука и отбрасывать друг друга, стараясь показать свою преданность мне, на моё счастье. Благодаря таким я узнал про этот заговор. Иначе эти сволочи могли бы, объединившись, усилиться и потревожить мой покой. А на следующий год стоит переправиться через Иртыш и на-

¹ Эл – государство.

² Тере-Хол – озеро в восточной Туве, где была возведена древнеуйгурская крепость Пор-Бажын.

³ Абы и Кем – реки Абакан и Улуг-Хем, Енисей.

казать карлуков. К тому же, говорят, что среди моего народа поднимают головы странные люди, верящие человеку по имени Христос, и распространяют проповеди, поднимают смуту против меня. Да, надо срочно подавить этих людишек, не спускающих с языка Три Святыни, и обдумать всё о нашей вере.

Возможно, некоторые мои советники правильно говорят, что нашу веру в Денгера или же в мирного бога по имени Будда, который призывает быть милосердными, стоит изменить. Что если принять во внимание советы тех, кто говорит, что стоит поклоняться богу Мани?...» По случайному совпадению именно в это время предводитель чикского войска по имени Сайды – мужчина возраста, приближающегося к сорока годам, могучий, с решительным обликом, громким голосом, который с самого детства не слезал с седла и единственной работой и заботой которого было сражаться, – с десятью спутниками перевалив через Когмен⁴, следовал по постепенно расширяющемуся узкому руслу Абы, торопясь на встречу с кыргызским каганом. Поскольку племя кыргыс, выдвинувшее кагана, было самым сильным среди других племён, подчиняющихся своим эльтеберам⁵, главой этого эла всегда был вождь кыргызов, и чикской делегации надо было предстать перед ним.

«Кыргызский дозор, где так часто мелькают воины со светлыми головами и красновато-белыми лицами, уже ускакал, чтобы сообщить кагану о нашем прибытии. Теперь не стоит так торопиться, мы же не звери, загоняемые хищниками; будем не спеша продвигаться к цели, изредка переходя на рысь. Когда гонцы отнесут послание, пусть каган кыргызов спокойно обдумает всё и сам решит, как принять нас...» – с такими соображениями Сайды, возглавляя спутников, степенно спускался в равнину.

Переночевали на берегу реки Авы, или Авыган, впервые после отъезда разложив костёр, а назавтра в длинный полдень приехали в городище на устье Уйбата. Здесь стоял центр хакасского или кыргызского эла, основательно укреплённая крепость Ажо-кагана Ынанчы. Навстречу чикским посланникам выехал представитель кагана по имени Алакет-бег и, отведя их к двум юртам, где они будут отдыхать и жить, доложил, что приём кагана и большие переговоры будут послезавтра, а завтра в тайге состоится охота, к участию в которой чики⁶ тоже приглашаются. Делать нечего, пришлось ждать и принять приглашение.

Когда солнце, словно смущаясь, незаметно начало выглядывать из-за вершин гор, свита кагана числом больше ста человек и гости из Кема и Кемчика большой толпой отправились на место охоты,

⁴ Когмен – старинное название Западных Саян.

⁵ Эльтебер – титул предводителя племени.

⁶ Чики – урянхаетюркское племя, обитавшее в центральной Туве, одни из предков современных тувинцев.

до которого было довольно далеко, и только в малый полдень приехали в какую-то тайгу и разбили временный стан. Урандай, племянник Сайды, который был выращен и воспитан дядей, молодой двадцатилетний парень, с огромным интересом разглядывал новые земли и людей другого народа, особо приглядываясь к оружию кыргызских воинов. Воины в панцирях, с длинными копьями и луками со стрелами, на своих крупных лошадей тоже надевали броню.

«Зачем такое вооружение для охоты? Наверно, хотят показать пришлым гостям свою мощь», – подумал Урандай. Также было много легковооружённых воинов. Внимательно посмотрев на одного воина с тонким станом, оседлавшего лошадь белой масти, Урандай разинул рот: оказалось, что воин не мужчина, а девушка! Как здесь говорят, эпчи. Она не ездил в строю, как другие воины, всё носилась туда-сюда, вела себя своевольно, даже дерзко. Вот она прискакала к Ажо-кагану и обменялась с ним словами, а тому хоть бы что, не сердится, наоборот, улыбается – очень странно!

– Всё смотришь на дочь кагана...

Да, Урандай, и вправду говорят, что она красавица. Старшая дочь Ажо, она выросла наравне с мальчишками, а как владеет мечом и стреляет из лука – ничем не уступает мужчинам, уж не знаю, правду говорят или лгут, но так я слышал, – это Сайды, оказавшись около племянника, выпалил довольно много слов, что было на него не похоже.

– Нет, дядя, просто я думал, что это парень, – Урандай зачем-то оправдывался.

Наступал вечер. Разгар охоты прошёл, настало время собрать добычу, подвести итоги. Несколько человек, погнавшиеся за кабанами, удалившись от основной группы, разредились так, что стали терять друг друга из виду. Среди них был и Урандай. Он всё время держался вблизи той девушки на белой лошади, которой утром заинтересовался, незаметно наблюдая за ней, и, чтобы не терять её из виду, давно отстал от сородичей. И в самом деле, он своими глазами видел всё – и поверил, что она очень удалая, настоящая охотница. Её добыча уже составляла груз нескольких лошадей. Урандай очень старался, чтобы ему, мужчине, не краснеть перед ней, но вряд ли обошёл дочь кагана в охоте.

Девушка краем глаза увидела, как секач с огромными клыками, наверно, не раз попадавший в облаву, не стал выходить на открытое место, а побежал в сторону скалистой вершины лесистой горы. Охотница, давно преследовавшая зверя, помчалась за ним. Когда скакун почти догнал кабана, нашелся другой «охотник» – из-за скал выскочил барс, заметивший секача. Хищник также заметил несущегося всадника. Всегда осмотрительный, боящийся людей, он, не желая отдавать добычу, что сама просилась к нему в рот, не убегая и

озлобляясь, зашёлся хрипом в мощной груди. Кабан, увидев барса, оборотился и от безысходности понёсся на лошадь. Аялза (так звали девушку) метко метнула копьё ему в загривок.

Раненный зверь, собрав последние силы, стремился раскроить клыками грудь лошади. Аялза, соскочив на землю, взяла меч. Когда кабан бросился на неё, она направила оружие ему в грудь, и секач, с разбега напоровшись на остриё, наконец-то упал и испустил дух. Девушка, заподозрив неладное, быстро взглянула на скалу и, будучи не трусливой, вскрикнула: похожий на огромного кота барс, хищник пострашнее лежащей добычи, стремительно нападал. Он был быстр; глаза, что красные угли, рот весь скалился зубами. Меч девушки был на груди кабана, подмявшего его под собой, и не было времени вытащить, а копьё сломалось, колчан со стрелами опустел.

Решив – будь что будет, вытащив нож, последнее оружие, она встала, всматриваясь в приблизившегося хищника. Лошадь её тревожно заржала. Издалека наблюдавший за всем этим Урандай, мгновенно привстав на стременах, заклиная, выпустил стрелу с железным наконечником из своего тугого лука. Барс, готовый вцепиться в горло человека, который отобрал его добычу, на расстоянии последнего прыжка от девушки внезапно упал навзничь, и его конечности задёргались на каменистой почве. Остолбеневшая было девушка, сразу же очнувшись, выхватила меч и решительно добила зверя. То ли от сильного замаха, то ли от всех тревог Аялза, тут же присев, хотела быстро вскочить, но не смогла. Урандай, ловко соскочив с седла, протянул руку девушке; в его широкую, жёсткую ладонь нырнула девичья рука, хоть и знающая рукоять меча. И ему так не хотелось отпускать эту руку...

В это мгновение взгляды двух молодых людей встретились. Гордая девушка, привыкшая к поклонению, всё же первой отвела взор. Так началось их знакомство... Спустя пять дней чикские посланники, устроив свои дела, отправились домой. Они теперь возвращались не одни, а с сотней хакасских воинов. Они были подтверждением договора с кыргызским каганом о совместной борьбе с уйгурами и первым летучим отрядом хакасов, имеющих целью поднять восстание чиков. Перед тем как союзники, почти перевалившие за Когмен, уже взошли на последний большой перевал, после которого вступили бы на родную землю, вождь Сайды, медленно подъехав к племяннику Урандаю, который за всю дорогу не выдал из себя ни слова, будто самец верблюда ударил ему в рот, строгим тоном сказал ему:

– Слушай меня. Ты мужчина, ты удалой воин, ты будущий глава нашего рода, который сменит меня. Выбрось из души грустные мысли о той девушке. Думай о борьбе за лучшую долю, за право свободно жить, о соперничестве с неприятелями. Каган никогда не отдаст единственную дочь нам в невестки. Мы – племя, побеждён-

ное уйгурами... и просящее о помощи, находимся на ступени ниже, чем та, на которой находится Ажо. Таково наше сегодняшнее состояние. Если мы посватали хотя бы дочь Алакет-бега – возможно, отдадут, ведь её мать из рода соян, почти родня нам, чикам. А мысль Ажо-кагана простирается далеко, и не зря он поддерживает нас, с умыслом. Он хочет границы своего государства перенести южнее озера Успа, в долину реки Орхон, и установить прямые связи с табгачами⁷. А нас Ажо использует в нужное время, а потом, может, сделает своими данниками-кыштымами. Так что будем же умнее, осмотрительнее, Урандай.

Племянник, прямо посмотрев на Сайды, крепко сжав рукоять меча, решительно ответил:

– Понял, дядя.

Разговор на этом вроде завершился. Но не знал дядя, что руки молодца не забыли волшебное тепло гибких пальцев Аялзы, а его неприрученное сердце буйным костром горело на соблазнительном огне чёрных глаз девушки, которые, прямо посмотрев, замигали и отвернулись. Между тем подул холодный ветер, а кони, изгибаясь под тяжестью хозяев и их поклажи, еле поднялись на перевал. Теперь осталось держать путь на Кемчикскую⁸ долину, только домой...

Урандай и Аялза после охоты ещё раз свиделись вдвоём в безлюдном месте. Они очень старались увидеться тайно, но всевидящие глаза с обеих сторон ни одного их шага не пропустили. Вот почему Сайды так говорил с племянником. Он был муж бдительный, подозревающий всех и вся, искушённый, и, узнав про ту встречу, был вынужден открыть глаза Урандаю, объяснить действительное положение вещей. «К чёрту всё это, как нам посвататься к Ажо-кагану, только потерпим унижение...

Одна встреча с течением времени забудется, останется позади. Мой племянник пусть женится на другой. Разве оскудели красавицами туматы, сояны или иргиты⁹, устройте смотр, выберу одну из них и сосватаю, ведь и в самом деле мужчина должен иметь потомство, вот какой я глупец, что раньше об этом не подумал...» – с такими думами ехал Сайды после недавнего разговора. А когда кагану доложили о той встрече, он, выражая крайнее недовольство, распорядился:

– Дочь мою сейчас же отправьте в другой стан, не давайте ей больше встречаться с чикским парнем. Никто не знал, что Ажо насчёт дочери имел одну крылатую мечту, которая в мыслях улетала за видимые глазом хребты и реки, а потом ещё дальше, за другой край Великой степи.

⁷ Табгачи – так называли в то время северных китайцев династии Тан.

⁸ Кемчик – река в западной Туве, наиболее крупный приток Улуг-Хема.

⁹ Туматы, сояны, иргиты – урянхайские племена.

А вот какая дума сверлила душу Ынанчы, колола его печень. Он хотел, победив уйгуров, довести пределы своего зла до Тана¹⁰ и, не питая пустых мечтаний, завоевать это могучее, кишашщее населением государство, договориться с ним о добрососедских отношениях, обмене послами, о взаимовыгодном устройстве мира – чтобы разделить подвластные территории, страны, зависимые народы-племена, не мешая друг другу. Вот чего он хотел добиться. Один из удобных способов налаживания связей он видел в своей дочери. Пусть не сын, не наследник, но она должна послужить замыслам отца. Ближайшей большой целью Ажо-кагана было отправить её с посольством в Поднебесную и выдать замуж за одного из влиятельных принцев Танской династии. А в ответ он хотел получить в жёны одну из многочисленных принцесс – для себя или для сына. (Как же Ажо-каган будет хуже Моюнчура, женившегося на китайской принцессе!) Поэтому нельзя подпускать никого к Аялзе, ни один мужчина не должен её касаться! А этот молодой воин, хотя и родом из чикских бегов, разве может равняться с его дочерью?!

– Пока я не разгневался и не приказал отрубить голову ничтожного чикского посланника вместе с шапкой, пусть убирается восвояси и, даже сам не понимая, поможет осуществлению хотя бы частицы моего великого дела, но пусть не посмеет помешать моей конечной цели, связанной с дочерью!..

Урандай, не имея возможности даже предвидеть всё это, унёсся прямо в небо естественным молодым порывом души, заинтересовавшись той девушкой. Зажглось всё от взглядов. Разговаривать, общаться им было совсем не трудно, друг друга понимали легко. После того как расправились с кабаном и барсом, успели только обменяться несколькими словами, узнать имена. Сразу же примчались обеспокоенные охотники, телохранители кагана и помешали общению. Но парень успел, осмелев, спросить:

– Можем ли там, в крепости, вечером встретиться? Девушка, улыбнувшись уголками губ, тихо, но внятно ответила:

– Когда взойдёт Шолбан¹¹, буду в лесочке за холмом, что напротив главных ворот.

И в самом деле, молодые встретились там, в условном месте, оставив лошадей, тихо выскользнув из крепости. Там, в лунную ночь, быстро научившись смотреть друг другу в глаза, свободно, от души поговорили. Девушка была очарована чикским парнем, иначе этому свиданию не бывать. О том, что дочь главы эла-государства должна иметь отличные от других манеры, она много слышала от воспитателей, да и сама думала о том, как себя нужно вести, знала правила приличия. Но на этот раз, в этот тихий вечер Аялза была

¹⁰ Тан – название могучей китайской империи.

¹¹ Шолбан – Венера.

сама не своя: сотворила себе свидание (а как эту первую встречу ещё можно назвать?) с парнем, которого видела только раз, да ещё и чужеземцем! Но не смогла сопротивляться желанию, совсем недавно появившемуся в душе.

Поскольку и у парня, и у девушки не было возможности полностью распоряжаться собой, поступать по своей воле, встреча оказалась короткой и длилась столько времени, за сколько можно было дважды вскипятить чай. Прощаясь, парень вручил девушке только что расцветший бубенчик цветка сараны и во второй раз, лаская, погладил её гибкие пальчики. Сильнейшее притяжение, подобное удару молнии, снова сотрясло их, и в последний раз без стыда встретившиеся взгляды сказали о многом. И никто не знал, что будет дальше, только затаившаяся надежда, что благодаря заступничеству Неба и матери-богини Умай всё может уладиться, что посчастливится судьбам сплестись в один узел – освещала и согревала души.

После того как чикские посланники прибыли в родную землю, на берега Кема, тихо разгоравшаяся борьба против уйгуров вспыхнула открытым пламенем. Несколько племён, объединив усилия и договорившись, напали на укреплённый стан уйгурского войска в Чаа-Холе¹². Но странно, что враг, будто заранее зная об этом, встретил союзников полностью подготовленным и отразил нападение. Из-за множества потерь повстанцы, возглавляемые чиками, вынужденно отступили и разбежались. Во время сражения Сайды был смертельно ранен. Когда долго вытаскивали железное остриё стрелы, впившейся в правый бок, пролилось много крови. Потом рана, воспалившись, загноилась, и старик-травник, лечивший Сайды, при виде его близких стал только качать головой, ничего не говоря. В одно утро дядя, вызвав племянника, с усилием выталкивая слова, дал последний наказ:

– Среди нас есть предатель... Остерегайтесь Тулуна, наверно, он предал нас... Пока особенно не надейтесь на помощь Ажо-кагана... А в будущем, в единой связке, объединив усилия, думайте, как жить свободно, не подчиняясь никому... вот наказ, племянник...

Говоря так, Сайды закрыл глаза и заснул долгим сном. Когда не стало дяди, который вырастил его, заменив отца, павшего в схватке с уйгурами, Урандай, хотя и был объят сильным горем, став вождём племени, поклялся Небу-Денгеру, земле-танды, а также себе исполнить наказы дяди. По обычаю, согласно славным делам и званию, похоронили Сайды; поставили на могиле камень-стелу, придумали поминальные слова и нашли искусного резчика, который сразу же начал работу. Тогда пришло время Урандаю думать о делах близких и дальних...

¹² Чаа-Холь – название местности в северо-западной Туве, ныне один из районов Тувы, когда-то здесь был своеобразный центр Тувы, перекрёсток дорог.

Между тем пришла весть, что очередная летучая группа хакасов, перевалив Когмен, на беду свою попала в засаду, окружённая на узком месте между Кемом и Кемчиком. Чикский гонец с вестью: «Спасите наши жизни, мы в тяжёлом положении», – во весь опор прискакал к Урандаю рано утром. Тот же гонец сказал ему:

– У меня есть ещё письмо, только для вас.

Молодой вождь знал множество писем, высеченных на скалах, стелах, но никогда не получал посланий, адресованных лично ему. Когда гонец вытащил из-за пазухи и сунул ему письмо, нацарапанное остриём ножа на берёзовой коре, Урандай степенно, будто ничего особого не произошло, взял и легко прочитал написанное. Ничего удивительного, ведь многие чики знали грамоту, а Урандаю дядя ещё в детстве открыл тайну непонятных знаков.

Прочитав, вождь чиков еле сдержал крик – оказалось, Аялза находилась здесь, среди перевалившего к Кемчику и окруженного небольшого хакасского войска! В письме было мало слов, смысл их заключался в следующем: знай же, что это я, Аялза, хотела встретиться, поэтому нахожусь тут. Урандай сразу же начал действовать. Он собрал всех воинов, которые были поблизости, отправил гонцов к сородичам в дальних стойбищах с зовом о помощи и в малый полдень выехал во главе войска.

В полдень дозорные Урандая столкнулись с дозорными уйгурского войска. Они подошли вплотную к главным силам уйгуров и стали изучать, откуда удобнее прорвать их строй. И сразу же стало ясно, что осуществить это крайне сложно. Враг засел на высокой горе, и напасть на него и хакасам, окружённым в теснине, и чикам, вставшим на плоскогорье, нелегко. Разведчики донесли, что сюда следует другая воинская группа уйгуров. Если замешкаться, то немногочисленные чики сами неизбежно попадут в окружение. Единственный способ – с ходу протаранить их оборону! Бить врага до панического бегства!..

Но сказать-то легко, а исполнить и тяжело, и опасно. Увидев малочисленность напавших чиков, уйгуры, привычные сражаться, не дрогнув, наоборот, воспрянут духом...

Но делать нечего, решили идти в прорыв. По договорённости, отправленной самими хакасами в письме, передали им дымовую весточку, поджигая костёр на противоположной горе. Узнав о приходе помощи, хакасы должны были вступить в битву. Пронзительно зазвенели холодные клинки, грозно засвистели окрылённые смертью стрелы, от утёсов и прибрежных скал отражались горестным эхом крики и стоны, – так в самый жар большого полдня разразилась суровая битва. Ни одна стрела Урандая не пролетела мимо цели, рука с мечом не уставала разить, но сам он старался беречь себя – не хотел пасть раньше времени, не увидев любимую.

Воины, видевшие, как их вождь рьяно бьётся, хотя и было их

мало, теснили многочисленных уйгуров, готовые вот-вот взойти на гору. Не знал Урандай, что тем временем в хакасском стане открылась тайна Аялзы. Вновь пришедший летучий отряд возглавлял сам Алакет-бег. Его главной целью было не воевать во главе маленького отряда, а по специальному поручению кагана объединить действия разрозненных родственных племён, живущих на Кеме и Кемчике, а также на берегах Успа-Холя и Копсе-Холя¹³, на склонах хребтов Саян, Танды и в других местах, создать могучий, способный на решительные действия союз и подготовить нападение на уйгуров с двух сторон. Не ограничиваясь редкими, почти безрезультативными столкновениями, разжечь огонь настоящей войны, чтоб разбить уйгуров: нужно уничтожить сопротивляющихся, а остальных разогнать, рассеять.

Даже не начав выполнять сложное задание Ажо-кагана, Алакет-бег попал в засаду. Поняв, что находится на грани уничтожения, он, чтобы передать срочную весть союзникам, нашёл местного гонца из чиков, который заверил, что один сможет выбраться из кольца окружения, и отправил его. Будучи наблюдательным, Алакет-бег увидел, что перед отъездом гонца один из его людей встретился с ним и, передав что-то плоское, обёрнутое в ткань, обменялся какими-то словами. «Что всё это значит, и что он сунул гонцу, не уйгурский ли это шпион, состоящий в заговоре с тем чиком? Но как такое может быть, ведь привели сюда самых проверенных... Схватить ли гонца прямо сейчас или довериться ему? Даже если не поверим, что из того, не в нём ли наш последний шанс, ведь сами мы отсюда ни за что не выберемся...»

Так мучился он, весь в сомнениях, не зная, что и предпринять, а гонец исчез, будто протиснулся в трещину на скале. Придя к заключению, что надо следить за тем подозрительным воином, Алакет-бег вдруг понял, что ничего о нём не знает. Поспрашивал у других, только один воин вспомнил: прямо перед отправкой заболел сагаец Эдил, вот он его и заменил. После этого подозрение Алакета усилилось, и он вместе с двумя воинами позвал в сторону того мутного, как поток после ливня, воина.

– Ты кто? Не скрывай правду, мы знаем, что ты шпион, а гонца, с которым ты был в сговоре, мы поймали, и он признался.

На эти грозные обвинения воин, ничуть не смущаясь, спокойно давал ответы. После истечения некоторого времени, так и не добившись признания, Алакет-бег приказал бить его плетьюми. Тогда случилось неожиданное. Воины уже начали снимать доспехи с «предателя», когда тот, посмотрев прямо в глаза бега, негромко, но внятно сказал:

¹³ Упса-Хол и Копсе-Хол (озёра Убса-Нур и Хубсугул в Монголии) – крупные озёра в Центральной Азии, в то время принадлежавшие тюркоязычным племенам – предкам современных тувинцев.

– Давай поговорим с глазу на глаз. Прикажи освободить меня, иначе потом сам очень пожалеешь, за проступок свой ответишь по полной.

Всмотревшись в чёрные, полыхающие ровным пламенем глаза молодого парня, то ли от тайной догадки, то ли от раскованного, вольного поведения воина, Алакет-бег, и сам не зная отчего, уступив ему, пошёл за большую скалу поговорить с ним.

– Ну что? В чём хочешь признаться? Говори правду.

– Да, кажется, пришло время быть правдивым. Вы не узнали меня – Аялза я, дочь кагана. Сказав так, воин, казавшийся мужчиной, снял шлем, и бег наконец-то узнал дочь своего кагана. «Что за дела? Как я раньше не заметил. Беда, беда, как же так, когда наши жизни вот-вот оборвутся, узнать такое. Теперь буду думать не только о том, как самому спастись, главное теперь – как её спасти, ну что за судьба у меня...» – мысли Алакет-бега, как горный обвал, с грохотом срывались вниз. И в тот самый момент прибежал воин, который увидел дым сигнального костра, о котором условились с чикским гонцом. Некогда стало вести разговоры, надо было срочно действовать.

Алакет, чтобы не упускать Аялзу из виду, наказал ей: «Будешь рядом со мной», – а сам тайно приказал двум самым сильным своим воинам беречь её как зеницу ока. Потом, удостоверившись, что чики напали на врага, отдал приказ своим воинам начать прорыв окружения. Попав в засаду после тяжёлой дороги, хакасы провели в окружении два дня и ночь, но у воинов боевой дух вовсе не угас, что сразу же стало ясно. Воодушевлённые приходом союзников, бойцы решительно пошли на штурм горы, где засели уйгуры. И опять зазвучали на узких ущельях Кемчика и Кема громкие звуки битвы, крики, проклятия. Красно-алая кровь убитых и раненных соперников, словно очередная дань неутолимой жажде божества войны, стала поливать покрытую галькой, крупными камнями и невысокой редкой травой горную гряду.

Группа Урандая первой взошла на вершину горы. Молодой вождь чиков, посмотрев на сторону хакасов, увидел, что воины Алакет-бега, храбро сражаясь, опрокидывают уйгуров. Вражеские воины начали терять волю к сопротивлению и, привыкнув сражаться на равнинных местах, собравшись в кучу на склоне, думали, как бы быстрее убежать с этих горных круч.

В то время Урандай, на миг потерявший бдительность, не заметил, как один меткий уйгурский воин, не спуская с него глаз, тщательно прицеливается, и стрела, свистя в полёте, воткнулась в основание шеи удальца. Тяжело раненный, он, ощущая близость смерти, всё ещё не падая, сделал несколько шагов вперёд, наткнувшись на двух убежавших уйгуров. Телохранитель, заметивший ранение Урандая, находился далеко, не успел защитит

вождя. Меч молодого героя сделал последний замах и разрубил одного из уйгуров, но безжалостный меч второго вонзился ему в грудь, и тотчас ясное небо потемнело, сознание покрылось тёмным, неподъёмным покровом, и не было сил даже произнести: «Аялза...». Подбежавший чик заколол уйгура копьём, но душа Урандая уже улетела в небеса, тело же начало остывать. Ещё один великий богатырь чиков, не насытившись матерью-землёй, злом и народом, любимой девушкой, оторвался от мира всего живого, о горе!..

Уйгуры, обходя редкий строй чиков, бежали под гору. У оставшихся в живых чиков и хакасов не было сил преследовать врага – страшные потери обескровили их. Алакет, доверив Аялзу защите своих земляков, отправился к вождю чиков, но выяснилось, что он опоздал. Хакасский бег всмотрелся в побелевшее мёртвое лицо молодого чикского вождя и узнал того воина, что недавно приезжал в их землю-эл.

«Да, ошибки нет, тогда чикских посланников возглавлял Сайды, а это тот самый парень, племянник его. Тот, что встречался с Аялзой и спас её от барса... Алакет, вспомнив ту встречу, встрепенулся.

– Да, помню, после того, как этот воин встречался с Аялзой, каган был сильно разгневан и немедленно отослал дочь в другое место. Теперь дело проясняется. Чересчур упрямая девушка, влюбившаяся в этого парня, захотела его увидеть и тайно перевалила через Когмен. В этом вся причина. И послала ему весточку. И как теперь быть?..»

Между тем, не щадя лошади, на крутой подъём взобрался чикский разведчик. Он доложил:

– Сюда скачет большая группа уйгуров, объединённая с бежавшими, скоро они будут здесь.

У немногочисленных союзников теперь не было возможности противостоять врагу. Времени было в обрез; навьючив на лошадей и положив на волокуши раненых и убитых, надо было поскорее скрыться в тайге, затеряться в густых лесах. Мысли Алакет-бега снова стали скатываться обвалом, рокотать водопадом: «Лучше будет скрыть от Аялзы, что тот парень здесь пал, немедленно ехать домой. Потом вернусь, чтобы исполнить поручение, удача моя в благополучном возвращении дочери кагана – надеюсь, господин простит меня...»

Он стал действовать. С чиками было решено идти в разные стороны. Хакасы зайдут в лес и, запутав следы, выйдут на дорогу, ведущую в родные места, а самые сильные из оставшихся, отвлекая уйгуров, выйдут навстречу им и, немного постреляв из луков, умчатся в таёжные заросли. А чики, увозя раненных и погибших товарищей, в это время уйдут в другую сторону. Решив так, союзники начали делиться на три группы. Алакет-бег вернулся к своим и

приказал срочно готовиться к отходу в тайгу. Тогда Аялза решилась на откровенный разговор:

– Я приехала сюда встретиться с племянником вождя чиков Сайды Урандаем. Вчерашний гонец должен был отнести ему моё письмо, и он должен был приехать с этими чиками. Кажется, он не приехал, а раз так, то я останусь с чиками, возвращусь потом. Услышав это, Алакет чуть не лишился ума, но сдержал себя и, в один миг обдумав всё случившееся, нашёл выход:

– О дочь моего кагана! Сестрѐнка, Аялза, плохая нам выпала доля. Урандай, ради которого ты приехала, три дня назад ушёл из этого мира, бедный, теперь не числится он среди живых. Только что я услышал об этом, гонец, с которым ты говорила, не успел узнать скорбную весть. Вот потому-то и нет его здесь. Что нам остаётся, только крепиться, смириться. Давай вместе уедем, дочка, подумай про папу и про меня, его верного подданного: если я вернусь без тебя, то отец твой рассердится и голову мою возьмёт вместе с шапкой...

Так Алакету удалось уговорить Аялзу, остолбеневшую от внезапно свалившегося глубокого горя, лившую слѐзы ручьѐм. Он усадил её на коня, которого, взяв в свои руки повод, сам повёл. После этого оставшиеся воины отправились в путь. Земля, где недавно закончилась битва, вершина и скалистые склоны горы, её подножие, слившееся с плоскогорьем, окутались тишиной, опустели. Опередившие других птиц коршуны пировали. Сломанные древки копий, стрел и тела уйгуров остались свидетельствовать, что здесь произошло жестокое сражение. Тело Урандая воины увезли, навьючив между двух лошадей, чтобы похоронить, оказав последние почести. Аялза, с воспалѐнными глазами, еле живая, чуть не сваливаясь с седла, ехала за Алакетом.

Свидание молодых так и осталось без продолжения, словно песня, оборванная в один миг. Назавтра хакасский отряд взошёл на последний перевал Когменского хребта и готовился спуститься на северную сторону. Тогда Аялза, обернувшись, в последний раз покрасневшими глазами посмотрела в сторону ущелья Кема и Кемчика. Потом, засунув руку за пазуху и пошарив там, вытащила засохший бутон цветка сараны и, кроша, дунула назад.

– Прощай, мой удалец, приехала в поисках тебя, мечтая о встрече, но только услышала проклятую чѐрную весть о твоей гибели. Отныне моя судьба-дорога станет тропой заблудшего в тѐмных зарослях, ведущей в тупик. Прощай... в будущей жизни, если возродимся, будет ли нам судьба встретиться?..

Алакет-бег вздохнул и потянул повод лошади Аялзы. Остаток хакасского летучего отряда начал спуск к родной долине.

НЕБЕСНЫЙ ТАБУН

Стихотворения

ЮРТА

У подножия хребта Танды –
там, где стебли трав сухих седы,
в той степи бескрайней, где густы
караганниковые кусты –
виден в мареве издалика
купол юрты цвета молока.
Словно грудь земли – щедра, нежна –
схожа с грудью маминой она.
Тёплое гнездо, где – глуп и мал –
запах рода я в себя впитал.

Неумелый лепет первых слов,
гордость первых маленьких шагов
помнит юрты войлочный покров –
помнит первой стрижки холодок,
горечь расставанья, зов дорог.
Там напевы родника чисты,
листья караганника желты,
Сына в юрте ждёт седая мать –
вот приедет, поспешит обнять.
Стыдно маму разочаровать.
Здесь я детством радужным согрет.
Юрты мир хранит меня от бед,
он уже не откочует, нет.
Где б ни странствовал, ни кочевал –
юрта шлёт мне издали сигнал.
Сумерки сгустятся – но всегда,
словно путеводная звезда,
юрта путь подскажет без труда...
Горе мне! Отец покинул кров!
Говорят, что души пастухов,
улетевших глянуть в холода:
целы ли небесные стада –
больше не вернуться никогда.

Юрта папина, меня прости:
не сумею проложить пути,
привязать степного жеребца
к коновязи своего отца...

Сумерки сгущаются опять:
мама и земля устали ждать.

БАЛЛАДА О СКАКУНЕ

Он понимал, что это его последний забег,
и шёл, как на праздник – бывало,
мчался быстрее стрелы
старый скакун, ветру не уступавший вовек,
гордый крылатый потомок Аран-Чулы.

Круг людей расступился. Скакун в ответ
на их приветствия грустно поник головой.
Но, припомнив победы на скачках минувших лет,
загарцевал перед праздничной толпой.

Без хозяина праздник коню ни к чему,
но сегодня хозяин, похоже, лишился сил –
он, как к давнему другу, сына подвёл к нему.
«Не подведи!» – доверчиво попросил.

Вот собрались наездники в поле пустом
и отпустили поводья. Скакун воскрес!
Из-под копыт вырывается пыль столбом,
ибо земная пыль – опора небес.

Грива как флаг по ветру пластается. Воздух сух
и горяч. Скакун летит, не касаясь земли.
Кажется: в скачке ожил древних шаманов дух.
Благословенье даря, бубны рокочут вдали.

Вот-вот и сердце не выдержит – вырвется из груди,
чтоб налегке отправиться в сумасшедший полёт.
Обгоняя соперников, он летит впереди!
Травы степные пахнут крепче, чем конский пот.

Но заходится сердце, и дышать всё трудней:
бешеный воздух скачки ноздри ожёг.
За спиною он слышит хрип разъярённых коней.
Осталось совсем немного. Последний рывок.

Он победил! Он останется непобедим!
Но подкосились ноги – больше он встать не смог.
К нему подходили люди, один за другим,
молча склоняли головы, глаза отводили вбок.

А он, затихая, видел: там, где солнце в зенит
восходит, где вечного неба бескрайня голубизна –
вновь в нескончаемой скачке он первым мчит
и продолжает бег небесного табуна.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ О СНЕГЕ

1.

Пуще клятв запомнился миг
в этой комнате, где постиг
озарение. Я тогда
думал: так и будет всегда.
А назавтра – в полёт. И мне
в тридевятой дальней стране
восхищался друг невпопад:
– Здесь чудесный был снегопад!
Сад, весь в белом, блистал вчера!
– Где же снег?
– Растаял с утра.
На земле этой, вечной почти,
пусть нас память хранит в пути.

2.

Сколь рассеянно Божество!
Узкогорлый кувшин его
нынче ночью, слегка наклонён,
пролил наземь молочный сон.
Утром солнце на небосклон
выйдет. Снег заискрится – он
жгучих лучиков жадный взгляд
нежной кожей приветствовать рад.

А потом этот сумасброд
Солнце, что растопило лёд,
возблагодарит. И умрёт.
На земле, равнодушной почти,
лишь любовь способна спасти.

МАТЕРИНСКИЙ ЧАЙ

Зимовье наше одиноко стынет.
Там жёлтый чай заваривает мать.
И вдруг она подумает о сыне:
Когда приедет – как его принять?

Налить мне чаю, чтоб взбодрить с дороги,
Поставить чашу в дор, прибрать жильё,
Где буду я сидеть, скрестивши ноги,
Где степенно пригублю её.

Но далеко сейчас твой сын беспечный –
Твои мечты увянут вновь и вновь.
А грусть по сыну остаётся вечной...
Но я приду к тебе, моя любовь!

Да, всё же к этой юрте на поляне
Я прилечу, а ты меня встречай...
Не ошибётся сердце в ожиданье,
И будет свежим и горячим чай.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У первого месяца осени медлю.
Деревья как будто окрашены медью...
Вернулся я снова в родной Торгалык.
Село растянулось за быстрой рекою.
Вокруг него – горы на страже покоя.
А имя села – словно лебеда клик.

От лиственниц красных, нависших шатрами,
Златое сиянье идёт вечерами.

Берёзки с черёмухой – нежность и стать.
Их листья латунные в небе кружатся,
На тропку, бегущую к речке, ложатся –
Должно быть, им тягостно в небе летать.

Мосток деревянный... И, на воду глядя,
Я вижу лицо дорогое на глади –
Лицо моей мамы рисует вода.
Но только её вихревое движенье
Уносит любимое отраженье...
Клубясь облаками, промчались года.

Иду, а из школы торопятся дети.
Вот мальчик, шагающий в солнечном свете,
Я вздрогнул: подумалось мне, это – я...
Вдоль быстрой реки босиком пробегая,
Шепчу я: «Моя сторона дорогая,
Здесь род мой, исток мой, дорога моя».

Не раз мальчишкой склонюсь над тобою –
Над вечной землёй и водой голубою,
Любовь с благодарностью в сердце храня.
Я сам возвратился сейчас не к тебе ли?
И сына привёл я к своей колыбели.
Уйду я, но сын мой заменит меня.

* * *

Вола забивали.
Свалили его. Связали.
И каркали вороны в кронах
Дерев краснокорых.

И чистили клювы о шкуру
Дерев краснокорых.
Как жилы надулись!

Он тужился, но не боролся.
Уже не боролся.
Лишь в оке огромном
Испуг растекался,
Мольба пламенела.

Потом на снегу алым жаром
Круг растекался.
Казалось, что ширится око вола,
Зрачок оплывает
Тёмным,
тёплым омутом боли –

Боли прощенья...

ХРОМОЕ СЧАСТЬЕ

Юноша бродит далече,
Рыщет по следу судьбы.
Счастье хромое навстречу,
Шепчет едва: «Пособи».

Юноша рад. Ниоткуда –
Счастье! Пути посреди!
Как лежебоке-верблюду
Полюшко-перекати
Прям-таки в рот угодило...

Счастье, что было без сил
И о себе позабыло,
На спину он взгромоздил.

Шёл среди мрака-тумана,
Волю и силу избыл,
Засомневался... И рано
Веру утратил и пыл.

Ношу в тумане оставил,
Ношу во мрак опустил.
Душу нужды не избавил –
Пуще ещё загрустил.
Долго далече скитался...
Снова средь мрака того
Счастье вернуть он собрался.
Нету. Забрали его.

* * *

Как на рога оленя спящего
Присела птаха звонкогруда,
Так среди морока кипящего
Мы вдруг увидели друг друга.

Твои глаза смотрели пристально.
Во мне и кровь, и время стало.
Сиянье нас постигшей истины
Слепящий снег напоминало.

Когда вернусь, средь чащи радостной
Твои следы укроет настом.
Побывать бы для тебя лишь ладанкой,
Но не колодой, не балластом.

Найдётся ли счастливец-баловень,
Что будет жить в снегов сиянье?
Едва шепчу, зову губами я
Тебя сквозь время-расстоянье.

Моя мечта – сосна прощальная –
Всё машет сиротливой веткой,
Она стоит, стоит в очах твоих,
Уж ей ни тёмною, ни светлой
Слезой не вытечь...

* * *

Тень белого беркута средь голубого простора
Парит и красоты с величием смыкает.
О, духа высоты, цари-Гималаи, где Рериха взоры
Весь мир поместили меж льдами и облаками.

До Лхасы пятьсот перевалов, трудны дороги
В святую страну. Труден путь вознесенья.
У этих полотен сердце просит о Боге.
А горы напомнят о вечности и воскресенье.

В желанье постичь высоту есть ли пределы?
В чём магия сур и нетленный дух псалмопевца?
Тропой в небеса пройдя, будете ль целы?
Уйдя – не вернуться, узрев – уже некуда деться.

Так мнилось мне у гор Рериха-старца.
И древний зов я слышал родов-поколений.
И ясный луч – добра и лада константа –
Как благословение для иных восхождений.

ТРЁХСТИШИЯ

* * *

На стойбище ночь.
Темно. Тревожно. Пусто.
Собаки молчат.

* * *

Замело дорогу в зимовье.
Когда же кто приедет
Навестить стариков?

* * *

Крик улетающей стаи.
Так прощаются,
Будто и не возвратятся.

* * *

Дороги заливаает дождь.
Опять Ли Бо не встретит Ду Фу
В эту позднюю осень.

* * *

На майском рассвете
Росинка скатилась с цветка.
Вздвогнув, проснулась степь.

ЮРТА

(Две элегии)

С женской грудью схожа:
В ней тепло материнства
И родства молоко.
Юрта помнит, как мать,
Первый топот младенческих
Слабеньких ножек,
Первых слов удивленье
И остриженный
Первый вихор.
У подножья хребта.
В карагановом плеске...
У реки ли, под звон
Переливчатых струй,
В белой юрте ждёт мама
От сына известий.
Ждёт, когда я приеду
И дверь отворю.

* * *

Юрты островок далёкий
В караганниковом плеске, –
Мир мой, радужный и детский,
Посреди степи широкой.
Он мне виден отовсюду.
От него веду кочевье
К далям горным,
К звёздным высям,
К светлым сумеркам вечерним.
В светлых сумерках вечерних
Вижу юрты отраженье.
Детских снов летят качели –
Взрослой жизни наважденье.

СЛОВО

Плоть живую сотворившего, дыханье давшего,
Время сжавшего, пространство развернувшего,
Прежде – бывшего
И после – будущего,
Святого Слова невечный паломник я,
Ничтожный, почти неуместный.
Исчезновение – вот мой удел,
Лёгкий, как капля, упавшая неминуемо.
Покорно судьбе,
Оплакав полёт свой недолгий,
Величие Слова принять,
Смириться и раствориться;
Щурюсь от гордости, слова расставляя –
И в этот момент осекаюсь, склоняю голову.
Так искра в ночи, увидев зарю на востоке,
Мигает и гаснет.

ОСЕННЕЕ...

Я срывал тебе поздние капли черёмухи
на берегу великого Кема¹,
морозом побитые, но ещё ничего.
Грусть-печаль отражалась в их бусинках
молчаливых, полуслепых
при виде двоих, обнимавшихся
при виде стремительной шуги.
Беспечный их смех,
отразившись от гор, возвращался.
Я был неловок, огнём занимаясь
(ровно горим мы лишь в одиночестве
или пожаром объятые оба),
бросая в костёр щепки слов.
Не замечая: и страсти мои отсырели,
долго будут трещать и чадить,
целовать мучительными языками.

¹ Кем – древнее название Улуг-Хема, Енисея.

Аал, вскормивший отцов
Широкой Азией-грудью,
Скрепивший весь род сетями морщин,
Ещё ребёнку стелет под ноги дорогу, –
Чтобы жить кочевьем – мечтою,
Непокойной, неуловимой.

* * *

Милый друг, навек пропавший
Там, где нет ни дня, ни ночи,
Видишь ли меня, уставшего,
Взглядом истинным, пророческим?

Там, где вечно и увечно,
Где страшнее, чем в мечтаньях,
Выдашь ли ты мне, беспечному,
Слово-меч и слово-тайну?

* * *

Облысели копыта. Иноходь сбилась.
Сердце моё на скаку захромало.
Где найти такие подковы,
Чтобы его подковать?

* * *

Ждать не дожидаться дня,
Когда молоденький-молоденький шет²
Станет лиственницей исполинской...
Пощади меня, свет.
Лиственница, тенью укрой меня.

* * *

Пытаемся жить.
И ещё раз пытаемся жить.
И ещё раз...
С первой попытки
Смерть обрезает нить.

* * *

Окоём –
Это горы, горы и горы мои...
Весь к ним устремлён и весь –
На вершине неразделённой любви,
Где цветёт эдельвейс.

* * *

Почему это ветер полночный
Не отпускает нас до утра?
Нас, непутёвых,
До костей пробирает.
Что о любви и разлуке знает?

* * *

Люди и лошади схожи.
Табуну ли, толпе ли – нужен вожак.
Покорны все,
Один растревожен.
Горы зовут так.

С синего цвета

– Николай Шагдыр-оолович, что должно быть в стихотворении такого, чтобы вы сказали себе: вот это я обязательно должен перевести на тувинский язык?

– Оно должно найти отклик в душе: зацепить своей красотой. Как, например, «Синий цвет» грузинского поэта девятнадцатого века Николоза Бараташвили:

*Цвет небесный, синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.*

Мне было семнадцать, когда прочёл эти строки в переводе Бориса Пастернака, и они так поразили, что засел за свой первый перевод. Конечно, он был несовершеннолетний, и уже в зрелом возрасте его доработал.

– Что ещё из мировых шедевров?

– Александра Пушкина, Сергея Есенина, Александра Блока, Бориса Пастернака, Рабиндраната Тагора, Омара Хайяма, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова.

К некоторым сложным вещам даже притрагиваться страшно: как бы не испортить. Например, у Бориса Пастернака. Юрия Кузнецова также переводить непросто, потому что у него всё замешано на символах, мифологии. Есть образы, которым просто невозможно найти тувинский аналог. Поэтому, когда его переводил, выбирал более простые произведения.

Отважился перевести семь рассказов японского классика Рюноске Акутагавы. Перевёл несколько стихов шестого Далай-ламы, стихи про юрту китайского поэта восьмого – девятого веков Бо Цзюйи.

Кстати, знаете, как обстояло дело с поэзией в Древнем Китае? Каждый чиновники обязан был знать свою классическую поэзию. На экзамене их в первую очередь об этом спрашивали. Не знаешь – не получаешь должность. Вот бы и у нас такое требование ввели.

Поэтические тонкости

– Где профессионально осваивали тонкости поэзии и литературного перевода?

– В Литературном институте имени Горького. Заочно окончил его, выпускник 1991 года. Попал на семинар поэзии, который вёл поэт, фронтовик Николай Константинович Старшинов. В нашей интернациональной группе были уже вполне сложившиеся поэты: Александр Макаров, Иван Атанасов, Анна Истомина, Шамиль Гад-

жиев. Мы, сокурсники, часто переводили стихи друг друга на свои языки. Наш педагог Николай Старшинов блестяще владел мастерством поэтического перевода, горжусь тем, что в числе его работ есть и моё стихотворение «Материнский чай».

Общение и личный контакт – очень важны для творческих людей. В этом плане мне очень много дало и участие в советское время в двенадцатом Всесоюзном фестивале молодой поэзии, он проходил на Украине, в городе Львове, потом – в восьмом Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. Так что в то время активно переводил своих друзей-поэтов: алтайцев, казахов, киргизов, хакасов, украинцев, армян, болгар.

Идеально, конечно, когда переводчик знает язык оригинала. Но существует ещё одна система – перевод с подстрочника. Она была очень распространена в Советском Союзе, да и сейчас активно используется. Допустим, армянский поэт сам или кто-нибудь, знающий язык, переводит стихотворение на русский – дословно, передавая только смысл. А литературный переводчик делает главное: придаёт ему художественную форму, превращая прозаические строчки в поэтические. А для этого надо обладать талантом.

Некоторые переводят очень строго, сохраняя все особенности, например, систему рифмовки. Но при переводе на тувинский этого невозможно добиться, потому что в русском языке рифмуются конечные слова строчек, а в тувинском – анафора, аналог рифмы в начале строк.

В таком случае надо ли строго переводить? Я считаю, что не обязательно. А вот писатель Эдуард Мижит, давший новое развитие тувинской поэзии, строго за этим следит. У каждого – свой подход.

– *Сколько времени вы трудитесь над переводами?*

– Со стихотворением можно и за один день управиться, хотя к работе над некоторыми возвращаюсь по несколько раз – совершенствую. Над крупными прозаическими произведениями работаю месяцами. Недавно закончил перевод повести Чингиза Айтматова «Тополёк мой в красной косынке», семь месяцев над ним трудился, и считаю, что это довольно быстро.

– *Какое время года наиболее урожайное для вас в творческом плане?*

– Осень. И отпуск, чтобы плотно поработать, всегда беру именно в это время года. В летнюю жару и зимние холода творить сложно. Люблю писать по утрам.

Большие надежды

– *Молодое поколение литераторов, пишущих на тувинском языке, существует?*

– Не такое массовое, как в советское время, но оно есть. И это радует, есть смена. Например, Шончалай Мааты-оол, ей сейчас тридцать три года, одарённая поэтесса. Она начала писать ещё в студен-

ческие годы на филфаке Тувинского государственного университета. Выпустила книгу стихов «Хулумзуруг» – «Улыбка». Печаталась в переводах в издаваемом в Новосибирске старейшем литературно-художественном журнале страны «Сибирские огни».

Салим Монгуш – очень серьёзно работающий со словом человек. Среди его переводов на тувинский – пьесы Бертольда Брехта, Ричарда Баэра, Николая Эрдмана. И сам заявил о себе как о драматурге. В прошлом году в Национальном музыкально-драматическом театре с большим успехом прошёл спектакль по его пьесе «Дуруялар» – «Журавли», посвящённый тувинским добровольцам. Правда, стихи мало пишет, но зато хорошо. У Салима очень высокая планка качества.

Большие надежды подавали и другие, но надеждами всё и ограничилось.

– Беспокоит ли вас то, что сегодня наша страна утратила статус самой читающей в мире?

– Грустно, но это действительно так. Это видно и по тиражам нашего издательства, максимум – тысяча экземпляров одной книги, и по результатам продаж.

Годы литературы, объявленные в Туве в 2012 году, а в целом по России – в прошлом, скорее указали на наличие проблемы с чтением и в самой литературе, чем полностью их решили.

Уступит ли бумажная книга своё место электронной? Найдёт ли она свою нишу, или нам, книгоиздателям, тоже придётся перейти за своим читателем в интернет? А книги, как утверждают скептики, станут коллекционными изданиями для избранных? Вопросы остались без ответа.

И всё же я думаю, что в обществе всегда будет определённый круг томимых духовной жадой людей, тот самый тонкий, но основополагающий культурный слой, для которого бумажные книги с завораживающим шелестом страниц останутся той важной составляющей, без которой немислима полноценная жизнь.

– Вы такой человек?

– Да. Человек мира книг.

Начал с Евангелия от Луки

– Николай Шагдыр-оолович, какой из ваших переводов произведений мировой литературы на тувинский язык вы считаете особенно значимым?

– Перевод Библии. Он занимает особое место в моей жизни и по продолжительности, и по значимости.

Считаю, что осуществление этого проекта важно не только для верующих христиан, но и для всего тувинского общества в целом. Потому что Библия – одна из великих книг в истории человечества. Это не просто религиозное произведение, а факт мировой культуры. Всё западноевропейское искусство держится на библейских сюжетах.

Теперь тувинцы – один из редких народов Земли, который имеет не выборочный, а полный перевод этой священной книги, обе её части – Ветхий Завет и Новый Завет. «Ыдыктыг Библия» – так звучит её название на тувинском языке. Дословный перевод – «Священная Книга».

Взяться за этот перевод для меня было и огромной ответственностью, и большой честью. И я не жалею, что потратил на этот труд двадцать лет жизни.

– С чего начался этот двадцатилетний труд?

– С Евангелия от Луки, я засел за него в декабре 1989 года, вскоре после того, как мне предложили стать переводчиком Библии.

– От кого поступило это предложение?

– От братьев Ивана и Ильи Осельских из Института перевода Библии, который находился тогда в Швеции, а сейчас базируется в Москве, в помещении Андреевского мужского монастыря. Институт занимается переводом библейских текстов на языки народов России и соседних стран.

Это некоммерческое учреждение, финансируемое целиком и полностью за счёт пожертвований христиан со всего мира. За счёт этих добровольных пожертвований оплачивается работа переводчиков, консультантов, редакторов, типографские расходы на выход в свет тиража.

– Почему именно к вам обратились с просьбой о переводе?

– Я был не первый, к кому обращались представители института. Местные баптисты пробовали привлечь к переводу рок-музыканта и барда Александра Саржат-оола и других новообращённых христиан-тувинцев. Но они тогда сидели в колонии, поэтому возможностей с ними работать было мало: они не могли пользоваться специальной литературой, богословских консультантов к ним не пускали. На этом дело и заглохло.

Предлагали стать переводчиком Библии писателю Юрию Шойдаковичу Кюнзегешу, имя которого носит наше Тувинское книжное издательство, но он отказался, сославшись на возраст. Писатель Монгуш Борахович Кенин-Лопсан как представитель шаманизма тоже не взялся за это дело и посоветовал обратиться ко мне.

Недолго думая, решил попробовать. Осельские сразу предупредили, что предстоит очень тяжёлый и продолжительный труд. Но я даже представить себе не мог, насколько ответственным, долгим и сложным он окажется.

От Нового Завета – к Ветхому

– Изначально Ветхий Завет написан на древнееврейском языке, а Новый Завет – на древнегреческом и частично на арамейском. Вы с какого языка переводили на тувинский?

– У меня были богословский редактор и консультант, которые владели этими древними языками. Я же пользовался русскими пе-

реводами Библии, которые прибавлялись по ходу работы, и всей справочной литературой на русском языке – библейскими и толковыми словарями.

Это был большой коллективный труд. Филологический редактор следил за стилистикой переведённого, апробатор читал текст носителям языка, проверяя, понятен ли им смысл перевода. Готовый вариант давали оценить авторитетным знатокам языка и литературы.

Вначале были сложности с кадрами. Первые богословские редакторы, христиане из Сибири, сами не очень ясно представляли данный процесс. Требовали точный перевод каждого русского слова, не понимая, что такой подстрочный перевод – только основа для полноценного художественного.

Тогда я сказал, что так не смогу и не буду работать. После этого появились уже более качественные редакторы.

Начали мы с Нового Завета.

– Почему, ведь логичнее было бы начать с Ветхого?

– Потому что первоначально перевод Ветхого Завета не планировался. Оказывается, есть специальные нормативы. Если носителей языка менее пятисот тысяч, то на их язык переводится только Новый Завет. Но поскольку перевод Нового Завета у нас пошёл очень хорошо и это был его полный перевод, то для тувинцев руководство Института перевода Библии сделало исключение и дало согласие на перевод и Ветхого Завета.

На Новый Завет десять лет работы ушло, и это полностью мой перевод. А Ветхий Завет мы переводили уже втроём, к работе подключились писатели Эдуард Мижит и Мария Кужугет. По размеру Ветхий Завет в три раза больше, чем Новый, но времени на него ушло столько же, потому что был уже наработанный опыт.

Но самое главное, у нас появился очень хороший богословский редактор Виталий Юрьевич Войнов. Он специально приехал в Туву, чтобы координировать тувинский проект по переводу Библии, и жил в Кызыле с 1999 по 2007 год. Здесь женился на русской девушке Оксане, здесь у них в 2000 году первенец Натанаил родился, а затем – ещё трое сыновей.

Виталий – филолог, хороший лингвист. Он выучил тувинский и, хотя говорил на нём не идеально, теорию языка знал ничуть не хуже наших учёных. Он также редактировал переводы библейских текстов на гагаузский язык. А сейчас возглавляет Институт перевода Библии: с октября 2013 года – его директор.

Именно Войнов заставил нас напряжённо работать, задавая высокий темп. В 2010 году книга была сдана в печать, а в 2011 году вышла в свет.

В истории Института перевода Библии тувинский проект стал первым, который был полностью завершён в нашей стране. До этого во всей России были только две полные Библии: на русском и чувашском языках.

Официальную презентацию приурочили к визиту в Туву Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. 31 августа 2011 года он освятил в Кызыле новый православный собор и сказал добрые слова о переводе Библии на тувинский язык, а 1 сентября в Национальном музее состоялась его официальная презентация. На ней присутствовали представители духовенства, Института перевода Библии, наши учёные, и, конечно же, мы – переводческая группа.

Трудности толкования

– Когда вы согласились взяться за перевод Библии, имели ли вы представление о ней?

– Представление как о книге огромной культурной значимости, конечно, имел, и даже держал в руках. В 1985 году в Москве писатель Виктор Зуев показал мне Библию. Но полностью не читал, только переводы некоторых Евангелий на современный русский язык, которые печатались в журнале «Литературная учёба».

Скрупулёзно вчитываться и вникать в смысл каждого слова стал, только приступив к переводу.

– В чём были основные сложности перевода Библии?

– Самая главная трудность связана со смыслом. Всё-таки гораздо легче художественную литературу переводить, там всё чётко видно.

А изначальный смысл Библии остаётся недоступным, потому что первые её переводы были сделаны с древних языков, значение некоторых слов сами переводчики иногда не понимали. До сих пор некоторые моменты в Библии являются спорными.

С перевода переводить всегда сложно. А тут их несколько. Сравниваешь, а в них и смысл, и стилистика отличаются. Сидишь над ними и мучительно думаешь, как лучше перевести на тувинский. Лезешь в справочники, толковники, советуешься с консультантами.

Работать не самостоятельно, а в группе, с одной стороны, легче – чувствуешь поддержку коллег, а с другой – сложнее. Потому что богословский редактор требует изменить одно, консультант – второе, а филологический редактор – третье. Местные христиане тоже читали и давали свои советы. В результате получился компромиссный вариант.

– С каким из Заветов было сложнее работать: с Новым или Ветхим?

– И там, и там сложностей хватало. Но больше трудностей с толкованием было всё-таки с Ветхим, так как это более древняя книга. Новый Завет был более ясен для меня.

– Что вам было интереснее всего переводить?

– Как поэту – поэтические части, особенно – Песни Песней Соломона, Псалтырь – собрание псалмов, святых песнопений. Ещё пришлось по душе Книга Иова.

Были и довольно скучноватые моменты, например, «Числа».

– Довольны ли вы результатом своего труда?

– Точно скажу: все новейшие достижения переводческого ма-

стерства, искусства толкования Библии мы полностью использовали. И ощущение удовлетворённости трудом осталось.

Но и недостатки увидел. Когда книга вышла, стал её перечитывать и обнаружил места, где перевод можно было бы улучшить. У меня всегда так бывает, потому что критически отношусь к себе.

– *Сколько всего экземпляров Библии было издано?*

– Семь тысяч. Проект этот некоммерческий, поэтому их не продавали, а раздавали: в православную церковь, в баптистские христианские общины. В моём кабинете в Тувинском книжном издательстве осталась часть тиража, так что, если есть желающие, могут прийти и получить экземпляр.

Подарок к восьмидесятилетию Далай-ламы

– *Знаю, что, работая над Библией, вы одновременно перевели на тувинский язык и несколько книг буддийской тематики. Что послужило толчком к этому?*

– Приезд в Туву в сентябре 1992 года Далай-ламы четырнадцатого. Это было очень значимое событие, после которого люди начали активно интересоваться буддизмом, но при этом, как я заметил, плохо представляли себе, что это такое.

Решил начать с просвещения детей и перевёл для них «Жизнь Будды». Это была первая книга на религиозную тему, изданная нашим издательством. Она вышла тиражом в двадцать тысяч экземпляров. В 2010 году был ещё один перевод: «Будда. Истории перевождений. Джатаки».

Затем ныне покойный Камбы-лама Тувы Тензин Цултим предложил перевести книги Далай-ламы. Он рассказал, что был на приёме у Его Святейшества, и тот разрешил перевести столько его произведений, сколько сможем.

Меня заинтересовала книга «Искусство быть счастливым на работе». Это не религиозная книга в строгом смысле, а беседы для широкого круга читателей. Перевод закончил в 2011 году, но выпустить её в нашем издательстве не удалось. Нашлись спонсоры из верующих, и книга была издана тиражом в пятьсот экземпляров.

В 2014 году закончил перевод книги Далай-ламы «Буддийская практика. Путь к жизни, полной смысла». С ней было сложнее: там специальная терминология. Она была издана нашим издательством в 2015 году, получилось как подарок к восьмидесятилетию Его Святейшества.

Совсем недавно перевёл книгу его матери «Мой сын Далай-лама». Очень познавательная вещь, ждёт своего часа, чтобы быть изданной.

– *Буддийские переводы, как и в случае с Библией, делали не с языка первоисточника, а с переводов на русский язык?*

– Да, конечно, перевожу на тувинский с русского – перевод с перевода.

Все мои стихи о матери посвящены бабушке

– Мне думается, что перевести религиозную книгу может только тот, кто принял её близко к сердцу. Это так?

– Так понимаю, что вы деликатно спрашиваете о моём вероисповедании: христианин или буддист? Ни тот, ни другой.

Мы ведь в многонациональном обществе живём, и для меня переводы духовной литературы важны как один из важнейших способов налаживания контактов между людьми, общения культур.

Конечно, понимаю, что все буддисты не кинутся читать перевод Библии, но кто-то всё-таки заинтересуется и будет знать основы христианства и русской культуры, основанной на православии. Так же и с тувинцами-христианами, они смогут читать на родном языке про основы буддизма. Я же исповедую другую религию.

– Какую же?

– Тенгрианство – веру в синее небо. Это древняя религия всех кочевых народов, всех тюрков. К ней приобщила бабушка Долчун Одай-Сюрюновна Донгак, которая с детства учила меня молитвам, заговорам, общению с небесными божествами, учила самой жизни. Она каждый вечер обращалась к Девяти Небесам и Долаан Бургану – Большой Медведице, просила за своих детей и внуков.

– В каком районе Тувы прошло ваше детство?

– В Овюрском. Я в селе Торгалыг родился – 4 апреля 1958 года. Одно из первых воспоминаний детства: на зимовье в глубоком ущелье стоит наша юрта, лежу в ней и сквозь дымовое отверстие – хараача – вижу, как дед – Седип Базырович Серен-оол – пасёт овец на крутом склоне. А однажды весной на стойбище у речки Айлыгбай сильный ветер развалил нашу юрту, хараача сломалось, ынаа – стропила – попадали, и бабушка заслонила меня собой.

Бабушка была особым человеком. Все мои стихи о матери посвящены ей. Прожила восемьдесят три года, до последних дней сохраняла ясный ум и занималась домашними делами. Не училась, но была грамотной, учила меня латинизированному алфавиту, хотя знала и кириллицу. Она была мудрой, красноречивой, трудолюбивой, всегда открыто говорила то, что думает, её даже побаивались из-за этого.

Жалела, что родители отправили учиться в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока, старшего брата Калзана и одного из младших братьев – Бегзи, а её оставили дома и выдали замуж. «Если бы выучилась, у меня была бы совсем другая жизнь», – часто говорила она, и даже не посылала меня пасти овец, поощряя увлечение чтением, что в глазах других было признаком безделья.

Не случайно из её юрты вышли два брата-писателя: старший – Владимир Серен-оол и младший – я.

Писатели, вышедшие из овюрских юрт

– Владимир Седипович Серен-оол – заслуженный писатель Тувы, поэт, писатель и драматург, и переводчик. Почему же у вас, братьев, фамилии и отчества разные?

– Дело в том, что мы – приёмные сыновья деда и бабушки. Владимир – сын младшего брата бабушки Доржукая, а я – старший сын её дочери Дугдемы. Я, конечно, знал своих родителей, но называл их угбай и честей, то есть сестра и зять. Помню, они забрали меня к себе пятилетнего, но, как только к ним приехал дедушка, я так вцепился в него, что тому пришлось везти меня обратно.

До восьмого класса у меня была дедушкина фамилия – Серен-оол. Пришло время получать паспорт, и бабушка сказала, что должен взять фамилию родного отца, а то он обидится. Так я стал Кууларом.

Мой отец Шагдыр-оол Сюрюн-оолович Куулар и дед Сюрюн-оол Чамыянович Куулар были известными борцами. А родная мама Дугдемаа очень хорошо пела. У меня двое младших родных: сестра Лидия и брат Алдай.

Овюрский район богат на таланты. Оттуда родом классик тувинской литературы, народный писатель республики Степан Агбанович Сарыг-оол, дядя моей бабушки. В его «Повести о светлом мальчике» есть глава, где он рассказывает о родственниках своей матери. Там перечислены имена шаманов, сказителей, певиц, и среди них – имя моей прабабушки Мундургу.

Степан Сарыг-оол – старейшина овюрского писательского рода, из которого вышли Тюлюш Кызыл-оол, один из основоположников тувинского жанра сатиры и юмора, прозаик Эдуард Донгак, поэтесса и драматург Нина Серенот, поэт Сылдыс Донгак – его первая книга «Плачет ветерок в степи» вышла в 1998 году, и более сильного дебюта я с тех пор не встречал. Жаль, что эта первая книга стала и последней, почему-то он перестал писать.

Несостоявшийся инженер

– О чём было ваше первое стихотворение?

– О моей собаке Чурекпен, стихотворение назвал её именем. Вообще-то и до этого придумывал стихотворные строки, но не записывал, а просто развлекал ими своих друзей. А «Чурекпен» записал и рискнул отправить в газету «Тыванын аныяктары» – «Молодёжь Тувы», и его напечатали. Мне было тринадцать лет, и эта первая публикация так вдохновила, что стал писать стихи даже на уроках.

– Вместо того, чтобы слушать педагога, отвлекались на стихи, значит, плохо в школе учились?

– Отлично учился, в школьном аттестате – одни пятёрки. И каждый из педагогов Дус-Дагской средней школы предлагал посвятить свою жизнь именно его предмету. Учитель истории рекомендовал взяться за неё, математик советовал изучать точные науки, а препо-

даватель русского языка и литературы – поступать на филологический факультет Кызыльского педагогического института.

Я же никого не послушался и решил стать инженером. В 1975 году поступил в Томский политехнический институт, но уже на втором курсе хотел бросить учёбу, поняв, что это – не моё. Написал об этом домой, но в ответ пришло такое строгое письмо, что пришлось оканчивать институт.

И правильно сделал, что не бросил институт, потому что благодаря этому нашёл Марину – свою любовь.

– *Марина тоже в Томске высшее образование получала?*

– Нет, она училась в Ивановском текстильном институте. И вот что интересно: оба из Тувы, а познакомились в Новосибирске, где в 1979 году одновременно проходили институтские практики. А уже более серьёзные отношения продолжились в Кызыле. Поженились мы в 1981 году.

Марина долгое время проработала в системе объединения «Тувашвейбыт», была директором ателье «Довурзак». Преподавала в Тувинском государственном университете, выпустила учебное пособие по технологии швейных изделий. Сейчас она учитель технологии в третьей школе. Знаю, что она достигла бы большего, но ради моего творчества пожертвовала своей карьерой.

Марина Максимовна у меня просто замечательная. Она – самый любимый мой человек и самый надёжный тыл. Трёх сыновей мне подарила.

– *Сыновья тоже увлечены литературой?*

– Старший, Николай, одно время писал, и даже пытался поступать в Литературный институт, творческий конкурс прошёл, но дальше не получилось. Средний, Чингис, учится на последнем курсе Новосибирского государственного университета, специальность – программист, младший, Айдемир, – студент Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, будущий связист. Оба – технари.

У меня же с техникой дружбы не получилось. После института отработал обязательные три года в технико-экономическом бюро Министерства бытового обслуживания населения республики, и на этом моя инженерная карьера закончилась.

В 1984 году ушёл туда, куда тянуло – в работу со словом.

В мире книг нашёл своё предназначение

– *С чего началась ваша профессиональная работа со словом?*

– С должности корреспондента газеты «Шын» – «Правда». Но я недолго там проработал: писатель Эдуард Донгак – редактор художественной литературы Тувинского книжного издательства – предложил мне поработать на его должности. С радостью согласился.

Вместе с ним пошли к главному редактору Юрию Шойдаковичу Кюнзегешу, а затем к директору издательства Василию Бора-Хоое-

вичу Монгушу, они знали меня и были не против. Главный редактор газеты «Шын» Валерий Севильбаевич Шаравии, узнав об уходе, расстроился, но поддержал мой выбор.

В сентябре 1986 года начал работать в издательстве, а через полтора года стал его главным редактором вместо Кюнзегеша. Юрию Шойдаковичу тогда шестьдесят исполнилось, и его обязали выйти на пенсию.

Директором издательства тогда был уже Матпа Самбуевич Хо-мушку. Моя кандидатура была под вопросом, так как не был партийным. Тогда за этим в обкоме КПСС строго следили при назначении на руководящие должности. Но благодаря поддержке коллектива утвердили.

Именно здесь, в мире книг, я и нашёл своё предназначение. Дважды ненадолго уходил из издательства, но потом снова возвращался. Сколько же всего лет? Двадцать два года получается: сначала редактором, и главным редактором.

– *Вы строгий редактор?*

– Редактор и должен быть строгим, но в то же время расположенным к автору. Не беда, если есть отдельные шероховатости, недостаёт писательской техники, тут редактор точно может помочь. Но если нет дара, то лучше сразу сказать горькую правду.

Но даже опытные писатели не обязательно идут от успеха к успеху, бывают и провалы. Важно помочь им разобраться, в чём причина этого.

С авторами старался и стараюсь быть объективным, помогаю советами, и когда есть финансовая возможность, всегда рекомендую к публикации талантливые произведения.

– *Сколько ваших книг вышло в свет?*

– Семь поэтических сборников, первый из них – «Белый жеребёнок» – в 1984 году, три прозаических, а также две книги для детей. Все – на тувинском языке.

Антологии радужной и драгоценной Тувы

– *А сколько книг в год издаёт Тувинское книжное издательство?*

– В советские годы выпускалось до семидесяти в год; и вещи местных авторов, и лучшие отечественные, зарубежные произведения. И все они на прилавках магазинов не залёживались – книги тогда раскупались отлично, даже были в дефиците.

А начиная с 1991 года издаём всё меньше и меньше: настало время финансовых проблем, потом пришёл Интернет и отсек большую часть читателей бумажных книг: зачем покупать, если можно скачать любое произведение. Честно скажу: сегодня наши издания не окупаются.

Особенно сожалею о том, что в последнее время не издаём персональные сборники стихов: поэзия практически не раскупается. Это очень горько, приходится молча выслушивать претензии поэтов.

Но мы всё равно держимся. В 2015 году издали шестнадцать книг. Большая часть из них – благодаря финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям по программе «Культура России» на 2012–2018 годы».

Особо радуется, что при помощи этого финансирования удалось выпустить качественные, в твёрдом переплёте, с цветными иллюстрациями издания для детей: два тома – «Радужная моя Тува» и «Драгоценная моя Тува». Это антологии – собрания текстов разных авторов, и они публикуются на двух языках: русском и тувинском. Среди вошедших в них работ – произведения Степана Сарыг-оол, Леонида Чадамба, Монгуша Кенин-Лопсана, Юрия Кюнзегеша, Кызыл-Эника Кудажи, Экер-оола Кечил-оола, Кара-Куске Чооду.

«Радужная моя Тува» – антология поэзии для детей младшего возраста – избранные стихи тувинских писателей разных поколений. Составителем сборника был я. «Драгоценная моя Тува» – для детей постарше: это стихи и проза. Над этим сборником мы работали вдвоём с Владимиром Ховалыгом.

А вот «Крылатый дар души» на тувинском – это уже составленная мною антология рассказов наших писателей для взрослых, её удалось выпустить тоже при помощи программы «Культура России».

* * *

«Бабушка Тибета» рассказывает историю своей жизни – жизни матери Его Святейшества четырнадцатого Далай-ламы. Рассказ этой замечательной женщины богат историческими и культурными деталями, полон чарующих образов, воспоминаний и событий, о которых не смог бы поведать миру никто другой, кроме неё, матери Далай-ламы: «Сейчас, когда я пытаюсь вспоминать, жизнь моя представляется мне странной, почти нереальной. <...> Честно говоря, я не знаю точной даты своего рождения. Какое это имело для нас значение? Мы рождались, выросли, выходили замуж, рожали детей и умирали без всякой помпы. Мы проживали свою жизнь просто, считая, что люди просто живут и что жизнь – явление естественное.

Я родилась примерно в первом месяце года Быка (1901). Меня назвали Сонам Цомо. Имя, данное мне при рождении, относится к другой жизни. Большинство людей знают меня как Дики Церинг, но это не то имя, с которым я родилась. С тех пор как я переехала в Лхасу, я всегда пыталась быть Дики Церинг – со всеми общественными условностями и пользой, которые этому имени сопутствовали. Из-за ответственности, которую возлагало на меня моё новое положение, я постепенно перестала быть Сонам Цомо – простой девушкой с простой жизнью, единственной целью которой было стать хорошей хозяйкой дома и матерью. Я до сих пор испытываю огромную нежность к той юной девушке, которую заставила себя забыть.

Судьба и вера вели меня к моей невероятной миссии – стать матерью Далай-ламы...».

В своих увлекательных мемуарах Дики Церинг живо и искренне повествует об удивительных страницах своей жизни – проведённых в бедности юных годах, о традициях и ритуалах Древнего Тибета, о своих оставшихся в живых семерых детях. Она с нежностью вспоминает монахов, приехавших в их маленький городок в поисках нового Далай-ламы, трудное путешествие всей семьи в Лхасу как раз перед началом китайской оккупации Тибета, их жизнь в Лхасе, побег в Индию и чудесное спасение.

Рассказ матери переведён на тувинский язык народным писателем Тувы Николаем Кууларом.

Самобытное слово тувинцев

Пожалуй, из литератур народов Сибири русский читатель меньше всего знает тувинскую словесность. А она глубоко самобытна, в ней пересеклись традиции Дальнего Востока, ламаистской Монголии и Китая. Тувинский героический эпос, сохранившийся в живой традиции до XX века, оригинален, но, к сожалению, всё ещё мало изучен. Это вполне объяснимо: Тува вошла в состав СССР сравнительно недавно, знатоков её языка мало. Тувинские поэты много переводят (и среди них выделяется Николай Куулар), а вот встречная работа с русской стороны – это ещё впереди. Обнадёживает план издать многотомный свод фольклора народов Сибири. С опозданием, по меньшей мере, на целый век взялись за эту работу. А ведь это почва самобытной литературы Сибири. Когда-то Г. Н. Потанин сказал, что без изучения наследия «инородцев» (так тогда называли аборигенов) не может появиться оригинальная сибирская литература. Она может отличаться тематически (местным колоритом и то чуть-чуть), но не картиной мира. В этом смысле самобытная словесность Сибири только начинается.

Тувинцы не относятся к числу бесписьменных народов. Письменность пришла в Туву вместе с северным буддизмом – ламаизмом. Сохранились книги на монгольском, тибетском и маньчжурском языках XVII–XX веков: 108 томов свода «Ганджур», 220 томов свода «Данджур», «Алмазная сутра», «Золотой блеск» и другие. Это сочинения религиозного и астрологического содержания, а светской литературы не было, и в XX веке пришлось создавать почти с нуля, с опорой на далёкую русско-европейскую традицию.

Предания были для народа хранилищем национально-исторической памяти. Фольклорные запасы, бережно хранимые тувинцами, в советское время почти не были востребованы. Богатейший фольклор – легенды, сказки, песни, пословицы и загадки – попросту был недоступен русским читателям из-за незнания языка. Преобладают героические сказания и сказки о животных.

Н. Куулар, писатель нового поколения, широко использует и героический эпос, и народные лирические песни. Особо чтимо тувинцами горловое пение (хоомей), в котором различают несколько разновидностей. Это влияет и на колорит литературной лирики.

Ламаизм, ставший официальной религией тувинцев, вытеснил традиционные культы – тенгрианство, шаманизм, оставившие большой след в фольклоре. В Туве шаманы камлали только после захода солнца. На народные песни они оказали минимальное влияние. В лирике Куулара чувствуется влияние русской поэзии больше, чем в его прозе. Она-то вся строится как сотворчество с народно-легендарной традицией, как её завершение и переосмысление.

«Ветер времени» сказывается в небывалом интересе к национальному преданию. Началось это в «оттепельные» годы, когда стали подвергать сомнению разрушительный лозунг: «ускоренное развитие бесписьменных литератур». Опыт ушедших поколений предстал как руководство к выживанию, как бесценная, ничем не заменимая мудрость.

Народ-изолят вступил в общение с многими культурами, оказался в зоне экологического кризиса. И в новом свете предстала проблема выживания народа – сохранение его наследия, национального образа мира. В этом отношении заслуга поэта-переводчика Николая Куулара велика.

А. Кержак

Том 13. Содержание

Салчак ТÓКА

Слово арата. Роман 6

Георгий Ломидзе.

Художественная история народа 326

А. Каргин. Основоположник советской
тувинской литературы 328

Николай КУУЛАР

В стране Тана-Херела. Путешествия в прошлое 332

Свидание после охоты. Рассказ 362

Небесный табун. Стихотворения 374

Беседы, интервью 387

А. Кержак. Самобытное слово тувинцев 400

Содержание серии

- Том 1.** *Георгий Дмитриевич Гребенчиков (1883–1964).* Выдающийся прозаик Сибири. В серии опубликованы: «Былина о Микуле Буяновиче», «Ханство Батырбека», «На Иртыше», «Любава», «Волчья жизнь». Русский, Томск.
- Том 2.** *Николай Георгиевич Доможяков (1916–1976).* Поэт и прозаик, автор первого романа на хакасском языке. В серии опубликованы: роман «В далёком аале», стихотворения. Хакасия.
- Софрон Сергеевич Тотыш (1907–1980).* Шорский писатель. В серии опубликованы: «Сказки Шапкайя», «Записки молодого кама». Горная Шория.
- Том 3.** *Григорий Гибивич Ходжер (1929–2006).* Нанайский писатель. В серии опубликован роман «Амур широкий». Нанайский район Хабаровского края.
- Том 4.** *Ким Николаевич Балков (1937–1920).* Народный писатель Бурятии. В серии опубликованы: степная поэма «Проклятие Баальбека», романы «Берег времени», «Будда», рассказ «Балалайка».
- Том 5.** *Юрий Сергеевич Рытхэу (1930–2008).* Первый писатель Чукотки. В серии опубликованы: повести «Когда киты уходят», «След россомахи», «Под сенью волшебной горы».
- Том 6.** *Семён Николаевич Курёлов (1935–1980).* Первый юкагирский писатель. Опубликованный в серии роман «Ханидо и Халерха» переведён на европейские языки. Якутия.
- Том 7.** *Владимир Михайлович Санги (1935 г. р.)* Первый писатель из нивхов. В серии опубликованы: роман «Женитьба Кевонгов», повести и рассказы «Ложный гон», «Легенды Ых-мифа», «Семипёрая птица». Сахалин.
- Том 8.** *Юван Николаевич Шесталов (1937–2011).* Основоположник письменной литературы народа манси. В серии опубликованы повести: «Тайна Сорни-най», «Когда качало меня солнце», «Синий ветер каслания». Ханты-Мансийский округ.
- Том 9.** *Дибаш Берукович Каинчин (1938–2012).* Народный писатель Республики Алтай. В серии опубликованы: повести «С того берега», «Голова жеребца», «Абайым и Гнедко», «Крик с вершины», «Его земля», рассказы разных лет.
- Том 10.** *Еремей Данилович Айпин (1948 г. р.)* Один из самых значительных писателей российского Севера. В серии опубликованы романы: «Ханты, или Звезда Утренней Зари», «Божья мать в кровавых снегах». Ханты-Мансийский округ.
- Том 11.** *Софрон Петрович Данилов (1922–1993).* Народный писатель Якутии. Публикуется роман «Красавица Амга».
- Том 12.** *Роман Харисович Солнцев (1939–2007).* Писатель, поэт, драматург, критик. Родился в селе Кузкеево Татарской АССР. В серии публикуются стихи разных лет, повести «Год провокаций», «Поперека», «Иностранцы». Красноярск.
- Том 13.** *Салчак Калбак-Хорёкович Тёка (1901–1973).* Тувинский писатель. В серии опубликована трилогия «Слово арата». Республика Тыва.
- Куулар Николай Шагдыр-оолович (1958 г. р.)* Современный писатель Тувы. В серии опубликованы: рассказы «Свидание после охоты», «В стране Тана-Херела», стихотворения. Республика Тыва.
- Том 14.** *Анна Павловна Неркаги (1952 г. р.)* Родилась в горах Полярного Урала в семье ненца-оленовода. В серии опубликованы повести: «Анико из рода Ного», «Белый ягель», «Илир», «Молчащий». Ямало-Ненецкий округ.

Библиотека народов Сибири

Том 13

Салчак Калбак-Хорекович Тока
Куулар Николай Шагдыр-оолович

Избранное

Литературно-художественное издание

Автор идеи, разработчик проекта

Г. К. Скарлыгин

Разработчик проекта,
редактор книжной серии

Д. В. Барчук

Редактор-составитель

А. П. Казаркин

Технический редактор

О. В. Карташов

Корректор

И. А. Сердюк

Данное издание рекомендовано
для учащихся старших классов общеобразовательных школ,
колледжей, для студентов высших учебных заведений,
а также для широкого круга читателей, интересующихся
современной сибирской литературой.

Издание Томской писательской организации.

Заказ № 029. Тираж 650 экз.

Подписано в печать 16.05.2022 г. Печать офсетная.

Формат 140x240 мм. Гарнитура Cambria.

Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом «Д-Принт»,
г. Томск, ул. Герцена, 72 б. Тел. (3822) 52-20-99

Электронная почта: dp@rde.ru